

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 3 / 2017
МАЙ – ИЮНЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
департамента культуры
и национальной политики
Кемеровской области

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА,
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40.
Тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

СОЮЗУ ПИСТАЛЕЙ КУЗБАССА – 55 ЛЕТ

Борис Бурмистров. «Растут поэты на Руси» 3

ПОЭЗИЯ

Надежда Мирошниченко. Продолжаю научать 4
Александр Раевский. Открытка 40
Борис Бурмистров. Сколько нежности в русском народе 47
Кристина Кармалита. Уносят дни настенные часы 58
Владимир Еранов. Снег идёт – как к себе домой! 74
Тамара Сагатова. Ангел над городом 89

ПРОЗА

Владимир Максимов. Живая душа 7
Любовь Арбачакова. По мотивам шорского фольклора 42
Светлана Макарова-Гриценко. Два рассказа 49
Эльрида Морозова. Аванс. Рассказ 60
Николай Богормистов. Оха и Тимофей. Рассказ 68
Леонид Баженов. Рассказы 76
Сергей Уткин. Прозаические миниатюры 84

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Арнаутов. Нам – 55! 91
Пётр Ткаченко. Что было впереди? 100
Игорь Мангазеев, Елена Тихонова. Ленком Кузбасса: ступени восхождения 106

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Евгений Чириков. Писатель любви и труда (к 80-летию со дня рождения Виктора Чугунова). Литературно-критическое эссе 114

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

О. Дионисий (Злобин). После встречи в Кремле (Главы из романа «На реках вавилонских») 119

КНИГА ПАМЯТИ

Александр Шураев. Отчий дом на Орловской земле 128

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Марина Фёдорова, Юрий Климанов, Виктор Шагиахметов, Анастасия Кондрина, Михаил Рантович, Агата Черепанова. Стихи 136

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Виктор Арнаутов. Пхукет – остров спасённый 139

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Виктор Чурилов. Очеловеченная природа 153

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Мария Заболоцкая. Пращуры из Украины, Польши и Беларуси – переселенцы Сибири. Отрывки из книги «Дневник народной певицы» 157

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валерий Плющев. Победное завершение Второй мировой войны. Мысли и факты по поводу альманаха «Победа над Японией» 161
Дмитрий Мурзин. Молодой шахтёр 165
Нина Инякина. Отклик на книгу Василия Феданова «Пасутся голуби в траве» 166

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Л. Н. Виноградова. «Весна в Притомье» 167

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника 168

Поэту Арсению Александровичу Тарковскому – 110 лет

(1907–1989)

ПЕРВЫЕ СВИДАНИЯ

*Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.*

*Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И просыпаясь, «Будь благословенна!» –
Я говорил и знал, что дерзновенно
Моё благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевой тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.*

*А в хрустале пульсировали реки,
Дымилась горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони*

*Хрустальную, и ты спала на троне,
И – боже правый! – ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово «ты» раскрыло
Свой новый смысл и означало «царь».*

*На свете всё преобразилось, даже
Простые вещи: таз, кувшин, когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твёрдая вода.*

*Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...*

*Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.*
1962

«РАСТУТ ПОЭТЫ НА РУСИ»

Когда задумываешься о времени, о событиях, происходящих в нашей жизни, в жизни целой страны, вспоминаешь строки поэта: «Времена не выбирают...»

Да, действительно, каждому поколению выпадает и счастливое, и горестное время.

Союзу писателей Кузбасса – 55 лет.

Какие годы прожиты: и светлые, и омрачённые распадом великого государства. Годы духовного подъёма и годы безумия, падения в пучину страстей и невежества. Но мы сумели сохранить самое главное – Слово. Слово, создающее и сохраняющее любовь и доброту человеческую. Откройте любую книгу, изданную профессиональными писателями Кузбасса, и вы убедитесь в этом.

А начиналось всё в далёкие послевоенные годы. Вернулись победители той страшной войны, вернулись молодые по возрасту и зрелые по жизни. Они повидали ад кромешный, и поэтому им так хотелось светлой жизни и для себя, и для окружающего их мира. И они несли этот свет в своих произведениях, книгах.

Первые всегда останутся первыми: Е. С. Буравлёв, А. Н. Волошин, Г. М. Молостнов, Г. Г. Генке, Т. Ян, М. А. Небогатов...

Поколение за поколением вырастала и крепла писательская рать. Время было для творчества благодатное, несмотря на житейские и бытовые трудности. Народ тянулся к искусству, литературе. Нам, детям послевоенного времени, мамы читали книги в морозные сибирские вечера. И через книги мы познавали мир... А позже писательские встречи в аудиториях были настоящими праздниками.

Все эти годы мы старались сохранить преемственность поколений. Много прекрасных поэтов и прозаиков появилось на земле Кузнецкой: В. Мазаев, Г. Емельянов, Г. Немченко, Л. Скорик, Г. Юров, И. Киселёв, Н. Колмогоров, Л. Никонова, В. Крёков, В. Зубарев, В. Баянов, В. Махалов, В. Матвеев и др.

И сегодня «растут поэты на Руси». Мы помним и тех, кто рано ушёл от нас: А. Саулов, В. Чу-

гунов, А. Акатнов, Н. Николаевский, А. Бельмасов. Они были в расцвете творческих сил. Так хочется, чтобы их не забывали никогда на земле, которую они любили и славили....

Пятидесятипятiletие Союз писателей встречает достойно. В предыдущие годы было много публикаций в центральных журналах, всероссийских антологиях, коллективных сборниках. Вышли книги кузбасских писателей в Москве, Санкт-Петербурге, Сибири. Многие писатели отмечены всероссийскими литературными премиями. Журнал «Огни Кузбасса» стал Всероссийским. Десятки молодых талантливых авторов приняты в Союз писателей России. Сотни встреч (уроки эстетики) ежегодно проводятся в школах области. На счету писательской организации много достойных изданий и просветительских проектов.

И хорошо, что появляется в нашем обществе понимание того, что литература – это не чтиво, проповедующее только наслаждение и удовольствие, с одной стороны, кровь и насилие – с другой, а это глубокое, философское видение мира.

Человеку от природы дано чувствовать, думать, размышлять, искать выходы из различных жизненных ситуаций. И в этом должна помогать настоящая русская литература. В год нашего юбилея мы нашли добрую поддержку от ЗАО «Стройсервис». Заключён договор о совместном масштабном проекте «Горняцкое слово – крепь России», который включает в себя выездные творческие десанты на шахты и разрезы области, встречи с горняками и школьниками близлежащих селений. И в этом сотрудничестве мы видим будущее нашей литературы.

Дай Бог, чтобы не ржавело «перо», чтобы Слово наше доходило не только до сознания, но и до души человека. И не раз ещё мы будем отмечать круглые и полукруглые даты Союза писателей Кузбасса.

Союзу быть, потому что «прекрасен наш Союз».

Борис БУРМИСТРОВ,
председатель правления Союза писателей Кузбасса общественной организации «Союз писателей России»

**Надежда
МИРОШНИЧЕНКО**

ПРОДОЛЖАЮ НАУЩАТЬ

ДВА ВОПРОСА

*А ну, попробуй не ответить, русский,
Ты знаешь, что такое рай и ад?
Уже по-аглицки, и по-французски,
И по-китайски дети говорят.*

*Но разве зря запомнил ты от века,
Что нам навеки памятью дано –
Свою дорогу из славян во греки?
И Куликово? И Бородино?*

*А если русским словом и пространством,
Которые всей жизни на виду,
Владеешь ты, на зависть иностранцам,
Ты всё считаешь, что живёшь в аду?*

*А ну, попробуй, русский, не ответить,
А то тебя я уж не узнаю,
Так где ты есть, разбросан по планете?
Ты всё ещё считаешь, что в раю?*

* * *

*В общем доме человечества
Продолжаю наущать,
Что защитников Отечества
Тоже надо защищать.*

*Пусть они такие смелые.
Пусть ответ за нас несут.
Помогите, ночи белые,
Им черёмухой в лесу.*

*Пусть они – огнеупорные,
С верой праведной в глазах.
Помогите, ночи чёрные,
Им звездою в небесах.*

*Потому что человечество
Разорит и ум, и честь,
Коль защитников Отечества
Не научится беречь.*

* * *

*Мне говорили: сильная,
А я бывала слабою.
Смеялись люди сытые:
Была бы лишь не бабою.*

*А бабою бывала я,
Поскольку истерически
Не быть в России бабою –
Не выжить исторически.*

МИРОШНИЧЕНКО Надежда Александровна родилась в Москве в 1943 году. Окончила Коми педагогический институт в 1964 году. Три года работала учительницей английского языка и двенадцать лет журналистом местных газет. Многие годы ведёт творческую мастерскую в УГТУ (г. Ухта). Доцент кафедры связи с общественностью гуманитарного факультета университета. Автор 11 сборников стихов и множества публикаций в литературных журналах России. Она дважды лауреат Государственной премии Республики Коми, лауреат Международной премии «Имперская культура» им. Э. Володина, Большой литературной премии России и многих других. В 2004 году награждена медалью-орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. В 2009 году в Коми создан прецедент. Русскому национальному поэту Надежде Мирошниченко присвоено звание народного поэта Республики Коми. Живёт в Сыктывкаре.

СТРАНА

Заворочалась страна, заворочалась.
 По обочинам пошла, по проталинам.
 До чужого, как всегда, неохочая,
 На своё пошла смотреть, что оставила.
 Что по жалости растратила походя.
 Что по глупости лишила доверия.
 Да ещё залюбовалась эпохами,
 Да ещё поужасалась потерями.
 Говорили, мол, пропала до доньшка,
 А она на это доньшка глянула,
 Разглядела там горчичное зёрнышко
 И наладилась растить его заново.
 Вот и спрашиваю я разлюбезную:
 – Ты чего, страна, живёшь-кочевряжишься?
 То ль забыла свою высь поднебесную?
 То ль поверить в свою суть не отважишься?
 – Отвяжись, – сказала мне разлюбезная, –
 Поведу плечом, ещё душу тронете...
 Только цель пока моя неизвестная,
 Вот решу, куда идти, – не догоните.

ПОКАЯНИЕ

Певцу Русской земли,
 смоленскому поэту Виктору Смирнову

Он был большим, не зная, что великий.
 Он в клоунаду встречи превратил.
 Когда в его я заглянула книги,
 Я ужаснулась: как он страшно жил.
 Какая боль вошла в страницы эти,
 Любовь какая и какое зло.
 Как был он одинок на белом свете,
 Хотя писал, что с жизнью повезло.
 «...В деревне осень стылая. Сырая.
 Тоскуя без друзей в своей дыре,
 Я бы давно повесился в сарае,
 Не будь коровы на моём дворе.
 Путь озарив берёзовой корою,
 Грустя в столицах, веселясь в лесах,
 Я бы давно зарезался косою,
 Не будь коня на заливных лугах».
 Не повезло ни с женщиной, ни с другом.
 Зато об этом как сумел он спеть.
 Как он писал жестоко и упруго.
 Как Родине служил, родная ведь.
 Пусть «в этой жизни умирать не ново»,
 Но, принимая жизнь его навзрыд,
 Ты, Русь, запомни Виктора Смирнова!
 Ведь это он с тобою говорит:
 «Возвышенными не соря словами,
 Стараясь в меру плакать и шутить,
 Эпоха наша сгинет вместе с нами.
 Ей после нас нет вовсе смысла жить».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Памяти О. К. Мирошниченко-Кулагиной

Так ты, Дальний Восток, не дождался, что
 мама вернётся.
 Что уснёт навсегда, не услышав дыханье твоё.
 Нам она о тебе говорила, как будто о солнце,
 Что горело в душе и всю жизнь согревало её.

Нам она говорила: «Там люди живут
 по-другому.
 Океан не даёт мелочиться. И лгать –
 не моги!»
 И мы видели берег другого совсем окоёма.
 А купальницы наши у них назывались жарки.

И кета продиралась, хребтами прижавшись
 друг к другу,
 К нерестилищам вечным. И дыбился
 Владивосток.
 И ходили суда по экватору, словно по кругу.
 И всему настоящему там начинался исток.

Ключевская дымилась. И гейзеры стадом
 весёлым
 Норовили пробиться на волю сквозь
 замкнутый круг.
 И сплетались сюжеты во мне, как Хасан
 с Халхин-Голом.
 И Дерсу Узала почему-то мерещился вдруг.

Всё потом оказалось и яростнее, и страшнее.
 И коснулось семьи. И коснулось романтиков,
 нас.
 Только я до сих пор по-другому смотреть
 не умею
 На родимую землю, где мама моя родилась.

РУССКИЙ ИСХОД

Всё снизошло до главной простоты:
 Народа нет. Он полностью изношен.
 Изношены любимые мечты.
 И вера в Бога. И асфальт подошв.

Изношены и нежность, и печаль.
 И государства карточного домик
 Рассыплется, чихни вдруг, невзначай
 Какой-нибудь заокеанский гномик.

И только Бог не верит, что конец
 Народу, выжившему на безлюдье.
 И «Отче наш» вручает как венец.
 Как голову Крестителя на блюде.

ПЯЛЬЦЫ БОГА

Михаилу Попову (г. Архангельск)

*А на русской канве – крест и месяц синий.
А на русской канве в пальцах – небеса.
А на русской канве вышита Россия.
Все народы её, кто – глаза в глаза.
Нам назначено быть Родины основой.
Мы на русских плечах держим груз веков.
Двунадесять племён. Поле Куликово.
Двунадесять племён. Сорок сороков.
Мы рогожка, мы лён. И на пальцах Бога
Мы – основа-канва для Святой Руси.
Вышивает Господь Русскую дорогу,
Начинает её прямо с небеси.
А на русской канве, как цветы, народы
Восхищают сердца, берегут канву.
Вышивает Господь русскую природу,
А имеет в виду Русскую судьбу.
Я в бессмертную даль, не умею ближе,
Загляжусь, как в любовь, чтоб себя сберечь.
Я на русской канве всех нас вместе вижу
И сквозь кольца времён нашу слышу Речь.*

* * *

Памяти Кузьмы Васильевича Кулагина

*Что, дед Кузьма, так и стоишь на дне
В Авачинской в цепях с колосниками.
А может, возвращаешься ко мне
Морской волной, в которой лёд и пламя.*

*А сын твой тоже умер как герой.
Сгорел он в танке, там, под Сталинградом.
А дочь твоя, любимая тобой,
Нам стала мамой. Жизни всей наградой.*

*Что, дед Кузьма, не выпало нам встреч:
Я родилась десятилетием позже.
Но свой характер и родную речь
Ты через маму передал мне тоже.*

*И только я боюсь глядеть на дно
Любых морей, и, подступая ближе,
Я каждый раз всё вижу там одно:
Мне кажется, что я тебя там вижу.*

**Владимир
МАКСИМОВ**
ЖИВАЯ ДУША

**В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ,
НО НЕ УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ**

*Жизнь не может быть
лекарством от смерти,
хотя смерть – безусловно,
лекарство от жизни.*

Милорад Павич

**19 июля 2012 года. Четверг. Порт Байкал.
10 часов утра**

Я собирался здесь, на даче, написать маленькую новеллу о том, как одинокому человеку, вдовцу, то есть мне, сын Дмитрий привозит на эту самую дачу, в Порт Байкал, что у самого истока Ангары, рыжего котёнка – Карасика. Карася Казимировича, Рыжика, которого не с кем было оставить в городе, поскольку Дмитрий со своей женой Светланой отправлялись на две недели в Таиланд, в свадебное путешествие.

Сын женился в начале лета нынешнего года, восьмого июня.

Женился так же, как и я, в своё время, в тридцать один год. Только летом, а не поздней осенью, как мы с Наташей, его матерью. И я надеюсь, хочу надеяться на это, что он будет счаст-

лив со Светланой, как были счастливы мы с Натальей, прожив вместе двадцать девять лет. И как жаль, что она не дожила всего три года до свадьбы Дмитрия...

Суть новеллы должна была сводиться к тому, что вначале отец, то есть я, не очень-то доволен тем, что к его обычным дачным делам и повседневным заботам – с утра после завтрака в обязательном порядке писать, хотя бы часа два, а после обеда заниматься необходимыми на даче хозяйскими делами...

Не успел дописать фразу – зазвонил, вернее пропел мелодией польского гимна «Ещё Польша не сгинела, покида ми живы...» мой мобильный телефон, лежащий на столе рядом с листами, на которых я пишу.

– Привет, дружище! – донёсся глубокий, приятный и какой-то барственный голос поэта (очень хорошего, кстати, поэта) Григория Вихрова, живущего вот уже много лет в Москве, но триумфально начавшего свою творческую деятельность у нас, в Иркутске.

– Гриша, ты в Иркутске, что ли? – обрадовался я.

МАКСИМОВ Владимир Павлович родился 29 июня 1948 года в селе Кутулик Иркутской области. Окончил охотничий факультет Иркутского сельскохозяйственного института и Литературный институт им. Горького. Учился в аспирантуре Зоологического института в Ленинграде. Работал на биологической станции на Белом море. Участвовал в морских экспедициях в Тихом океане, Японском, Беринговом, Охотском морях по изучению морских котиков. Работал в Лимнологическом институте на Байкале. Печатался в журналах «Байкал» (Улан-Удэ), «Сибирь» (Иркутск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Москва», «Наш современник» (Москва), «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «Дальний Восток», «Родное Приамурье» (Хабаровск), «Врата Сибири» (Тюмень), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Florus» (США). Автор 16 книг стихов и прозы. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

– Нет, по-прежнему в бестолковой и шумной столице. Просто ещё не ложился...

Я взглянул на будильник, стоящий на столе напротив меня. Одиннадцать. Значит, в Москве – шесть утра.

– ...И вот, захотелось тебе позвонить, поговорить. Почитать новые стихи, написанные нынешней ночью. Да и соскучился я по тебе, бродяга. Осенью, может быть, выберусь к вам на Байкал с Женькой...

Послышался, показалось, очень далёкий и неясный женский голос, что-то прошелестевший Грише там, в Москве.

– ...Ну, с Евгенией Михайловной, – поправился он, ответив на не слышанную мною фразу. Многие, в том числе и я, знали, что вторая жена Гриши лет на десять старше его. И уже снова мне:

– Ну, слушай!

Он прочёл своим бархатным голосом с искусством прирождённого декламатора несколько стихотворений, завожнив меня их музыкальностью и необычайной образностью. Особенно мне запомнилась одна строка из последнего стихотворения: «В пятнадцатый день десятой луны тысяча сто сорокового года...». И что-то ещё: «Девушка из династии Сун...». И сколько-то там минуло в разлуке лун...

– Ну, как? – спросил он, закончив декламировать.

– Здорово, Гриша! – честно признался я. – И по форме, и по содержанию. А ещё у тебя есть хорошая особенность, ты не стараешься читать стихи «с выражением»! Ты читаешь их выразительно.

– Ну и ладненько. Пойду тогда спать. Пока.

...Голос умолк. И из Китая двенадцатого века я снова перенёсся в век двадцать первый, на свою дачу у Байкала.

Итак, мы остановились на том, что дел на даче, как известно, всегда много. А тут ещё прибавится забот: надо будет кормить кота (вопрос – чем?), где-то брать наполнитель для его домашнего туалета. Ибо котёнок он доморощенный и не может, как местные деревенские коты и кошки, справлять свою малую и большую нужды на улице – к лотку приучен. И в этом лотке надо будет потом за ним убирать. Да ещё следить, чтобы он не удрал из дома. В общем, как говорится, и т. д. и т. п.

И впоследствии этот человек, то есть я, понимает, как здорово, что ему привезли это игривое, весёлое живое существо. И его недовольство сменяется благодарностью. И даже тихой радостью, потому что теперь ему не так одиноко. Есть о ком заботиться. А как приятно видеть, когда кот со всех ног бежит, встречает после прихода с улицы. Ходит кругами, трётся о ногу, ласково мурлычет и всем своим видом даёт понять, что он очень рад возвращению хозяина даже после недолгого отсутствия.

А однажды и вообще он спас меня.

Я оказываюсь один в ночной степи, освещённой таинственным, мертвенным лунным светом и яркими, большими, близкими звёздами. И я бреду по этой степи, не зная куда и зачем. Без всякой надежды выйти к людям. Ибо степь кажется бескрайней. И вот я, одинокий, отчаявшийся человек, слышу очень далёкое тарактенное невидимого трактора. Иду на звук и вскоре замечаю далёкий, почти на самом горизонте, маленький, трепетный огонёк костра. И уже весело, зная, что не один в этой ночной чёрной степи, направляюсь туда – к этому костерку. К людям, к тарактению трактора...

А открыв глаза, просыпаясь, я понимаю, что всё это видел во сне. Наяву же замечаю ранние солнечные блики на крашеном блестящем полу, проникшие в дом из восточного окна. И слышу, как тарактит рядом со мной тот самый «трактор», спасший меня в степи, – маленький, рыжий, смешной котёнок, крепко спящий у моего плеча.

«Так вот, значит, какой «тракторишка» вывел меня к людям», – благодарно думает человек, ласково глядя на спящего котёнка. «Живая душа!» – радуется он и гладит кота по шелковистой шёрстке. А тот в благодарность за ласку, ещё в сонной истоме, утыкается прохладным, влажным розовым носиком в плечо хозяину. И так они лежат рядышком ещё какое-то время, радуясь наступившему новому дню, солнцу, лету, теплу.

Вот, собственно, и всё, что должно было быть в этой новелле.

Впрочем, нет. Пожалуй, не всё. Должно было быть ещё прощание, вернее расставание с котёнком.

За несколько дней до моего отъезда с дачи, чтобы не обременять меня ещё и «вывозом живности», за Карасиком приехал сын...

Хотя девятнадцатого июля, когда я начал писать новеллу о котёнке, я об этом ещё не знал.

Поскольку его Дима увёз одиннадцатого августа, в субботу, когда я по обыкновению топил баню, чудесным солнечным днём.

– Ты, отец, не заморачивайся, – сказал он, выпив рюмку коньяка и заев её долькой лимона. (Сам я перед баней не обедаю, предпочитаю париться натошак.) – Иди спокойно в баню, – продолжил он, с аппетитом хлебая борщ с тушёной, – а мы с Рыжиком сами до парома как-нибудь добредём. Жаль только, что ты нагрузил меня снова неизвестно чем.

«Неизвестно чем» было: свежая малина в стеклянной банке, пересыпанная сахаром, сушёные грибы, замороженный свежий омуль, завёрнутый в несколько полиэтиленовых пакетов, чтобы остальные продукты не пропахли рыбой, цветная капуста, которой меня угостили соседи по даче и которую я готовить не умею, и сухой ещё оставшийся у меня кошачий корм. Всё это было сложено в большой пакет.

– Ну, да ладно, – продолжил сын примирительно, чтобы не расстраивать меня, – до той стороны как-нибудь доберёмся. А там, ты говоришь, нас встретит на машине твоя знакомая и отвезёт до дома.

– Встретит, Дима. Я сегодня утром, ещё до твоего приезда, Наталье Афанасьевне звонил. И она договорилась со своей дочерью Олесей приехать за тобой. Они будут ждать вас на той стороне. Подъедут прямо к парому. Так что доставят вас с Карасиком прямо до подъезда.

Пообедав, Дима посадил Карасика в спортивную сумку, застегнул молнию с двух сторон так, что посередине высовывалась только голова котёнка с его недоумевающим и немного испуганным взглядом.

Взяв довольно объёмный полиэтиленовый пакет, которым я его снабдил, в одну руку, а сумку в другую, он, простившись со мной, пошёл по извилистой тропинке к калитке нашего весьма просторного участка. И всё это время я видел, как Карасик вытягивает шею и смотрит на меня, стоящего на крыльце дома, очевидно, не понимая, почему расстанутся эти два близких любимых им человека.

До конца я тоже этого не понимал, стараясь оправдать расставание необходимыми обстоятельствами жизни. Хотя всё моё существо кричало о том, что единственным необходимым обстоятельством нашей жизни должно быть неразлучение близких душ. Тем более, что жизнь так коротка.

Я не выдержал и нагнал их.

– Дима, давай пакет. Я вас провожу.

– А баня? – спросил сын, передавая мне пакет.

– Никуда она не денется. Попарюсь сегодня попозже.

Мы шли сначала по тропинке. Потом – по поросшей аптечной ромашкой, с её таким приятным деревенским запахом, забытым в городах, просёлочной дороге. Потом снова – по узкой и крутой тропе, спускаясь к Байкалу. Говорили о чём-то несущественном, о пустяках, не имеющих особого значения. Наверное, так всегда поступают люди, стремящиеся казаться беспечными, чтобы не расстраивать перед разлукой близких людей. Однако я видел, что мои попытки быть беспечным плохо удавались мне. И только Карасишка, выглядывающий из сумки, покачивающейся между нашими ногами, успокоился и уже с нескрываемым интересом наблюдал за пролетающими мимо красивыми бабочками, крутя головой и вдыхая незнакомые ему запахи вольного ветра, когда мы спустились к Байкалу...

– Ну ладно, до встречи, – свободной рукой приобнял меня сын у парома. – Да не грусти ты так, отец. Ты же через несколько дней приедешь. А мы тебя все будем ждать: я, Карасик, Света. Фотографии тебе из Таиланда покажем. Давай пакет, – протянул он руку и, взяв продукты, вошёл на паром.

Тот медленно, как-то неуклюже, словно с неохотой, стал отходить от причала, и лента тёмной воды, разъединяющая нас, становилась всё шире и шире.

Вернувшись на дачу и отдёргнув сначала кремовую тюлевую занавеску (от назойливых летних насекомых, в основном мух), я по привычке осторожно отворил входную, открывающуюся внутрь дверь, чтобы не ударить ею Карасика, который обычно встречал меня, стоя на коврике перед ней, с нетерпением дожидаясь моего прихода из магазина, из бани ли. А встретив, начинал ластиться, просясь на руки...

За дверью, естественно, никого не оказалось, а дом, несмотря на его небольшие размеры, показался мне вдруг таким большим, гулким и пустым, каким бывает ранним утром сонный безлюдный вокзал. Ни стульев, ни стола, ни кровати в нём как будто бы не было. И только белая печь прочно стояла посередине. Да на веранде,

куда я вышел, был широкий рундук, потому что я помню, что вместо того чтобы идти в баню, подкинуть в печь дровец, улёгся на него и закрыл глаза, мысленно стараясь продолжить строчку, пришедшую мне на ум на обратной дороге: «Чем измерить меру одиночества?..».

«Да, одиночество хорошо только тогда, когда есть с кем им поделиться», – невесело подумал я. И ещё, отчего-то вспоминая роман Михаила Булгакова «Жизнь господина де Мольера», прочитанный недавно, я припомнил две строки, сочинённые в связи с этим романом. И которые, наверное, как и предыдущая строка, пришедшая мне на ум на обратной дороге, не станут никогда законченным стихотворением, а так и останутся осколком бытия, просвистевшим мимо. Хотя и успевшим ранить сердце по касательной.

«Воскреснуть, чтобы снова умереть? Как это, сударь, скучно, право...»

Почему после прочтения романа придумались, написались именно эти строки, я ответить не смогу. Что-то вызвало к жизни именно их. А что именно, я не знаю.

Что же касается задуманной новеллы, во всей её простоте, лёгкости, ясности и даже некоторой незаконченности, как мне виделось в мечтах, то она отчего-то никак не давалась мне, всякий раз перерастая в рассказ с неведомым для меня сюжетом и неизвестным исходом. И я, на следующий день перечитав написанное накануне, начинал всё сначала. И так было не один раз. Однако снова вместо маленькой новеллы получался объёмный рассказ. Обрастающий подробностями, иногда, как выяснялось позже, совсем ненужными. И тут же появлялись новые, как мне казалось, теперь важные вставки, поспешно записываемые на отдельных листах, уже с иными сюжетными линиями. И вновь я заходил в какой-то творческий тупик, увязая, как в топком болоте, в обилии материала и сознавая своё бессилие от невозможности справиться с ним. От невозможности кратко, чётко и ясно выразить словами свои мысли. «Краткость и точность – вот первые достоинства прозы...», – вспоминал я Пушкина, приходя в отчаяние. Меня охватывала паника. И я уже не мог ответить себе на главный для любого пишущего человека вопрос: «Для чего я это, собственно говоря, пишу?». И нужно ли будет хоть кому-то написанное мною? Впрочем, в глубине души я понимал, что любой творческий процесс, в том числе и литературный, не нуждается в оправдании, поскольку

не отвечает на вопрос: «Зачем это надо писать?». Он отвечает, как я уже упомянул, на вопрос: «Для чего?». Но вот на него-то я и не находил ответа.

Я прекращал работу. И на следующий день начинал всё сначала, с чистого листа, успокаивая себя фразой знаменитого голландского конькобежца Кейса Феркерка: «Падая и вставая, ты растёшь».

В конце концов я пришёл к мысли, что не стоит бороться с тем, что неотвязно просится на бумагу. Что по сюжету это может быть не обязательно новелла или рассказ. Это может быть повествование из нечётко разграниченных между собою новелл, касающихся темы «Живая душа». А может быть, и не касающейся данной темы впрямую, поскольку в творческом процессе многое непредсказуемо. Более непредсказуемо, чем в обычной жизни. А ведь на самом-то деле всё необычайно просто. Все мы, каждый человек, страдаем и мучаемся до тех пор, пока не встретим созвучную нам живую душу. Но это, увы, такая редкость. Зато и такая редкостная удача, если кому-то посчастливится обрести это созвучье близких душ.

«Вот об этом я и постараюсь написать», – решил я.

И ещё я подумал о том, что любые наши воспоминания – лишь эхо минувших событий. Некий их отзвук. «Поиски утраченного времени», как об этом сказал Марсель Пруст.

Я, например, очень хорошо помню многие свои ощущения, порою и весьма отдалённые теперь от нынешнего дня. Но всегда затрудняюсь, а чаще всего и не могу вспомнить год, когда то или иное событие произошло. Для меня будто существуют только близкие вчера и сегодня. Причём «вчера» может отстоять от «теперь» на много-много лет. И я порою с искренним изумлением думаю: «А где теперь тот любознательный, мечтательный, задиристый, желающий, чтобы всё всегда было по справедливости, мальчик, которым я был? Где он?» Ведь не ответишь же на этот вопрос словами Горького из его романа «Жизнь Клима Самгина»: «А был ли мальчик?». Это было бы слишком просто. И это не было бы правдой, потому что я-то точно знаю, что мальчик был. Я даже иногда, хотя и очень редко теперь, ощущаю его в себе.

Я даже вспомнил, как одна моя знакомая журналистка брала у меня интервью, в конце которого почему-то спросила:

– А ты не боишься впасть в детство? Ведь возраст-то уже солидный?

– Не боюсь, – вполне искренне ответил я, – поскольку я из него никогда и не выпадал...

Может быть, именно из-за всего этого, из-за этих неотступных мыслей мне и захотелось облечь в слова то, что я чувствую и знаю. Тем более что литературные герои зачастую гораздо живее и реальнее наших современников. Ведь даже живущих с нами на одной лестничной клетке людей мы можем порою не знать, ничуть не страдая от этого. А вот князя Андрея, Наташу Ростову из «Войны и мира» Толстого, Дон Кихота Сервантеса, Ромео и Джульетту Шекспира знает почти каждый, даже тот, кто этих книг не читал. Но герои их сами стали реальностью жизни, причём более реальной, чем происходящая вокруг нас жизнь. Ибо литература – это одновременно и лекарство от смерти и напоминание о ней. Помните, как хорошо об этом сказано у Милорада Павича в его чудесной вещи «Вечность и ещё один день»: «Любая смерть есть, в сущности, слово. Все наши смерти, вместе взятые, составляют великое неразгаданное послание...».

И раз есть литература, есть люди, которые, несмотря ни на что, пишут новые, небывалые (в смысле, не бывшие прежде) произведения – следовательно, человек бессмертен, то есть его живая душа.

Вот и я попробую написать рассказ о своих мыслях и ощущениях. Причём, создавая его, мне хочется сделать это с дневниковой точностью. Как это удалось Хемингуэю в его прекрасной книге «Зелёные холмы Африки». Где нет художественного вымысла, а есть только повседневная жизнь, повседневные разговоры...

Сам Хемингуэй написал об этой повести так: «Автор стремился создать абсолютно правдивую книгу, чтобы выяснить, может ли такое правдивое изображение событий одного месяца и страны, в которой они происходили, соперничать с творческим вымыслом».

Попробую и я сделать нечто подобное. Пусть это будет повествование в новеллах, рассказ или маленькая повесть. Жанр здесь не важен. Важно, чтобы всё, о чём я напишу, было точно. С датами, деталями дня, происходящими событиями, какими-то сиюминутными вещами. Как тот, уже включённый в канву повествования телефонный разговор с Григорием Вихровым.

Зачем я собираюсь это сделать? Я не знаю. О чём будет рассказ? Теперь уже не ведаю.

Надеюсь, что не ведаю пока, имея в голове лишь некий абрис будущей вещи. И, конечно же, навивное желание самовыражения, которое сопутствует любому творческому процессу. Будь то писание романов или приготовление борща...

И вновь звонок. На сей раз из Ангарска.

Мой друг – хороший композитор и музыкант Евгений Николаевич Якушенко, для меня просто Женя, радостно кричит в трубку:

– Старик, я стал прадедом!

Выясняется, что у дочери его сына Артёма, прекрасного скрипача с мировым именем, дочь Наталья, которую я знал ещё совсем маленькой девочкой (тогда Артём со своей первой женой жил ещё в Ангарске, а не в Москве), в четыре часа утра родила мальчика, которого заранее было решено назвать Павлом. («Душа моя Павел, держись строгих правил», – вспомнилось мне откуда-то.)

– Представляешь, – богатырь, – продолжал орать Евгений, для чего мне приходилось трубку мобильного телефона слегка отодвигать от уха. – Вес – три девятьсот! Рост – пятьдесят семь сантиметром! Мы с Наташкой (жена Жени) пьём за его здоровье! Я – водку «Омулёвку», она – вино. Жаль, что тебя нет, – немного сбавил Женя звук.

– Не рановато начали? – пошутил я, поздравив их с правнуком.

– После двенадцати можно! – бодро ответил Женя. И добавил: – Мы к тебе прикатим денька на два с Наташкой.

Я взглянул на часы, было 12:45.

– Только предупредите о приезде заранее, – начал я, но связь оборвалась. У нас здесь, среди гор, такое частенько бывает.

...Что ж, и мне пора на сегодня закругляться. Тем более что, слава Богу, с очередной попытки рассказ, кажется, пошёл.

Продолжу завтра.

20 июля 2012 года. Пятница. Порт Байкал. 10:10

Ночью я спал крепко. И мне снилось что-то очень хорошее. Может быть, оттого, что не крацающиеся с понедельника, по сообщениям синоптиков, «кратковременные дожди» наконец-то прекратились. И, гуляя по своему саду сновидений, я даже во сне пытался сохранить что-то заветное в своей памяти. Как хорошо о сне ска-

зано у Владимира Набокова, и словно о наших местах:

*Когда с небес на этот берег дикий
Роняет ночь свой траурный платок,
Полушутя даёт мне Сон безликий
Небытия таинственный урок.*

Проснулся я, да и то с трудом, в половине восьмого от настойчивого мяуканья Карасика.

Он сидел на шкуре белого оленя, лежащей у кровати вместо коврика, и истошно орал, широко разевая свой розовый ротик.

Его биологические часы сработали точно. Он уже привык за время совместного нашего проживания, что я встаю в это время и первым делом кормлю его.

– Казимирыч, ну чего ты орёшь? – Опустив правую руку, я погладил его. И он довольно зауркал. – Сейчас встану, покормлю тебя.

В холодильнике на веранде, куда я протопал босиком, уже со вчерашнего вечера вынутые из морозильной камеры на нижней полочке лежали в прозрачном полиэтиленовом пакете две довольно большие мойвы.

Купленную в магазине рыбу я раскладываю порционно в прозрачные пакеты. Если рыбки небольшие – по три, а если довольно крупные – по две. И храню всё это в общем пакете в морозилке.

На пластмассовой разделочной доске – для рыбы – я разрезал на небольшие кусочки мойву и положил в чашку Карасика, ходящего вокруг меня кругами от дразнящего его аппетит запаха рыбы. И нужно было видеть, с каким удовольствием он начал поглощать кусочки жирной мойвы.

А я всё в том же наряде, то есть в одних трусах, выйдя из помещения, проследовал по нахоженной росистой тропинке в «домик уединения», скрытый небольшой молодой берёзовой рощицей, с несколькими могучими соснами, растущими среди них.

С внутренней стороны двери очень чистого у нас туалета была приделана небольшая картонная табличка с надписью: «Красный уголок».

Вернувшись через некоторое время к дому, я умылся возле уличного умывальника, ощущая не только бодрость от прохладной воды, но и приятную мягкость росистой травы под ногами.

Приезжая на дачу, я каждое утро прохаживаюсь босиком по этому маршруту: до «домика

уединения», потом к умывальнику с его приятно звенящим не то носиком, не то хоботком, только потом вхожу в дом.

Ближе к Покрову, если я ещё на даче, шагаю, а вернее бегу, босиком, иногда уже по выпавшему ночью снегу.

Сегодня на обратном пути, немного побродив по участку, нашёл в березнячке один гриб. Обычно же я по утрам срезаю для сушки на зиму три-четыре гриба. Но зато сегодня мне попался ядрёный белый гриб!

Возвратившись в дом, я выпил натошак два стакана воды. Помолился у иконок Богородицы и Христа, висящих в восточном углу дома. Приготовил овсянку, поскольку сегодня пятница – день постный. В готовую кашу намыл горстку изюма. Заварил крепкий чай. Отрезал в кружку с чаем дольку лимона...

Позавтракав, вымыл в тазике посуду горячей водой, оставшейся в чайнике, разрезал на небольшие кусочки на разделочной деревянной доске белый гриб, положил его в картонную коробку, которую поставил на печку. Сделав все утренние дела, сел на веранде за чистый стол поработать. Время от времени наблюдая в своём «шестиканальном телевизоре» (настоящего телевизора у нас в городской квартире нет уже больше года, а здесь, на даче, этой напасти вообще никогда не было) – окне веранды, разделённом вертикальными перегородками на шесть частей, что делается в округе.

На «первом канале» – мой ближайший сосед по имени Женя Серебрянников, а точнее – его дом и видимая часть участка. По возрасту Женя уже давно, конечно же, заслужил право быть Евгением Яковлевичем. Но я его, поскольку мы почти ровесники, по-прежнему зову Женей и даже Женькой. Местные жители прозывают – Канада, с ударением на последнем слог. И у него мы, кстати, в прошлое воскресенье, в макушку лета, пятнадцатого июля, с некоторым опозданием, правда, отпраздновали столетие Сергея Яковлевича Лемешева. И сорокалетие одной известной у нас на горе дамы, частенько ранее приезжавшей ко мне. А ныне – просто моей приятельницы, с которой прежде мы были очень близки. Но об этом я расскажу чуть позже, поскольку это интересно с точки зрения почти утраченных иллюзий. И это будет ещё одна неявная новелла сего лоскутного повествования. Тем более что о ней я уже написал в предыдущих, отвергнутых мною потом

вариантах рассказа. А в них есть, на мой взгляд, очень хорошие куски. И мне не хотелось бы, чтобы они пропали вовсе.

Итак, мой ближайший сосед по имени вышел пострелять из охотничьего лука.

Стреляет он метров с шестидесяти в щит, собранный из белых кусков пенопласта, в центре которого закреплена чёрная граммофонная пластинка, так контрастирующая по цвету с белым цветом щита. Размер самого щита где-то полтора на полтора метра, и толщина сантиметров в десять, наверное.

Задача стрелка – попасть не просто в щит и даже не просто в пластинку, а в синий или красный кружочек бумаги (несколько сантиметров в диаметре) с круглой дырочкой посередине, приклеенной в центре пластинки. И обычно Жене это удаётся.

Даже через стекло верандного окна я слышу, как упруго щёлкает тетива и как с характерным хищным и злым звуком вонзаются в щит стрелы.

Выхожу на крыльцо. Надеваю стоящие там сабо с деревянной колодкой, купленные мною на исходе прошлого века в чудесном городе Таллинне, и иду к соседу. Устрою себе небольшой перерыв.

– Ну, как успехи? – спрашиваю, подойдя к нему сзади.

– Гляди, – не оборачиваясь, отвечает он, улавливая меня по голосу, и закрепляет на тетиве очередную стрелу.

Целится, натягивает тетиву, отпускает на волю стрелу, и... остатки пластинки «Хороши у нас в саду цветочки, ещё лучше девушки весной!» как-то весело, с каким-то сухим звуком разлетаются в разные стороны.

– Силён! – восхищаюсь я и произношу, вытягивая из себя сочинённый тут же каламбур: – Он, как Диана, метит в цель. Стрела летит в забора щель.

Дело в том, что щит стоит у деревянного забора, за которым – дорога, превратившаяся со временем от ручья, текущего по ней и под ней, в небольшой неглубокий каньон.

– Неправда ваша, батенька, – улыбается, оборачиваясь, Женька, мой однокурсник по охотоведческому факультету, который мы вместе окончили, страшно даже подумать, ровно сорок лет назад.

«Значит, знакомы мы с Женькой уже сорок пять лет! Почти полвека, – подсчитываю я мысленно. – Так и не став, однако, за всё это время

друзьями. В лучшем случае мы просто приятелями...»

Возвращаюсь домой.

Но прежде чем продолжить работу, вернее, снова включиться в то состояние, которое этому сопутствует, рассеянно перебираю взглядом и «другие каналы» своего дачного «телевидения».

На втором – аккуратный, небольшой белый домик (отделанный модным ныне сайдингом), с красной «черепичной» крышей (металлочерепица). Принадлежит он бывшему байкальскому капитану Юрию Владимировичу Косякову. Все окна в нём сейчас закрыты жалюзи.

Дом этот за один сезон построил (точнее, нанял бригаду строителей, которая сделала это столь быстро) зять капитана из Питера, бывающий здесь крайне редко. И капитан с женой используют теперь участок при доме как огород. Внизу у них, у Байкала, в двухэтажном деревянном бараке есть квартира, но нет земельного участка.

На «третьем канале» виден очень красивый, со множеством пристроек и «неровной вычурностью крыш», как поётся в песне Олега Митяева, ещё строящийся дом академика Гудкова. Крыша из металлочерепицы на основном доме выдержана в цветах российского флага – бело-красно-синяя. В три широких полосы. Пока на стройке тишина.

Зато на «четвёртом канале», у соседей через «каньон», по-прежнему, впрочем, называемый улицей Горной, у Николаевых, сегодня оживление. Подъехала одна машина, вторая. По-видимому, у сыновей Галины Алексеевны, живущей на даче с мая по октябрь, Алексея и Николая, отпуск или выходные. На их участке теперь три дома: Галины Алексеевны, Лёши, Коли. Дома стоят почти в одну линию, но на разной высоте, поэтому отчётливо видны почти все.

Самый нижний дом – Галины Алексеевны – называется Дом под кедром.

Из-за этого высокого, красивого дерева они в своё время с Валерием Ивановичем, мужем Галины Алексеевны, и купили этот дом у местного деда-вдовца, собиравшегося уезжать куда-то к детям.

Потом на их большом участке, поднимающемся в гору, почти на самой её пологой макушке, построился старший их сын Николай. Было это в конце прошлого века.

А потом, переехав из Братска в Иркутск, между ними воздвиг свой дом и младший сын Алексей.

В отличие от материнского, обычного деревенского дома, у обоих сыновей дома большие, двухэтажные, красивые.

А жена Коли Катя, дочь Евгении Ивановны Молчановой (отец Евгении был в тридцатые – пятидесятые годы прошлого века известным в СССР поэтом, встречался с Горьким) от первого брака (нынче Евгения замужем за поэтом Скифом), прекрасно, как профессиональный гонщик, водит машину по нашей разухабистой и каменной улице Горной.

А сестра Евгении Ивановны – Светлана Ивановна, к слову сказать, была женой Валентина Григорьевича Распутина, фактически живого классика литературы наших дней. И дача, где теперь живут Скифы – Володя с Женей, их дочери и дети их дочерей, была когда-то дачей Распутиных. На ней в своё время Валентин Григорьевич и написал так много прекрасных рассказов, переведённых потом почти на все языки мира. Такие, например, как «Наташа», «Что передать вороне?» и другие...

«Что передать вороне?», по-моему, особенно хорош. Есть в нём какая-то необъяснимая пронзительность, проникающая в тебя и трогающая до глубины души. Печально только, что ни Светланы Ивановны, ни их дочери Марии, маленькой (по возрасту) героини того рассказа, уже нет на этом свете.

Светлану Ивановну отпели в Богоявленском соборе Иркутска в начале нынешнего лета. А Марию, прекрасную органистку, сгоревшую в разбившемся в Иркутском аэропорту самолёте, несколько лет назад отпевал сам владыка Вадим в Знаменском соборе, невдалеке от которого теперь стоит памятник Александру Васильевичу Колчаку, работы известного скульптора Клыкова. Памятник поставлен у собора потому, что после расстрела большевиками его сбросили в прорубь – иордань, прорубленную во льду Ангары к Крещению Господнему. Из этой проруби монахи Знаменского монастыря (прежде это был женский монастырь) брали воду. И произошло это 7 февраля 1920 года...

На «пятом канале», уже снова с нашей стороны дороги, как-то очень грустно, насупившись, с закрытыми ставнями окнами стоит дом Светланы Ивановны Таволжанской, скульптора и жены художника Глеба Богданова. Его уже давно нет в живых. Её похоронили месяц назад. А сын Светланы Ивановны, оказавшийся в Израиле, что-то не очень спешит возвращаться в родные

места. Туда, где он бегал ещё босоногим мальчишкой, проводя на даче лето.

Итак, обзрев почти на сто восемьдесят градусов окрестности, снова берусь за работу. И вдруг слышу, как сама собой с противным протяжным скрипом неспешно начинает отворяться дверь хозяйственного шкафа, в котором у нас хранится посуда, кое-какие продукты, и которую, я точно помню, плотно прикрыл, когда вернулся с Женькиного участка. Такое ощущение, будто дверь кто-то не очень сильный настырно толкает изнутри. «Может быть, гномик?» Через минуту выясняется, что это совсем не гномик. Из шкафа, толкая дверцу головой, выбирается Карасик.

Выбравшись на волю, он какое-то время смотрит на меня недоумённо, словно спрашивая: «А что это ты тут делаешь?». А затем, сладко потянувшись, прогнув спину, начинает точить когти, попеременно то одной, то другой лапкой вонзая их в ворс паласа, почти полностью закрывающего пол веранды.

Судя по всему, он спал в шкафу. Причём он сам научился приоткрывать дверцу. Зацепит её снизу коготком и тянет на себя, пока не образуется щель. Открывая же дверцу изнутри, он толкает её от себя. Умный котик. А спит он обычно в шкафу на нижней полке, на пустых полиэтиленовых пакетах, сложенных в картонной коробке, рядом с небольшим пластмассовым лотком для картошки. Этакая получается там у него безопасная колыбелька.

Вообще у него на веранде три излюбленных места отдыха. Уже упомянутый шкаф. Верхняя ступенька лестницы, ведущей на второй этаж. Обычно он забирается туда, когда я ухожу из дома, и спит, как в норке, под закрытым люком. И – рундук. На мягкой подстилке рундука он любит подрёмывать днём, когда вся веранда залита солнцем.

Поточив когти, Казимирыч подходит ко мне и тихо, почти беззвучно, мякннув, падает «замертво» на спину, рядом с моей табуреткой. Кверху брюшком, с белой мягкой шёрсткой на нём. Это означает, что я должен его погладить. И я, прекратив все свои занятия, наклонившись, конечно же, глажу его. И спинку, и брюшко. А он довольно урчит и жмурится.

Глядя на его вальяжную позу, решаю, что и мне, пожалуй, пора отдохнуть. Тем более что времени почти двенадцать. А я обычно работаю с десяти до двенадцати. Больше двух часов уже тяжело. Да и нельзя творческий колодец души

вычерпывать до дна. К тому же и дел у меня сегодня на после обеда намечено немало. А до обеда надо ещё успеть сходить в магазин – купить кой-каких продуктов да пивка. Ведь завтра у меня, как обычно по субботам, баня! Да и гости должны приехать.

После обеда, с двух до пяти, я занимаюсь, по обыкновению, хозяйственными делами.

Вчера, например, проредил на участке очень уж загустевшую берёзовую поросль. Причём угадал как раз вовремя. Через неделю после Петрова поста, когда лист на берёзе самый крепкий. Сегодня буду из того, что нарубил вчера, вязать берёзовые веники для бани. Ещё вчера я успел вырубить кусты черёмухи, листву на которых сожрала нынче горностаевая моль, неведомо откуда нагрянувшая в наши края.

Одним словом, дел на даче всегда хватает.

И это хорошо. А ещё хорошо то, что нет у меня тут никаких грядок. Вот и получается, что обычно я два часа в день пишу и три часа работаю физически. После чего моюсь в бане нагретой в ведре большим кипятильником водой. Готовлю ужин себе и Карасишке. Ужинаю.

Вчера у меня была яичница из двух яиц и двух сосисок, салат из помидоров с луком, чёрный хлеб и стакан красного сухого вина. А Карасю я отварил несколько кусочков мятая с морковкой.

После ужина, вымыв посуду, почистив зубы, иду в дом помолиться.

Молюсь о дорогих своих усопших, список которых всё удлиняется, увы, а список «За здоровье» становится короче. Когда молюсь о родных и близких, думаю, что, может быть, и о моей душе потом, когда придёт срок, найдётся молитвенник...

После вечерних молитв, обычно уже часов в восемь, расстилаю постель, ложусь и часа два читаю. И это время, когда дневные дела окончены и можно отдохнуть за интересной книгой, я очень люблю. И обычно, когда ложусь в постель, ко мне тут же запрыгивает Карасик и, устроившись сбоку, начинает тарыхтеть, как маленький тракторишка. При этом рожица у него от удовольствия становится такая умильная.

Вот такой у меня обычный дачный распорядок дня.

Сейчас я читаю Булгакова – «Театральный роман». «Белую гвардию» уже прочёл...

Ну ладно, заканчиваю. Завтра, а вернее в понедельник, потому что в субботу и воскресенье я не работаю, коплю впечатления, продолжу.

Поговорим о неутраченных иллюзиях и дожде.

И вот на иллюзиях мне хочется остановиться чуть подробнее. Потому что о них можно сказать: «Увы, я ещё не утратил свои иллюзии», а можно сказать: «Хорошо, что я их ещё не утратил». Ибо, с одной стороны, иллюзии – это тяжкое бремя. И это так. Безусловно так. Но только с одной стороны... Другая же сторона заключается в том, что иллюзии не являются тяжким бременем. А наоборот, бывают тем лекарством, тем чудесным снадобьем для многих, ныне и не ныне живущих и живших. Отнимете у человека его мечты, его фантазии и грёзы, вы его не узнаете... Он сразу же постареет на много лет, поскольку вы убьёте в нём самое лучшее – его надежды.

О дожде же мне хочется поговорить, во-первых, потому что я люблю дождь. И, во-вторых, потому что о нём, о непогоде, об этих серых, призрачных днях так хорошо написал в своей повести «Что может быть лучше плохой погоды...» болгарский писатель Богомил Райнов.

Всё, заканчиваю. Никак не могу остановиться. А написал я сегодня немало для себя. Целых пять рукописных страниц! Обычная же моя норма полторы-две страницы.

Итак, до понедельника, дорогой мой гипотетический читатель. Тем более что уже первый час дня. Засиделся я сегодня за столом. Может быть, оттого, что писалось хоть и не очень легко, но всё же без особого напряжения.

Карасишка перебрался с паласа на табуретку, на противоположный от меня конец стола. Сел там, положив передние лапки, как примерный ученик кладёт руки на парту, на узенький подоконник окна и с интересом наблюдал за бабочками и птицами, за которыми в течение почти недельного дождя он наблюдать не мог. Потому что их попросту не было. Видно, и им затяжное ненастье не нравится и они где-то прячутся от него.

23 июля 2012 года. Понедельник. Порт Байкал. 11:40

Сел сегодня за стол в 10:10. И вот, до сегодняшнего времени вычитывал, делал вставки в уже написанное ранее, что-то выправлял.

На выходные собирался приехать Дима со Светой и с друзьями, но, по-видимому, их испугал начавшийся в субботу с ночи дождь. А приятели сына и его жены хотели разместиться не в

двух гостевых наших комнатах на втором этаже, а в палатке.

Одно лето у нас так гостила Димина знакомая по Интернету. Очень славная девушка, приходившая по утрам ко мне на веранду, пока Дмитрий ещё спал на втором этаже, за кипятком.

Когда я предлагал ей жить в доме, она, виновато улыбаясь, словно боясь обидеть отказом, говорила:

– Вы знаете, я всю зиму мечтала на Байкале в палатке пожить. А зима у нас в Архангельске ох какая долгая...

Слова она произносила протяжно, чуть нараспев.

Впрочем, тогда в палатке жить было одно удовольствие. То лето не было таким дождливым, как нынешнее. И ночи в августе, когда она приезжала, были тёплыми.

Я что-то не припомню в этих местах таких затяжных дождей. Не исключено, что нынешнее лето местные жители назовут потом «Дождливое лето 2012 года». А в такое лето сено заготовить на зиму для ещё оставшейся кое у кого скотинки совсем непросто. И в этом для местных основная беда.

Кстати, а впрочем, совсем некстати, сегодня ночью, как и в выходные, с небольшими перерывами лил дождь.

Прозрачная дождевая вода заполнила уже все низины на участке. По тропинкам текли ручьи. А в дорожных колеях, за забором, весело журчали настоящие речушки, устремлявшиеся с нашей горы вниз, к Байкалу.

И мне в шуме дождя, когда я работал на веранде, всё чудились чьи-то отдалённые голоса или близкие шаги...

Шаги, впрочем, сегодня действительно были. Меня, несмотря на дождь, навестил поэт Владимир Скиф, поднявшись на нашу гору за грибами. И мы с ним немного посидели на раскладных стульях под навесом над крыльцом. И даже поговорили о чём-то незначительном, сиюминутном. Или, как он сказал перед тем как уйти: «Помолчали на брудершафт, ну и ладно».

Конечно, мне хотелось бы, чтобы это были шаги той, ещё неизвестной здесь дамы, которая, как и Володя, не испугавшись дождя, приехала ко мне на дачу в минувшую субботу. Не предупредив заранее, на удачу. Надеюсь на то, что в дождь никто не приедет и я буду на даче один. Такая вот нечаянная радость, которую

не чаяли мы встретить. И мы с ней провели здесь действительно, несмотря на дождь, два чудесных дня. Тоже посиживая иногда вот тут же под навесом на крыльце в раскладных креслах. Потеплее одевшись, мы любовались, обычно после ужина, чудесным видом на Байкал, на закат. Разговаривали, молчали. Слушали, как дождь неистово стучит по железу крыши над нами, а то вдруг стихает и как будто что-то шепчет нам двоим о своих сокровенных тайнах. И под этот его славный шепоток о чём-то ведомом только ему – дождю, о чём ему так хочется поведать нам, мне даже, хоть и не сразу, припомнилось стихотворение японского поэта Сётэцу, родившегося через год после Куликовской битвы (почему-то именно такая аналогия пришла мне на ум, когда я вспоминал его стихотворение и дату его рождения – 1381 год):

*Целую ночь напролёт
Он голоса приносит.
Здесь ушло в облака
Столько людских поколений!
Дождь над старой деревней.*

Я не стал читать это грустное стихотворение сидящей рядом даме, произнеся его мысленно. Она спросила:

– О чём ты задумался? Что-то тебя печалит?

Я, повернувшись к ней, улыбнулся и, как мне показалось, непринуждённо ответил:

– Так, ни о чём. Пустяки. Не обращай внимания. Просто грустно, что тебе завтра уезжать.

– Я ещё приеду... – пообещала она, погладив мою руку, лежащую на подлокотнике кресла.

И в этом обещании была как раз иллюзия, надежда на новую встречу. И грусть от скорого расставания.

В воскресенье я проводил её на четырёхчасовой паром и совершенно мокрый, потому что на обратном пути уже, казалось, угомонившийся и уставший от самого себя дождь припустил с новой силой, вернулся на дачу. И здесь, в пустом и тихом доме, когда я стоял у порога и наблюдал, как вокруг меня от стекающей с одежды воды образуется лужа, мне сделалось вдруг так грустно и одиноко. И если б не Карасик – эта живая душа, подошедший ко мне и так смешно, с негодованием фыркнувший на лужицу возле моих ног, то было б и совсем невмоготу.

Переодевшись в сухое, потерев пол, я стал готовить ужин.

Вернее, мне надо было только разогреть еду, уже приготовленную с запасом на несколько дней (в том числе и борщом на обеда) уехавшей сегодня дамой. И, разогревая в небольшой сковородке бефстроганов с гречкой (большую сковороду с этим блюдом, отделив от него достаточную для ужина порцию, я поставил в холодильник), я всё думал об этой даме, о наших с нею отношениях, о том выйдет ли что-то из всего этого... Или, может быть, всё закончится, как в прошлом году, с той, другой, известной дамой?

Пока еда разогревалась на плитке, я сделал ещё салат и налил в жёлтый керамический стакан красного вина. Вчера после бани мы пили с ней вино именно из этих стаканов.

Карасишке сварил кусочки мяса с морковкой – он это блюдо любит, по-моему, даже больше минтая.

Вымыв после трапезы посуду, решил позвонить уехавшей даме. Узнать, как она добралась до дома. И добралась ли уже? Хотя по времени должна бы.

Только я подумал об этом, раздался звонок. Звонила она. Её имя и номер телефона высветились у меня на крохотном экранчике мобильного телефона.

Однако не успели мы сказать друг другу и нескольких фраз, как связь оборвалась.

Я собрался уж было, соответственно погоде экипировавшись, отправиться звонить на Фонарь – это такая горюшка над Байкалом, на которой связь всегда устойчива, но снова раздался сигнал телефона. Пришла эсэмэска: «Володенька, связь пропала. Сообщаю: добралась удачно (она уехала на пароме в 15:50, а эсэмэска пришла в 18:30), без происшествий. Чем дальше уезжала от тебя, тем более грустно мне становилось. Целую. Твоя Н.».

Дождь наконец-то перестал. Курятся близкие горы. Из-за плавных полукруглых вершин берёз и осин по их склонам они кажутся все в плавных зелёных кудрях или волнах...

24 июля 2012 года. Вторник. Порт Байкал. 10:25

Вычитал написанное вчера. Отнёс Евгению в подарок срезанный утром гриб. И вот (закончилась паста в ручке, которой начал писать этот рассказ 16 июля, взял другую) приступаю к новым шагам по невидимой лестнице, неведомо

куда ведущей – вверх или вниз. Хотелось бы, чтоб вверх.

Помнится, я обещал рассказать об ещё одной даме. В рассказе их две: известная и неизвестная дама. Однако так и не сделал этого вчера. Не успел.

Надеюсь, что мне это удастся сделать сегодня, поскольку о ней (известной даме) уже было написано в предыдущих вариантах рассказа. И я просто кое-что оттуда включу в канву уже нового рассказа. Итак, фрагмент из предыдущих вариантов:

«16 июля 2012 года, понедельник. Порт Байкал. 10 часов утра

По железной крыше веранды, где я пишу (вернее, пытаюсь начать работать над новым рассказом), сидя за круглым столом у широкого окна слева от меня (и которое жена моя Наташа из года в год всё собиралась проолифить, а затем покрыть лаком; теперь это намереваюсь, правда с тем же успехом, сделать я), то устало (ибо с небольшими перерывами дождь идёт уже третьи сутки), то вдруг озорно и весело, то напористо, как сегодня ночью, не переставая, тарбанит дождь.

На веранде чисто, тепло, уютно.

Я затопил в доме печь, открыв настежь дверь, чтобы сюда шло тепло.

Мне слышно, как ровно поёт огонь, как потрескивают поленья (жаль, что у меня нет каминна, хорошо было бы ещё и видеть этот чарующий танец огня), как протяжно гудит в трубе. Тяга у меня в печи хорошая. Спасибо местному мастеру Саше Деркачу, что он так удачно сложил печь. Я помню, как это было, уже в конце октября. Пасмурно, холодно, сыро. Я был подручным: просеивал и замешивал глину, подавал Саше кирпичи. А он вёл кладку. Причём делал это всё одной рукой. Вторую он поранил дня за три до того бензопилой. К счастью, не очень сильно. Может быть, оттого, что работать мастеру пришлось одной рукой, труба получилась малость кривоватая. Хотя тяги это не испортило.

Гудение в трубе и треск поленьев немногостораживают и даже пугают Карасика. Для него это новые звуки. И он чуть ли не ползком пробирается с веранды в открытую дверь дома, время от времени принохиваясь и прислушиваясь к чему-то, прекращая движение.

Однако любопытство в конце концов берёт верх, и, подобравшись к печной духовке с открытой дверцей, он примерно на расстоянии полу-

метра от неё привстаёт на задних лапках и вбирает в себя, втягивая носом, тёплый воздух, исходящий из тёмного её чрева. А потом, успокоившись, и вовсе ложится на мягкую подстилку раскладного кресла, стоящего напротив неё, и блаженно засыпает в токах тёплого воздуха, исходящего от печи и открытой духовки.

На горе, где стоит моя дача, – ни души.

Кругом только мокрая, прибитая дождём, зелень травы и притихшая зелень листвы деревьев, не колышима даже лёгким ветерком.

Из трубы у моего ближайшего соседа по даче Женьки Серебрянникова вяловато поднимается в серое небо белый игривый дымок.

Труба с этой стороны его дома каминная. Значит, он топит камин. И, возможно, лежит или сидит перед ним на большой, упругой и мягкой одновременно шкуре бурого медведя, которого добыл на Камчатке, глядя на огонь и слушая свой любимый джаз. А может быть, в тиши читая книгу...

Да, именно эта мысль – о читающем человеке, читателе вообще, пусть даже гипотетическом. О том, что кто-то, возможно, и неведомый тебе, прочтёт впоследствии эти строки, которые, если, конечно, мне хорошо удастся это сделать, переживут и меня, и, как это не прискорбно, нашего рыжего кота Карасика, который, съев утром две своих положенных мойвы, сейчас так сладко спит, перебравшись уже на мягкую подстилку рундука. Видимо, у печи ему стало жарко.

Рундук этот – для обуви, дров и прочих некаждодневных вещей – я сделал лет пять назад по просьбе жены, у задней, скошенной, как крыша мансарды, стенки веранды, за лестницей, ведущей на второй этаж, где у нас две гостевые комнаты.

Правда, когда народу бывает много, рундук служит ещё одним дополнительным спальным местом. Но об этом чуть позже. Это будет ещё одна скрытая новелла: «О рундуке и его обитателях»...

А вчера у нас тут, на горе, в отличие от сегодня было весьма многолюдно и, пожалуй, даже весело...

Написал это и отчего-то вдруг вспомнилась Димина фраза: «Мне никогда не бывает скучно. Разве что в большой компании...».

В субботу мы все, трое более-менее постоянных обитателей этой части горы, встречаемся. Женя Серебрянников, отчаянный путешественник, объездивший весь мир. Поработавший в

своё время и на Камчатке, и на Командорских островах. Обошедший на яхте почти все моря и океаны. С недавнего времени предпочитающий проводить зиму на Филиппинах и так объясняющий это своё предпочтение: «Надоели долгие холода. И особенно жуткие здесь декабрь и январь». На лето же он снова возвращается сюда – на Байкал. «Тянет, как магнит железо», – говорит. Женя – давнишний разведенец и давно уже убеждённый холостяк.

Я – вот уже более трёх лет вдовец.

И – Александр Станиславович Маджаров, также близкий наш сосед. Профессор классического университета, а не какого-нибудь там ПТУ (профессионально-технического училища), ставшего в одночасье в девяностые годы прошлого века «университетом» или даже «академией» какой-нибудь. Много сейчас таких развелось. Правда, образование там по-прежнему, как в ПТУ, а диплом университетский. А институтов и вообще ныне почти не осталось. Все метят выше...»

25 июля 2012 года. Среда. Порт Байкал. 9:55

Сел сегодня за стол в 9:35. По обыкновению вычитал написанное накануне. И понял, что я снова ничего не написал об известной даме. Ну, да напишу ещё. Не доходят у меня до неё руки.

Дождя, слава Богу, нет. Хотя, как это ни странно, я, по-видимому, человек дождя. Люблю его. Конечно, если он не двухнедельный. Прав был Парацельс, утверждая: «Всё лекарство. И всё яд. Мера всему цена». В том числе и мера природным явлениям: жаре, дождю, холодам, снегопадам, ненастьям...

«Отчего душе моей сродни пасмурные дни? Отчего люблю песок сыпучий с тёмною полоской у воды? Запах торфа, грозовые тучи. В дюнах цапли тонкие следы?» – вот вспомнилось из Игоря Шкляревского, моего любимого поэта. Наверное, потому что и я всё это люблю. Осеннее ненастье, грустное серое небо, улетающих на юг печальных журавлей, бодрящую прохладу коротких осенних дней. И этот неповторимый, грустный, мокрый запах увяданья...

Сейчас на радиостанции «Маяк» прослушал десятичасовые новости, в которых не было почти, как и обычно, впрочем, ничего особо нового.

Где-то в детском саду несвежими овощами отравились дети. Об автомобильных, авиаци-

онных и прочих авариях, отравлениях недоброкачественными продуктами питания говорят каждый день...

А вот уже что-то близкое к нашим палестинам:

«В Бодайбинском районе Иркутской области посёлки Перевоз и Кропоткино остались отрезанными от мира. Затяжными дождями там размыло дороги, а взбухшие реки сорвали мосты, ведущие к этим населённым пунктам...»

«Двухлетний малыш на юго-западе Москвы выпал из окна шестого этажа, когда нанятая родителями няня отправилась готовить обед...»

«В Ставропольском крае у подножия горы Машук найдено тело разыскиваемой девятилетней Ани Прокопенко. Следствием установлено, что девочка была изнасилована, а затем убита...»

«В Шотландии опрошено семьдесят семь тысяч человек. Две трети из них высказались за принятие закона о легализации однополых браков...»

«Чемпион мира по самбо Расул Мирзаев принёс в суде извинение родителям девятнадцатилетнего студента Ивана Агафонова, скончавшегося год назад от его удара, полученного им в центре Москвы, возле ночного кафе...»

«Омск прислал машину гуманитарной помощи Крымску, пострадавшему от наводнения...»

«Сегодня день памяти поэта и актёра Владимира Высоцкого. Спектакль, посвящённый ему, покажет нынешний руководитель Театра на Таганке Валерий Золотухин, давнишний друг и коллега актёра по сцене этого прославленного театра...»

Мне вспомнился 1980 год. Моя первая двухнедельная туристическая поездка за границу, в Германию (тогда ещё ГДР – восточная часть страны, ставшая самостоятельным государством после Второй мировой войны) и Польшу. И как я через две недели возвращался ночным поездом из Варшавы в Союз.

Утром 25 июля на Белорусском вокзале меня встречал мой друг, журналист, работающий тогда в журнале «Советский экран», Андрей Данилов. И первое, что он сказал после того как мы обнялись:

– Высоцкий умер. – И, после недолгой паузы: – У меня есть пропуск для прессы, можем

пойти на Таганку на церемонию прощания. Марина Влади из Парижа прилетела. Да и все актёры театра там будут, во главе с режиссёром Любимовым... Если хочешь, конечно.

– Не хочу, Андрюха. Не хочу его видеть мёртвым.

– Ну, как знаешь. Мне-то всё равно придётся идти.

Встреча наша с давнишним другом оказалась, таким образом, с горчинкой.

Но, оставшись в Москве ещё на какое-то время, чтобы хоть что-то успеть посмотреть из Олимпийских игр, начавшихся, когда я был ещё в Польше, я эту горечь очень быстро рассеял, посещая различные соревнования и чувствуя этот бодрящий дух соперничества, дух Олимпиады. Да и не было, честно говоря, у меня особой горечи. Ведь человек умер от своего же порока.

А через несколько дней Андрюха (я жил в Москве у него) принёс машинописную толстенную рукопись стихов Владимира Высоцкого, которая называлась «Нерв». Под этим названием она потом и вышла отдельной книгой. И помню, как я изумился беспомощности большинства стихов, их несовершенству, их какой-то поспешности, что ли...

Во всяком случае, меня они почти не тронули. Хотя, наверное, класса с десятого я был знаком с магнитофонными (тогда ещё катушечными) записями песен Высоцкого. И от этого многие напечатанные в рукописи тексты знал наизусть. И помню, как они мне нравились в песнях. Точнее сказать, нравились песни. Ибо в них присутствовало некоторое неповторимое сочетание своеобразного, с хрипотцой, голоса; часто оригинальной музыки; и чувствовалось, что блестящего актёрского исполнения. Стихия напора в них была точно.

Вообще я думаю, что Высоцкий прежде всего прекрасный актёр. Вспомните его великолепные роли в фильмах «Короткие встречи» Киры Муратовой, «Вертикаль» Станислава Говорухина, «Служили два товарища», «Место встречи изменить нельзя» да и «Маленькие трагедии» даже... Потом, он очень хороший бард и исполнитель своих песен. Но он, увы, всё-таки, как мне кажется, не поэт. Или, так скажем, весьма средний поэт...

Обычно, прослушав новости на «Маяке», волны которого только и ловятся у меня на даче, я выключаю радиоприёмник. Хотя прежде, в конце

шестидесятых, в семидесятых годах двадцатого века, я так любил эту радиостанцию.

Сколько раз, сидя в каком-нибудь занесённом по самую крышу снегом зимовье, посреди неохватного глазом, даже с вертолѐта, зелёного моря тайги, на очередной промысловой практике, я слушал вечерами по транзисторному радиоприѐмнику «Маяк».

Раз в полчаса передавали новости. Они в отличие от нынешних – в основном негативных – были по большей части позитивны, даже, можно сказать, оптимистичны! А после новостей до следующего их выпуска минут двадцать пять звучала хорошая музыка.

С некоторых пор (я даже не заметил, когда это точно произошло, скорее всего с середины восьмидесятых годов прошлого века, когда в стране разразилась, как заразная болезнь, так называемая перестройка) «Маяк» превратился в некий клуб говорунов-смехачей обоого пола, обсуждающих порою придуманные ими же несущественные проблемы. Такие, например, как «Своевременная эрекция», «Последние разводы в шоу-бизнесе», «Свобода слова и свобода Интернета»...

Причѐм разговор ведут, часто перебивая друг друга, два-три ведущих, постоянно хохочущих над своими же, чаще всего пошлыми, шутками. И говорят-то они в основном на некоем сленге, а не на нормальном русском языке. И во что бы то ни стало стремятся рассмешить ещё и слушателей. Будто это и есть их основная задача, чтобы вместе с ними хохотала вся страна.

Одним словом, сборище трепачей, несущих какой-то несусветный бред, слушать который нормальному человеку просто невмоготу. «Мир вывихнул суставы», – говорил о подобных вещах Шекспир. Я же от себя добавлю: «Кроме всего прочего, миновала эпоха героев. Настала эпоха лидеров...». А лидер тем и отличается от героя, что ради своей выгоды пройдёт не только по трупам конкурентов, но и своих друзей.

Но я отвлѐкся.

Итак, 14 июля, в субботу пришѐл Александр Станиславович Маджаров, как я уже говорил, профессор, историк, примерный семьянин, бард... Несколько песен у него написано и на мои стихи. Особенно ему удалась, на мой взгляд, та, в которой есть слова: «Никогда никуда не хочу уезжать. А всегда возвращаться хочу, приезжать...». Эти стихи, ставшие затем песней, я

когда-то посвятил своей жене Наташе в книге «Памяти солнечный зайчик»...

Пожалуй, Сашу можно назвать ещё и художником. Ибо он создаѐт из подобранного им на берегу Байкала (во время рыбалки) подручного материала: камешков, стекляшек, деревяшек, обточенных волнами, чудесные картинки – инсталляции. И ещё, может быть, он в какой-то мере литератор, поскольку пишет песни не только на чужие стихи, но и на свои собственные. Пишет и рассказы.

Кроме того, он ещё ведѐт на городском радио придуманную и осуществлённую им передачу «Мелодии моей души», очень интересно рассказывая в ней о великих певцах и композиторах, таких, например, как Фредерик Шопен, Исаак Дунаевский, Лидия Русланова, Александр Вертинский, Леонид Утѐсов, Пѐтр Лещенко, Клавдия Шульженко, Марк Бернес, Муслим Магомаев, Валерий Ободзинский, Джо Дассен, Майя Кристалинская...

Список можно было бы продолжить, но и из перечисленных имѐн видно, что создатель и ведущий данной радиопередачи обладает незаурядным эстетическим и музыкальным вкусом, поскольку в представленном перечне имѐн нет ни одного из кумиров нынешней, увы, весьма низкопробной эстрады. Да и концерты современных звѐзд шоу-бизнеса (точнее было бы сказать, шоу-зверинца) могут запомниться не головами, а разве что телом. Особенно это свойственно безголосым в большинстве своём нынешним певицам. И я заметил, что чем меньше у «певицы» таланта и голоса – тем больше в её представлении «обнажѐнки». Хоть чем-то надо же со сцены выделиться, и если не пленить, то хотя бы ошарашить публику. Вот и удивляют телесами да «подтанцовкой» ещё, кривляющейся рядом с так называемыми певцами, заходящейся в каком-то неистовстве массовой подпевал и подтанцовщиков...

Очередная более чем часовая передача в трёх частях, записанная на радио Александром Станиславовичем, была посвящена Сергею Яковлевичу Лемешеву. Вышла она в конце июня к столетию юбилею певца, родившемуся десятого июля девятьсот второго года.

Причѐм автор проекта «Мелодии моей души» долго колебался, о ком сначала сделать передачу: о Лемешеве или Викторе Цое, у которого в этом году тоже юбилей. Ему исполнилось бы пятьдесят.

Пересилил всё же Лемешев.

О нём Саша и заговорил со мной, навистив перед обедом.

Мы сидели на ступенях крыльца, смотрели на Байкал и неспешно говорили о том о сём. Вернее, в основном говорил Александр, а я прилежно слушал:

– Представляешь, и центральное телевидение, и основные радиоканалы лишь вскользь упомянули о юбилее Лемешева. Зато о Цое трещат с утра до вечера. Но согласись, что это отнюдь не равнозначные фигуры?

В знак согласия я кивал головой. Хотя согласия особого Саша от меня и не требовал, продолжая говорить:

– Цой, конечно, талантливый человек, но Лемешев-то – глыба! Давайте соберёмся сегодня и хотя бы с опозданием отметим его юбилей. Заодно можем и передачу о нём послушать. Я диск с собой из города прихватил. Как ты?

– Саша, ты же знаешь, что я по субботам топлю баню. Женька, насколько мне известно, тоже собирается баню топить. Во всяком случае я видел, что он ходил в лес за пихтовым веником. Так что не хотелось бы эти два мероприятия совмещать. Удовольствия ведь надо не сжимать, а растягивать по возможности. Давай послушаем твою передачу завтра. Тем более что она совсем не короткая.

– Можно и завтра, – как-то спокойно согласился Александр. – К тебе, кстати, на выходные никто не приедет?

– Надеюсь, что нет. Вчера звонила одна знакомая, кстати, в том числе и тебе по прошлому году, дама. Спрашивала, не могу ли я приютить её с подругами на два дня? Одна из подруг – балерина из Киева, а не какой-нибудь там тебе «зубной техник», как было у Остапа Бендера в «Золотом телёнке». А вообще их собиралось вместе с ребёнком прибыть шесть человек! Получилось бы почти по две дамы на брата. Но я отказал.

– Почему?

– Потому что невозможно, Саша, как говорили философы, дважды войти в одну и ту же реку. Посоветовал им устроиться внизу, в гостинице «У ручья».

– Анна, что ли, собиралась приехать? – догадался он, о ком речь.

– Ну да...

– В прошлом году мы с Женькой думали, что у вас всё сладится. Особенно, когда её очеред-

ные весёлые подруги уехали, и вы остались вдвоём...

Я не стал ничего отвечать, и мы ещё какое-то время посидели на крыльце молча. А потом отправились к Женьке договариваться на завтра. Тем более что компьютер, на котором мы могли бы прослушать передачу, был только у него.

Женька легко согласился с нашим предложением устроить небольшой выпивон и обед в складчину, предупредив, однако, что к нему на выходные должна приехать «знакомая тётянка», медсестра из той больницы, где он лежал по весне с какой-то болячкой.

– Скоро уж пойду к парому, встречать её. А потом в баньку свожу да веничком пихтовым для приятного телесного аромата отхожу как следует. Кстати, она наполовину тунгуска, – не без гордости добавил он. – Экзотика, мужики! – даже зажмурился Женька от своих предчувствий. – Думаю, Аюна нам не помешает. Человек она тихий, спокойный, не в свои дела не лезет. Тем более что для неё у меня вся ночь. А для вас – весь день.

– Не перетрудись, дружище, при таком-то круглосуточном графике, – пошутил я.

– Постараюсь, – хитро улыбнулся он. И добавил: – Так что чисто мужской компании не получится, уж извиняйте, мужики.

Договорились встретиться назавтра, в час дня, предварительно купив пива, хлеба, овощей и копчёного омуля. Дабы, неспешно попивая одно и поедая другое, с ещё большим удовольствием слушать песни в исполнении Лемешева, с необходимыми комментариями Александра Станиславовича, «нарытыми» им для передачи из разных и обычно малоизвестных источников...

26 июля 2012 года. Четверг. Порт Байкал. 10:30

В девятом часу, когда я готовил завтрак (батон, масло, сыр, колбаса, кофе, несколько долек чеснока, салатик из помидор, лука, огурцов), с того берега позвонил мой шуринок Саша и сообщил, что они с его приятелем Лёшей везут мне доски – сороковку, которые я давно заказывал для прожилки забора. Ещё он извещал, что на восьмичасовой паром им попасть не удалось – было слишком много машин. Так что приедут одиннадцатичасовым. Не знаю, как они заберутся на гору. Всю ночь опять лил дождь. Дорога раскисла.

Узнав о приезде гостей, решил обойти участок и собрать им в подарок грибов (поскольку уезжают они сегодня же четырёхчасовым паромом), чтобы они дома их поджарили с картошечкой. Изумительная вкуснятина!

Минут за пятнадцать собрал двадцать два гриба! Подосиновики, подберёзовики, два белых и один маслёнок, вылезшие после ночного дождя. Да всё ядрёные такие!

10:40. Начну вычитывать то, что написал, а вернее переписал из написанного вчера. Там шесть с половиной страниц. Переписывать всегда ведь легче, чем писать. А я вчера в основном переписывал из ранее написанных вариантов.

Кстати, вчера напахался после обеда за три с половиной часа, делая в доме черновой пол. В полусогнутом состоянии, на карачках так работал под полом уже сделанным, беловым (хорошо, что хоть люк я в нём в своё время оставил), что уснул в половине девятого вечера чуть ли не с книгой в руках. А сегодня проснулся, и то с трудом, почти в восемь, а не в половине восьмого, как обычно. Проспав, значит, больше одиннадцати часов.

11:40. Снова позвонил Саша. Они уже переправились на нашу сторону. Пойду их встречать. Потом буду кормить. А потом будем разгружать доски. Только бы они забрались сюда...

27 июля 2012 года. Пятница. Порт Байкал. 9:25

Заметил, что сегодняшнее число и номер страницы, на которой пишу, совпадают. Может быть, это добрая примета и писаться будет легко? А то вчера ведь так ничего почти и не сделал.

...Пятнадцатого июля, в воскресенье, с утра, как обычно, я пошёл в строящийся неподалёку от моего участка храм Преображения Господня.

Верхний придел, сооружаемый из брёвен, ещё строится. А нижний, сложенный из кирпича, уже готов. В нём-то и проходят субботние (вечером) и воскресные (утренние) службы.

По дороге к храму, до которого от моей калитки не более ста шагов, я вспомнил, как с молебна и закладного камня, кажется, в две тысячи шестом году начиналось его строительство. И как мы с Наташей радовались тому, что рядом с нами будет церковь. А какое-то время спустя мы ходили с ней на первую службу. Девятнадцатого августа, лет пять, наверное, назад, в день храмового праздника – Преображения Господня.

Тогда ещё стояли только недостроенные до конца кирпичные стены первого этажа с пустыми оконными проёмами, в которых синело летнее небо. Не убраны были и строительные леса. А кое-где из утрамбованной ногами глинистой земли торчала арматура. Но день был такой чудесный, яркий, солнечный, нежаркий. И совсем старенький батюшка, отец Николай из храма, расположенного на другой стороне озера, в посёлке Листвянка, в своём светлом облачении, у импровизированного амвона казался таким нарядным и торжественным! И народу собралось немало. В основном писатели и художники, живущие летом здесь, в Порту Байкал, называемом с лёгкой руки журналистов, любящих всевозможные сравнения, Иркутским Переделкино.

Были на той службе и телевизионщики из Иркутска и Слюдянки, снимающие весь процесс первой литургии.

И небо над нами было такое синее-синее, глубокое-глубокое, бесконечное. И, глядя в эту бесконечность, легко верилось в вечность. И в этом бесконечном, вечном небе надо всеми нами, не на такой уж большой высоте, плавно, неспешно парили два коршуна. И отчего-то казалось, что оперение у этих больших птиц было белое.

– Да, а Геночку-то нашего сегодня уже похоронили, – услышал я негромкий голос за своей спиной.

Обернувшись, узнал колоритного, с седой опрятной бородой, серебристыми, волнистыми, густыми волосами и голубыми, как это небо, глазами художника и писателя Валерия Нефедьева («Как я его сразу не заметил?»), прибывшего на праздник на автобусе из Иркутска вместе с телевизионщиками.

Я сразу понял, что он говорит о поэте Геннадии Гайде, моём соседе по дому в городе. Последние года два Гена болел – рак. И всё равно всё это – его уход – было хоть и ожидаемо, но неожиданно, тем не менее.

– Как – умер?! – тоже шёпотом спросил я, не придумав ничего другого. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я же звонил ему и Денису несколько дней назад. Они собирались ко мне на дачу приехать на недельку. Погостить. Подышать свежим воздухом.

Денис – это сын Гайды, священник из Питера, ухаживавший за ним в последние дни.

– Не приедут теперь, – как-то нехотя ответил Валера, неотрывно глядя на красиво и гордо парящих в небе птиц...

Значит, первая служба, судя по дате смерти Гайды, была в две тысячи восьмом году.

А может быть, я что-то перепутал. И, возможно, это была вторая служба в недостроенном храме. Потому что точно помню эти праздничные литургии среди стен без крыши, которых было две. И ничто ещё тогда не предвещало чёрного для меня две тысячи девятого года, когда не стало Наташи.

На службе в храме я и встретил всех дам, намеревавшихся накануне остановиться на выходные у меня.

Именно об этом просила меня Анна, позволив дня за два до нынешних выходных и сообщив, что к её лучшей подруге Татьяне, «с которой мы были у тебя, помнишь, в прошлом году, приехала из Киева её свекровь».

– Бывшая балерина, между прочим, – не давая мне вставить даже слово, продолжала Анна. – И очень хороший, кстати, интересный человек. Мать мужа Татьяны Руслана. Мы хотим показать ей Кругобайкалку*. В субботу на воскресной электричке мы приедем из Иркутска в Слюдянку, а оттуда – в Порт. И нам там надо будет где-то переночевать одну ночь, – по-прежнему слышал я в мобильном телефоне приятный, неторопливый, но без пауз голос Анны, когда-то так нравившейся мне.

Я сидел на верхней ступени лестницы (люк, открывающий вход в коридорчик гостевых комнат второго этажа, был откинут), где связь была более устойчива.

– А сколько вас будет? – перебил я Анну.

– Пять или шесть человек, – невинным голосом ответила она. – Я, Татьяна, её сын Гриша, ты его тоже должен помнить, мы с ним и Татьяной к тебе приезжали. Правда, он сейчас здорово вырос. Почти молодой человек. Лидия Александровна, – по-видимому, вспомнив о своём вопросе, продолжила она, – сестра Татьяны Наталья и подруга сестры Света.

«Всё как всегда, – подумал я. – Лучшая подруга Таня, не лучшая подруга Зина или Клава, а с ними чей-то ребёнок, которого я должен помнить, потому что он гостил у меня с мамой!»

– Вино, еду, постельное бельё мы привезём с собой, так что тебе никакой мороки с нами не будет, – закончила Анна мажорно.

– Аня, – проговорил я в наконец-то образовавшуюся паузу, но в отличие от Анны без всякого мажора и энтузиазма, – ты же знаешь, мне столько человек не разместить. У меня только пять стационарных спальных мест для гостей, учитывая и рундук на веранде.

– Ничего страшного, – оптимистично подхватила она. – У тебя же, насколько я помню, в двух комнатах на втором этаже по две кровати в каждой. Таня с Гришей на одной улягутся, он всё-таки ещё не такой здоровый парень. Свекровь – в комнате с ними на второй. А мы трое вповалочку в соседней комнатке устроимся. Или кого-то по жребии отправим спать на рундук. Да я и сама могу там примоститься. Ближе к тебе буду**. Вернее, к твоей запертой в дом двери. Ты же в дом никого не пускаешь, – кокетливо закончила Анна распределение мест. Хотя, конечно же, помнила, что в доме мы с ней тогда и жили, когда остались одни. В первую неделю осени. И это была осень на двоих. И баня – на двоих. И – кровать...

Когда-то мы были очень близки с этой девушкой, несмотря даже на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте...

Тогда, в их первый приезд ко мне на дачу, я уже более года был вдовцом. И никак не мог избавиться от постоянно гнетущей меня тоски по жене, которой мне так не доставало. Наверное, так же калеке до конца дней его недостаёт, может быть, когда-то очень давно отрезанной руки. И любая вещь, напоминающая мне о ней, – собранные на берегу Байкала во время нашей прогулки маленькие цветные камешки, положенные потом в пустую солонку, так и оставшуюся стоять на столе; книги с её карандашными пометками; берестяной «обруч» для волос, вызывали у меня душевную тоску. В такие минуты мне казалось, что уже закрывшаяся было рана открывалась вновь, причиняя мне прежнюю боль.

И тут, на излёте лета приехала Анна с Татьяной, её сыном Гришей и ещё какая-то их подруга, имени которой я не запомнил. Но зато запомнил, что у неё был просто шикарный бюст, который она не очень-то и старалась скрывать под назойливыми одеждами. Как удачливый игрок не скрывает, что у него имеется козырный туз.

Ещё помню, что последний день лета, тридцать первое августа, пришёлся тогда, кажется, на воскресенье. Точно, воскресенье, потому что

* Старая железная дорога, идущая вдоль Байкала от Порта Байкал – если двигаться на восток – до Слюдянки.

** Когда-то я серьёзно воспринимал её слова.

накануне была баня. Сначала парились дамы, а потом мы с Гришей.

И тот субботний день, помнится, был очень тёплый. И когда мы вышли из бани, на полянке уже стоял стол и две лавки. Над углями костра неподалёку, источая дразнящий аромат, румянились на шампурах большие куски мяса, перемежающиеся луком и дольками помидора. Красное вино было в тёмных бутылках, водка, пиво, зелень. Да, широко решили девушки отметить банный день! И помнится ещё, что после долгого застолья, в сумерках, когда полянка, на которой мы расположились, освещалась уже только светом из окон близкого дома и веранды, я отправился спать, оставив гостей у догорающего костерка одних. И как ещё долго потом в открытую, с сеткой от насекомых форточку окна были слышны песни, распеваемые неугомонными дамами. А иногда вдруг наступала тишина и через какое-то время слышался их дружный и весёлый смех.

Но я отвлёкся. И так, в последний день лета, после отнюдь не раннего завтрака мы все отправились на Белые камни. Вершина скалы у истока Ангары. Оттуда открывается чудесный вид на Байкал, на его противоположный берег, такой близкий здесь, и быструю Ангару, и Шаман-камень, торчащий из воды на середине реки, стремящейся к Енисею, прочь от старика Байкала. Помню, что мы все уселись на эти тёплые от солнечного света камни и любовались просторным видом, открывающимся сверху.

– Владимир, у тебя же есть стихи, посвящённые последнему летнему дню. Прочти, пожалуйста, а я запишу это всё на камеру мобильного. Только прочти с выражением, как ты можешь, как вчера нам читал, – попросила Анна.

– Аня, стихи надо читать не с выражением, а выразительно, – ответил я, отчего-то вспомнив, как мы с ней вчера в комнате на втором этаже первый раз поцеловались. Оттуда ей вздумалось полюбоваться звёздами, и она попросила меня проводить её, когда я уже засобирался уходить в дом спать.

– А то ещё грохнусь где-нибудь на лестнице спяну! – смеясь, проговорила она. – Поскольку, стакана два вина я сегодня под шашлыки выпила, а для меня это очень большая доза.

И как это было неожиданно для нас обоих. И трепетно, и волнующе. Этот первый, такой ещё робкий, разведывательный поцелуй...

– Ну, читай выразительно, – согласилась она, пребывая в какой-то несвойственной ей глубокой задумчивости.

И ещё я вспомнил, что стихотворение, которое Анна просила меня прочесть и которое было напечатано в книге «Сестра моя, Осень» (там, наверное, она его и углядела), было написано аж в семьдесят втором году. Анна тогда, пожалуй, только родилась. А я после окончания института служил, вернее, проходил трёхмесячную военную подготовку в унылой степной местности – Читинской области, в Оловянинском районе, недалеко от села Безречное. Там у меня на шее выскочил чирей и сержант – солдат-срочник – отправил меня в госпиталь, который находился километрах в двух от нашей единственной казармы, стоящей в степи возле тоже единственной, старой берёзы, выросшей когда-то очень давно у стены казармы, с её подветренной стороны. Народу на приём к врачу было немало, и я вышел из тесного коридорчика, где на стульях сидели люди, не желающие выходить под дождь, во двор госпиталя, договорившись, что меня крикнут, когда подойдёт моя очередь. Помню, что я присел на корточки у дощатого забора, ограживающего небольшой пустырь с беседкой, прилегающий к бараку госпиталя, весь заросший полынью. Ещё помню, что нам уже выдали шинели. Хотя как там у поэта?

*И листья ещё не истлели,
И шапка ещё не нужна,
но
всё-таки
выйти в шинели
вчера приказал старшина.*

*Мне так она впору сегодня,
под дождиком этим сквозным,
и пахнет зимой прошлогодней
и потом,
ещё не моим.*

И вот я сидел у серого забора в серой солдатской шинели, не желая пробираться через сплошные заросли полыни к беседке, вдыхая запах полыни и радуясь несильному, едва морозящему дождю, сбивающему с травы серую пыль, и тому ещё, что в шинели мне было тепло. И вдруг среди этого пасмурного неласкового дня я вспомнил, что нынче тридцать первое августа, последний день лета. И что уже в конце сен-

тября нам присвоят звание лейтенантов, и мы вернёмся домой... И тут же на подобранной у забора и, как ни странно, почти сухой пачке «Беломора», разорвав её, на внутренней стороне, где не было рисунка, я написал карандашом, отрывок которого всегда лежал у меня в кармане гимнастёрки, это вот стихотворение:

*Августа последний день.
Завтра лето кончится.
Ну а людям всё равно
Ещё лета хочется.
Ещё хочется тепла
И любви нечаянной.
Ветер в тополях разлит
Музыкой прощальнойю...
День последний, не спешу.
Дай ещё нам света.
Здравствуй, осень.
Здравствуй, грусть.
До свиданья, лето...*

Это стихотворение я и прочёл там, на Белых камнях...

Вечером того же дня Татьяна уехала в город. Ей надо было завтра, первого сентября, вести Гришу в школу на торжественную линейку. С ней укатила и пышногрудая Зинаида (наконец-то вспомнил, как её звали), которая так и не сумела уговорить меня сделать ей после бани массаж позвоночника. «Чтоб от шеи и аж до самого копчика, хотелось бы всё промять, а то спина порою что-то плохо слушается, – говорила она кокетливо, нараспев. – Тем более что девки наши, знаю уж, парильщицы так себе, через полчаса выскочат из бани. А я вас там, на полочке, дождусь. Вы наверняка сможете сделать хороший массаж, руки-то у вас вон какие сильные. Ну, а за труды сии тяжкие я вас уж как-нибудь отблагодарю». Увы, ей в понедельник надо было на работу и, значит, тоже надо быть в городе. А то, глядишь, до чего-нибудь и договорились бы...

Помню, что перед тем как отправиться на паром, Татьяна (наотрез отказавшаяся, чтобы мы провожали её: «Что это вы вниз с нами потащитесь, а потом опять на гору. Сами дойдём, не маленькие»), лукаво улыбаясь, напутствовала нас с Анной:

– Вы только тут себя без нас хорошо ведите. А вы, Владимир, Анечку не обижайте. Она у нас девушка славная и доверчивая.

– Не обижу, не волнуйтесь, – пообещал я.

Как только гости скрылись за калиткой, мы поднялись на второй этаж и начали целоваться. Причём с такой поспешностью, таким жаром, такой неутолённостью, будто два влюблённых человека наконец-то встретились после тягостной долгой разлуки. Губы подолгу не хотели размыкаться. И руки искали рук. И мне подумалось в тот дивный миг, что, может быть, Господь сжалился надо мной, послав эту девушку, с которой мы были едва знакомы, встречаясь до этого ежегодно, раза три наверное, лишь на дне рождения нашей общей знакомой, очень весёлой и компанейской женщины Жанны Богдановой, диктора Иркутского городского радио.

– А знаешь, что ты меня однажды спас? – шёпотом спросила Анна, когда мы уже спустились в дом и, тоже поспешно, расположились там на кровати.

– Каким это образом? – искренне удивился я, чувствуя к этой прильнувшей ко мне всем телом девушке, превосходившей меня по росту, просыпающуюся влюблённость и нежность. Будто чувства мои вдруг очнулись от долгого летаргического сна и стали реагировать на действительность, не утопая больше, как в трясине, в беспросветной и вязкой тоске, сосущей моё сердце, словно леденец.

Тем более что это была первая, самая приятная стадия влюблённости, когда ещё не ощущаешь себя пленником завладевшего тобою чувства. И когда предстоящее расставание совсем ещё не тягостно. Ибо после него остаются такие приятные воспоминания, а продолжение дальнейших отношений почти не мыслится.

На полу играли бледные лунные блики. Было тихо и хорошо. Наверное, оттого что спокойно.

– Я лежала в больнице, – продолжила Анна наш неспешный ночной разговор, – и мне было так плохо. Обнаружился застарелый аппендицит, готовый в любую минуту лопнуть, отчего исход предстоящей операции был неясен даже врачам, а уж мне-то тем более. И мог быть разным, в том числе и «с летальным исходом», как пишут в медицинских заключениях, когда пациент отправляется на тот свет. И тут Жанна, навестившая меня перед операцией, дала мне почитать твою книгу «Предчувствие чудес».

– Хорошая книга, – чувствуя лёгкую, приятную усталость после той бури чувственных неистовств, которая только что улеглась в нас обоих, вставил я. – И издатель её выпустил очень хороший – Гена Сапронов, царствие ему небесное.

– Так вот, я читала её и перед операцией, и после. И чувствовала, как во мне что-то меняется к лучшему. Появляется не надежда, а твёрдая уверенность в том, что всё будет хорошо. И мне самой от этого становилось так хорошо и спокойно, – машинально водя указательным пальцем по моей не слишком волосатой груди, говорила Анна. – Я тебе потом несколько восторженных эсэмэсок отправила, после операции, когда пошла на поправку. Мне Жанна твой номер мобильного телефона дала. Но не на одну из них, увы, ответа так и не получила. Ты что, их не читал? – приподнялась она на локте, заглядывая мне в лицо.

– Читал, – ответил я.

– А почему тогда ничего не ответил?! – с ещё большим изумлением спросила она. – Тебе же это должно было быть по идее приятно, что у тебя появился новый, да ещё такой восторженный читатель?

– Я не умел. Да и сейчас не умею писать и отправлять эсэмэски. Я ведь по сравнению с вами, молодыми, просто какой-то шерстистый носорог, вытаявший из вечной мерзлоты. И для меня мобильный телефон (который мне когда-то почти насильно купила моя жена Наташа, «чтобы не был на даче оторван от нас и от внешнего мира») – это лишь приспособление, по которому я могу с кем-то поговорить, нажав при вызове известную мне кнопку. Остальные его функции мне неведомы.

– Тундройд! – развеселилась Анна. – А я-то не на шутку обиделась. Думаю, такие хорошие рассказы! И такой чёрствый человек их пишет.

Склонившись ко мне, отчего я почувствовал упругость её небольшой, такой соблазнительной груди и бархатистость кожи, она поцеловала меня долгим нежным поцелуем. Ответить на который у меня уже просто не было сил.

– Спишь? – снова приподнявшись на локте, спросила Анна.

– Задрёмаваю, – продираясь сквозь пелену сна, ответил я.

– Ну давай будем спать.

Она снова всем телом прильнула к моему боку. И, взявшись за руки, мы уснули, не желая расставаться даже во сне.

30 июля 2012 года. Понедельник. Порт Байкал. 10:10

Сегодня проснулся в 7 часов. Начал работать в 9:35. Вычитал предыдущий фрагмент,

написанный двадцать седьмого, в пятницу. Пятница у древних римлян считалась днём Венеры, богини любви.

А сегодня, кстати, месяц, как я приехал на дачу. Это было тридцатого июня, в субботу. Поэтому, открыв в доме ставни, я сразу же стал топить баню, чтобы не нарушать субботнюю традицию...

А нынешние выходные, приехав ближе к вечеру в пятницу, у меня гостили Дима и Света.

И после бани, двадцать восьмого июля, мы с ними справляли мои именины. Ведь это день Равноапостольного великого киевского князя Владимира – крестителя Руси.

А днём в субботу, до бани, я в тот день неожиданно получал от всех подарки.

Маджаров, которого я навестил, отправившись за пихтовым венком в лес, подарил два банана и персик.

– По банану вам с Димой, а персик Свете, – сказал он, кладя дары в пакет.

Саша Деркач – местный житель, встретил меня в магазине, куда я отправился за пивом, и узнав, что у меня именины, затащил к себе домой. Благо домик его недалеко от магазина. Выдал литр козьего молока (он держит козу) и дал одного малосольного омуля.

– Да, Саша, – пошутил я, – подарочек у тебя такой, что если всё это употребить одновременно – трёхдневная свистуха точно будет обеспечена.

– Ничего, организму зато прочистишь, – улыбнулся он. – Я вот уже полгода не пью, – без плавного перехода переключился он на главную свою тему, – так он у меня теперь такой прочищенный, будь здоров!

Академик Гудков, мимо старой дачи которого я проходил (она теперь принадлежит его дочери Миле) и с которым я остановился поздороваться, завёл в дом. Налил себе и мне по рюмке водки и угостил на закуску... мороженым, достав его из морозильной камеры холодильника.

А вечером приехавшие соседи по даче, Пётр, его жена Светлана, дочь Лиза и малолетняя, недавно родившаяся у них Аня, пришедшие навестить меня, узнав об именинах, быстренько отправили Лизу домой, и она через какое-то время принесла довольно большой остаток брусничного пирога.

Вручив пирог и пожелав мне всего хорошего, соседи откланялись, а мы сели ужинать,

радуясь тому, что наконец-то остались одни. Тем более что от большой сковороды, поставленной на стол на специальную металлическую подставку, так аппетитно пахло грибами и жареной картошкой. Грибы Света собрала днём на нашем участке.

И только мы приступили к еде, разложенной Светой по тарелкам, и пригубили по несколько глотков каберне, как с весёлыми шутками и смехом на веранде появилась моя давнишняя приятельница Нина Максименко, тренер по стрельбе из лука, с которой мы в девяносто третьем году принимали участие в велопробеге Пекин – Париж. А рядом с ней нарисовалась и Людмила Адаскина, её подруга, главный бухгалтер областного спорткомитета. Они приехали на Байкал на выходные, остановились в гостинице «У ручья», но, вспомнив о моих именинах, решили подняться на гору, прихватив с собой бутылочку медуухи, куриные котлеты и черёмуховый торт.

– Мы пришли тебя поздравить! – хором, как пионеры на линейке, проговорили они.

– Ну, пришли, так садитесь, – ответил я. – Мы как раз приступаем к трапезе. Молодцы, что пришли.

Вечер прошёл очень хорошо и весело. Но всё-таки совсем хорошо стало, когда мы остались втроём, вернее вчетвером: я, Дима, Света и Карасик, которого они зовут Рыжик...

Вчерашний воскресный вечер был уже не таким весёлым, как субботний. Все разъехались. И мы с Карасишкой снова остались одни. Ох уж эта пытка расставанья с близкими людьми... Грустно... И это ещё в лучшем случае.

А сегодня чувствуется, что загрустил и наш котик. Всё ходил, искал повсюду Диму, у которого провёл на руках или коленях почти два дня. Дмитрий его спаситель. Это он подобрал рыжего года два назад на городской набережной совсем малюсеньким, слабым, он от истощения и пищать-то уже не мог. А только разевал беспомощно розовый ротик, глядя на ноги проходящих мимо людей. Голову он от слабости тоже поднять не мог. Проходившие мимо люди смеялись, шутили, и никому не было дела до беспомощного, маленького – не больше мячика для большого тенниса – бездомного рыжего котёнка, без сил лежащего у парапета набережной...

И его счастье, что и Дмитрий гулял в этот день по набережной.

«Как же я мог его не подобрать, – оправдывался потом передо мною сын, – всё-таки живая душа».

И сегодня Рыжик (эта живая душа) так и оставался по своим повадкам и поведению котёнком, не получилось из него вальяжного, ленивого кота. Он то забирался на второй этаж, смешно перебирая лапками на ступенях лестницы, то устремлялся в дом, при этом время от времени жалобно мяукал, принюхивался к оставленным Димой тапочкам, ложился на них. А потом, найдя оставленную на кресле в доме футболку сына, улёгся на неё и уснул...

Итак, мне осталось жить на даче ещё три недели.

Девятнадцатого августа, в храмовый праздник местной церкви, я уеду в город. Поскольку уже двадцатого августа, мы с Н., которая здесь для всех числится неизвестной дамой, отправляемся до двенадцатого сентября в Туапсе, к её тётке. Отдохнуть, позагорать, покупаться в Чёрном море. Причём в оба конца мы едем поездом, в двухместном купе! Туда пять дней и обратно столько же. Благо, что билеты куплены в оба конца. Так что здесь, на даче, я смогу появиться только после семнадцатого сентября, когда вернусь в Иркутск.

Причём уже второй раз летом я не буду присутствовать на храмовом празднике.

Года два назад меня уговорил «прервать моё дачное безвылазное сидение» «на пару дней» Андрей Григорьевич Румянцев, профессор Литературного института имени Горького, народный поэт Бурятии. И просто хороший поэт. Сообщив, что нас пригласили в Кутулик на празднование какой-то его некруглой годовщины, а заодно и на очередной день рождения рано ушедшего из жизни драматурга Александра Вампилова, прожившего в этом посёлке все детские и юношеские годы, вплоть до поступления в Иркутский госуниверситет, где тогда учились ставшие впоследствии известными всей стране писателями Валентин Распутин, Ким Балков, Виталий Зоркин, Юрий Скоп, Вячеслав Шугаев и другие.

– Тебя, – уточнил Андрей Григорьевич, – приглашают, поскольку ты родился в Кутулике, а меня – как однокурсника Вампилова. Кстати, Кутулику в этом году двести тридцать пять лет, – добавил Румянцев, – и админи-

страция посёлка решила приурочить празднование посёлка ко дню рождения Сани. Машина будет, – продолжал Андрей Григорьевич завлекать меня по телефону, зная, как я не люблю летом уезжать с дачи даже на несколько дней, особенно, если пишется. У меня обычно так: раз заехал – раз выехал. И всё лето здесь, на горе. – Так что и туда привезут, и обратно доставят. Даже конные бега грозятся для почётных гостей устроить! А мы с тобой там почётные гости, как заверил меня глава поселковой администрации, мой старинный приятель, кстати. Соглашайся.*

Ну я и согласился, тем более зная бурятское гостеприимство.

И всё было именно так, как говорил Андрей Григорьевич. И бега тоже были. И мы с Румянцевым даже поставили ставки на лошадь по кличке Авантюрист, полагая, что в наше время именно люди такого склада и добиваются в жизни успеха и власти. Отчего же тогда и лошади с подобным именем не прийти к финишу первой?

К счастью, мы оба ошиблись, а потому и проиграли, поскольку у лошадей всё ещё было по старинке. Как в добрые старые времена. И победы поэтому у них доставались лучшим.

Однако пора вернуться к основному сюжету повествования.

Итак, следующий отрывок, из ранее написанного.

...Через какое-то время мы с Анной оба крепко уснули. И я чувствовал, что продолжаю глупо и счастливо улыбаться даже во сне. И с одной стороны, уже полусонным нетвёрдым сознанием я ощущал себя почти счастливым, а с другой – в какой-то мере предателем по отношению к Наташе, хоть и ушедшей в мир иной. «Но ведь Бог не есть Бог мёртвых, но Бог живых, ибо у него все живы». И мы ведь с нею были венчаны. И я даже подписал ей свою книгу «Формула красоты», вышедшую незадолго до нашего венчания в Богоявленском храме, так: «Наташе, в день нашего венчания 22 июля 2001 года, в первый год третьего тысячелетия. Ибо венчание – это когда хочется быть с любимым человеком не только при жизни, но и после оной...».

Наташа отчего-то всегда просила подписывать ей мои новые книги.

– Зачем тебе это? – как-то спросил я её.

– А я про тебя, когда буду на «пензии», мемуар напишу, – почти серьёзно ответила она.

И ещё, хоть и во сне, я всё же чувствовал, что стройные ноги Анны значительно длиннее моих. Впрочем, ни разница в росте, ни в возрасте не казалась нам в те дивные минуты чем-то существенным, способным как-то повлиять на наши отношения.

А потом, после первой сентябрьской недели, проведённой вдвоём, во время которой она не раз шутила: «Если не можешь жениться на мне, то хотя бы удочери, чтобы нам не надо было расставаться», она уехала, и я остался один.

Чего-чего, а одиночества у меня в последнее время всегда в избытке. Были, конечно, и частые звонки, и длинные эсмэски, приходившие от неё по нескольку раз в день. Но разве всё это, даже голос с его таким приятным, необычным тембром, могут заменить присутствие близкого человека?

А когда в начале октября мы встретились в городе, всё было уже как-то не так. По-другому. И я вдруг понял, что та неистовая недельная гроза, закружившая нас на даче в тёплые сентябрьские дни, когда казалось, что вот она, «осень на двоих» в чистом виде, как это прекрасно описано в очень светлой и лиричной повести ещё одного нашего не очень дальнего соседа по даче Владимира Жемчужникова, ушла куда-то. Как уходит по громоотводу в землю электрический заряд, исчезая там бесследно. И никаких больше искр между нами ни от соприкосновения рук, ни от соприкосновения губ не возникало. И губы, и руки будто омертвели и уже не принадлежали нам.

«Что-то кончилось...» – это уже рассказ Хемингуэя, который так точно сумел описать, даже не увядание, а внезапное, ничем не объяснимое порою исчезновение любви. Или пусть даже влюблённости, уходящей навсегда в никуда...

Анна всё никак не могла определиться со своей прежней привязанностью к женатому человеку, о котором я узнал, уже вернувшись в город.

– Понимаешь, я не могу его выкинуть из сердца. А он не может расстаться с женой, потому что она стала калеккой после автомобильной катастрофы, когда за рулём был он. И с тобой я тоже не могу и не хочу расставаться, – позвонив, начинала она разводить очередную мокрень. И мне каждый раз казалось, что её слёзы неостановимы и обильны, что вот-вот начнут капать из трубки моего домашнего телефона и

* Вампилов родился 19 августа 1937 года, а за два дня до своего 35-летия утонул в Байкале, в 1972 году.

замочат мне ухо. – Я тебе очень благодарна за ту чудесную неделю на Байкале. Я даже думала, что она окончательно излечила меня от моей ненормальной любви...

Однако быть лекарством от любви, пусть даже сильнодействующим, мне не хотелось.

К тому же во время наших нечастых теперь встреч Анна стала воспринимать себя порою по отношению ко мне неким бесценным, очень капризным и очень дорогим к тому же подарком. Но драгоценных подарков я, во-первых, ни у кого не просил. Даже у судьбы. А во-вторых, драгоценностей я не люблю. Может быть, поэтому вскоре Анна стала для меня как все. Вернее, как многие мои знакомые, долгие или не очень. И с трудом уже верилось в то, что была и страсть, и влюблённость, и нежность (именно в такой последовательности). Хватило, оказывается, всего нескольких эпизодов и нескольких встреч в этом осеннем стылом городе, чтобы всё предыдущее развеялось и улетучилось, как дым.

И теперь, разговаривая с ней по мобильному телефону, я её именно так и воспринимал. Как свою приятельницу, не более того.

– Нет, Аня, не получится, – ответил я уже окончательно на её настойчивый, несколько раз произнесённый уже до этого вопрос: «Сможем ли мы у тебя остановиться?». – Ко мне должны приехать гости, с которыми мы договорились заранее, – соврал я.

– Жаль, – обескураженно и как-то беспомощно, что так было не свойственно ей, ответила она. – У тебя там, на горе, так здорово. Такой вид чудесный. Придётся в гостинице в посёлке устраиваться. Где кругом коровы, коровьи лепёхи с соответствующими запахами, собаки, грязь и люди...

Людей она поставила в конце своего перечня. После коров, собак, лепёх и даже грязи. Ибо только человек может так нагадить другому человеку, что никакому животному и не снилось.

– А у меня сегодня день рождения, – не очень весело сказала Анна, когда мы после службы вышли из храма и остановились неподалёку от него, пока её подруги, задержавшись в свечной лавке, покупали там какие-то книги. – И хотя ещё один очередной прожитый год – это не повод для веселья, но тебя я видеть рада. Буду считать, что это мне подарок ко дню рождения. А то могли бы ведь и не встретиться вовсе.

В тоне её голоса, во взгляде, в каком-то кротком поведении проклюнулось что-то от той, прежней, Анны. И я, испугавшись этого наваждения, узнавания её желанной и любимой, чуть грубовато спросил:

– И сколько же тебе стукнуло, если не секрет?

– Посчитай. Ты старше меня на двадцать три года. Когда я родилась – ты уже окончил институт. Впрочем, мне ещё «не стукнуло», как ты выразился, потому что я родилась в двенадцать часов дня.

Мысленно я подсчитал, что ей, значит, сорок лет. А вслух, стараясь быть непринуждённым и весёлым, сказал:

– О, сударыня, значит, вам не менее ста лет! Ибо я уже такой древний.

– Обидеть хочешь? Или так, беззлобно шутикуешь? – совсем не раздражённо, а скорее устало спросила Анна.

– Комплимент хотел сделать, – ответил я. – Поскольку после ста – уже вечность. А для вечности ты весьма неплохо выглядишь.

– Когда-то ты говорил, что я выгляжу очень хорошо и даже сногшибательно.

– Ну, когда-то... Мало ли что было когда-то....

– А ты не меняешься, – внимательно взглянув на меня, сказала Анна. – Всё такой же.

– Какой?

– Загорелый. Мускулистый. Весёлый. Глаза блестят и голубеют.

Не знаю, говорила ли Анна правду. Сама она, надо сказать, за то время, что мы не виделись, изменилась. И, увы, не в лучшую сторону.

В углах рта появились скорбные складки. Бездонный, как казалось прежде, омут зелёных глаз уже не был опасен и не выглядел таким уж бездонным, словно обмелел. И в эти обмелевшие глаза теперь не страшно было заглянуть. И ещё, чувствовалась в ней некая преждевременная усталость, словно мы с ней обменялись возрастом.

– А ты, Аня, что-то неважно выглядишь, – с искренним сочувствием сказал я. – Работы много?

– Много. Причём часто бестолковой, совсем ненужной, – с каким-то безразличием ответила она. – Но, впрочем, наверное, дело не в этом. А в том, что радости жизни не стало. Вот в чём беда... Послушай! – вдруг оживилась она, – сегодня ведь макушка лета, его середина, некий, так сказать, рубикон. А «лето – это маленькая жизнь...», как поётся в песне Олега Митяева.

У нас есть вкусная еда, вино. Надеюсь, ты не будешь возражать, если мы отметим мой день рождения у тебя? Не хочется, понимаешь, устраивать праздничный обед в гостинице с видом из окна на неказистые деревенские сараи и общественный туалет. Тем более что ты сказал, что к тебе никто не приехал. Посуду мы потом всю перемоем и всё приберём, не беспокойся. – поспешно проговорила Анна, по-видимому, уловив в моём лице недовольство.

– А я и не беспокоюсь. Я вообще в последнее время стараюсь ничем особо не озадачиваться, – ответил я. – Но, увы, при всём моём желании собраться у меня не получится. Потому что в час дня мы собираемся у моего соседа Евгения Яковлевича Серебрянникова, отметить десятилетний юбилей Сергея Яковлевича Лемешева. Если ты с ним договоришься о своей компании – присоединяйтесь. Думаю, он возражать не будет.

- А ты не смог бы с ним поговорить?
- Нет. Это ведь не моя территория...

31 июля 2012 года. Вторник. Порт Байкал. 10:50

– Ты как будто сердись на меня за что-то, – задумчиво проговорила Анна, раздражённо махнув рукой своим спутницам, уже вышедшим из храма и какое-то время стоящим в некотором отдалении от нас на зелёной, заросшей душистой аптечной ромашкой дорожке, ведущей в деревню, и всем своим видом словно показывающим, как им надоело её ждать. И взмах её руки в данном случае мог означать только одно: «Идите. Я догоню». – Я вроде бы этого не заслужила, – увидев, как её подруги побрели вниз, вновь обернулась ко мне.

– Аня, ты очень славная девушка. И поверь, я к тебе совсем неплохо отношусь. Но я больше не люблю тебя, вот в чём дело. Впрочем, как и ты меня, наверное. Следовательно, – я старался говорить искренне, – не стоит больше блуждать в саду былых сновидений, в котором нам обоим было когда-то хорошо. Ведь невозможно дважды войти в одну и ту же реку, как утверждают философы. Всё в прошлом, в мире иллюзий. Причём надеюсь, что утраченных.

– А я сегодня с утра творчеством занималась, – словно не слушая меня и глядя теперь на синюю ширь Байкала, снова невесело проговорила Анна, достав из кармана лёгонькой куртки и передавая мне сложенный вчетверо тетрад-

ный листок бумаги. – Пообещай только, что прочитаешь, что там написано, когда мы уедем!

– Обещаю. И даже, как юный пионер, торжественно клянусь! – попробовал я хоть немного разрядить обстановку. – Ну, я пошёл. Мне ещё надо до визита к Женьке успеть супчик какой-никакой сварганить.

– Пойдём вместе. Попробую переговорить с твоим соседом.

У крыльца моего дома мы расстались. Анна пошла дальше, а я вошёл в дом.

Готовя на веранде супчик на завтра и послезавтра и в общем на сколько хватит, я увидел в своё «телеокно», как через короткое время возвращаясь от Женьки, Анна перешла с его участка на мой (между нами нет забора), собрала на небольшой полянке крохотный букетик ромашек и, подойдя к веранде, постучала сухой веткой в высокое окно, до которого рукой было не дотянуться.

Я вышел на крыльцо.

– С Евгением Яковлевичем мы обо всём договорились. Так что наша компания присоединяется к вам, – доложила Анна.

– Хорошо. Значит, ещё увидимся, – бодро ответил я.

– Это тебе, – протянула она букетик из нескольких ромашек.

– Почему мне? – удивился я. – День рождения ведь не у меня.

– Да ты посмотри, какие они красивые! – проговорила Анна.

«Вот именно. И не стоило их рвать. Пусть бы себе росли», – подумал я.

– На них, кстати, можно погадать, – продолжила она.

– Положи вон там, – показал я на две доски, служащие мне верстаком. – У меня сейчас руки грязные. Только что картошку мыл, а она вся в присохшей глине, – объяснил я Анне.

Она положила ромашки на край доски и, опустив голову, побрела по тропинке к калитке.

* * *

После весёлого более чем трёхчасового застолья Анна, её спутницы и «тётенька» Евгения, оказавшаяся очень славной, спокойной женщиной, отправились на паром. Женька изъявил желание их проводить, попросив нас с Сашей дожидаться его «для продолжения банкета».

– Тем более у меня для вас есть сюрприз, – сказал он, заговорщицки улыбнувшись.

Мы с Сашей уселись в раскладные кресла на большой открытой веранде (благо, что дождь в очередной раз прекратился) и, лениво переговариваясь, стали любоваться чудесным видом на Байкал, его ближайшими и дальними мысами, сейчас курящимися, будто деревенские печи в ненастье, когда из труб почти всех домов валит белый дым.

– А я сегодня перед обедом по областному радио, в рубрике «Минуты поэзии», стихи твои слышал. Хорошие стихи, – неспешно, с паузами проговорил Саша, всё так же неотрывно глядя на Байкал. – И стих об Анне, я сразу понял о ком.

– О ком? – тоже лениво спросил я.

– Ну, ясно дело, о сегодняшней Анне, Снегирёвой. Я же помню, как у вас тут два года назад всё захороводилось. Светились оба, как свежеспечённые блины. Это потом уже, позже, между вами какая-то чёрная кошка, похоже, пробежала.

– Нет, Саша, ты ошибся. Этот стих был написан очень давно. Ещё в прошлом веке, в Германии. И когда я писал его, я думал не об Анне Снегирёвой, а об Анне Невзоровой, моей давнишней доброй приятельнице, работающей тогда на областном радио. С которой у меня никогда и ничего в амурном плане не было. Да ты и сам её знаешь. Ты ведь у неё в программе на радио тоже записывался, как мне помнится.

– Да, – ответил Саша, – было дело. И, немного помолчав, добавил: – А наизусть это стихотворение не помнишь? Прочти, если сможешь.

– Попробую, – не стал я возражать. Тем более что многие свои стихи я действительно знаю наизусть.

Дни поздней осени туманны...

(И смуглы аж до черноты.)

И у моей подруги Анны

Сквозят осенние черты.

И в сумерках – из фиолета –

Я с грустию припомню вновь,

Как ярко полыхнуло лето,

Меновенна как была любовь.

Осенняя моя подруга...

На кухне с Анной пьём чай.

Она мне – про любовь, про друга...

Я ей – про беды про свои...

И вдруг, галантно распрощавшись,

Я в темь шагну. Исчезнув вновь,

Шепча под нос себе сонеты

Про нереальную любовь.

*Но, сам себе противореча,
Я буду ночью вспоминать,
Как светел локон. Смуглы плечи.
Как широка её кровать!*

– Да, – снова проговорил Саша, будто нехотя, когда я, не торопясь, с некоторой даже ленцой и хрипотцой в голосе, прочёл этот стих. – Наверное, неосуществлённая любовь – самая лучшая, – сделал он неожиданный вывод. И мы оба в очередной раз надолго замолчали.

– Впрочем, и про нынешнюю Анну у меня есть стихотворение. Правда, написанное в соавторстве с Александром Сергеевичем Пушкиным.

– Можешь прочесть?

– Могу. Слушай.

«Я Вас любил...

Любовь ещё, быть может?»

Не может быть. Надежды больше нет.

*«Но пусть она Вас больше не тревожит», –
Как некогда уже сказал поэт.*

«Я вас любил безмолвно, безнадежно...»

Как много в этом мире вечных тем.

«Я Вас любил так искренне, так нежно...»

И вот, представьте, не люблю совсем.

– Злое стихотворение, – помолчав, проговорил Саша. – Пушкин добрее тебя.

Развивать дальше эту тему мне не хотелось, и я ничего не ответил ему. А тут вскоре наше затянувшееся, но нетягостное, впрочем, молчание, когда каждый думает о чём-то своём, может быть, сокровенном, прервал вернувшийся примерно через час после его ухода со всей компанией раздурманенный от быстрой ходьбы и подъёма на нашу горку Женька. Весело улыбаясь и потирая руки, он предложил:

– Ну что, мужики, на троих?!

Он быстро прошёл в дом, и мы последовали за ним. Во-первых, потому что немного продрогли от почти часового сидения на открытой всем ветрам веранде, а во-вторых, потому что стал снова накрапывать дождь.

Откуда-то из шкафа за печкой Женька извлёк наполовину недопитую бутылку рома.

Мы, не торопясь, за разговорами, выпили по несколько рюмок действительно очень хорошего, привезённого нашим радушным хозяином с Филиппин рома. Почти доели оставшиеся салаты и картошку. Посудачили всласть и об уехав-

ших дамах, каждая из которых была по-своему хоть чем-то да хороша...

Расстались мы уже под вечер. И когда я вернулся к себе, вспомнил про записку Анны. Достал из кармана рубашки сложенный вчетверо листок бумаги и, сидя у окна на веранде, прочёл:

«Иркутская область. Порт Байкал, жара, июль...

Какой красивый и дивный уголок природы! И здесь из-под пера писателя Владимира Максимова выходят в жизнь его рассказы и стихи! (После прочтения этих строк мне сделалось как-то неловко, будто мне льстили прямо в глаза. Но потом я подумал, что, может быть, она тоже успела услышать передачу «Минуты поэзии» и решила, что стих про Анну написан о ней. И это раззадорило её на написание подобной записки.) *В них всё: и боль, и радость, и вечная любовь.* (Какое заблуждение! Не бывает никакой вечной любви. И никогда не было. И если женщина (или мужчина) говорит вам, что будет любить вас вечно – это означает только то, что она (он) будет любить вас пока будет любить.) *Любовь к человеку, к травинке, к собаке.* (Это явно об украденной нынешней зимой, пока он был на Филиппинах, Женькиной собаке Асе, «хозяйке горы», которая присутствует во многих моих рассказах.) *И как у него хватает её на всех?! А очень просто: любить только себя – грех. Свет и доброта нашего поэта – залог настоящего таланта и успеха!*

15 июля 2012 года. Воскресенье. Анна С.»

Дочитывал я записку уже с таким чувством, будто она была написана не обо мне, а о ком-то постороннем, незнакомом и в общем-то не очень симпатичном, стереотипном человеке.

«Ну, что ж. Излишне восторженно, на мой взгляд. Во многом, пожалуй, неточно. Но, может быть, искренне. Тогда это извиняет автора», – подумал я, положив записку на стопку бумаг, предназначенных для будущих, ещё не начатых литературных произведений. Тем более что нынешнее повествование, подходящее уже к логическому завершению, я надеялся закончить к концу недели. Чтобы с понедельника приняться за новую вещь, надеясь написать за дачный сезон хотя бы ещё два рассказа.

Один, с условным названием «Экзамен по научному коммунизму» я здесь уже написал. А этот – «Живая душа» с самого начала пробуксовывал и двинулся только с третьего раза, измотав меня. И я отчего-то вспомнил, как сын,

когда я уже приехал сюда, дождавшись в городе их возвращения с острова Ольхон на Байкале, куда они отправились с друзьями дня через два после Диминой свадьбы, позвонил и сказал, что они со Светой привезут мне Рыжика, Карася Казимирыча, потому что теперь они уже отправляются в Таиланд, в свадебное путешествие, тоже на какой-то остров, но совсем безлюдный и крохотный.

Вспоминая это, я отчего-то вспомнил вдруг и про ромашки Анны. Вышел на улицу и увидел, что они совсем завяли...

Фрагмент, из написанного ранее, который можно было назвать «Новелла о рундуке»

Я пишу за круглым столом на веранде, а Карасик спит себе безмятежно на мягкой подстилке на рундуке метрах в двух от меня...

На этом рундуке в своё время (это было ещё при Наташе), наверное, лет семь назад, спала хорошая знакомая моих друзей, славист и переводчик из Швейцарии, приехавшая к нам с ними. И сразу же облюбовавшая именно это спальное место.

– Он широкий и твёрдый. Как раз то, что нужно для моей спины, – объяснила она свой выбор.

И когда я по утрам заваривал на веранде кофе, мы обычно вели с Шан, а именно так звали нашу гостью, литературные беседы. Она просыпалась раньше меня. Выходя на веранду, я видел, что занавеска, отделяющая рундук, уже откинута, и Шан, умытая и причёсанная, сидит за столом с книжкой Льва Николаевича Толстого. Кажется, это были «Севастопольские рассказы».

Шан вообще считала, и это было её твёрдое убеждение, что в России существовали и доныне существуют только два писателя – Лев Толстой и Фёдор Достоевский. Все другие – просто лишние. Ведь всё, что требовалось сказать о жизни, да и о смерти тоже (вспомните «Смерть Ивана Ильича»), эти двое уже сказали. А большего ничего для познания мира и себя в нём человеку и не надо.

Может быть, поэтому, отгостив на Байкале неделю (наши общие друзья только привезли Шан к нам, вернувшись в тот же день в Иркутск и пообещав встретить её у причала парома на той стороне, когда она будет уезжать), она перед самым отъездом деликатно, но всё же с плохо скрываемой брезгливостью попросила меня подарить ей какую-нибудь мою книгу.

– Возможно, я что-то смогу перевести, – словно извиняясь за свою брезгливую гримасу, скрыть которую ей не удалось, примирительно сказала она, – но не обещаю быстро и наверное, – поспешно добавила Шан, поймав мой ироничный взгляд.

Я подарил ей «В то лето...». Подзаголовок был «Повествования прошлого века», речь в книге шла о веке двадцатом. И уверен, что книга эта скорее всего даже не доехала до Швейцарии. А если и доехала, то стоит или лежит где-нибудь на полке в кухне, между банками с какой-нибудь диковинной снедью. И не потому, что книга плоха, а потому, что это Максимов, а не Толстой или Достоевский.

Хотя книга не просто неплоха, она получилась, на мой взгляд, даже очень хорошей. Может быть, поэтому её тираж в тысячу экземпляров в наше-то нечитающее время разошёлся за три месяца! И в ней есть несколько очень достойных, дорогих мне рассказов. Да и повесть «Мы никогда уже не будем молодыми» тоже хороша.

Впрочем, я на свой счёт особых иллюзий не питаю. И, возможно, именно поэтому в один из вечеров, когда мы ужинали с Шан на веранде вдвоём, запивая еду (яичницу, поджаренную с сосисками) красным вином, перелитым мной из тетрапака в графин, на её вопрос: «Являюсь ли я известным в России писателем?» – искренне, с долей горькой иронии (ибо люди почти перестали, увы, читать книги) ответил: «Я широко известен в узких кругах своих единичных читателей».

Шан наморщила лоб, поскольку даже для неё, прекрасно владеющей русским языком, этот каламбур был, пожалуй, всё же сложноват. И чтобы объяснить ей сказанное, мне пришлось продолжить:

– Мир, как известно, мал, а Россия велика. Поэтому при нынешних небольших тиражах книг и очень немногочисленных читателей о всероссийской известности речи быть не может почти ни у кого из пишущей не в Москве и Петербурге братии. Именно поэтому я более-менее известен здесь, у нас в Сибири. И, судя по всему, совершенно неизвестен за её пределами.

Но, по-видимому, и это объяснение было для неё не совсем простым. Особенно «Мир мал – Россия велика», потому что она выслушала меня как-то отстранённо, не улыбаясь, сдвинув брови к переносице. И я не уверен, что она до конца поняла меня.

Молча запив мои разглагольствования несколькими хорошими глотками вина, она только и сказала:

– Угу...

А поставив бокал на стол, добавила:

– Вино хорошее. Испанское? Чилийское?

– Российское. Краснодарский край...

А года два назад (Наташи уже не было) на этом рундуке снова спала дама, только теперь не из Швейцарии, а из Питера. И снова знакомая наших знакомых. Правда, на сей раз рундук был облюбован ею не из-за проблем с позвоночником, а из-за проблем с избыточным весом. И нежеланием в связи с этим подниматься по лестнице в гостевые комнаты. Хотя во время её приезда одна из них была свободна.

1 августа 2012 года. Среда. Порт Байкал. 9:40

Наступило моё любимое время. «Месяц Цезарей – август» – как сказал о нём, кажется, Мандельштам.

За окном веранды туман. Из шести моих нижних (поскольку рама веранды разделена ещё и одной горизонтальной перегородкой, посередине) «телевизионных» каналов (на шести верхних, симметричных нижним, всегда только небо и вершины зелёных гор, таких разноцветных осенью) показывает только один. Первый. Виден бок Женькиного дома, отстоящий от моего шагов на пятьдесят, и – сарай, гараж, баня – всё под одной крышей, но с разными высотами.

И сегодня ночью, когда я по малой надобности выходил из дома на крыльцо, было тоже туманно и тепло. Туман полноводной рекой или вылезшим из горшка-великана тестом медленно и плавно плыл по дороге и над ней, заполняя всё пространство этого нашего маленького каньона. И с другого берега этой белой реки высвечивали в ночи размытым светом три янтарных квадрата окон ближней ко мне из всех трёх на её усадьбе дачи Галины Алексеевны Николаевой. Да ещё на нашей полянке у дома светил в непричёсанных космах тумана, будто живой светлячок, фонарь на солнечных батареях, привезённый в свое время на дачу Наташей.

И потом, когда я вернулся с крыльца, пожурчав с него не очень упругой струёй, в дом и снова уснул, мне приснилась Наташа. И мы что-то делали с ней вместе. Кажется, читали.

Как это частенько бывало при нашей неторопливой жизни здесь, на даче.

Если погода позволяла, мы после ужина выходили на открытую веранду перед крыльцом и, сидя на раскладных стульях, читали там. А если дни были уже не такие длинные или моросил дождь, мы читали и обсуждали прочитанное за круглым столом на веранде. Боже, какие это были счастливые, как я сейчас понимаю, минуты...

Однако пора вернуться к нашей гостье из Петербурга.

... – Мне туда, наверх, лезть не с руки, при моих-то габаритах, – пояснила она своё решение устроиться на рундуке. – Да и вряд ли я смогу протиснуться в ваш люк, – добавила она, критически взглянув наверх и поставив свои дорожные сумки рядом с рундуком, под лестницей, ведущей на второй этаж.

А меня её слова о протискивании в люк натолкнули на воспоминание о том, как, действительно, однажды художник Лев Борисович Гимов, тоже летом живущий на своей даче в Порту, решил написать мой портрет «за работой» (а писал я тогда до обеда, уж не помню почему, в свободной комнате на втором этаже) и даже не попытался протиснуть в этот люк приготовленный им и натянутый на подрамник внушительных размеров холст. Пришлось его на второй этаж транспортировать через окно, с улицы, подставив лестницу.

– А здесь, на веранде, хорошо. Просторно, прохладно... – продолжила дама из Питера обосновывать свой выбор данного места отдыха. – Дайте мне только что-нибудь свое новенькое, если есть, почитать. Мне Софья Михайловна^{*} давала в Питере некоторые ваши вещи почитать. Мне они понравились. Есть в них и искренность, и доброта, и чистота. Редкие для нынешней литературы качества. Я даже в гимназии у нас, которую основал, кстати, не кто-нибудь, а сам Жорес Алфёров^{**}, некоторые ваши рассказы с ребятами разбираю. И, похоже, они им тоже нравятся. Особенно вот эти два: «За шторой с

этой стороны...» и «Морозный поцелуй». Может быть, оттого, что герои этих рассказов очень молоды. Фактически их ровесники.

Я дал ей свою крайнюю на тот момент и очень горькую для меня книгу «Куда всё это исчезает?..», вышедшую к восемнадцатому апреля две тысячи десятого года, к первой годовщине ухода в мир иной жены моей Наташи.

В книгу были включены повести и рассказы, как-то связанные с нашей семьёй, из уже вышедших ранее книг. Например, повесть «Пристань души», в которой рассказывалось, как мы с двадцатимесячным сыном Димой предприняли поездку по осеннему Байкалу на моторной лодке нашего приятеля Вити Егорова... Были и новые рассказы, написанные ещё при Наташе и в какой-то мере о ней. Такие, как «Фонарь на солнечных батареях»... Было там и эссе «Прости, прощай...», написанное уже после жизни Наташи – жизни здесь, на Земле. (Я верю, что она живёт и ждёт меня где-то там, на небесах, в неведомых нам дальях. Ибо человек всегда получает именно то, во что он свято верил. Она верила в бессмертие души.)

На этом написанные прежде варианты данного повествования заканчивались следующей записью о начале работы над рукописью:

«16 июля. 12:30. За два с половиной часа я написал более трёх рукописных страниц! Невиданные для меня темпы.

Дождь уже почти перестал. И лишь редкие, кажется, большие и твёрдые, как горошины, капли изредка ударяют по железу крыши. К дымку, поднимающемуся из трубы Женькиного камина, присоединился клочками витающий белый туман закурившихся близких зелёных гор, лениво отделяющийся от мокрых, изумрудного цвета, полукруглых вершин деревьев.

Ну, что ж, продолжу завтра ткать нить повествования с неведомым доселе мне сюжетом».

Ну вот, а сейчас я пишу уже на пятьдесят третьей странице. И тоже до сих пор не знаю точно, что же у меня в конце концов получится.

А потом, после написания вещи, будет первая вычитка. Потом переписывание вычитанного текста набело. Введение чистового и ещё раз вычитанного текста в компьютер (прежде компьютер заменяла печатная машинка «Унис де люкс», или попросту «моя Унис», купленная

^{*} Соня Ефремова – для близких друзей. Софья Михайловна – для студентов ЛГУ и всех остальных. Ныне уже, впрочем, не Ленинградского, а Санкт-Петербургского государственного университета, доктор биологических наук. Моя добрая приятельница аж с семидесятых годов прошлого века, когда я тоже занимался наукой и учился в аспирантуре Зоологического института в Ленинграде.

^{**} Крупный учёный, физик, лауреат Нобелевской премии.

в Москве на первый приличный гонорар). Вычитка и правка набранного текста уже в компьютере. Распечатка вычитанного текста на бумаге. Вычитка распечатки, правка. И тогда, может быть, если удастся вложить в слова то, что я чувствую, что-то получится. То есть что-то вечное. Или хотя бы достаточно долговременное, интересное не только мне и моим знакомым, но и совершенно незнакомым людям. Поскольку в этом рассказе будет тогда отражено живое время уже исчезнувшего в никуда високосного года третьего тысячелетия, с его сиюминутностями и размышлениями о темах вечных: душе, жизни, смерти, любви, утрате или неутрате иллюзий и поисках утраченного времени...

А потом надо будет у неведомых и часто почти недостижимых гипотетических спонсоров изловчиться добыть денег, убедив их в том, что литература ещё кому-то нужна. И если повезёт, то можно будет издать книгу, состоящую из новых, никому ещё неведомых рассказов. Написание которых, впрочем, уйдёт ещё года два-три. После чего и этот рассказ, и другие, доселе пока ненаписанные, а только вызревающие где-то в глубине души, возможно, прочтёшь и ты, мой неведомый читатель...

Продолжу завтра. Надо идти в магазин. У Карасишки закончился мантай. Да и время уже 11:30. Пишу почти два часа. Устал.

2 августа 2012 года. Четверг. Порт Байкал. 10 часов утра

Туманное утро. Или как там, у Ивана Сергеевича Тургенева: «Утро туманное. Утро седое...».

Да, как и вчера, туман как будто поглотил не только окрестности, но и звуки. Не слышно птиц, кузнечиков. Всё словно спряталось и замерло в ожидании чего-то.

Из тумана шагах в десяти от веранды выглядывает с крупными бриллиантовыми каплями на иглах вершинка невысокой пушистой сосёнки. И от этой игольчатой зелёной пушистости, униженной сверкающими чистыми каплями, на душе становится как-то спокойно и даже радостно, несмотря на то, что сегодня день рождения мамы, которой уже девять лет нет на этом свете. И я помню, как здесь, на даче, готовя сборник стихов «Памяти солнечный зайчик», написал второго августа первые строки будущего стихотворения: «Мамин день рождения без мамы я уже второй встречаю раз. Попросив у Господа покоя для души её. И памяти – для нас...».

Мама умерла одиннадцатого апреля две тысячи третьего года. Ей было семьдесят семь лет, а мне пятьдесят пять. Но как горько, помню, плакалось. И каким виноватым из-за того, что бывал порою с ней небрежен, груб, невнимателен, чувствовал я себя. И эти обильные слёзы, конечно, очищающие душу, помочь уже, увы, ничем не могли...

А вот молилось сегодня за усопших с утра очень хорошо. Не формально, как бывает иногда. И как-то очень светло. Ведь души их нуждаются в наших молитвах.

А ещё сегодня восемьдесят вторая годовщина воздушно-десантных войск (это я из новостей по радио сведения почерпнул). И день Ильи, или Илии, – пророка. Значит, почти обязательно будет дождь. Ну и пусть!

И ещё, отчего-то (из-за тумана, наверное) с утра вспоминается Беломорье.

Так же вот, помнится, как моя сосёнка, выглядывала вершина тёмно-зелёной ели, растущей среди огромных валунов недалеко от домика, где я тогда жила летом на Беломорской биологической станции Зоологического института.

И ещё припомнилось, как я играл на этой биостанции в бильярд... с вороной. Её там никто не гонял, кроме собак сторожа-финна, которые, впрочем, обычно сидели на привязи у его домика, стоящего недалеко от причала. И поэтому ворона почти перестала бояться людей.

Большой бильярдный стол с выцветшим от солнца зелёным сукном стоял под навесом, на открытой просторной веранде, в нескольких десятках шагов за столовой, почти на краю биостанции. И на этой веранде отчего-то было всегда пустынно. И мне это нравилось – отсутствие людей. Я приходил туда в свободное от работы время поразмышлять в тиши. А заодно и погонять большие желтоватые (тоже ставшие такими от солнца) бильярдные шары, оттачивая меткость удара и глазомер. И как только раздавались первые удары кия по шару, неведь откуда прилетала ворона. Кося недоверчивой чёрной бусинкой глаза в сторону кия, она сначала садилась на бортик веранды. А через какое-то время перелетала на бортик стола, крепко держась за него своими цепкими лапами с длинными когтями и время от времени прохаживаясь по нему как-то боком, туда-сюда.

Она всегда с нескрываемым интересом наблюдала за движением шара по выцветшему сукну стола. А когда шар падал в лузу, неуклюже

переступая лапами, добиралась до сетки, в которую он свалился, и с недовольным видом, будто даже побряхтывая, очень стараясь, тянула клювом сетку вверх, до тех пор пока шар снова не выкатывался на стол. В этот момент она довольно крикала, вытягивая шею, и продолжала внимательно следить за игрой.

И всё начиналось сначала. Поэтому выиграть у этой вороны было невозможно.

И там, за бортиком веранды ели тоже стояли в белых юбочках из тумана.

И ещё вспомнилась биостанция Ленинградского университета, которая была значительно бедней нашей и размещалась в бараках бывшего рыболовецкого колхоза, на одном из ближайших к нашему мысу Картеш островов. Помню, что у университетской биостанции тогда не было даже электричества. И, приезжая туда, ты как будто попадал из века двадцатого в век девятнадцатый. Поэтому вечерами в одной из комнат на втором этаже огромного барака, выстроенного из почерневших брёвен, с длинным гулким коридором, мы (я, аспирант Зоологического института, приезжающий время от времени для совместных экспериментальных работ с работниками ЛГУ со своей биостанции; Соня Ефремова, тогда ещё молодой, подающий надежды кандидат наук, и её весёлая студентка Наташа) собирались на общей кухне, в которую выходили двери двух комнат, занимаемых в этой части барака нами. В одной жили Соня с Наташей, в другой – я.

Нажарив с картошечкой белых грибов, собранных недалеко от дома, мы сядились ужинать при свете керосиновой лампы. Соня доставала из шкафчика пузатенькую, из прозрачного стекла, колбочку с разведённым спиртом, настоящим, кажется, на можжевельнике. Отчего цвет у этого крепкого напитка был зеленоватый. Металлические рюмочки у нас были очень маленькие. И за время ужина мы могли выпить по две три таких рюмки зелёного (в прямом смысле этого слова) зелья.

А после ужина, будто находясь внутри большого тёплого жёлтого шара света, исходящего от керосиновой лампы, Соня начинала читать нам вслух, экспромтом переводя с французского, какую-нибудь новую повесть Франсуаза Саган или Анны Прейдаль, ещё не переведённую на русский язык даже журналом «Иностранная литература».

Помню, что Франсуаза мне нравилась гораздо больше Анны. А Соня с Наташей нравились

вообще. Тем более что на острове нас было только трое. Да ещё штук пять закрытых на всякие замки барачков. И как говорил поэт: «Я мог бы запросто влюбиться, но...». Но я уже был нешуточно влюблён. И не далее как несколько дней назад, в «почтовый день», перед тем как отправиться на университетскую биостанцию на весёлой лодке для заранее согласованных с шефом совместных работ получил от любимой девушки очень нежное письмо, заканчивающееся словами: «Где ты пропадаешь? И зачем?». И если на вопрос «где?» я мог ответить достаточно точно, то на вопрос «зачем?» – вряд ли. Потому что это уже философский вопрос. А на философские вопросы отвечать всегда непросто. Слишком много в них разных нюансов.

Воспоминания цепляются одно за другое, как звенья цепи. И эту цепь из воспоминаний о ранее прожитом можно вытягивать, кажется, до бесконечности. Поэтому вернёмся всё же к нашей гостье из Питера.

Когда я утром попытался тихонечко выйти на веранду, дверные петли дома противно и протяжно заскрипели, и я в очередной раз вспомнил о том, что собирался их смазать ещё несколько дней назад. Осторожно прикрыв второй раз проскрипевшую дверь, я уловил за шторой, отделяющей рундук, какое-то шевеление.

– Извините, я вас, кажется, разбудил? – проговорил я в сторону шторы. – Всё забываю смазать в доме дверные петли. Вот они и скрипят, как ненастроенная скрипка.

– Вы меня не разбудили, Владимир Павлович. Я не спала. Я почти всю ночь читала вашу книгу. Правда, дочитать всё же не успела.

Через минуту из-за шторы с всклокоченными волосами и в каком-то цветистом халате появилась наша гостья. Не помню, как её звали. Летом у нас на даче, особенно при Наташе, всегда бывало много гостей отовсюду. Да и без Наташи какое-то время было так же. Инерция приездов знакомых, малознакомых, совсем незнакомых, но знакомых наших друзей сохранялась ещё долго. Поэтому для простоты повествования назовём гостью, скажем, Елена Ивановна.

– Я сейчас умоюсь, приведу себя в порядок и буду с вами разговоры говорить за чашкой кофе, – решительно произнесла она. – Вы ведь кофе собирались пить? – уточнила она.

– И завтракать, – добавил я.

– Вот и хорошо. Вместе позавтракаем. У меня есть отличный намолотый из зёрен кофе и сыр.

Вернувшись на веранду (поскольку летом умывальник у нас на улице, а прочие удобства – круглогодично), розовощёкая, причёсанная, пышущая здоровьем и оптимизмом Елена Ивановна, положив на стол сыр и поставив кофе, от которого по веранде распространялся дурманяще приятный аромат, решительно заявила:

– Владимир Павлович, я сегодня уезжаю. Книгу дочитать не успею, поскольку мне хочется ещё и окрестности осмотреть. Поэтому вы мне должны её подарить.

Меня особенно резануло слово «должны», поскольку не далее как вчера, побывав в посёлке, я дважды услышал почти то же самое. Сначала в магазине «У Жанны», где одна из её продавщиц, очень молоденькая симпатичная девушка с белозубой улыбкой и постоянным, круглогодичным байкальским загаром, тоже попросила, вернее, как-то загадочно потребовала подарить ей книжку, «в которой есть рассказы про портовских».

– Мне наша библотекарша Оксана об этом сказала, вы ведь им книжку подарили, что там много есть чего о наших жителях. Вот и мне стало интересно, вдруг там и про меня что-то написано, – кокетливо улыбнулась она, продолжая глядеть на меня доверчиво и просто своими своими глазами.

Я понял, что речь шла о книге «Предчувствие чудес», вышедшей в две тысячи восьмом году у очень хорошего издателя Геннадия Сапронова. Именно эту книгу я и подарил некоторым своим здешним знакомым, прототипам героев повестей и рассказов. А также отдал по одному экземпляру в школьную и поселковую библиотеки. Тем более что большинство из этих рассказов и маленькая повесть «Такое вот Хироо...» были написаны в прежние годы (ещё при Наташе) здесь, в Порту. И многие местные жители в книжке действительно узнаваемы.

– Вера, подари мне батон колбасы и булку хлеба, – в тон весёлой продавщице ответил я.

Она искренне удивилась такому наглому предложению, даже не поняв, по-моему, почему я его сделал. Перестав улыбаться, она растерянно ответила:

– Я не могу. Это не моя колбаса, а Жаннина.

Чтобы не обижать славную наивную девушку, я примирительно сказал:

– Вот и я, Вера, тоже не могу подарить тебе книжку, хотя она и моя. Просто, во-первых, бесплатный труд безнравствен, а во-вторых, у меня

её здесь, на даче, просто нет. Если будешь в Иркутске, сможешь купить её в любом книжном магазине «Продалита». («Продалить» – сеть магазинов по всей области по продаже литературы.) Они у меня несколько пачек брали. И, кажется, она вся ещё не разошлась. Тем более что стоит книга, которую я писал пять лет, не дороже килограмма колбасы.

– У! Так дорого! – искренне изумилась Вера. Ну что я мог ей на это ответить?

Приблизительно такой же диалог, правда, с благоприятным для меня исходом состоялся у меня и с едва знакомым и уже (с утра!) «изрядно датым» местным рыбаком, когда я вышел из магазина и направился в фельдшерский пункт, вспомнив, что у меня на даче не обнаружилось лейкопластыря, который здесь всегда необходим.

– Ты слышь, Палыч, – тормознул меня рыбак недалеко от магазина. Сам он, по всей видимости, направлялся именно туда, – книжку-то мне свою чё не даришь? Про наших коренных жителей. Да и про нас, рыбаков, чё-нибудь напиши! У нас ведь доля ой какая опасная. Можно сказать, каждый день по краю жизни ходим.

– Может быть, по краю бездны? – уточнил я. Ибо Байкал – это, несомненно, бездна, почти такая же, как космос.

37

– Ну, бездны, один хрен, – легко согласился рыбак Коля, бывший моторист судна «Комсомолец Бурятии», ржавеющего уже несколько лет у одной из причальных стенок Порты. – Ты же писатель? – уточнил он на всякий случай.

– С ударением на каком слоге? На первом или на втором? – решил пошутить я.

– Да какая, хрен, разница! – запальчиво проговорил он. Но, о чём-то поразмыслив, добавил: – Не понял, ты это на чё намекаешь?

– Да ни на что, Коля, не обращай внимания. Хотя разница между писателем и писателем всё-таки есть, согласишься.

– Да какая, хрен*, разница! – снова запальчиво проговорил он и уже более спокойно продолжил. – Я ведь книжку у тебя не просто так прошу. Я ведь её про-чи-таю, – нараспев, по слогам проговорил он последнее слово. – А тебе за это рыбки дам. Омутька там, хариуса... Бартер, так сказать, – без запинки произнес иностранное слово, закончил рыбак очень заманчивым для меня предложением.

Кстати, одну свою книгу в этом году я здесь, в Порту уже сумел обменять на литр сухого крас-

* Видно, любимый продукт у Коли – это хрен.

ного качественного краснодарского вина «Каберне». Обмен произошёл с хозяйкой магазина «Ручеёк», расположенного по пади Баранчик, чуть выше его впадения в Байкал. Я ей книгу – она мне литр вина в тетрапаке.

Вдохновлённый предложением Коли, даже двумя заманчивыми предложениями, во-первых, о прочтении книги, а во-вторых, о том, что я смогу её обменять на несколько «хвостов» свежей байкальской рыбы, и пообещав ему книгу выдать, я отправился в фельдшерский пункт.

Продав мне упаковку сантиметровой ширины лейкопластыря, фельдшерица, дама средних лет с усталым лицом, попросила, как и продавщица Вера, подарить ей книжку «Предчувствие чудес». Причём без какого-либо бартера и оговорок.

Может быть, вспомнив эти два халявных вчерашних предложения, я и ответил своей гостье не очень вежливо:

– Елена Ивановна, вот если бы вы пришли, скажем, в мастерскую к художнику и попросили подарить вам понравившуюся картину. Как вы думаете, что бы он вам ответил? – И тут же, спохватившись и вспомнив наш уговор с сыном именно об этой книге – «Куда всё это исчезает?..», я примирительно добавил: – Впрочем, я вам её, конечно, подарю. Мы договорились с сыном о том, что кто не может эту книгу купить, но хочет её прочесть, в память о Наташе мы её дарим.

Кстати, Вере с фельдшерицей я, возвратившись на дачу, тоже решил в ближайшее время книги подарить. Просто их, действительно, в потребном количестве у меня сейчас не было.

– Я куплю, – поспешно отреагировала Елена Ивановна на мои слова о художнике и картине. – Сколько она стоит?

Мне почему-то всегда неловко называть цену книги, даже по её себестоимости. И чувствую я себя в этот момент каким-то крохобором. Но что же делать, если последние годы авторский гонорар издательства выдают писателям, как правило, их же произведениями.

– Двести рублей, – сказал я смущённо.

– Вот, – протянула она мне две тысячи двумя банкнотами...

3 августа 2012 года. Порт Байкал. Пятница. 9:50

Ура, завтра баня! Конец трудной недели.

Третий день с утра и посёлок, и Байкал внизу скрыты туманом. А с обеда обычно солнечно. Мне нравится такая погода. Может быть, оттого, что пишется...

Но вернёмся в день вчерашний, к нашим товарно-денежным отношениям с питерской гостьей.

– Елена Ивановна, – ответил я. – Вы меня не поняли. Я сказал двести рублей, а не две тысячи.

– Берите-берите. Поверьте мне, книга того стоит, – по-прежнему протягивая деньги, проговорила она.

Спустившийся несколько минут назад на кофейный запах со второго этажа мой шуринок Саша, староста уже действующего, но всё ещё продолжающего строиться в Иркутске Петропавловского храма, гостивший в это время у нас с внуком Димой, с явным удовольствием попивая кофе, с весёлым любопытством наблюдал за нашим диалогом, превратившимся в затянувшуюся паузу.

– Но я не могу взять за книгу такие деньги. Это как-то неприлично, по-моему, – не очень, впрочем, решительно сказал я.

– Тогда сделаем так, – опустила Елена Ивановна протянутую через стол белую пухлую руку с деньгами. – Брат вашей усопшей жены, которой и посвящена эта книга, кажется, служит старостой в каком-то храме? Вот ему мы деньги и отдадим, если вы не возражаете. Как пожертвование от вас с сыном. И пусть он за упокой души вашей Натальи молится какое-то время. Сколько сам сочтёт нужным.

Она протянула деньги Саше. И он, чуть помедлив и взглянув на меня, взял их. И отчего-то не то крякнув, не то покряхтев немного, положил деньги в карман тёплой байковой, в клеточку рубашки, поблагодарив Елену Ивановну словами: «Спаси Бог».

В тот же день после обеда Елена Ивановна отбыла.

А я, встретив днём Машу Николаеву, которая разрабатывала дизайн обложки этой книги, рассказал ей о невиданном «гонораре», полученном за неё от заезжей гостьи из Питера.

– Но ни тебе, Маша, ни себе я не могу из этого «гонорара» взять и десятки. Ибо весь он пошёл на пожертвование для строящегося храма, – объяснил я ей суть дела.

– Ну, что ж, хорошо, что на храм. Значит, хотя бы по одной песчинке добрых дел нам с вами, Владимир Павлович, прибавится, – улыбну-

лась Маша своей доброй, слегка застенчивой улыбкой.

И мне от её улыбки стало как-то очень легко и хорошо!

Ну вот, пожалуй, уже все неясные, как нынешний туман, новеллы, чётко разграничить которые невозможно, поскольку они сквозные. И нередко часть одной можно встретить в другой. Это как закрученная спираль ДНК, несущая всю информацию о человеке, или как крепкий канат, сотканный из отдельных нитей и жгутов.

Однако, на мой взгляд, в этом повествовании тем не менее ясно прослеживаются несколько новелл, вошедших в него. О котёнке, неизвестной даме, известной даме, о Беломорье, о рундуке и его обитателях, о моей жене Наташе, о местном «телевидении», о последнем дне лета... И все они, хотя события многих из них отстоят от нынешних на годы, а порою и десятки лет, вправлены в раму современности. С её ежеминутными, часто назавтра забываемыми событиями.

Не знаю, удалось ли мне сплести достаточно прочный канат, при помощи которого, как якорь из морских глубин, можно вытянуть утраченное время, судить уже не мне, а тебе, мой дорогой и пока ещё по-прежнему гипотетический читатель.

И ещё одно несущественное, а так, к слову, добавление. Чтобы написать это повествование в новеллах, в шестьдесят две рукописные страницы, не считая черновых набросков и всевозможных вставок, порою составляющих по несколько отдельных страниц, мне понадобилось три шариковых ручки и полмесяца работы. И даже с учётом ещё предстоящей и, конечно, небыстрой работы над этим текстом вроде бы не так уж много всего затрачено на эту вещь. Но к этому надо прибавить ещё и всю мою до сей минуты прожитую жизнь. Потому что без личного и подчас очень горького опыта и предельной искренности ни один хороший рассказ написан быть не может. А если и возможно это сделать (технически), то это будет рассказ человека в лучшем случае с душой, вычитанной из книг. А в худшем – с душой, высмотренной из телевизора или компьютера. То есть это будет холодный, мёртвый текст, не трогающий никого. Поскольку живую душу будет в нём не отыскать.

А именно о живой душе мне и хотелось вам поведать, неведомые мои будущие читатели.

16 июля – 8 августа 2012 года, Порт Байкал.

Март – апрель 2013 года, Иркутск.

Январь 2016 года, Иркутск

**Александр
РАЕВСКИЙ**
ОТКРЫТКА

АЗИЯ

*Май в казахской степи. Маки в алых рубашках.
В море маков бежит золотая казашка.*

*Под закатом густым пламенеют просторы...
Выше – розовый свет; дальше – синие горы.*

*Там равнина; там дол; там, на склоне уютном –
Философский дымок у задумчивой юрты.*

*Пронеслись табуны за седыми веками,
Всё бывшее вдали улеглось облаками...*

*А казашка бежит, лепестки растревожа, –
Сколько воли гнедой, сколько юности, Боже!..*

* * *

*Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.
«Где же наш пахарь? Чего ещё ждёт?»
Червь ему сердце больное сосёт...*

Н. А. Некрасов

*Прозрачно в лесу и прохладно,
Туман молодой у опушки;
И так-то опрятно и складно
Сорока сидит на макушке.
Тускнеет под солнцем осенним
Овса перезревшая нива,
Её от незваных соседей
Кусты охраняют ревниво.*

*Но смысла им нет сторожиться,
Природным служить оберегом, –
Комбайна овсы не дождутся,
А сгинут печально под снегом...
С чего бы такого, не помню,
Но мысль посетила внезапно,
Что фермер не болен, не помер, –
С налоговой вышел – и запил.*

70

САД

*Предзимью всю печаль передоверив,
Октябрь отшептал... В пустом саду,
Как на гравюре, чёрные деревья
Кривых ветвей явили наготу.
Примолкло всё: остывшие тропинки,
И за ночь поседевшая трава,
И та скамейка с выгнутой спинкой...
...Листва так ломко хрустнула сперва,
Возню небесных хлябей укрощая,
Морозец молодой дохнул затем,
И падал снег... деревья превращая
В букеты свежих, сонных хризантем.
Захочется на миг побыть счастливым,
Любимым быть захочется опять,
Средь яблонь одиноким черносливом
В том белом сне без шапки постоять...
Но вдруг кольнёт, что всё не так отныне,
Что прежнего себя не повторить,
Вот – сердце есть, но в нём сверкает иней,
Вон – есть цветы, но некому дарить.*

РАЕВСКИЙ Александр Дмитриевич родился в 1951 году в селе Алабуга Каргатского района Новосибирской области. Служил в армии. Окончил Новокузнецкий пединститут. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке. Автор книг стихов «Полуденный костёр», «Пьяные цветы» и других. Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2003 год. Член Союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

ЛЕТНЕЕ БОЛОТЦЕ

...Умытое тихое утро.
 Прохладное облако зреет.
 Меж кочек притихшая утка
 Утят подрастающих греет.

Жучки тонконогие смело
 Скользят по коричневой глади...
 Рогоза зелёные стрелы.
 Кувшинок широкие длани.

Чтоб детством дохнула картина,
 Добавим лишь самую малость:
 Вон там – Буратино с Тортиллой,
 От них Дуремару досталось.

Для звука пусть гром где-то бродит,
 Пищит пусть комарик занудный...
 Пускай и в душе, и в природе
 Живёт уголок этот чудный!

РУССКИЙ СЕВЕР

Средь камней изумрудная травка,
 А чуть глубже – уже мерзлота.
 Вроде лето, а прут без антрактов
 Стаи туч... И тоска ещё та.
 Ещё та, говорю я, погодка!
 Голый берег под светом скупым,
 Лишь у кромки тяжёлая лодка
 Спит тревожно, как пёс на цепи.
 Выше! К людям! К амбарам и избам,
 К тем продутым ветрами местам,
 Где отсутствуют всякие «измы»,
 Жизнь сурова и с виду проста.
 Там солёная рыба в подклетьях,
 В тихих комнатах строгий уют;
 Там на кольях развешены сети
 И поморы в бахилах идут.

...Тучи, тучи – сплошная морока,
 Воздух даже на ощупь свинцов;
 И в пальтишке стоит одиноко
 Кто-то грустный, как трезвый Рубцов.
 Эта близость студёного моря,
 Эти сивых туманов слои...
 Храм бревенчатый стойко на взгорье
 Держит ржавые шлемы свои.
 Он давно уже необитаем.
 Лишь в окошке глухом в тёмный час
 Жёлтый отсвет дрожит... Словно тайно
 Кто-то молится. Может, за нас.

ОТКРЫТКА

Пусть и старомодно поступлю,
 Но возьму – не Интернетом притким,
 А на почте марку прилеплю,
 В Рождество pošлю тебе открытку.

Там, взметая звёзды на пути,
 Навевая сердцу дорогое,
 Удаль белогрудая летит –
 В алых сбруях, в звонах под дугою;

В шапках нахлобученных дома,
 Даль сверкает чисто и красиво, –
 Хрусткая сибирская зима,
 Красно-сине-белая Россия!..

Пусть издалека к твоим стопам
 Ляжет эта весточка простая,
 Может, не отправишь сразу в спам,
 А, как раньше, к зеркалу приставишь.

Как-нибудь к комоду подойдёшь
 И, скользнув по ней случайным взглядом,
 Может, что-то вспомнишь и взгрустнёшь,
 Но до слёз не вспоминай... не надо.

**Любовь
АРБАЧАКОВА**

**ПО МОТИВАМ ШОРСКОГО
ФОЛЬКЛОРА**

ЧЕЛЬБЕГЕН И МАШМОРУК

Давным-давно в глухой тайге жил одинокий парень по имени Машморук. Питался он тем, что добывал на охоте и на рыбалке. Однажды он взял сети, спустился к горной речке и только собрался забросить их, как из-за кустов выскочило лохматое чудовище – людоед Чельбеген. Схватив Машморука, он сунул его в мешок, взвалил на спину и отправился в свой чурт. Нёс-нёс парня, устал, сел отдохнуть, уснул.

Пока людоед спал, Машморук выбрался из мешка, натолкал туда бересты и убежал. Только он ушёл, проснулся Чельбеген, взвалил на себя набитый мешок и пошёл дальше. Шёл-шёл, приближаясь к избушке, запел:

*– Ийра-ийра, ийра-ра,
Машморук сидит в мешке!
В большом казане его сварим –
Вкусным будет наш обед!*

Три сына Чельбегена услышали песню отца, обрадовались, запрыгали-забегали! Их отец, войдя в избу, развязал мешок – а там одна береста! Рассердился он:

– Сбежал Машморук! Никуда не денется, поймаю!

На другой день Чельбеген снова отправился к той быстрой речке, подождал Машморука, схватил его, бросил в мешок и отправился к де-

тям. Шёл-шёл с тяжёлым мешком, устал, сел отдохнуть и уснул. Машморук вышел из мешка, а туда еловых ветвей натолкал. Чельбеген проснулся, взял мешок, пошёл. Шёл-шёл, приближаясь к дому, снова ту же песню спел.

Дети, увидев отца с мешком, радуются, прыгают! Чельбеген вошёл в избу, развязал мешок – там еловые ветви! Что делать? Ночевали голодными. На следующий день опять пошёл Чельбеген в сторону речки. Увидев там Машморука, закричал:

– Какой ты хитрый! Сейчас схвачу, уже не сбежишь!

Схватил его, затолкал в мешок, взвалил на спину и пошёл. В этот раз Чельбеген решил нигде не останавливаться, чтобы не уснуть. Так и донёс мешок с добычей. Приближаясь к дому, запел:

*– Ийра-ийра, ийра-ра,
Машморук сидит в мешке!
В большом казане его сварим –
Вкусным будет наш обед!*

Дети, увидев отца, обрадовались.

– Принёс Машморука папа! – сказали.

Чельбеген вошёл в избу, бросил мешок в угол, приготовил казан, а сам отправился в лес за дровами. Только людоед ушёл, находчивый Машморук говорит его детям:

– Малыши, хотите научу рыбу ловить?

Они хором крикнули:

– Хотим!

– Тогда выпустите меня!

Дети обрадовались! Подбежали, мешок развязали, выпустили его. Довольный Машморук взял сети и с малышами спустился к речке. Вместе они поймали много-много разной рыбы: налимов, щук, хариусов. Вернувшись в избушку, только успели их сварить – вернулся голодный Чельбеген. Видит, Машморук и его дети поют весёлую песню. Увидев отца, малыши подбежали к нему, усадили за стол и угостили вкусной рыбой. Они похвастались, что Машморук научил их ловить рыбу и теперь они не будут голодать. Сытый и довольный Чельбеген отпустил пленника домой.

С той поры, как рассказывали, Чельбеген перестал охотиться на людей.

ДЕВОЧКА И ЧЕЛЬБЕГЕН

Жили муж с женой, и была у них малышка-дочь по имени Айа. Однажды Айа сказала:

– Мама, можно я за клюквой схожу?

Мама не отпускала:

– Заблудишься, доченька!

– Нет, не заблужусь! – так сказав, девочка убежала со своими подружками на болото.

Шли-шли, к большому болоту пришли. Разбежались в разные стороны и стали собирать клюкву. Айа собирала-собирала и не заметила, как вечер наступил. Оглянулась, а подружек нет! Испугалась она, стала бегать, искать их. Искала-искала и наткнулась на берестяную избушку. Вошла в избушку, а там лежит людоед Чельбеген и говорит:

– О, вкусный обед сегодня у меня будет! Я съем тебя, съем!

Испугалась девочка, просит:

– Не ешь меня, не ешь! Тебе, бездетному, доченькой стану!

Обрадовался Чельбеген:

– Че, тогда побаяюкай! Колыбельную мне спой.

Айа стала качать колыбель, убаюкивать песней Чельбегена, а когда он уснул, убежала из избушки. К ней подбежал зайчик:

– Скорей садись на мою спину, доставлю тебя к твоим отцу с матерью!

Он наклонил голову, девочка ухватилась за его ушки и взобралась к нему на спину. Как побегал заяц, только лапки стучат! Однако не так далеко убежали: Чельбеген догнал их. Догнав, зайчика съел, а девочку не тронул, в свою избу привёл, сказал:

– Покачай-побаяюкай!

Девочка весь день качала-убаюкивала Чельбегена, он и уснул. Опять Айа на улицу выбежала. К ней лосиха спешит:

– Скорей садись на мою спину, доставлю тебя к твоим отцу с матерью!

Так сказав, нагнула голову, девочка ухватилась за её рога и взобралась к ней на спину. О, так помчались они, что в ушах засвистело! Довольно далеко убежали, но Чельбеген всё-таки догнал их! Догнав, лосиху съел и девочку хотел съесть, а она стала просить-умолять:

– Не ешь меня, больше не убегу!

Людоед не стал её есть, привёл в избушку, снова заставил качать-баяюкать. Усыпив Чельбегена, девочка выскочила, к ней бычок прибежал:

– Скорей садись на мою спину, доставлю тебя к твоим отцу с матерью!

Наклонился, девочка взобралась на его спину, и он побегал. О, Чельбеген, проснувшись, тут же погнался за ними! Когда стал их догонять, Айа колыбельную запела:

– Паю-пай, Чельбеген,
На мягкой травушке
Крепким сном усни!

У Чельбегена веки стали смыкаться, он зевнул, повалился на траву и уснул. Так убаюкав его, далеко они убежали. Чельбеген же, очнувшись, опять за ними погнался. И снова Айа стала петь колыбельную, Чельбеген, на бегу засыпая, уснул крепким сном. Тем временем далеко они от него убежали... Вот так бычок доставил Айу к её отцу с матерью! Родители девочки обрадовались, бычка угостили солью и молотым *талганом*!

ОХОТНИК МЕРГЕН

Давным-давно это было: задолго до нашего поколения, позже прежнего поколения. В глубокой глухой тайге молодой охотник Мерген жил. Зверя-птицу добывая, жил.

Однажды отправился он на охоту, далеко от своего дома ушёл. Шёл-шёл, видит, горит могучий кедр, а на его пушистых ветвях красивая змея извивается-мечется, не может из огня вырваться. Не мешкая, охотник Мерген протянул змее ветку, она уцепилась и спаслась! Увидев, что змея жива-невредима, решил он дальше отправиться, вдруг слышит свистящий шёпот – это змея заговорила голосом человека:

– Спасибо тебе, охотник Мерген! Выручил меня из беды!

Садись на меня, я отвезу тебя к своим родителям, они отблагодарят тебя!

Не хотел садиться Мерген, но змея не отпустила. Тогда юноша сел на змею и от страха закрыл глаза. Только он сел, змея со своего места так рванулась, что в ушах у него зазвенело. Если сказать, что бежит, – топота ног не слышно. Если сказать, что летит, – шума крыльев не слышно. Так долго-недолго бежали-летели, змея сказала:

– Открой глаза, Мерген, мы уже на месте.

Мерген открыл глаза, видит: стоит прекрасная девушка, а змеи нет. Вокруг такое место, что ни во сне его не увидеть, ни в мыслях его не представить! Недалеко от них гора Кюбес возвышается, три двери имеющая. Когда они подошли, средняя дверь горы открылась, девушка и Мерген вошли. Оказывается, внутри этой горы жили родители девушки. Увидев свою дочь, они от счастья заплакали.

– Абог, Кюн Кёк-дочь! С тех пор, как ушла, уже три года прошло. Мы думали, что ты погибла, – сказали.

– Че, отец-мать, я едва не сгорела в огне, но меня спас этот парень!

Это услышав, отец с матерью не знали, чем отблагодарить парня. Как родного сына, его полюбили. Из еды лучшим его кормили. Мало ли, много ли жили, как-то девушка говорит:

– Че, Мерген, давай вместе с друзьями на праздник-той сходим. Ты посмотришь наши края, посостязаясь с местными алыпамы-богатырями, а то ведь тебе скучно!

– Пойдём! – он ответил.

Они собрались, ушли. Там было так весело, что словами не рассказать! Веселились-веселились – как пролетело время, не заметили. Красная, наступил вечер, садясь, солнце село. Кюн Кёк, подойдя к Мергену, сказала:

– Нам пора назад возвращаться!

За руки взявшись, домой отправились. По дороге она спросила:

– Че, Мерген, как ты думаешь, сколько мы здесь пробыли?

– Почему спрашиваешь? Утром пришли, вечером возвращаемся!

– Нет, друг, не один день мы здесь, а ровно год были.

Это услышав Мерген, удивился:

– Пай, дочь хана, как это год пролетел? Мне в свой чурт пора возвращаться!

Задумался Мерген, затем видит: он в прекрасной ханской одежде и девушка стала краше прежнего.

Красавица ему говорит:

– Ты стал настоящим алыпом, можешь теперь домой возвращаться!

Когда Мерген засобирался в свой чурт, старик со старухой сказали:

– Погоди, Мерген, ты нашу единственную дочь спас, мы без подарка тебя не отпустим!

– Пай, великие люди, какой мне от вас подарок нужен? – сказал. – Отдайте мне вашу дочь в жены!

Обрадовались старики, тут же свадьбу-той устроили! Осыпали их золотом-серебром и отправили в землю Мергена. Там они счастливо-богато зажили.

АЛТЫН КУШ

Раньше нынешнего поколения, позже прежнего поколения это было. Среди высоких гор жили три брата. Старший и средний братья были богатыми, младший – бедным. Мало ли, много ли прожили, младший брат Алтын Куш решил сходить к среднему, чтобы попросить в долг еды на охоту. Придя к нему, двери открыв, поприветствовал, порог переступив, раскланялся. Брат спросил:

– Зачем пришёл?

– Эе, чтоб на охоту пойти, пришёл еды попросить.

Средний брат закричал на него:

– Чем тебе еду давать, лучше собаке отдам! Какой из тебя охотник, даже мышке из носа кровь не пустишь!

Че, Алтын Куш опечалился, решил к старшему брату сходить. Когда пришёл, раскланялся-поприветствовал, старший брат, узнав о цели визита, тоже его оскорбил и прогнал.

Огорчённый Алтын Куш домой ни с чем вернулся. Через неделю всё же на охоту собрался. Взял с собой двухструнный *комус* – наследство от их деда, сказителя знаменитого. В тайгу он пошёл вслед за братьями, которые ушли на охоту три дня назад...

В лесу много снега было, многометровый снег выпал. На свистящую гору поднявшись, на гладкий хребет спустившись, увидел: два брата в *избушке-одаг* живут.

Алтын Куш, к своим двум братьям дойдя, сказал:

– Че, братья, давайте вместе на охоту ходить!

Тогда средний брат, рассердившись, сказал:

– Ты хочешь жить, придя на готовое, иди в другое место!

Так закричав, тот брат хотел его кюрек-лопаткой ударить, но старший брат остановил:

– В тайге не ругаются, не дерутся, иначе рассердим хозяина этих гор, зверей-птиц не добудем.

Тогда Алтын Куш ушёл подальше в тайгу. Там увидев раскидистый кедр, решил построить

себе одаг из веток ели и пихты. Целый день провозился с постройкой! Наготовил к вечеру сушьев, сделал на земле небольшое кострище, взял комус и стал *кайларить* сказание богатырское. Пел-пел, как уснул, сам не заметил.

Утром встав, на охоту стал собираться, вдруг слышит – снаружи чьи-то шаги... Вышел, осмотрелся по сторонам – никого. Вдруг неведомо откуда слетелись рябчики: летают-пересвистываются. Схватил он лук-стрелы, настрелял птиц, на костре пожарил, наелся. А вечером снова решил *покайларить*. Пел-пел, не заметил, как и уснул.

Утром проснулся, собрался на охоту, вдруг снаружи шум послышался, вышел – никого! Уже хотел в избушку-одаг войти, видит, много пушистых соболей по ветвям кедра, пихты прыгают. Он тут же поставил капкан, силки. На другой день попало в них несметное число зверьков с блестящей тёмной шёрсткой.

Так он пробыл в тайге около трёх месяцев: много наловил разной дичи, соболей, птиц. Счастливый, с большой добычей встал на лыжи и собрался домой, только видит, от одага его свежий след проложен. Он удивился: «Чьи следы?» И покатил по этой дороге. Шёл-шёл, большая красивая скала попалась. След вёл внутрь этой скалы. Стало ему интересно, что там? Подойдя ближе, заметил он дверь, в неё палкой стучать стал. *Че*, правда, дверь открылась, он вошёл. Увидел старика со старухой, они седые уже. Это были хозяева гор, они сказали:

– От тебя нехорошо пахнет!

Алтын Куш отвечает:

– Эзе, когда в тайге жил, вещи, видно, дымом-хвоей пропахли!

Старушка неведомо откуда принесла ему богатую одежду, обувь. Алтын Куш переоделся и превратился в прекрасного юношу. Старик со старухой стали вкусной едой его угощать. Парень, пока ел, стал жилище осматривать. Видит, из другой комнаты лучистый свет струится. Сердце его ёкнуло, он спросил: «Что это светится?».

Вдруг оттуда выходит красивая девушка, лучи её глаз всё вокруг освещают. Алтын Куш тут же в неё влюбился, решил посватать её. *Че*, рассказали старик со старухой, что она их дочь единственная. Оказывается, и она полюбила его с тех пор, как услышала его красивые песни... В благодарность за это, она отправляла ему тех птиц-зверей, которых он добыл. Имя этой девушки было Алтын Кёёк. На радостях они здесь же справили женскую свадьбу. После той-праздника парень сказал:

– *Хоть невысокая, своя гора у меня есть,
Хоть неглубокая, своя река у меня есть!
Поедем в наш чурт!*

Отец с матерью вышли их проводить, на прощанье вручили они своему зятю тяжёлый туес с драгоценностями – их свадебный подарок. Отец подпрыгнул-встряхнулся – светло-серым конём обернулся:

– Садитесь на меня, я отвезу вас домой!

На этого коня сев, Алтын Куш со своей женой-красавицей к своей земле-реке вернулся, коня назад они отпустили. С тех пор, разбогатев, на зависть братьям зажил он со своей женой счастливо-богато.

КАКПЫРЫН-СТАРИК

Раньше-прежде одинокий Какпырын-старик был. Он у истока широкой реки жил, которую переплывал на лодке из бересты. Однажды старик приготовил вкусную кашу, а сам порыбачить спустился к речке. Вернувшись в одаг, открыл крышку казана и заметил, что каши мало осталось. «Кто съел мою кашу?» – так сказав, он стал вокруг оглядываться, никого не найдя, поел, лёг и уснул.

55

Утром встал, снова сварил вкусную кашу, сам отправился на речку. Вернулся – еды нет. Так дважды повторилось! Теперь задумался: «Почему так получается? Ведь сколько жил, никого из людей не видел». Подумав, решил: «Попробую подкараулить того, кто мою кашу съедает!» Какпырын снова сварил кашу, а сам будто бы отправился к речке, а другой тропинкой назад вернулся. Вернувшись, стал смотреть сквозь небольшое отверстие одага. Видит, там необыкновенно красивая девушка: глаза лучистые, по спине косички струятся. Подумал про себя: «Это, видно, хозяйка реки или горы!»

Старик, спрятавшись, решил узнать, в какую сторону пойдёт эта девушка: к горе или к реке. Ждал-ждал, девушка вышла и пошла в сторону горы. Он подумал: «Это дочь хозяйки горы!» Вдруг красавица заплакала:

*Беда! Загулялась в лесу,
Тяжёлые горные двери
До весны закрылись!
Снежной зимы не переживу...*

Ему стало жалко девушку, он вышел из своего укрытия, завёл в свою избушку, стал спрашивать: «Кто ты, откуда родом?».

Она рассказала, что живёт недалеко, в горе Шаныш-таг... Там у них красиво, нет зимы, нет

солнца-луны, всё освещение от изумрудных камней. Их гора осенью закрывается, а весной открывается... Однажды девушка гуляла со своими подругами вдоль этой реки, увидела прекрасного юношу-рыбака и влюбилась в него. Парень переплыл реку на берестяной лодке и поднялся в свой *одаг*. Через несколько дней она зашла в его жилище и не смогла отказаться от вкусной каши из казана.

Только так она сказала – старый рыбак подпрыгнул-встряхнулся и превратился в статного юношу. Оказывается, злая хозяйка реки превратила его в старика за то, что выудил он из реки её золотой гребень. И было ему суждено век вековать, пока в него не влюбится какая-нибудь девушка. Он тоже полюбил её, и стали они счастливо жить вместе.

НЕБЕСНАЯ ДЕВА КЮМЮШ КАС

Давным-давно жила одна девушка. Она была так красива, что красотой затмевала само солнце! Её звали Кюмюш Кас. С детства девушка росла рядом с детьми двух ханов: одного звали Кёк Олак, а другого Алтын Ок. Два парня с ранних лет полюбили Кюмюш Кас и, чтобы привлечь её внимание, вечно устраивали какие-нибудь состязания: то стреляли из луков, то устраивали скачки на конях. Подросшая девушка не сразу заметила, как они прекрасны, мужественны, честны – настоящие богатыри-*алыпы!*

Однажды два её преданных друга пришли к ней, оба были молчаливы и грустны... Увидев их, красавица заволновалась: «Что с вами, что случилось?».

Но в этот вечер они ничего не сказали ей. После их ухода Кюмюш Кас вдруг поняла, как эти юноши дороги ей и любимы! Ночь была бессонной, утомительной. Наутро проснувшись, она тут же побежала к ним, но их уже не было дома, друзья ушли на охоту.

Тогда девушка со всех ног бросилась на берег реки и, упав на колени, стала просить свою тётю Алтын Кас спуститься с небес, так как у неё большая просьба к ней. Алтын Кас была женой творца-*чайачы!* Кюмюш Кас стояла так долго, что заныли колени. Через некоторое время она увидела большую белую птицу, которая так стремительно летела вниз, что казалось, вот-вот разобьётся. Когда птица подлетала к девушке, Кюмюш Кас узнала в ней свою тётю. И действительно, часто дыша, Алтын Кас подошла к племяннице и обняла её. Они проговорили с ней до вечера. О чём говорили – неизвестно, только девушка вернулась домой с опухшими глазами.

На следующий день два её преданных друга снова пригласили Кюмюш Кас на конную прогулку. Они по-прежнему были печальны. Когда выехали в чистое поле, два *алыпа* как пришпорили своих коней – будто золотые стрелы пролетели! Девушка остановилась в растерянности, до неё донеслись слова:

– Чей конь первым придёт, за хозяина того коня замуж пойдёшь, Кюмюш Кас!

Девушка хоть и догадывалась, что между парнями что-то происходит, всё же была удивлена и напугана! Спрыгнув с коня, она села ждать. Всё это время Кюмюш Кас думала о том, кто же ей больше нравится, но никого так и не выбрала. Через час появились взмыленные лошади. Увидев своих друзей, девушка встала, так и не зная, кого из них ей поддержать. Кони ноздря в ноздю подскакали к ней: парни были чуть-чуть раздражены, но у них горели глаза. Сойдя с коней, упали перед ней на колени: «Кюмюш Кас, мы оба тебя безумно любим, кого выберешь, тому и станешь женой!».

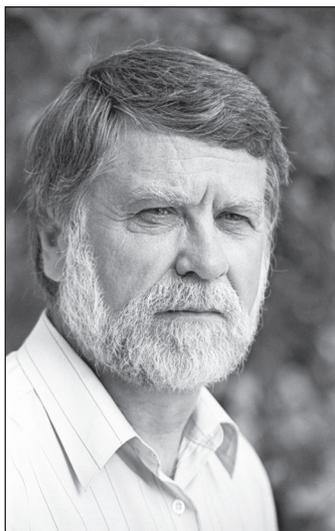
Но девушка ещё не сделала своего выбора – она любила их одинаково! Ничего не сказав, утирая слёзы, красавица повернулась и пошла от них прочь. Вдруг она услышала звон клинков: два друга схватились в смертельном поединке. Три дня и три ночи сражались богатыри – никто не побеждал! Девушка всё время стояла рядом, пытаясь их разнять, но юноши будто бы превратились в глухонемых. Так они сражались-сражались, пока не выбились из сил и разом не свалились от усталости! Когда парни ещё лежали, девушка заметила, что над Алтын Ок закружился золотой ястреб, а над Кёк Олак – синий коршун.

Вдруг эти птицы стремительно рванулись навстречу друг другу и стали так драться, что их перья полетели в разные стороны. Внезапно девушка услышала страшные крики в небе, затем всё стихло. Красавица увидела, что птицы вперемишку с жёлто-синими перьями летят вниз головой. Летели-летели... И бездыханные упали! Тут же послышался стон ребят, Кюмюш Кас устремилась к друзьям: к одному подбежала – тот уже недвижно лежал, подбежала к другому – он лишь тихо прошептал: «Мы искренне любили тебя, жаль, что так вышло, прости нас!».

Обезумевшая от горя девушка, вскочив, так плакала, ударяя себя ладонями по бокам, что руки её постепенно стали превращаться в белоснежные крылья... Она вспорхнула в образе серебристо-лучистой гусыни и полетела в синь небес. Там небесную деву уже ждала её тётюшка – Алтын Кас.

**Борис
БУРМИСТРОВ**

СКОЛЬКО НЕЖНОСТИ В РУССКОМ НАРОДЕ

ПОЭТУ В. КОВШОВУ

*Колодец рыл мой друг Валера –
«Пространства столб шёл в глубину».
Там в глубине ионосфера
Ему светила одному.*

*Он видел звёзд немых свеченье,
Небесный свод под ним трещал,
И вод подземное теченье
Он слышал, видел, ощущал.*

*Трудился с небывалым рвеньем,
Успеть к заутрене хотел –
Каким-то необычным зреньем
Он космос в недрах разглядел.*

ПАСХА-2016

*Сколько нежности в русском народе,
Чудо-вербы опять зацвели.
Прояснилось в душе и в природе,
И разъяснилось небо вдали...*

*Боже! Милость какая нисходит
На тебя, на меня с высоты.
В одночасье в душе распогодит
И любовью наполнишься ты.*

*И забудешь обиды пустые,
Чтоб друг друга простить мы могли, –
В эти дни просияют святые
Над безоблачным ликом Земли.*

* * *

*Перешагну через трещину
И... в полынью.
Как я любил эту женщину,
Как я люблю.*

*Кротость свою и робость
Прочь отгоню.
Перемахну через пропасть
И... в полынью.*

*Лютотога ветра затрещину
Вновь получу.
Как я любил эту женщину,
Вспомнить хочу...*

*Снова пустые новости
Ухают вслед.
Перемахну через пропасти
Прожитых лет.*

*Времени талую трещину
Льдом застеклю.
Как я люблю эту женщину,
Как я люблю...*

БУРМИСТРОВ Борис Васильевич родился в 1946 году в Кемерове, член Союза писателей России, председатель правления Союза писателей Кузбасса, секретарь правления Союза писателей России, автор поэтических книг «Не разлюби», «Душа», «Поклонись земле русской», «Лирика», «Песочные часы», «Живу, и радуюсь, и плачу», «День зимнего солнцестояния», «О чём не сказано ещё», «Сквозь сумерки времён». Живёт в Кемерове.

* * *

Встреча была случайной...
Сад – одичавшие вишни.
Всё это было в начале
Той неоконченной жизни...

Новых начал тревога,
Грузом чужая вина.
Встреча была и... дорога
В нынешние времена.

Что-то случится дальше,
Жизнь – продолжение сна.
Ты мне приснилась раньше,
Чем появилась она.

В ночь распахнула двери,
Дождь оглушил проливной.
Встречи мои и потери
Не порастают травой.

ВЕСЕННИЙ НАПЕВ

Пусть плохое всё пройдёт,
Доброе останется.
На реке весенний лёд
Крошится, ломается.

На реке искрит вода
Белая-пребелая.
Мои юные года –
Ягода неспелая.

Вот и тронул ледоход,
Берега колышутся.
Время-времечко вперёд
Бесконечно движется.

Вниз по камушкам течёт,
К морю устремляется –
В поле ягода цветёт,
Соком наливаются...

* * *

То смеяться, то плакать хочется.
Человеку так много дано.
Одиночество, одиночество –
Как прекрасно порою оно.

В зимний день на постой к тебе просится
И стучится негромко в окно.
Одиночество, одиночество –
Как печально порою оно.

Часто верим в пустые пророчества,
По дороге пылим, по тропе.
Одиночество, одиночество –
Затерялось в людской толпе.

Одиночество, одиночество –
Ни смеяться, ни плакать не хочется.

СЕБЕ НА ЮБИЛЕЙ

О чём ты поёшь так сладко,
Любимец влюблённых – Орфей.
Я выжал себя без остатка –
Какой из меня соловей.

Мне петь о любви уже поздно,
Хоть голос, как прежде, высок,
Но кто-то всевидящий грозно
Мне мой указывает шесток.

Сиди, мол, певун сладострастный,
И слушай младых голоса.
Неужто все годы напрасно
Я нежно взывал к небесам?

Струились напевные звуки,
Взлетали, как птицы, легко.
И было сто лет до разлуки,
До встречи – два шага всего...

Мы встретились, друг мой прекрасный,
Среди отшумевших аллей.
Так пой же, певец сладострастный,
И радуй влюблённых, Орфей...

78

**Светлана
МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО**

ДВА РАССКАЗА

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

– Подкати меня к окну, – Ольга Сергеевна смотрела на мужа Игоря Ивановича, бородатого, шелковисто-беловолосого, с молодым румянцем на щеках. Всем хорош! Жаль только, фигура немного оплыла от вечного сидения за письменным столом. Бугры мышц, как в прежние времена, не выпирают из-под футболки.

– Ты давно не занимаешься гирями? – зачем-то спросила и осеклась, какие теперь гири. Вместо них муж носит её, болящую.

– Хочешь посмотреть на лужи? – через паузу произнёс он и двинул коляску к окну. – Наверно, на всю ночь зарядил дождичек.

– Не уходи, – она взяла его руку. – Славик говорил тебе про свою девушку?

Ещё один вопрос повис в воздухе, кажется, они разговаривали, не слыша друг друга.

– Тебе удобно?

Она кивнула и ждала, когда муж заговорит о сыне.

– Думаю, рано он... не время сейчас, – наконец произнёс Игорь Иванович.

– Не время – из-за меня? – она выпустила его руку, тронула край оконной занавески, чуть помедлила и снова обернулась к мужу. – А ты разве не знаешь, сколько времени мне осталось? Хочешь, чтобы случилось после?

79

– Олюшка, ну зачем так. Ты поправишься! Славка внуков нарожает.

– Рожают невестки. Как её зовут? – Она опять коснулась занавески.

– Таня.

– Татьяна, русская душою... Вот и давай думать о свадьбе... Зима впереди, а все Тани любят зиму. Славка звонил?

– Какой там, он на свидании, ему не до нас.

Игорь Иванович невольно вздохнул и пошаркал к дивану. Впереди снова пустой вечер. Больная жена не даст ни работать, ни отдохнуть. Он научился держать своё сердце «крепко», как говорила соседка по площадке – неугомонная баба Дуся. Но сегодня теребил сумерки осенний дождь, и на душе было особенно стыло.

– Как ты думаешь... Татьяна действительно любит нашего сына? – изображала улыбку Ольга Сергеевна.

«Зачем же она так улыбается?» – удручённо думал он, взглянув на жену. Опустил голову, перед глазами расплывались яркими пятнами узоры синтетического паласа, купленного ещё в эпоху дефицитов. Ольга так радовалась тогда, что вместо протёртого шерстяного ковра – огромный, похожий на цветочную поляну искрящийся скрипучий палас. По истечении десятка лет сородичи весёленького паласа, в большинстве случаев,

МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО Светлана Николаевна родилась в станице Новопокровской Краснодарского края. Окончила филологический факультет Кубанского госуниверситета. Председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России. Печаталась в журналах «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Московский вестник», «Родная Ладога», «День поэзии», «Медный всадник», «Невский проспект», «Север», «Земляки», «Дон», «Бийский вестник», «Новая литературная Немига» (Беларусь), «Омск литературный». Лауреат многих премий. Автор девяти книг. Живёт в Краснодаре.

перекочевали на дачи и мусорки. Будь Ольга на ногах, и этому бы не удержаться в квартире, но... К тому же и дача стоит заброшенной.

– С нами будут жить молодые – и всё здесь изменится, – раздумчиво произнёс Игорь Иванович.

– Значит, согласен на свадьбу? Как быстро ты меняешь своё мнение.

– Разве мы спрашивали своих родителей, когда собирались пожениться?

Он говорил и сам удивлялся тому, как легко и бездумно срываются с губ слова. Пустые, никому не нужные, они заполняют комнату. В то время, как недописанный доклад на тему «Психологический портрет власти в России начала третьего тысячелетия» томится в кабинете, и вот уже который вечер Игорь Иванович не может подойти к письменному столу, потому что ему мешает присутствие жены. Войди в кабинет – и она захочет сидеть в своей коляске с ним рядом. Раньше он умел работать возле её постели, но последнее время стало совсем неважно. Сколько же не написано, не сделано! Ощущение расслабленной пустоты будто напитало всё вокруг, заполнило квартиру до потолка.

– ...А может, мне тоже начать писать? – спросила Ольга.

Он чуть повёл бровью, хмыкнул нечто неопределённое.

– Говорят, творчество очень полезно для инвалидов... – продолжила жена. – В юности я, между прочим, сочиняла стихи и даже прочитала... кажется, на втором курсе института, на литературном вечере. Но не призналась, что стихи – мои. Просто, мол, понравились... Мы тогда спорили о текстах Гребенщикова. Помнишь, как все сходили по нему с ума? А я сразу поняла – пу-сто-та этот ваш Гребенщиков. Ты, кстати, со мною спорил! Тебе нравилось:

*– Мы до сих пор поём, хотя я не уверен,
Хочу ли я что-то сказать...
В игре наверняка что-то не так;
В этой игре наверняка что-то не так.*

Пропела она и спросила:

– Скажи на милость, что тут от поэзии, музыки и вообще от здравого смысла?

Игорь Иванович привык к её умению быстро переключаться с одного на другое, словно она постоянно мыслила параллельно. Хотя поначалу раздражался, даже ссорились. Казалось, жена только создаёт видимость своего присут-

ствия, участия в разговоре, а думает о другом. Сейчас же он обрадовался признанию:

– Ты писала стихи? И посвящения были?

– Станный вопрос... Я надеялась, ты скажешь: «Прочти».

– Неужели помнишь?

– Память в отличие от моих конечностей меня ещё не подводила. Всё впереди. Конечно, стихи о любви. Хотя, честно тебе скажу, мне хотелось и о дружбе написать. Не получалось.

...О тебе и молчу, и пою.

Лунным светом открою дверь

И задену лишь тень твою,

И поправлю твою постель...

– Постель? На втором курсе института? А я-то, дурак наивный, верил в девичью чистоту!

Игорь Иванович упёрся ладонями в колени, помедлил и встал с дивана. Прошёлся по комнате. Она следила за ним.

– Ты ещё способен меня ревновать? – произнесла Ольга Сергеевна удивлённо.

– Я способен, – послушно кивнул он и вместо того, чтобы поскорей закончить разговор, взял нарочито бойкий тон: – Все знают – на первых курсах института ты любила Сиволапого! Но чтобы «поправлю твою постель», то есть его постель... Он сделал выразительную паузу и снова открыл рот, надеясь покрепче отшутиться.

Но она не дала ему говорить:

*– О, не кладите меня
В землю сырую –
Скройте, заройте меня
В траву густую!*

*Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поёт издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..*

Помнишь? Мы с тобой вместе читали Тютчева... Игорь, я хочу увидеть свадьбу сына и умереть. Молчи! Ничего странного в этом нет. Это самая обыкновенная жизнь. И самая обыкновенная смерть...

«Она говорит о смерти... – думал Игорь Иванович, – и уже не боится этого. Для неё страшнее – быть ненужной...»

– Игорь, я хочу порыться в справочниках... Я порой мешаю тебе работать, я знаю. И потому решила заняться делом. Ты слышишь?... Я пишу

для тебя. Потому что хочу быть интересной и полезной... Пока могу. Пожалуйста, отвези меня в кабинет...

Игорь Иванович плохо понял сказанное женой, но поспешно кивнул и покорно двинул коляску к двери кабинета.

– Когда ты будешь отдыхать от своей статьи, я стану рассказывать тебе... знаешь о чём? – Ольга Сергеевна смотрела на него в упор, словно пыталась прочесть тайные мысли.

Он не поддержал предложенную игру, опустил глаза.

– Помнишь, мы с тобой любили романс «Хризантемы»? И ты говорил, что автор практически неизвестен. А ведь он – гениальный композитор! Помнишь? Так вот я нашла сведения о нём! Может быть, и Славку это будет интересно... А то он запомнит мать как существо болезненное и ни к чему не годное.

– Оля, прекрати! Прекрати ёрничать наконец! Славку пожалей!

«Зачем она опять говорит о своей ненужности? – думал Игорь Иванович, лёжа на жёстком диване, что стоял в углу его кабинета, теперь он часто оставался здесь на ночь, а супружеская спальня стала комнатой жены. – Разве можно вот так просто... вслух произносить... Неужели она думает, что у меня нет сердца, и оно не сжимается от её слов. И что ответить ей?... Язык деревенеет – слова фальшивые получаются... Как же я устал!»

Заснуть не удавалось, и, когда в передней стукнула дверь, Игорь Иванович обрадовался приходу сына. Жмурясь от света, в тапках на босу ногу он вышел в кухню, где наследник уже ставил сосиски в микроволновку. В предвкушении ужина движения его были быстрыми и точными. И весь он словно светился от накопленной внутри энергии, от полноты жизни, от молодости и счастья: глаза сияют, волосы растрёпаны так, будто их только что коснулась женская рука, на губах улыбка.

Игорю Ивановичу было приятно смотреть на сына. Славку они с женой родили ещё студентами. И ребёнок получился пригож да умён – всем на радость и удивление! Солнышко, а не ребёнок. Они потом так и не смогли родить второго, потому что, как говорила жена, лучше уже не бывает. Славик учился в двух школах на отлично. В музыкалку пошёл по собственному желанию, да ещё в класс скрипки. Занимался инструментом каждый день по часу, ни больше ни меньше.

А вот за учебником любимой химии времени не считал. К пятёркам по этому предмету прибавились грамоты за победы в школьных, районных, городских олимпиадах. Но после окончания школы сын поступил не на химический факультет университета, как ожидали и учителя, и родители, а в медицинский. Возможно, болезнь матери повлияла на его выбор.

Игорь Иванович сидел с ним на кухне, слушал какую-то чепуху, которой развлекал его Славик, прихлёбывал жидкий чай, и больше всего ему хотелось, чтобы не кончался этот поздний ужин, не гас светильник в углу, и вот так вкусно пахло горчицей и сосисками.

– Знаешь, со следующей недели у меня практика в стационаре, – посерьёзnel сын.

– В какой больнице? – в тон ему спросил Игорь Иванович.

– Скорой помощи. Как раз близко к дому, сам понимаешь...

Игорь Иванович кивнул. Помолчал и вспомнил:

– А наша мама сегодня объявила, что начала писать книгу о малоизвестном композиторе. Надеется, что это будет интересно и тебе, и мне, – он улыбнулся краешками губ.

– Мне? Конечно интересно. Главное – пусть пишет!

– Я тоже так думаю, сынок...

Отец и сын будто прочитали мысли друг друга.

Славик медленно отодвинул пустую тарелку, поднял глаза на отца:

– А у меня сегодня знакомство приключилось, – сказал так, будто подбирал незнакомые слова.

Игорь Иванович приготовился слушать, откинулся на спинку стула.

– Старик один... в поликлинику приходил.

– Точно старик? Мой ровесник, наверное?

– Нет, па, не напрягайся. На самом деле – старый человек. Я с утра к Танюше забегал, она сейчас подрабатывает, медсестру подменяет у хирурга. Хотел ей сюрприз сделать, а Танюшку отправили срочно санитарную книжку оформлять. Хирург меня уже знает – вот и взмолился: «Посиди, хоть с карточками поможешь». «Ну, – думаю, – так и быть, посижу часа два, для практики». Только мы начали приём – врача вызвали к начальству, понедельник же, коллектив пред ясны очи явиться должен. А в кабинет старик помится. Я ему объясняю – он ни в какую. «Снимите мне швы! – кричит. – Срочно!»

– Что, орёт прямо? – шевельнулся Игорь Иванович.

Сын покачал головой:

– Это я так, для ясности картины. На самом деле старичок из разряда одуванчиков: беленький, опрятный. Но потому и настойчивость его неожиданной была. Я наконец усадил его, расспрашиваю. Оказывается, старик очень спешил, прибежал швы снять, плечо у него травмировано... Мне, говорит, обязательно к девяти часам к жене в больницу надо успеть. Я, говорит, покормить её должен. Я ему объясняю – он ни в какую! Мол, срочно и сейчас снимайте швы. Потом вдруг ультиматум: «Не снимете – я так с ними и останусь, ждать не могу. И прийти в поликлинику в ближайшее время тоже». Я, чтоб как-то его успокоить, отвлечь, про жену начал расспрашивать. А то, не ровен час, и вправду убежит! И представляешь, рассказал мне старик, что у его жены болезнь Альцгеймера. Я, естественно, спрашиваю: «Она будет очень волноваться, если вы не придёте вовремя?» А старик: «Нет, волноваться не будет, моя жена не узнаёт меня последние пять лет. И даже не помнит, кем я приходился ей по жизни». «И, несмотря на это, – спрашиваю его, – вы всё равно каждое утро спешите в больницу к человеку, который даже не узнаёт вас?» А он, представляешь, улыбнулся и тихо так ответил: «Да, к сожалению, она не знает, кто я. Зато я помню, кто она. С ней я был счастлив всю свою жизнь». Вот так, представляешь?..

Славик опустил глаза, повисла пауза.

– Ну и зачем ты мне это рассказал? – дрогнул Игорь Иванович. Ему показалось, что подобную историю он уже слышал, может быть, даже встречал в Интернете... И очень обидно стало от скрытого нравоучения сына. Зачем он? Хочет надавить на отца примером и придумал про какую-то встречу? Очень боится за маму?

Неловкая пауза сменилась смущённым Славкиным лепетанием, мол, не об отце речь, мол, это он к собственной жизни относит, к их с Танюшкой будущему.

– Согласись, па, не у каждого в жизни получается! Ну, чтоб вот так, чтоб до конца вместе. Правда же? – Щёки Славки пылали румянцем.

Повисла тяжёлая пауза. Игорь Иванович не то что не захотел, а просто не мог говорить. Объяснять, обсуждать. Буркнув «доброй ночи», поплёлся к себе в кабинет. Давила плечи необъяснимая обида и за себя, и за сына, и за того старика, которому так и не сняли швы в поликлинике. Близкие слёзы стояли в глазах. Усилием воли он не давал им пролиться... Может, и зря.

Ночью шёл дождь. Стоя у окна в кабинете, Игорь Иванович смотрел на огромные лужи внизу, в свете фар проезжающих машин капли дождя вспыхивали яркими белыми звёздами на поверхности воды, и он не мог отвести глаз от этого мерцания. Никогда не видел подобной красоты! Грязно-чёрные лужи – и столько серебристо-белых огоньков! Но только в огоньках этих не было радости, словно состояли они не из света, а из тумана.

«Бояться нужно не смерти, а пустой жизни», – снова думал Игорь Иванович. И не мог вспомнить, жена сказала ему об этом или он прочёл, кажется, у Брехта...

Весь следующий день Игорь Иванович ловил себя на мысли, что делает нечто ненужное, находится не там, где должен, и голова его забита чепухой. В то же время его распирало чувство полученной вдруг внутренней свободы. Но это ощущение не добавляло радости. Наверное, так бывает у старого раба, оборвавшего цепи и оставшегося вдруг в одиночестве. Как перст... «И пусть. Устал. Никого не хочу видеть и слышать. Почему я виноват? Зачем я должен оправдываться и постоянно доказывать невиновность, изображая при этом благостную улыбку? Даже Славка пытается меня учить и воспитывать».

Появившись на кафедре, Игорь Иванович полистал подготовленные в помощь первокурсникам методички, встретился с заместителем декана по учебной работе, чтобы согласовать нагрузку по заочникам и вскоре ушёл из университета. Благо лекций у него в этот день не было, а консультации с дипломниками, по их слёзной просьбе, он перенёс на следующую неделю.

Выходя из здания, Игорь Иванович кивнул вахтёру, толкнул дверь – и сухой ветер ударил в лицо, солнце хлестнуло по глазам, будто и не было вчерашнего холодного дождя. «Середина октября, а лето не сдаётся», – подумал он, медленно шагая мимо клумбы с цветущими розами. За оградой университетского двора гремели и тревожно звенькали трамваи, рычали авто. Неожиданно для себя Игорь Иванович пожалел, что так рано уходит. Но не возвращаться же обратно...

И он пошёл вдоль забора, мимо золотёных клёнов, в тени ещё густых крон. Решил пройтись, освежить голову и попытаться понять смысл этой вековой игры в жизнь, которая представилась ему теперь пустой функцией. «Смерть делает её напряжённее, добавляет накала, – думал он, наступая на сухие листья под ногами, –

иначе – вечная болезненная бледность». Ему представилось лицо жены. «Хорошо, что она пишет книгу об этом неизвестном композиторе Николае Харито, его романс тоже, в сущности, о жизни и смерти. «Отцвели уж давно хризантемы в саду» – мы ведь любили и часто слушали. И тогда, в Крыму...»

Игорь Иванович старался не вспоминать о былой радости, потому что не верил, что эти воспоминания могут приносить облегчение в трудные дни. Но поездка в Крым... Картины безмятежного молодого летнего счастья вызвали невольную улыбку. Цветущий олеандр и горячие маслянистые хачапури. Румянец на щеках жены, её смех без причины, торчащие розовые уши в мокрых коротких волосах, когда она бежала по кромке прибоя и кричала, хохотала, звала его: «Хочу водки и на ручки! Слышишь? Игорь, лови меня!».

Олю воспитывали бабушка с бабушкой по материнской линии. Отца она никогда не знала и не видела, мать работала с утра до ночи. Бабушка часто болела. Дед же готов был вовсе не расставаться с малышкой. Он забирал её из детского сада, сажал в свой старенький «запорожец» – и жизнь начиналась!

Дед выполнял все желания «королевы»: вёз её по указанному маршруту, кормил мороженым, бегал в парке за бабочкой или пинал резиновый мячик. Деду нравилось угождать девчужке. Игорь Иванович, кажется, перенял от него это стремление баловать Олю. Впрочем, любой мужчина, после тихого голоса, задорного смеха, захотел бы слышать её снова и снова. Голос меньше всего меняется с возрастом. Сколько красоты в переливчатых игривых интонациях, в них-то и сокрыта неувядающая молодость. Впрочем, молодость – это движение. Невозможно представить, как тяжела для неё теперь бездвиженность... Хотя жена всегда умела справляться с трудностями и проявлять характер. Однажды она приревновала Игоря к молоденькой аспирантке. Демонстрируя обиду, Ольга забралась на подоконник – они тогда жили в трёхэтажке сталинской постройки – и просидела на подоконнике целых пять часов. Так она доказывала свою правоту. Сидела, почти не двигаясь. Игорь Иванович не мог уговорить её. Он уходил, возвращался, пытался объяснить с ней, но она сидела, как истукан...

«О чём может думать женщина, сидя пять часов на подоконнике?» – Игорь Иванович брёл

уже возле университетских общежитий. Но не видел окрестностей, его мысли вращались вокруг одного имени – Оля. «Как помочь? Как спасти?» – контрапунктом долбило сознание. И в то же время душа его противилась этим мыслям, потому что Игорь Иванович очень хотел хоть на время забыться, уйти в себя, отдохнуть... «Если невозможно сегодня уехать в Крым, поеду на дачу. Позвоню соседке – пусть зайдёт к Оле. И Славика попрошу прийти пораньше. А сам хотя бы выплусь...»

Он решительно зашагал к трамвайной остановке. Ему так захотелось поскорее оказаться на даче!

«Несомненно, смысл жизни связан с концом. И если бы не было конца, если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы вовсе. Выходит, что смысл лежит за пределами этого замкнутого мира? И обретение смысла предполагает конец в этом мире... – рассуждал Игорь Иванович и почти параллельно: – Оля всегда была музыкальна. Первое образование – учитель музыки – ей очень шло. Почему она не захотела работать по специальности? Капризная девчонка... «Отцвели уж давно...» А ведь Николай Харито – уроженец Крыма. Там жила его семья. Потом, кажется, они переехали в Киев. Потом гражданская война. Харито был в белом движении и погиб на Кубани. Но не на поле брани. Его застрелил знакомый офицер, Харито нравился женщинам и был убит из ревности. Это случилось в Тихорецке. Очень интересный материал! Ведь поступками большинства людей руководят любовь, зависть и ревность. Человек может быть разным: и великим, и низким до бесконечности. Один и тот же человек».

Игорь Иванович так углубился в собственные мысли, что почти перестал замечать окружающее. Он вдруг понял, как помочь жене: нужно ставить для неё великие задачи и помогать дожить до их осуществления. «Это придаст ей сил и спасёт! Сколько раз твердили: чтобы выжить, нужно измениться! Я помогу Оле написать книгу, и мы издадим её в подарочном варианте, с фотографиями, цветными вклейками. Потом – презентация! Да хоть у нас в университете! Оля сможет...»

Оживлённый перекрёсток не испугал Игоря Ивановича, ему хотелось поскорее добраться до тишины и одиночества, чтобы хорошенько всё обдумать. И послушать, наконец, «Отцвели уж давно хризантемы в саду». «На виниле романс точно должен быть! Приеду – сразу полезу на чердак!»

Светофор на пешеходном переходе мигнул жёлтым и включил зелёный свет. Игорь Иванович ступил на проезжую часть, но в кармане пиджака завибрировал телефон, он замешкался, приостановился, доставая аппарат, увидел высвеченное имя жены, приложил аппарат к уху и... В следующее мгновение его жизнь остановилась. И только через пропасть, провал, через ледяную вечность жизнь началась снова. Потому что на огромной скорости мимо него, буквально коснувшись ботинка, промчалось огромное ревящее чудовище – чёрный джип оглушил, накрыл, ошелолил! Удара Игорь Иванович не почувствовал, но горячей удушливой волной обдало его, на долю секунды прижатого к автомобилю, и покачнуло, отбросило! Он полетел от железного монстра, теряя равновесие, беспомощно махнув рукой, открыв рот в беззвучном крике, и рухнул спиной на асфальт, головой ударившись о бордюр тротуара!

– Да живой он, живой, может, зацепило слегка! Слышь, мужик? Повезло тебе!

– В рубашке родился!

Кто-то мокрым платком протирал Игорю Ивановичу лицо, и он наконец приоткрыл глаза – незнакомые люди окружали его.

– В скорую позвонили? Его в больницу нужно отправить на обследование.

– Это ж надо! Полшага – и точно б по дороге размазало, с такой скоростью «джипяра» летел! ГИБДД вызывайте! Человека в лепёшку расшибить могло! Мокрое место осталось бы!

– До чего дошло – на пешеходных переходах людей убивают! Я номер машины запомнила. И ведь не остановился даже, изверг! – пожилая женщина убрала мокрый платок со лба пострадавшего.

Игорь Иванович чуть пошевелился, попытался привстать. У него получилось. Через минуту не без труда и помощи подошедших он поднялся. В голове шумело, болела правая рука.

Ему помогли оправиться и отряхнуть от пыли пиджак, нашли телефон, который от удара об асфальт перестал работать. Потом появились полицейские, подъехала машина скорой помощи. Игорь Иванович отвечал на вопросы, давал себя щупать, мерить пульс и давление, что-то подписывал. Потом его везли в скорой помощи в приёмный покой больницы. И там тоже спрашивали, щупали, заставляли что-то подписывать...

Домой возвращался на такси, сжимал телефон в кармане пиджака. Смотрел на проплывающую мимо городскую панораму холодными су-

хими глазами и думал о старике, который, по рассказу сына, так боялся опоздать к больной. «Славка уверен, что старик спасает свою жену. Но нет же, нет! – лицо Игоря Ивановича болезненно исказилось. – Это они даны нам для спасения! Они – для спасения... И если б не Олин звонок, если б на мгновение позже она набрала мой номер... Как же почувствовала? Как успела?! Доля секунды – и я бы уже никогда никому на этом свете не смог ничего ответить... Вот уж воистину неисповедимы пути Твои!..» Сухие глаза его наполнили горячие слёзы, он пошарил в кармане, носового платка не оказалось, и кулаком неуклюже провёл по лицу, конфузливо улыбнулся: «Ничего... будем жить».

НАВИГАТОР

Анатолий Иванович Серёгин в молодости окончил строительный факультет университета, специализировался на кафедре технологии возведения зданий и сооружений. На стройках работал недолго. Вскоре стал чиновником в департаменте культуры одной из южных областей страны. Лихие девяностые вынесли молодого Серёгина в культурное пространство по причине того, что близкий родственник вдруг стал персональной, приближенной к губернатору. Требовалось полностью поменять команду на всех направлениях, и в замы начальника по культуре попал строитель. Парень сообразительный, артистичный даже. Подначитался книжек с репродукциями мировых художественных шедевров, полистал журналы со статьями по искусству – и прижился среди замов. В отличие от «чистых» чиновников департамента лихо брал на себя сметы по капремонту и проверку технической оснащённости культурных объектов. Умело работал с документацией и всегда в срок отвечал на адресованные ему письма. Никогда не опаздывал на работу, тонко чувствовал настроение начальства. При поддержке родственника вырос до директора, а после превращения департамента в министерство стал министром культуры области. С течением лет Серёгин уже не помнил, как мучительно избавлялся от внутреннего зажима, когда по долгу службы приходилось подниматься на сцену для приветственных речей. Теперь он умел всё. И не только на работе.

Выстроил дом в два этажа недалеко от администрации, пешком в хорошую погоду – не больше двадцати минут. Имел солидное авто и славную дачку в черноморском предгорье. Что ещё нужно для счастья? Молодую жену.

Подобно орлу, достигшему сорокалетнего возраста, почувствовал Серёгин на пятом десятке, что нужно спасать себя. Орёл, согласно легенде, долбит чересчур изогнутым клювом о скалу, потом безжалостно сдирает с себя длинные и гибкие когти, не способные захватить добычу. А когда когти отрастут, орёл вырывает ими тяжелое оперение на груди и крыльях, мешающее летать, и через пять месяцев возрождается к новой жизни! Серёгин, конечно, не стал биться головой о стену. Он уехал в Черногорию, в горный санаторий, где покорял вершины, успешно избавляясь от избыточного веса, принимал радоновые ванны. И влюбился в парижанку русского происхождения, которая при близком знакомстве оказалась Женей из Казани.

Дальше – сложнее. По возвращении в отечество пришлось «рвать когти» из семьи. Покупать квартиру бывшей и стелить свои пёрышки под неё и сына-недоросля. Для этого и пяти месяцев оказалось мало. Без крови не обошлось. Но чего не перетерпишь на пути к счастью! Зато уже два года на столе в кабинете Серёгина фотография Женьки в свадебном наряде.

Анатолий Иванович улыбнулся и вкусно вытянулся в рабочем кресле: «Всё. Бумаг на сегодня хватит. Осталось – закрытие литературного фестиваля. И вперёд! В аэропорт! Супруга прилетает в девять». Ещё накануне Анатолий Иванович решил, что обязательно поедет встречать жену, она возвращалась наконец из Вены.

Закрытие фестиваля-конкурса вполне могло бы обойтись и без главы областной культуры. Но Серёгин не мог не поддержать упёртого рыжеволосого Ивана Кочура, возглавлявшего Общество русской словесности. При мизерном финансировании тот опять извернулся и пригласил на подведение итогов и закрытие фестиваля московского титулованного творца слова, а сам фестиваль размахнул аж до всероссийского. Смешно, конечно, всё это, но с Кочуром приходится считаться. Иначе потом от журналюг не отобьёшься.

Анатолий Иванович приехал в молодёжный театр «Русское колесо» неосмотрительно рано. Начинать нельзя – ждали председателя городской думы. Пришлось общаться с народом. Кочур водил министра от одной стайки творцов к другой. Все раскланивались, улыбались. За годы работы Алексей Иванович время от времени общался, с мягко говоря, странными людьми, они порой прорывались к нему в кабинет, перехватывали его на

выездах. Свалили в руки какие-то книги, макеты, проекты... Вот и на закрытии фестиваля, как и предполагал, его одарили кучей книг с дарственными надписями. Особенно постарался москвич, вручил самые толстые, в лакированных обложках. И сразу поволок за собой.

– А вон, пойдёмте, я вас познакомлю, Елизавета Тенина, талантище! Поэт! Приехала из Томской области! И не одна, с семьёй, с мужем и пятью детьми! Каково? Вон она, красавица!

Он указывал на молодую высокую женщину в тёмном до пола клетчатом платье, подчёркивавшем её утончённость и нечто неуловимо привлекательное, сокрытое в позе, постановке головы, в длинных движениях. На лице Анатолия Ивановича отразилось удивление, быстро стёртое дежурной улыбкой. Он давно взял за правило не демонстрировать своих чувств.

– Поздравляю, рад за вас! – министр галантно поприветствовал гостью, чуть коснувшись её руки.

Мама четырёх мальчишек и лапочки-дочки смущённо улыбнулась в ответ, слегка качнула головой, и лавина тяжёлых с каштановым отливом волос просыпалась на плечи и грудь. При этом заметнее стала бледность лица, не тронутого косметикой. Серёгин отметил по-византийски очерченные глаза и тонкий нос. Она разомкнула губы, коротко поблагодарила министра.

– Я вас оставлю, извините, – ретировался познакомивший их москвич, а Серёгин постарался продлить общение, на его вопросы Тенина отвечала тихо и коротко.

Муж «мадонны», как окрестил про себя поэтессу Анатолий Иванович, не приближался к жене во время разговора, стоял поодаль, в то же время расстояние между супругами оставалось таковым, чтобы Елизавета чувствовала его поддержку. И всё это заметил, расшифровал Серёгин. Картина семьи Тениных после недолгих наблюдений прорисовалась в его голове довольно ясно. Он отметил, насколько скромно одеты все Тенины. Глава семьи в хорошо вычищенном, но явно поношенном костюме. Мальчишки, тут и гадать нечего, передают одежонку от старшего к младшим. Самая нарядная, в пышных бантах, лапочка-дочка лет восьми. Папина любимица, хотя тот постоянно держит на руках младшего сына, но с дочки и жены глаз не спускает. По чувству, с которым Елизавета обернулась к мужу, чтобы передать ему слова Серёгина об Иоанне

Крестьянкине, бывавшем в здании театра, стало понятно, что семья глубоко православная.

Удовлетворив своё любопытство, Анатолий Иванович далее смотрел на Тениных спокойными, холодными глазами. Но всё же не мог избавиться от внимания не только к Елизавете, но и к её мужу с детьми. Во время награждения Серёгин нежно взял в свою ладонь невесомую руку Елизаветы, поздравляя и вручая скромный диплом фестиваля, с чувством поцеловал её.

Когда она сидела в первом ряду вместе с детьми (и в фойе, и в зале мальчишки вели себя вполне прилично – не придерёшься!), голова Серёгина порой поворачивалась в их сторону, чуть не сама собой. «И как умудряются их так воспитывать? Впрочем, сама поэтесса говорит почти шёпотом, в отличие от...» – невольно хмыкнул министр, покосившись в сторону соседа-москвича. Тот, открывая праздник, вещал уж больно пафосно. Впрочем, речь его оказалась к месту и добавила весомости всему происходящему. Анатолий Иванович остался вполне доволен церемонией награждения: артисты не подвели, ансамбль камерной музыки смотрелся солидно. Кочур, хоть и стонал, что смета урезана по сравнению с прошлым годом, но в грязь лицом не ударил!

Под громкие овации праздник завершился неожиданно быстро для Серёгина, который не планировал сидеть до конца.

– А я специально, Анатолий Иванович, всё так устроил, чтоб мы с вами успели ещё и по чашечке – за успех! Пойдёмте-пойдёмте! – Кочур подхватил министра и увлёк за собой. – Мы сейчас ещё москвича захватим!

Министр отстранился от не в меру активного председателя Общества словесности:

– Погоди. А банкет для лауреатов в сценарии не прописан?

– Анатолий Иванович, не гневи небеса! Он не прописан в смете, которую ты утвердил! Забыл, на какие копейки я тут верчусь?

– И Тенины с детьми вот так вот и уедут? С одной бумажкой? – вырвалось у Серёгина.

– С дипломом уедут. С фотографиями на память.

– ...и дорогу мы им не оплачиваем?

– Конечно нет! Из какого кармана я средства достану? Я и так для москвича в лепёшку расшибся! Представляете, что было б, если б приехали люди, а у нас председатель жюри в коротких штанишках? А я настоящего монстра уговорил – с титулами международными!

Анатолий Иванович скривил губы: «Жаль-жаль». Серёгину хотелось ещё понаблюдать за Тениными. За их мальчишками: старший – папина копия, остальные помиловиднее – в мать. Особенно младший – двухлетний, розовощёкий. Как он трогательно обнимал главу семейства, всем телом прильнул к отцу... И тут Серёгина обожгло! Так было в жизни Анатолия Ивановича лет двадцать назад. И осталось на фотографии. Вот только альбом семейный не сохранился...

– Ну, Анатолий Иванович, в кои веки ты не сбежал, до конца выдержал. Давай посидим хоть полчаса! Обсудим планы! У меня столько мыслей!

– В кабинет ко мне приходи планы обсуждать, – мрачно осадил собеседника Серёгин. – А сейчас ступай к людям. Может, помочь чем надо. Я, например, еду в аэропорт. Могу захватить кого, хоть до гостиницы подбросить... – Серёгин осёкся, мысли его были о многодетных Тениных, хотелось хоть что-то сделать для них, ведь получается за тридевять земель за бумажкой приехали. Но в машину-то все Тенины не поместятся...

– Так мне же москвича отправлять надо! Давайте на минутку поднимемся в кабинет директора театра, я с ним договорился, и по коням!

Стопка хорошей водки не выправила Серёгину настроение.

К тому же в аэропорт пробивались сквозь плотную пробку, сковавшую весь центр города. Водитель, по мнению Серёгина, неуклюже тыкался из одного проулка в другой, стараясь прорваться. Советы самого министра, как проложить маршрут, тоже в прок не шли. И в разговор включился москвич. В руках у него Анатолий Иванович увидел джипиз-навигатор.

– А это ещё вам зачем? – не сдержался. – Уж как-нибудь доведём до места.

– Навигатор в командировках у меня вместо жены. Она без «ирочки» меня из дома не выпускает.

– «Ирочки»? Интересно... – ради вежливости и от скуки протянул Серёгин.

И обеспечил себя на всю дорогу писательскими байками.

Москвич, поглядывая на прибор, не только пытался влиять на водителя, но и позабавить успевал.

– У меня кретинизм пространственный! После большого перерыва, как сел за руль, ездю

только по навигатору. Мы его «ирочка» прозвали, потому что команды женский голос отдаёт. Так вот первая с «ирочкой» поездка – на юг. Перед Воронежем на платной трассе заплатили, как положено, ехать бы и радоваться! А «ирочка»: «Сворачивайте!» Ну, думаем, может, короче дорогу нашла? Свернули. И представьте, привела она нас в Задонск. И мы с моей женой там познакомимся! Каково?

– А кто навигатор покупал? – лукаво спросил Серёгин, оглянувшись на пассажира. – А с чего это «ирочка» ваша с пятном на экране?

– Вот рассказываю! Синяк заслуженный. «Ирочка» «раненая» за то, что вместо юга завела нас в жуткую глушь. Представьте: из Задонска дорога становилась всё хуже и хуже. И наконец – ферма полуразрушенная да пустырь заросший! Мы в шоке! А «ирочка» выдаёт: «Конец маршрута. Вы прибыли к месту назначения». Каково? Ну, я и шуранул её об пол машины! С тех пор «синячок»... Но «ирочка» на ошибках не учится. Приезжаем в Питер: ставь любой маршрут – пока на платную дорогу не выведет, пока до Морпорта не дотащит – бесполезно! Зато мы город посмотрели! – веселил соседей москвич.

Потом он поведал, как «ирочка» завела их с женой в Казахстан, и перед глазами предстал образ разваленного СССР: дорогу вдруг, как в сказке, среди чистого поля преградили железные ворота.

– А последний раз и вовсе... Возвращались мы домой, уже на МКАДе, километров двадцать оставалось. Дождь. А у нас машина задымилась – запах отчётливый! И на дороге пробка – не вывернуть никуда. Тут как раз развязка, вроде сворачивать надо. «Ирочка» молчит. И только-только я проезжаю спасительный поворот – сразу же: «Поверните направо!» Ну, «ирочка», думаю, впору ещё один фингал тебе ставить. Еду дальше в пробяре, машина не слушается! К счастью, остановка автобусная. Пешим ходом затолкал авто в «карман». Думаю, вот повернул бы, из пробки выскочил – может, и докатили б до места?... Ну а когда эвакуатор нас забрал и попали мы наконец на своё Боровское шоссе, глядим, как раз неподалёку от сворота – авария страшная! Шесть машин разметало – мама не горюй... По времени получается в аккурат, как мы ехали. Вот потому жена и суёт навигатор – чуть я из дома выхожу, – улыбался москвич.

Его слова о жене отозвались в душе Серёгина. Промелькнувшие во время рассказа москвича весёлые искорки в глазах Анатолия Ивановича снова сменились тенью. Было обидно вспоминать недавний эпизод, когда рыжий Кочур звал на стопочку только ради будущих выгод. Пожалуй, по-дружески у Серёгина давно не получалось посидеть. Старые добрые знакомцы остались в прежней жизни, с первой семьёй. Новые же только ради своих интересов встречались с ним. И все эти культурные деятели вечно шептались за его спиной, мол, чего ждать от строителя. Потому Серёгин больше любил самодеятельность, охотно подписывал сметы Домам культуры, клубам. Люди там открытые, простые.

«Скорее б прилетела Женька! Обнять, зарыться в неё!» – думал он, подъезжая к аэропорту.

Попрощался с писателем: «Теперь и без «ирочки» не заблудитесь!» Тот пошёл влево, а Серёгин вправо, в международный терминал. До прилёта нужного рейса минут пятнадцать, Анатолий Иванович успел выпить кофе. Наконец объявили о приземлении борта. Серёгин занял удобную позицию у стеклянной стенки, чтоб сразу разглядеть жёнушку. И вот хлопнули двери, пассажиры влились в терминал, дождались багажа, поспешили на выход. Встречающие выхватывали своих, бурно радовались друг другу. Серёгин ждал. Глаза его теплели, ему казалось, он уже видел жену, вон она, в розовых брючках. Но «брючки» пробежали мимо и повисли на сухой шее баскетболиста. По окончании парада прибывших Серёгину ничего не оставалось, как с колотящимся сердцем искать телефон.

Женя откликнулась быстро и на вопрос мужа ответила радостным удивлением:

– Толяша, я в Вене ещё! Ты всё перепутал! Я прилечу через три дня. Вечером... попозже. Я эсэмэску сброшу!

– погоди! Ты сегодня должна!.. Мы же вместе бронировали билеты. Я точно помню! Ты билет поменяла? Женя, зачем ты поменяла билет?

– Не выдумывай! Ты ошибся-ошибся-ошибся! Скоро-скоро прилечу! Ну, потерпи ещё немного. Что тебе привезти за это? Толяшечке что привезти? – лепетала она фальшивым кукольным голосом.

– Что привезти? Навигатор! – неожиданно для себя бухнул Серёгин, сбросил звонок и тяжело зашагал прочь.

**Кристина
КАРМАЛИТА**

**УНОСЯТ ДНИ
НАСТЕННЫЕ ЧАСЫ**

[...]

*Вот так вот ноябрьским днём,
Пока раскаляются точки
На крохотном шаре земном,
Пока набухают плевочки*

*В сиреневой влаге небес
И что-то готовится в мире –
Я делаю кофе френч-пресс
В большой одинокой квартире*

*И думаю только о нём:
«Зачем он сказал – не сказал?
Зачем обернулся конём?
Зачем ускакал на вокзал?»*

*На ком остаётся вина
За слепленное из букв?
«Очнись – на границе война» –
Пролистываю Facebook*

*И всё понимаю до дна –
Но думаю только о том,
Что вот – я сегодня одна,
А завтра – с соседским котом.*

*А годы спустя – в пустоте
Уютно обставленных комнат
Младенец в святой нагоде
Меня не найдёт и не вспомнит.*

*Младенец получит диплом,
Ходить будет важный и стройный,
А в мире своим чередом
Шуметь будут волны и войны.*

*И он, может быть, из окна
Посмотрит уставший на реку
И вспомнит, как я здесь одна
Всему двадцать первому веку*

*Слагала полночный рассказ,
Заснула и видела сны:
Пылает война вокруг нас,
Но нет между нами войны.*

[НАДПИСЬ НА КАМНЕ]

*У зелёного пруда
О любви поёт вода.
Не ходи туда.*

*В той воде русалка спит,
На постель из лунных плит
Свет разлит.*

*Спит холодная краса,
Кто посмотрит ей в глаза,
Тот – слеза.*

*Добрый всадник, зря минут
Не теряй, скачи, а тут –
Солон пруд.*

КАРМАЛИТА Кристина Евгеньевна родилась в Новосибирске в 1984 году. Окончила факультет психологии НГПУ, работает фотографом. Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Наш современник», «После 12», в газетах и сборниках. Автор сборника стихов «Сны стеклодува» (Новосибирск, 2013) и сборника пьес «Голоса» (Новосибирск, 2014). Член Союза писателей России. Лауреат молодёжной премии журнала «Наш современник» в 2015 году (номинация «Поэзия»). Живёт в Новосибирске.

[...]

Возможно, ваш компьютер заражён,
Возможно, завтра будет непогода,
Возможно, режет кухонным ножом
Сосед за стенкой ручки у комода.

Возможно, я сказала не про то,
Возможно, ты подумал не об этом.
Висит в шкафу осеннее пальто,
А я его сносила этим летом.

Всё невпопад, и в спину отдаёт
Грудная боль, а думалось: «Едва ли
Сегодня будет дождь». И крепнет лёд
Забывтой в морозилке «Циндандали».

Но будем завершать. Возможно, ты,
Возможно, я, возможно, мы, возможно...
Лежат на клумбе мёртвые цветы,
Задетые рукой неосторожной.

[...]

В ночной засаде страхов и стихов,
В бессчётном преступлении завета
Не то теснит, что не простят грехов,
Но мрак иной терзает до рассвета –

Придёт тихонько ласковый покой,
И, не жалея, выведут чернила:
Жила, болела корью и тоской
И никого не свете не любила.

[...]

Привычно догорел обычный день,
И капли звёзд нападали во тьму.
«Пойду на воздух», – «Тёплое надень.
Возьмёшь сухое белое?» – «Возьму».

Взрывает полночь голубой раскат.
«Всё не могу решить вопрос простой:
Господь сердит или свой грешный сад
Он освежает спелую водой?» –

«Ты выпила», – «Я выпила давно.
Но хмель того вина не растворим
Так просто», – «Милая, закрой окно,
ложись ко мне, потом поговорим».

Уносят дни настенные часы –
Стучит каблук по длинной мостовой.
«Ты спишь?» – «Я спал», – «Какие видел сны?» –
«Я сплю ещё. Мне снится голос твой».

Тревожными лучами мрак прошит.
Заплакано стекло. «Который час?» –
«Четыре... Пять... Всё не могу решить:
Господь спасёт или погубит нас?»

Рассвет вползает медленно, как тать,
Вскрывает тайники ночных углов.
«А мне никак сегодня не понять,
Что станет с нами после стольких слов?» –

«Мне рано на работу». Стынет твердь.
Дождь разучил кантату на трубе.
«Но чтобы ты спала ночами впродь,
Послушай, милая, что я скажу тебе:

Мы станем небом, звёздами, луной,
Орлом в полёте, голубем в руке.
Мы станем полем, зёрнами, травой,
Собакой в будке, ланью вдалеке.

59

И если нам положат сотню лет
Грести в Оби чешуйчатым хвостом –
Мы выплывем и превратимся в свет,
Разлитый над Димитровским мостом».

[...]

Мой друг, бесконечно страдание!
В столетии злом и лихом
Надёжней всего созерцание
И радость о белом сухом.

Пусть градом идут огорчения,
Мы встанем под градом таким,
Откроем отцов поучения
И свяжемся белым сухим.

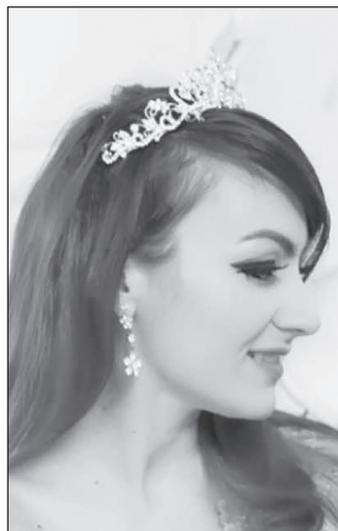
И если кто крикнет, отчаянный:
– В чём правда на этой земле?!
– Конечно в любви, – отвечаем мы, –
Разлитой в прозрачном стекле.

**Эльрида
МОРОЗОВА**

АВАНС

Рассказ

О чём думает красивая девушка, едущая вечером в автобусе? Склонив голову на бок, она мечтательно смотрит в окно, на губах играет улыбка. Наверное, она думает о любви, о будущем, о прекрасном.

И как в такой хорошенькой головке могут иметь место такие мысли: «Завтра отдам долг Кате, Нине пока хватит и половины. Остальное можно будет отдать ей с зарплаты. Ну а если Таня потребует свои деньги назад, то я, пожалуй, перехвачу немного у Вики».

Обычная мыслительная деятельность, которая происходит в голове красивой девушки.

Сегодня Марина взяла аванс на работе. Первый раз в жизни. Обычно она дотягивала до зарплаты, а тут – не смогла.

Выйдя из автобуса, она направилась к дому. Ей надо было спешить: нужно ещё посидеть за дипломной, чтобы не оставлять её, как всегда, на последний момент.

И вдруг произошло нечто ужасное.

Кто-то подбежал сзади и со всего маху рванул на себя её сумочку. Ремешок лопнул, Марина не успела даже вскрикнуть, и сумочка оказалась в руках грабителя.

Она обернулась и, словно в замедленной съёмке, увидела человека, убегающего прочь. Плечо без сумочки стало каким-то незащищённым, голым. Было холодно, словно с неё сорвали всю одежду. И так одиноко, будто никогда в жизни у неё не было друзей.

В этой сумочке был аванс – тот самый, который она с трудом выпросила. Там же находился паспорт – без него никуда. И главное – там лежала дипломная работа. Копия была лишь на флешке, но и её грабитель уносил в ночь. И всё это – такое разное и такое нужное – оказалось теперь несправедливо отнятым!

Марина почувствовала, как зубы скрипят от злости. Кулаки непроизвольно сжались, длинные ногти с маникюром впились в кожу на ладонях.

Да как посмел этот негодяй отнять всё это!

– Стой! – закричала она и, не отдавая себе отчёта, что делает, бросилась вдогонку.

Ох, что бы она сделала с ним, если б догнала! Двинула бы в челюсть. Испинала ногами. Повалила на землю и долго мучительно била.

– Отдай! – кричала по дороге Марина.

Чем больше будет шуметь, тем больше привлечёт народу. Как жаль, что в этот поздний час на улице никого нет. Был бы с ней телефон, она позвонила бы в полицию. Но телефон – в украденной сумочке!

– Отдай! Отдай!

Она и не знала, что на каблуках можно так быстро бегать. На пути не возникало преград. Когда в голове лишь одна мысль – догнать, о других преградах уже и не думается. Ладно, деньги – их можно заработать. Ладно, паспорт – его можно восстановить. И телефон можно другой купить. Но что делать с дипломной? Писать

её заново, когда на носу апрель? Если она потеряет дипломную, её выгонят из института. И что тогда?

И самое обидное: грабитель возьмёт деньги, но что он сделает с дипломной? Просто выбросит в помойку, ведь она не имеет для него ценности.

– Отдай хотя бы дипломную! Дипломную! – кричала Марина. – Стой!

Он не останавливался. Наоборот, рванул куда-то в сторону и побежал через дорогу. Она была пустынна в этот момент: как специально, вокруг ни души.

Не разбирая дороги, Марина бросилась за ним. Обычно она переходила дорогу в положенных местах и по светофору. Но сейчас было не до того.

Они бежали по другой стороне улицы. Марина сэкономила силы и больше не кричала. Ещё чуть-чуть поднажать, и она догонит человека.

А он немного сбавил бег. Наверное, подумал, что она от него отстала. Он даже оглянулся, чтобы убедиться.

– Дипломная! – закричала Марина ему в лицо.

Человек шмыгнул во дворы. Они, конечно, хуже освещены, но что делать? Выбирать не приходилось. Марина вбежала следом.

– Да стой ты! Сколько можно!

И тут Марина вспомнила, что они недавно проходили по психологии. Человек – существо вздорное. Если хочешь, чтобы он что-то сделал, попроси его не делать этого. Тогда он обязательно сделает.

– Не останавливайся! – крикнула она.

То ли из-за плохой дороги, то ли по случайности в этот момент человек споткнулся. На секунду он потерял равновесие, взмахнул руками, но выровнялся. Марине показалось, что он просто не ожидал услышать ничего подобного, поэтому и споткнулся на ровном месте. Но этих секунд хватило на то, чтобы подбежать ближе. Осталось совсем немного: лишь руку протянуть.

Марина хотела ухватиться за его куртку, но промахнулась.

Человек обругал её и снова увеличил скорость. Ну что ж, надо сделать вторую попытку.

– Не останавливайся!

Это подействовало. Человек развернулся к ней: лицо ещё молодое, но просто страшное от ярости. Марина непроизвольно сжалась в комок и даже присела. Человек может в один миг рас-

правиться с ней. И тогда все дипломные мира станут неважными.

Вовремя Марина присела: человек размахнулся сумочкой, чтобы ударить её. И неизвестно, что было бы после такого удара. Сейчас Марину лишь немного задело. Но она почувствовала, как тяжела её дипломная работа.

И тут же злость: как он посмел её бить? Да ещё её собственной вещью?

Он выругался и бросился прочь. Марина чуть перевела дух, а потом рванула за ним. Отступать было уже поздно. Он дерётся дипломной, потом выкинет её на помойку или сожжёт, а Марину отчислят из института. Ну уж нет! Этого нельзя допускать!

Она вдруг поняла: грабитель, вероятно, не понимает, что ей нужно. Думает, она хочет вернуть всю сумку. А ей нужна только дипломная.

– Да стой же, поговорить надо! – закричала Марина.

Но грабителю казалось, что им не о чем разговаривать.

Они забежали в новый двор. Только Марина свернула за угол, как кто-то схватил её в темноте, рванул в сторону и прижал к стене дома. Тяжёлая плотная рука легла на горло. Сразу стало нечем дышать. Рядом зависло лицо грабителя.

– Отстань от меня, отстань от меня, отстань! – выговаривал он ей. – Что тебе от меня надо?

Единственное, что могла прохрипеть Марина, было:

– Дипломную!

Грабитель отпустил её. Марина покачнулась, закашлялась. Надо идти на переговоры с этим человеком. Он уже готов её слушать. Но попробуй поговори с преступником, особенно когда сердце стучит в самых висках, одышка после пробежки и тебя только что душили за горло.

Но ведь нельзя допустить, чтобы всё это было зря.

– Там... в сумочке... – сказала Марина, переводя дух, – там... дипломная... отдай, тебе она не нужна...

Он стоял рядом, так же тяжело дыша, даже упёрся руками в колени.

– Чего? – спросил он.

– Дипломная... Ну, её пишут в институте. Я учусь в институте, и там пишут дипломную... Ты учишься когда-нибудь в институте?

– Чего?

Марине показалась, что она его чем-то обидела. Возможно, этот человек никогда не учился

в институте и чувствует себя неполноценным. Он и школу-то с грехом пополам окончил, раз вырос таким преступником.

Не надо было переходить на личности. Разговор и так тяжёлый. Надо говорить только самое главное.

– Меня выгонят из института, если я не сдам дипломную, – сказала Марина. – В прошлом семестре мне авансом её зачли, второй раз уж точно не простят. Мне никак нельзя её терять. Понимаешь? Посмотри, если не веришь.

Он не двигался с места, так и стоял, держась руками за колени.

– Посмотри, – кивнула Марина на сумочку.

Он посмотрел.

– Открывай.

Он открыл.

– Доставай.

Она командовала им, как хотела. Грабитель вытащил из сумочки несколько исписанных листов и комком подал.

Марина взяла их:

– Спасибо.

Она подумала, что глупо благодарить вора за то, что он возвращает награбленное. Но это ничего. Главное, что теперь дипломная в её руках.

– И ещё флешка.

– Чего?

– Вон там, в кармане, есть флешка. На ней дипломная.

Марина с тревогой следила за вором. Когда флешка оказалась в её руках, можно было вздохнуть спокойно. Как будто гора с плеч свалилась!

Ещё бы паспорт вернуть. Всё равно же он грабителю ни к чему. Ведь не станет же он требовать выкуп за возврат паспорта. Или станет?

Марина решила попробовать:

– Там ещё паспорт во внутреннем кармане. Давай его сюда.

– Чего?

Наверное, это было его любимым словом. Марина набралась терпения и более внятно повторила:

– У меня в сумке паспорт. Тебе он всё равно ни к чему. Отдай его мне.

Вор молчал и ничего не делал. Пришлось показать пальцем:

– Вон в том отделении, в кармане. Да-да, в этом. Доставай. Давай сюда.

Ну вот, паспорт у неё. Дипломную она прижимает к груди, паспорт и флешку сунула в кар-

ман пальто. Всё просто замечательно. Вот только резко стало жалко телефон.

– Хотя бы симку отдай, – сказала Марина. – Там, во втором отделении, там же, где паспорт, есть и телефон. Открывай.

Парень открыл второе отделение. Марина даже чуть зажмурилась, увидев сотовый. Сейчас она вытащит симку и заберёт себе, а сам телефон оставит.

А ведь она купила его в кредит. Она пользовалась им всего три месяца, даже не успела расплатиться. И что, теперь лишиться его навсегда? А за что тогда она будет платить в кредитном отделе? За то, что какой-то хам пользуется теперь её мобильником?

Она критически посмотрела на вора: лицо тупое, брови нахмурены, ноздри раздуты. Попробуй попроси у него вещи назад! Она перевела дух и всё-таки попыталась:

– Я за телефон кредит плачу. Мне его дали авансом. Теперь отработывать надо. Пожалуй, я возьму симку вместе с телефоном.

Не глядя на парня, Марина полезла к себе в сумку. Но тут он словно опомнился. Он рванул сумку к себе, и руки Марины просто промахнулись. Как бы там ни было, но грабитель считал себя хозяином этой сумки, раз украл её. Он думал, что имеет право распоряжаться её вещами: что-то отдавать, а что-то нет.

Марина чуть отступила. Ей и так отдали дипломную и паспорт. Вроде бы парень хочет отдать и сим-карту. Нельзя быть такой наглой.

Она тут же поспорила с собой: ничего себе – наглость! Ведь это её личные вещи, она их покупала, они принадлежат ей. И из-за того что какой-то хам ограбил её, она не теряет на них прав.

Это было странное ощущение. Марина не знала, где начинаются её права и кончаются его. Ни в какой конституции не написано, кто хозяин украденной вещи: её прежний владелец или тот, кто сильнее. Формально – конечно, она. Но сейчас не было места формальности. Сейчас работал суровый закон жизни: кто сильнее, тот и побеждает. И парень считает, раз он отнял сумку, то сейчас она принадлежит ему. И если он будет достаточно добр, то вернёт оттуда какую-то часть.

Таких законов нигде не было. Эти законы сейчас они устанавливали сами. Кто на что согласен.

– Ну всё? – грубо спросил грабитель.

Так говорят, когда считают разговор оконченным, словно они заключили сделку и сейчас

должны разойтись. Вот-вот он развернётся и уйдёт. И будет прав, если она позволит ему это.

Ей нечем было остановить его, поэтому она спросила:

– Послушай... Как тебя зовут?

Грабитель чуть усмехнулся:

– За дурака меня держишь?

– Нет. Просто не очень удобно разговаривать с человеком, когда не знаешь его имени.

– Петя! – с нажимом сказал он.

Его расчет был таков: если он назовёт своё настоящее имя, Марина тут же позвонит в полицию. Нужно говорить самое непохожее имя, какое только можно выдумать.

Таким именем для него оказалось Петя.

– Очень приятно. А меня зовут Марина. Послушай, Петя. Думаю, мне всё-таки надо забрать телефон. Понимаешь, мне его дали авансом: за него ещё работать и работать. Мне ещё девять месяцев за него расплачиваться. Тебе когда-нибудь давали что-нибудь авансом?

Он молчал. Его новый расчёт был такой: она только притворяется невинной овечкой. На самом деле требует телефон, чтобы позвонить в полицию. Никким образом нельзя ей давать телефон. Ни под каким предлогом не поддаваться на провокации.

– Вали отсюда, – сказал Петя и на её глазах положил телефон обратно в сумочку. – Скажи спасибо, что это отдал.

После такого нормальная девушка поняла бы, что больше ничего от парня не добьётся, и отстала. Он повернулся к ней спиной и пошёл от неё: медленно, не торопясь. Показывал, что правда на его стороне.

Но Марина не была из тех нормальных девушек, до которых быстро доходит, что их ограбили. Она постояла на месте, набираясь решимости, а потом догнала вора и зашагала рядом.

У Пети тут же испортилось настроение.

– Ну что ещё тебе от меня надо? – закричал он.

Ему захотелось бросить сумку на землю: пусть подавится эта наглая девчонка! Он уже хотел так и сделать. Но что-то всё-таки не позволило. Это было осознание: там телефон. Как только девчонка получит его в руки, тут же вызовет полицию. И не миновать ему заключения!

Он собрал все свои силы и закричал:

– Вали отсюда, дура!!!

Он вложил в это всего себя. В тишине позднего вечера это прозвучало особенно громко и грубо. Кроме того, это прозвучало еще и отчаянно.

Марина зажмурилась: так легче было переносить громкие звуки. Потом открыла глаза и сказала:

– Мне нужно ещё кое-что. Там в кошельке – фотография моего парня. Он ушёл в армию, а я храню фотографию. Мне она очень дорога. И я без неё никуда не уйду.

Грабитель тихо взвыл. И, увидев распахнутые двери какого-то подъезда, свернул в них.

Марина где-то слышала, что нельзя ходить с незнакомым парнем по тёмным подъездам. Оставаться на улице было спокойнее. Поэтому перед самыми дверями она вцепилась в него:

– Отдай фотографию. Лежит в кошельке. Она мне дорога как память. Мне она нужна!

Он вырвал свой рукав из её цепких пальцев и забежал в подъезд. Марина вздохнула, словно набирая воздух перед прыжком в воду. А потом зашла за ним следом. Хорошо, что подъезд был освещён: где-то сверху тускнела лампа дневного света. Видно было даже лучше, чем снаружи при свете фонарей.

Парень вздрогнул, когда Марина вошла в подъезд.

– Ну что тебе ещё от меня надо? – спросил он.

Ага, он уже начал сдаваться!

– Ты знаешь, я так подумала: мне надо всё, – веско сказала Марина. – Деньги тоже нужны. Я сегодня получила аванс. Я на него рассчитывала. Ты знаешь, что такое аванс? Это когда тебе дают раньше, чем заслуживаешь. И потом обязательно нужно отработать. И мне нужен кошелек, в котором лежат деньги. Мне нужно всё.

– Да на, подавись! – закричал парень и бросил в неё сумочкой.

Марина сжалась в комок, чтобы ей не досталось. Сумка приземлилась на пол, к её ногам.

– На! На! Звони в полицию! Давай, вызывай их сюда! На, на тебе! Подавись!

Парень распахнул свою куртку, вытащил оттуда какие-то деньги и тоже швырнул в неё. Они закружились по воздуху возле Марины.

– Делай что хочешь! Только отстань от меня! – закричал парень и, выбросив из кармана последнюю купюру, побежал наверх. Подъезд гремел, пока он добирался до пятого этажа.

А Марина осталась стоять на первом. Вокруг неё лежали крупные денежные купюры, а у ног валялась сумочка.

Казалось бы, праздную победу. Ты вернула себе всё. И дипломная, и фотография парня,

и телефон с симкой, и кошелек с деньгами – все авансы вернулись к тебе. Что ещё надо?

Но был какой-то осадок на душе. Такой тяжёлый, что даже сумку с пола поднимать не хотелось. Кому приятно подбирать то, что швырнули в лицо со словами: «На, подавись!»? Было что-то очень неправильное в том, чтобы теперь взять это и уйти домой. Тогда бы она унесла не только сумочку, но и душевный осадок.

Она стояла и смотрела в пол. Сумку, конечно, поднять надо. А что это за купюры, которые окружают со всех сторон? Среди них есть сотки и пятисотки, а вон, кажется, лежит тысяча. Боже, да тут целое состояние!

Не пошевелившись, Марина пересчитала всё, что её окружает. Здесь хватило бы на то, чтобы вернуть долг Нине и Тане. Останется ещё и на то, чтобы занять вечно безденежной Олесе.

Стук сверху, вероятно, грабитель, ушедший на пятый этаж, где-то брякнул перилами. Он думает, что она собирает раскиданные по полу деньги, а она только стоит и считает, сколько куда пойдёт.

Руки Марины произвольно сжались в кулаки: какое-то загребательное движение. Словно она загребает и загребает себе эти деньги. Но вместе с этим Марина понимала, что так нельзя делать.

Это даже в словах нельзя было выразить, просто она понимала, что никогда в жизни не должна брать эти деньги.

И дело тут было даже не в том, что их бросили в лицо со словами: «На, подавись!». И не в том, что они могли оказаться так же отнятыми у других. И не в том, что у этого парня может вообще ничего не остаться.

Дело было куда серьезнее. Она бежала за ним и терпела весь этот ужас, потому что отставала свои права. Ей нужно было донести до парня, что именно она – хозяйка сумки и что она должна распоряжаться ею. Она терпела его пальцы на своей шее, когда он душил. Она бежала за ним три квартала. Она даже подвернула каблук, и теперь он опасно шатался. И всё это она вынесла потому, что знала: правда на её стороне. Если сейчас она возьмет чужие деньги, правдой даже пахнуть не будет.

Марина в нерешительности потопталась на месте. Она подумала, что парень, должно быть, слышит её с пятого этажа. И словно в ответ на это где-то наверху скрипнули перила.

Это было похоже на незаконченный разговор. Осталась необговоренная тема, и её обя-

зательно нужно завершить. Они общались очень странно: то стукнут чем-то, то брякнут, то вздохнут, чтобы другой это слышал.

Можно было уйти. Просто забрать свою сумочку и пойти домой. И пусть бы этот человек сидел там и, если хочет, гремел перилами. Но тогда разговор остался бы незавершённым. И последними его словами было бы оскорбительное: «На, подавись!». И он так и не узнает, что она не взяла ни одной его купюры, а только то, что ей было положено.

Нет, оставлять всё это так нельзя. Марина глубоко вздохнула. Надо идти на пятый этаж. Глупо стоять на первом, когда хочешь сказать что-то человеку, находящемуся на пятом. Гора не идёт к Магомету, она, наоборот, сбежала от него подальше. Придётся самой идти к горе.

Марина подняла с пола сумочку, повесила себе на плечо и пошла наверх.

Марине с трудом давался каждый шаг. И чем больше она поднималась, тем больше понимала, что приближается к чему-то опасному и неприятному. Ей туда не хотелось. А она всё равно шла.

Парень сидел прямо на ступеньках, притулившись плечом к стене. Он выглядел таким несчастным, будто его обокрали. Если бы Марина не знала, что только что произошло, она обратилась бы к нему с вопросом: «Чем могу помочь?». Проходить мимо человека в таком жалком состоянии просто бесчеловечно.

Он не пошевелился, увидев её, но Марина почувствовала перемену. С одной стороны, он ждал её. С другой – ещё больше вжался в стену, чтобы быть подальше. Он словно хотел просочиться сквозь неё.

Надо было что-то сказать. Не зря же она поднялась сюда.

– Это не твой подъезд? – нашлась Марина.

Он молчал долго, Марина ждала ответа.

– Нет, – буркнул он наконец.

Марина с пониманием протянула глубоко-мысленное «а-а-а». Наступила ещё одна пауза.

– И давно ты этим занимаешься? – спросила его Марина.

Парень коротко взглянул на неё и снова отвернулся.

– Чем? – спросил он. Получилось как-то с напором.

Марина это почувствовала, но отступить было некуда. И гримировать то, что они оба знают, бессмысленно.

– Ну, воровством, – уточнила Марина.

Она постаралась сделать свой голос настолько ровным, насколько это возможно. Чтобы в нём не прозвучало ни тени упрёка, обиды или осуждения. Просто интерес.

Парень глубоко вздохнул и зачем-то начал разминать шею, будто она затекла. Всё это время он думал, что ответить. Не найдя ответа, он буркнул:

– Да какая разница. Занимаюсь и всё.

Снова глубокомысленное «а-а-а...». Марина думала, о чём бы ещё его спросить.

– А ещё ты чем занимаешься? – нашлась она.

– В смысле?

– Ну, учишься где-нибудь, работаешь?

Парень пожал плечами:

– Хочу найти нормальную работу. Недавно уволился.

– Почему?

– Потому что начальник – козёл.

– А-а-а... А откуда ты уволился?

– С оптовой базы. Знаешь, может быть, тут недалеко?

Марина кивнула. Дело шло неплохо. Вопросы задавала не только она, но и он. Кто бы мог подумать, что между преступником и его жертвой может возникнуть такой нормальный человеческий разговор?

– А до этого где-нибудь работал?

– На другой базе.

– А там что?

– Тоже уволился.

– Тоже начальник козёл?

– Нет, там бухгалтер стерва.

– А-а-а...

Понимания Марины хватило бы ещё на несколько баз. Но в голове начала складываться вполне ясная картина: этот человек просто не может найти своё место в мире. Он тыкается, как слепой котёнок, то на одну базу, то на другую. Все кажутся ему козлами, и он сбегает с каждого места, которое находит.

– А ты учился где-нибудь? – спросила Марина.

– Да, в техникуме.

– Давно окончил?

– Да не заканчивал я его. Ушёл.

Марина заранее знала то, что он скажет.

– Декан у нас был скотина, – сказал парень.

Конечно, если все люди вокруг кажутся скотами и козлами, почему бы не отнимать у них

сумки? Марине было понятно, что творится с этим человеком.

– Послушай, Петя...

Он чуть усмехнулся:

– Да не Петя я на самом деле.

– А кто?

– Кирилл меня зовут.

– Очень приятно. А я по-настоящему Марина.

– Да я догадался уже.

Он то ли хрюкнул, то ли усмехнулся. И начал подниматься со ступенек. На всякий случай Марина отступила немного. Но Кирилл сейчас выглядел вполне миролюбиво. Слово всё негативное, что было в душе, сейчас вылилось наружу. Сейчас он был просто уставшим. А уставшие редко бывают злыми.

После этого можно было спокойно идти домой. Ведь ещё писать дипломную. Завтра рано вставать. Она и так потеряла много времени. Да ещё идти такую даль: она же на три квартала убежала от дома.

Он словно догадался, о чём она подумала:

– Ты куда сейчас, домой?

Марина кивнула.

– Далеко дом?

– Три квартала отсюда. Ну, помнишь, около той остановки, где я вышла.

Теперь уже глубокомысленное «а-а-а-а» с его стороны. Не сговариваясь, они направились вниз. Марина шла медленно: ждала Кирилла. У неё опять возникло ощущение, что разговор между ними не окончен.

– Слушай, – обернулась она, – а проводи меня до дома. В конце концов, я здесь из-за тебя. А на улице страшно, темно. Я боюсь, вдруг кто нападет.

Кирилл хмыкнул себе в кулак:

– Это ты-то боишься?

Они оба засмеялись. Когда-то Марина слышала, что нервное напряжение может выходить вместе со смехом. Она хохотала, как заведённая. И одновременно с этим хотелось плакать. Было так жалко себя. И вообще, она испытывала чувства, названия которым не подберёшь.

Разбросанные купюры на первом этаже вызвали новый приступ смеха. Эти бездушные бумажки лежали на полу рассыпью. Они выглядели жалко. Точнее, они выглядели так, как выглядели обычные цветные бумажки. И было непонятно, как из-за них кто-то идёт на убийство или воровство, как многие девушки продают из-за них тело, а заодно и душу, как из-за них

ссорятся друзья и наживаются враги? Ведь через них можно так легко переступить.

Наверное, завтра какой-нибудь человек из подъезда будет очень удивлён, когда обнаружит на полу целый клад. И для него эти деньги уже не будут ворованными: он-то нашёл их честным путём, у себя в подъезде.

На душе было очень легко. Апрельский ветер ласкал лицо. Когда Марина бежала сюда за сумочкой, то не обращала внимания на погоду. Не до того ей было.

– Что за дипломную ты пишешь? – спросил Кирилл.

– По педагогике. Я в институте учусь, – охотно принялась объяснять Марина. – В том семестре очень плохо написала. Мне поставили четвёрку, но сказали, что это аванс, его отрабатывать надо.

– Так тебе не только телефон отрабатывать?

– Точно! – засмеялась Марина. – Набрала себе авансов. Подумать только: я ведь чувствую себя кому-то обязанной. В институт хожу не потому, что хочется, а потому что надо. Попробуй пропусти занятия – не имею права. На меня же надеялись, поставили незаслуженную четвёрку! За телефон расплачиваюсь – тоже не от души, а по надобности. А на работе? Получила сегодня аванс. А Альбина Ивановна говорит: «Смотри, больше не опаздывай! Помни, что тебе добро сделали!» У меня всю жизнь так и получается, что живу в долг. Беру аванс, а потом за него отчитываюсь. Пытаюсь догнать то, что обещала. И получается, что живу не собственную жизнь, а догоняю обещания. А ведь это неправильно!

– А может, так и должно быть? Я вот тоже вечно всё обещаю да обещаю, а сделать никак не получается. То матери говорю, что за голову возьмусь. То брату обещаю в гараже помочь.

– У тебя подобное ощущение? Будто догоняешь жизнь, а она всё дальше удаляется?

– Да. Ты думаешь, это из-за авансов?

Они посмотрели друг на друга так, словно сделали величайшее открытие.

– Слушай, ну давай просто рассуждать, – предложил Кирилл. – Этих авансов в твоей жизни становится всё больше или всё меньше?

– Конечно больше. Не успеешь сделать одно, как обещаешь другое. Сегодня вот первый раз взяла аванс на работе. А взамен обещала больше не опаздывать.

– Ну и что, ты догоняешь жизнь или всё больше отстаёшь от неё?

– Отстаю, к сожалению.

– Так, наверное, не надо брать эти авансы! Ни мне, ни тебе, ни другим. Наверное, кому-то выгодно, чтобы люди попадали к ним в зависимость.

– Слушай, точно!

– Больше я не буду попадаться на эту удочку. Мне с детского сада говорили: «Не ходи по лужам, дадим конфету». Приходилось обещать и ходить по лужам так, чтобы мать не видела. Или: «Мы купили тебе велосипед, а ты четверть с тройками закончил? Вот запретим теперь кататься». Я обещал исправиться в следующей четверти и ездил на велосипеде авансом. А за него всё равно надо отчитываться. Моя бывшая девушка. Она говорила: «Сначала подари мне золотую цепочку, а потом будем говорить о личном». И я дарил, платил аванс, а она потом его отбивала. А я всё никак не мог понять, почему у нас с ней ничего не клеится.

– Слушай, как же у нас люди живут? – сказала Марина. – Ведь они постоянно пытаются вогнать кого-то в зависимость. Понадавать авансов, а потом собирать отчёты.

– Лично я не буду больше брать никаких авансов! – сказал Кирилл. – Обещаю, что завяжу с этим делом раз и навсегда.

– Не обещай, а просто сделай.

Марина и Кирилл чувствовали, что стоят на пороге нового открытия. Они словно познали закон Вселенной. Теперь жить станет проще и лучше.

Они подошли к дому Марины.

– Вот тут я и живу, – сказала она и махнула головой на подъезд.

И тут же подумала: «Не надо называть ему квартиру, а то ещё придёт и ограбит. И номер телефона не надо давать, если попросит». Хоть она и пришла к открытию с этим парнем, на этом надо было завязывать. Хорошо всё то, что хорошо кончается. А если знакомство продолжится, вряд ли оно кончится хорошо.

Но у Кирилла хватило ума не набиваться на дальнейшее.

– Я там тебя не сильно придушил? – спросил он на прощание.

– Нет, – покачала головой Марина. – Напугал только.

Ему трудно далось, но он всё-таки заставил себя сказать:

– Извини.

– Ну ладно.

– А больше я тебе ничего плохого не сделал? – спросил он на всякий случай.

– Да вот каблук ходуном ходит. Когда я бежала за тобой, то расшатала его. А так ничего, всё нормально.

– Каблук? – Кирилл почесал затылок. – Снимай сапоги. Я их завтра в ремонт отнесу. У меня друг башмачником работает. Он тебе бесплатно починит. Ещё не хватало, чтобы ты тратила свои деньги на ремонт из-за меня.

– Да не надо, – попыталась было Марина. – Я как-нибудь сама.

– Нет уж. Ты ж сказала, что нельзя быть никому обязанным. И я не хочу оставаться в долгу. Если ты хочешь не просто догонять жизнь, а жить по-настоящему, то отдашь мне сапоги.

Марина засмеялась:

– Ну хорошо. Тогда я надену дома тапочки и вынесу сапоги. Подождёшь?

Она отметила про себя, как удобно получается: не надо искать предлог, чтобы продолжить знакомство. Получается, что они ещё раз встретятся, когда он принесёт сапоги. Всё складывается как нельзя лучше.

Может, и нет ничего хорошего в том, что она знакомится с грабителем, который душил её, не может найти работу и считает всех козлами. Но сейчас он был очень милым человеком. И он совершенно прав, сапоги сломаны по его вине. Тут не надо тыкать носом или вгонять в зависимость, а просто позволить исправить ошибки.

Марина сбегала домой, переобулась в тапочки, а сапоги положила в пакет и вынесла Кириллу.

– На, держи.

– Завтра вечером тебе занесу. Часов в девять. Будешь дома?

– Буду.

– Ну всё тогда. Пока.

Марина махом забежала к себе и успела ещё заметить в окно, как Кирилл завернул за угол.

Странное знакомство, удивительное, непостижимое. Расскажи она такое девчонкам в институте – не поверят. А если и поверят, то не поймут.

Приятно осознавать, что одним хорошим человеком на свете стало больше. Пусть даже на пять минут или на два дня, но этот Кирилл стал лучше, чем был. А может, он теперь всю жизнь поменяет из-за встречи с ней? Ведь это легко, это реально, это по силам любому человеку. Главное – захотеть.

«Ведь мы зачем-то приходим в этот мир, – подумала Марина. – В качества аванса Бог даёт нам жизнь, таланты, свободу выбора и возможности. Кто-то умеет этим пользоваться, а кто-то влипает, как в паутину. А в конце жизни мы все должны будем написать Богу авансовый отчёт, как мы жили и на что тратили возможности. Просто многие об этом забывают».

Это был единственный аванс, на который Марина была согласна: её собственная жизнь.

Склонив голову на бок, она мечтательно смотрела в окно, на губах её играла улыбка. Она думала о любви, о будущем, о прекрасном.

Николай БОГОРМИСТОВ

ОХА И ТИМОФЕЙ

Рассказ

Несколько последних лет своей жизни Тимофей Макаров ходил в горы с ней, с Охой. Оха – замечательное существо, породу которого не смог бы определить самый опытный кинолог. В ней сошлись признаки болонки, йоркширского терьера и коккер-спаниеля. Однако болонка определённо преобладала: её выдавали кучерявая шерсть белого окраса и небольшой рост.

Тимофей подобрал щенка на улице во время проливного дождя. За неделю до этого он похоронил жену Галину, Галочку, как он её ласково называл. Они вместе ходили в горы. А тут как-то группа женщин-альпинисток решила покорить относительно невысокую кавказскую вершину Коштантау. Их предупреждали ветераны-восходители о коварстве этой горы. Говорили, что восхождение на неё чаще всего оказывается для смельчаков последним испытанием в жизни. Напоминали, что ещё сто двадцать лет назад там погибли опытейшие альпинисты – англичане Фокс и Донкин вместе с двумя их проводниками швейцарцами. Но женщины оказались упрямыми. И это им дорого стоило. Они погибли под лавиной. И не всех удалось найти, чтобы похоронить достойно.

Жена оставила Тимофею шестилетнего сына, который на тот трагический момент жил у бабушки, матери Тимофея, в другом, далёком го-

роде. Мальчик должен был осенью пойти в первый класс, и отец рассудил, что не стоит травмировать психику ребёнка, и попросил мать не приезжать на похороны.

Он никогда прежде не чувствовал себя одиноким. Школа, армия, заводской цех – всегда вокруг было много людей: друзья, жена, сын. Нельзя сказать, что он спиртного в рот не брал, но пьяниц презирал. И с некоторых пор каждый свой отпуск проводил в горах. Его ещё холостяком туда как-то взял с собой приятель-альпинист. Одного раза хватило Тимофею, чтобы душа его прочно приросла к горам. Он увлечённо и сноровисто постигал профессиональные премудрости покорителей горных вершин и удивительно быстро достиг в этом непростом и нелёгком деле похвальных результатов. Он словно был создан для гор.

Оглушающее одиночество обрушилось на него уже в первый вечер после похорон. Он впервые за много лет остался один в квартире. Подошёл к окну. За ним, окрашенные закатным солнцем, краснели облака. А у него стучало в висках и в горле что-то мешало. Тимофей бесцельно походил по комнате и направился на кухню. Из холодильника достал бутылку водки. Утром проснулся одетым и не мог вспомнить, как уснул.

БОГОРМИСТОВ Николай Сергеевич родился 1 апреля 1941 года на станции Повалиха в Алтайском крае. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В декабре 1973 года переехал в Казахстан. Работал в Павлодарской, Кустанайской областных газетах. Возвратился в Алтайский край в 1991 году, работал в «Сибирской газете», ГТРК «Алтай», главным редактором газеты «Наш Новоалтайск». Печатался в «Бийском вестнике», «Московском Парнасе», «Алтае». Автор трёх книг. Живёт в Барнауле.

Он неделю не появлялся на работе. С утра до вечера шатался по городу, не в силах сидеть в квартире. Заходил в кафе, брал пиво и потягивал его в одиночестве. Ближе к вечеру заказывал водки, потому что без неё не мог уснуть. И однажды, когда он, слегка шатаясь, шёл по улице к своему дому, вдруг над головой грянул гром и с неба обрушился такой поток, что Тимофей в одно мгновение вымок так, словно окунулся в омут. Мимо с визгом пробежали две девицы под одним зонтом. Он не побежал. Напротив, остановился и поднял к небу руки и лицо. Хорошо было под этим водопадом, он даже немного протрезвел. И вдруг заметил под ногами какой-то белый комочек. Свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь густую пелену ливня, пятном поблёскивал на мокром тротуаре. Тимофей наклонился. У ног сидел малюсенький щенок и дрожал, как в лихорадке. Не скулил, а тихо стонал: «Ох... ох... ох...» Тимофей взял его и сунул за пазуху.

В квартире сел на табуретку в коридоре и вынул находку. С одежды струилась вода, но он ничего не замечал. Смотрел сочувственно на щенка, который в слипшейся мокрой шерсти казался голым и продолжал мелко трястись.

– Что, уже не охаешь? – спросил его Тимофей. – Щас, я тебя высушу.

Сдёрнул с вешалки свою рубаху, в которой ходил на работу, пропахшую машинным маслом и окалиной, завернул в неё щенка и стал промокать, осторожно прижимая к маленькому тельцу сухую ткань. Закончив процедуру, заглянул под хвост щенку.

– О, да ты сука, девочка! – протянул он. – Я от тебя, кроме «ох, ох», пока ничего не слышал. Будешь ты у меня Охой. Лады?

Сухого щенка перестало лихорадить. Тогда Тимофей понёс его в ванную. Отмытый от грязи и высушенный полотенцем, найдёныш явил свой первозданный белый окрас.

С этого вечера Тимофей перестал пить. Под его опекой теперь было существо, требующее заботы и ласки. Уходя на работу, он совал щенка за пазуху и в городском транспорте старался не прижиматься в тесноте ни к пассажирам, ни к бортам. Возле его станка, как водится, стояла тумбочка, где он держал резцы, свёрла и прочий мелкий инструмент. В самом низу тумбочки он положил пару брезентовых рукавиц-верхонок, образовав импровизированную конуру. Дверцу постоянно держал открытой. Оха, как все малые дети, большую часть времени проводила во сне.

Тимофей бдительно следил, чтобы горячая металлическая стружка из-под резца случайно не залетела в тумбочку.

В очередной отпуск он, конечно же, отправился в горы. Оха к тому времени подросла и не допускала ситуации, в которой она могла бы хоть на минуту остаться одна, без Тимофея. Вот такая оказалась привязчивая собачонка. Она бегала по квартире следом за ним, не отставая ни на шаг. Он на кухню – и она за ним, он в туалет – и она рядом. Если он залезал в ванну, она скребла коготками её стенку и тонко повизгивала, пока Тимофей не брал её в пенистую тёплую воду. Поэтому, когда он первый раз в новом сезоне, надев рюкзак, отправился вверх по тропе (просто так, для разминки), Оха помчалась за ним, но вскоре стала скулить и отставать. Она оказалась почти неспособной передвигаться со сколько-нибудь приемлемой скоростью по камням. Камешек с его кулак был для неё уже преградой. Тимофей остановился и несколько минут задумчиво смотрел на свою спутницу. Оставить в лагере было абсолютно нереально. Он посадил её поверх рюкзака.

С этой минуты во всех его восхождениях рюкзак стал её постоянным законным местом. Тимофей – человек сухощавый и рослый. Прижимаясь к спине своего друга-хозяина, она с достоинством обозревала окрестности с высоты своего положения. Тимофей время от времени спрашивал её:

– Как ты там, Оха?

Услышав своё имя, она непременно отзывалась коротким «тяв-тяв». Дескать, всё в порядке, я иду с тобой.

Как альпинист, Тимофей Макаров в результате многочисленных восхождений достиг таких профессиональных вершин, что стал командиром отряда новичков. У них, конечно, определённая программа, регулярные занятия, они со своими инструкторами и тренерами ходят на несложные восхождения, но всё под его, Тимофея, началом. Он в роли некоего координатора всего процесса. Быть командиром отряда – большая ответственность. Поэтому Тимофей по возможности старался всё проверить лично, чтобы быть уверенным в благополучном исходе даже и совершенно нерискованного восхождения, на которое отправлялись эти желторотые, но самоуверенные птенцы, мнящие себя альпинистами.

Однажды на Тянь-Шане Тимофей по обыкновению решил предварительно исследовать маршрут, по которому предполагалось вскоре отправить немногочисленную группу начинающих. Накануне в горах прошёл обильный снегопад. Затем установилась тихая и солнечная погода. Покинув палатку, командир отряда постоял немного, всматриваясь в заснеженные вершины, отливающие ослепительной белизной. На пиках не мотался белыми языками на ветру снег, и в долины не стекал синеватый туман. Всё было спокойно, ничто не предвещало осложнений. Поэтому Тимофей пошёл налегке, не обременяя себя излишним снаряжением. Оха, по обыкновению, сидела на рюкзаке.

Ближе к полудню на юго-западном склоне Тимофей решил сделать привал.

Светило припекало. Он надел солнцезащитные очки и прилёг, навалившись спиной на рюкзак. Вблизи журчал, извиваясь меж крупных обломков скал, весёлый говорливый ручей. Тело разомлело, словно у камина, и он не заметил, как задремал. Его привёл в себя отдалённый гул, похожий на звук приближающегося поезда. Тимофею показалось, что он проспал не менее часа, хотя его дремотное состояние длилось всего несколько минут. Оха у его ног насторожилась и беспокойно завертелась на месте, потихоньку поскуливая.

Тимофей мгновенно сообразил, что за грохот разбудил его и почему беспокоится Оха. Он только не мог понять, откуда исходит этот нарастающий гул. А когда понял, было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Их накрыла лавина. Даже не лавина, а так, лавинка. Но её мощи хватило, чтобы сбить Тимофея с места и протаскать вниз по склону, колошматя о встречные камни. От удара головой он потерял сознание.

Очнулся в сумерках. Горные пики на востоке малиново светились. Он лежал на скальной полке. Где-то ниже него отдалённо шумел поток. Всё тело болело. Он пошевелил ногами, и от острой боли в правой снова чуть не потерял сознание. Рюкзака не было, как не было рядом Охи. Над ним высилась стена. Не очень высокая, но без снаряжения преодолеть её нечего было и думать. К тому же ноги... И он понял, что попал в ловушку, из которой никогда не выбраться. Пришла тоскливая мысль, что вот и обрёл он место своего последнего пристанища, побывав во многих горах, покорив немало вершин. Вот она, последняя точка, где суждено закончить земное

существование. Неожиданно и нелепо. Он никогда не думал, что завершит свой путь вот так.

Боль в ноге усиливалась и обострялась. Конечно, к утру в лагере поймут, что с ним не всё благополучно. Ведь он обещал вернуться сразу после полудня. Конечно, отправятся на поиски. Но он не оставил никаких следов, никаких замечаний, указывающих место его пребывания. Если даже теоретически и остались бы какие-то следы, то лавина всё стёрла. Спасатели поймут, что здесь произошло, и молча снимут шапки...

Вдруг он услышал знакомое тихое повизгивание. Тоненький собачий скулёж. Который тут же сменился звенящей тишиной. Тимофей решил, что от боли у него начались слуховые галлюцинации. Но тихое повизгивание повторилось. Несомненно, это Оха! Жива, значит!

– Оха! – застонал Тимофей как только мог громко. – Оха, девочка моя! Я здесь, я живой!

Оха в ответ радостно завизжала, затянула и тоскливо завывала. Тимофей представил, как она сейчас мечется по краю обрыва, прыгает и вертится волчком, не в силах помочь своему другу или хотя бы приблизиться к нему. «Она ведь, – возникла у Тимофея мысль, – не уйдёт от меня и помрёт вместе со мной. Надо хотя бы её спасти. Только послушается ли она?»

– Оха! Иди в лагерь, к людям иди. Ты меня слышишь, Оха? Я приказываю: иди в лагерь. В лагерь, Оха!

На каждый его возглас она отвечала громким лаем, словно хотела сказать, что она его слышит. Да, слышит, но понимает ли, что он от неё требует, спрашивал себя Тимофей.

– Домой, Оха, домой! – ещё раз крикнул Тимофей.

Оха взвизгнула и больше не издала ни звука. Он остался с терзающей его болью, словно его бросили в терновник.

Оха добралась до лагеря под утро. Передними лапами заскребла по полотну палатки, скуля и таякая. Здесь спали парни. Проснувшийся первым, растолкал остальных. Было ещё темно.

– Макаров вернулся, – сказал кто-то из них. И добавил: – Наконец-то.

– Подожди, – ответил ему другой, – а почему Оха к нам скребётся? Тут что-то не то. Ну-ка, дай посмотрю.

Едва открылся вход в палатку, как Оха бросилась к людям. Она кидалась в лицо каждому, скулила, и её скулёж больше походил на плач. Кто-то выглянул из палатки.

– Ребята, а Макарова-то не видать.
 – Да он уж, поди, спит в своём домике.
 – Скажешь тоже, а чего Оха у нас на груди рыдает?

И тут до них дошло. Парни стали торопливо одеваться. Скоро весь лагерь был на ногах. Оха металась от одного к другому и всё порывалась бежать в ту сторону, куда вчера пошёл Макаров. Видя, что за ней никто не идёт, с тывканьем возвращалась. Заснеженные вершины гор явственно проступили на фоне чистого неба и вскоре порозовели на западе. Светало. Шесть спасателей вызвались идти на выручку своего командира, сильно сомневаясь, что он жив.

Пока шли по тропе, Оха сидела на рюкзаке одного из парней. Но вот тропа кончилась, словно растворилась среди камней и чахлого кустарника. Куда идти дальше? Где искать командира?

– Может, Оха приведёт нас? – спросил один из ребят.

Остальные дружно рассмеялись. Никто не принимал Оху всерьёз, как собаку. Так, глупая болонка. И даже не болонка, а Бог знает что, пародия на собаку. Но, как говорится, на безрыбье и рак за карася сойдёт. Оху сняли с рюкзака и осторожно, словно боясь повредить хрупкую игрушку, поставили на землю.

– Ищи, Оха, ищи! Хозяина ищи.

Собачонка кинулась вправо, влево, обошла спасателей раз-другой и, тывкнув, уверенно побежала, перепрыгивая через небольшие камни и огибая крупные обломки скал. Парни едва поспевали за ней.

Ближе к вечеру Тимофея Макарова доставили в лагерь, где на маленькой площадке, метров в двухста ниже лагеря, его уже ждал вертолёт. Когда поднимали носилки, чтобы просунуть их в дверной проём, Оха в отчаянном прыжке взлетела прямо на грудь хозяина.

– Это что такое! – закричал один из спасателей. – Уберите собаку!

– Не тронь её, – слабым голосом, но твёрдо произнёс Тимофей. – Она со мной...

Тимофей лишился ступни. Она была раздроблена так, что собрать, сложить косточки было не по силам, наверное, даже самому Господу. К тому же обе ноги оказались сильно обморожены. Однако вторую удалось спасти.

Как только Тимофей выписался из больницы, он собрал рюкзак, посадил на него Оху и отправился на костылях на вокзал. Он принял, пожалуй, единственно правильное решение –

уехать к матери и сыну, потому что обслуживать себя уже, как прежде, был не в состоянии.

Мальчишка, отвыкнув от отца, поначалу дичился. Двенадцатилетнему пацану непонятен был этот угрюмый тощий мужик на костылях. И когда Тимофей пытался говорить с сыном, тот отвечал отрывисто и односложно и вообще старался уйти от разговора. Похоже, мальчишка не нуждался в отце. Сказывалось многолетнее отсутствие контакта. Если бы не Оха – она всё время находилась рядом – тяжело бы ему пришлось.

Матери он рассказал всё. Она слушала внимательно и два раза прослезилась.

– Тима, я же тебе говорила, зачем ты лезешь в эти горы, что ты там потерял и что ты там ищешь, а?

– Мама, ногу можно потерять и на городском тротуаре.

– Так-то оно так, но всё же тут спокойнее. И скорую можно вызвать.

– Эх, мама. Видела бы ты, какая там красотища! А ты – скорую...

– Ты смотри, Юрку не соблазни своими горами. Не пущу. Один он у меня внучок.

– Да он со мной и разговаривать не хочет.

– Отвык от тебя, столько лет без отца. Не стыдно тебе?

Тимофей опустил голову, не зная, что ответить.

Пришлось долго ждать протез от социальных служб – не было средств, чтобы заказать за свой счёт. Потом требовалось время на освоение искусственной ступни. Надо было заново учиться ходить. Прошло два года.

Ледок в отношениях с сыном постепенно растаял, но некоторая отчуждённость всё же оставалась. Тимофей понял: это навсегда. Однако Юра всё с большим интересом слушал рассказы отца о горах, о восхождениях на вершины. Тимофей не скрывал от сына и трагические случаи, нередкие в альпинистской среде. Юра при этих рассказах напрягался, каменел и молчал. Такие разговоры с сыном Тимофей затевал только в отсутствие матери. Он не стремился пробудить в сыне интерес к горам, нет. Его, как зуд, беспокоила непреодолимая потребность делиться воспоминаниями о лучших днях своей жизни. Но друзей-альпинистов рядом не было.

Тем не менее Тимофей оставался в курсе событий альпинистского спорта. Перезванивался с друзьями. И сам не заметил, как в телефонных разговорах созрело решение снова пойти в горы. Приятели очень сомневались в его способ-

ности преодолевать сопротивление гор и горячо ему возражали. Но упрямство сидело в его генах. А самое главное – в его жизни ничего другого и не было: заводской цех и горы. Но цех – это необходимость, где-то же надо добывать средства к существованию, дающие возможность жить настоящей жизнью. К тому же на заводе терпеливо относились к его постоянным продолжительным летним отпускам. И это Макаров ценил. А настоящая жизнь, в его понимании, только там, в горах.

Когда он всё для себя решил, оставшись наедине с сыном, спросил:

– Ну что, Юрка, хочешь со мной в горы?

– А ты можешь? – вопросом на вопрос ответил сын.

– На восхождение не гожусь, а вот новичков обучать могу.

– Не знаю. Подумать надо.

– А чего тут думать? Запишу тебя в свою группу, и будешь тренироваться.

Юрка согласился. Бабушка, узнав оговоре, запрочитала:

– Я так и думала, совратишь малого. Ты сам сумасшедший и его с ума свёл. Ну, куда ты собрался на одной ноге? А ты, Юрка, чего ты его слушаешь, бродяжку этого? А если что с вами случится, что я буду делать! Как жить?

– Баб, ну чего ты разволновалась? – вступил в разговор Юрка. – Отец на гору не полезет, с одной-то ногой, а я просто так, с ним побуду. Посмотрю, что за горы, какие они.

– Мама, – обратился Тимофей, – ты видела, какие у него друзья во дворе? Подальше бы от таких друзей. А там у него настоящие будут.

Этот аргумент охладил пожилую женщину.

– И то правда, – сказала она, примиряясь, – не нравятся мне его друзья. Глаза бы не глядели.

– Ну вот. А там – ребята что надо. И дружбе цену знают.

Так Тимофей снова появился в альпинистском лагере на Кавказе. Здесь он начинал новичком, здесь познакомился с Галиной. Макарову предложили должность начальника спасательной службы.

В альплагере обнаружился старый знакомый Тимофея, преподаватель колледжа Дмитрий Лукьянов. На восхождениях они не раз бывали в одной связке. В первый же вечер по прибытии Тимофея они, как старые приятели, сидели у костра и вели неторопливый разговор. Вспомнили, перепробовали в памяти общих знакомых: кто теперь где,

кем стал, кто в каких экспедициях участвовал. Назвали и тех, кто остался в горах навечно, и тех, кто ушёл в мир иной у себя дома. Обычный разговор восходителей на горные вершины. Когда звёзды, необыкновенно близкие в горах, бриллиантами рассыпались по небу, друзья вспомнили и о себе. Дмитрий посочувствовал приятелю по поводу потери жены, спросил об успехах сына, поинтересовался, кем мальчишка собирается стать. И Оху тоже не обошёл вниманием.

– Рассказывали мне про твою собачонку. Среди нашего брата про неё легенды ходят. Правда, что она спасла тебя?

– Спасли ребята, которых я тренировал. А привела их ко мне она, моя Оха.

– Вот она у тебя в ногах, присутствует как член группы. Неужели понимает, о чём мы толкуем?

– Конечно понимает. Она всё понимает, о чём люди говорят. Ей переводчика с человеческого языка на собачий не требуется. Я тебе, Дмитрий, больше скажу, ты только не посчитай меня за психа: я убеждён, что в неё переселилась душа моей Гали. Наша встреча после похорон была не случайна.

После этих слов Лукьянов долго и внимательно смотрел на собеседника, а потом поправил костёр. Молчал и Макаров.

– Что ж, ты, значит, веришь в переселение душ?

– Раньше не верил. А теперь... чёрт его знает. Ведь она меня от себя ни на шаг не отпускает. И понимает всё, что я ей говорю.

– Обычная собачья преданность.

– Может быть, может быть. Представляешь, она так обо мне заботится, прямо как человек.

– Что-то ты, Тимофей, не то в голову себе вбил. «Как человек», скажешь тоже.

– Думай, что хочешь. Только меня ни одна женщина так не любила, как Оха.

– Послушай, Тимофей, это же дикое сравнение.

– Не спорь, Лукьянов. Ты же её не знаешь. Пойдём лучше спать.

При последних словах Оха вскочила и, отбежав на метр, стала ждать Тимофея, часто виляя хвостом.

Юра, свойственно своему возрасту, скоро приобрёл друзей в группе новичков, много времени проводил на занятиях, больше из любопытства, нежели из желания постичь премудрости альпинизма. При этом как бы ещё больше отда-

лился от отца. Со сверстниками ему, конечно, интересней. Он с ними ходил раз в неделю в ближайший городок, где можно было найти развлечення, не связанные с альпинистской тематикой.

Неожиданно (кто ж такое мог ожидать?) произошло нечто, что взбудоражило в альплагере всех без исключения. Среди бела дня пропала Оха. Тимофей, по уши погружённый в организационные дела, как-то не сразу обнаружил пропажу. Он привык, что она всегда рядом, но присутствие её не было назойливым. Её деликатность восхищала окружающих.

– Ишь какая воспитанная, – говорил кто-нибудь, – под ногами не крутится.

Однако, находясь в стороне, она не спускала глаз с Тимофея. Стоило только кому-нибудь повысить голос в разговоре с ним, как она вскакивала с места и начинала рычать и лаять. Иногда она бегала к ручью, стекавшему с ледника и монотонно шумевшему метрах в двадцати от лагеря. Она спускалась к самой воде на плоский камень и, напившись, возвращалась к Тимофею.

Оху искали повсюду. Но её не было нигде. Тимофей, прихрамывая, метался по лагерю, заглядывал во все палатки и постройки, несколько раз подбегал к ручью и всё звал, звал и звал. К поискам присоединились все, кто был на этот момент в лагере, больше сотни человек. Все знали, что значит этот беспородный пёсик для начспаса. Всё напрасно. Оха не отзывалась.

В суматохе не сразу обратили внимание, что ручей уже не тот, каким был несколько часов назад. Вода в нём заметно поднялась и теперь уже не шумела, а ревела, бешено крутясь под берегом и переливаясь через валуны, которые прежде вежливо огибала. Она скрыла и тот плоский камень, стоя на котором, Оха утоляла жажду.

Горные реки и даже мелкие ручьи имеют коварную особенность. Вода в них из-за быстрого и обильного таяния снега выше по течению, как при открытии шлюза на плотине, огромной массой устремляется вниз, сметая всё на своём пути. Водяной вал вырастает мгновенно. Только опытный человек может по слуху уловить приближение беды. И даже тогда у него на спасение остаются считанные секунды.

Суматошные движения в лагере и многоголосьный зов «Оха! Оха!» прекратились, когда люди поняли, что произошло. Они столпились на

берегу ревущего ручья. Все взоры были направлены в створ ниже по течению, словно там можно было разглядеть барахтающийся маленький белый комочек. Хотя все сознавали, что всё кончено.

До вечера было ещё далеко. Тимофей, никого не замечая, прихватив кое-что из снаряжения, никому не сказав ни слова, бросился вниз по ручью. Человек пять самых крепких парней последовали за ним.

Они вернулись под вечер, шатаясь от усталости. На Тимофее не было рубахи, в ней он нёс свою Оху. Он положил свёрток на камень недалеко от своего домика. Весь лагерь собрался вокруг. Начальник спасательной службы дрожал от усталости. Он привалился спиной к шершавому камню и уронил голову на грудь.

Кто-то тихо сказал:

– Её прибило к берегу на окраине городка...

После похорон Охи Тимофей три дня не заходил в свой домик, не ел. Он сидел на берегу ручья, с лёгкостью закоренелого убийцы сделавшего подлое дело и теперь как ни в чём не бывало снова шумящего монотонно и спокойно. Все, кто был в лагере, старались не обращаться к начспасу с вопросами, а тем более с просьбами. И только Лукьянов как-то утром подошёл к нему и, молча постояв немного, сказал тихо:

– Тимофей, Юра с двумя парнями не ночевали в лагере. Они ушли в городок.

Макаров ответил не сразу. Не поднимая головы, он спокойно сказал:

– Придёт. Куда он денется.

Как-то утром начспас не вышел из своего домика. Его не беспокоили, решив, что наконец-то его свалил сон. Но, когда он не вышел и к обеду, кто-то заглянул в домик. Макарова там не было. Присмотревшись, заметили, что он не просто ушёл, но прихватил всё снаряжение, необходимое для восхождения. Прикинули, как далеко он мог уйти. Срочно сколотили группу поиска. Её возглавил самый опытный, Дмитрий Лукьянов. Тимофей ушёл в направлении Коштантау. Его долго искали. Как оказалось, напрасно.

Прошло много лет. Некоторые восходители на горные вершины утверждают, что и по сей день на северных склонах Коштантау, там, откуда сползают мраморные ледники, иногда слышится человеческий голос: «Оха...а...а...!».

**Владимир
ЕРАНОВ**

**СНЕГ ИДЁТ –
КАК К СЕБЕ ДОМОЙ!**

* * *

*Как ни упражняй свое стило,
достается, видимо, по благу:
более талантливому – зло,
менее талантливому – благо.*

*Тот – бездельник, этот – ценит труд,
каждый занимает свою нишу:
более талантливые – пьют,
менее талантливые – пишут.*

*Отстранясь от мелочных забот,
льют, решая вечные вопросы:
более талантливые – пот,
менее талантливые – слёзы.*

*Выпадет и нам когда-нибудь
видеть за пределом слов и формул:
более талантливому – суть,
менее талантливому – форму.*

*Вот и пробил час открыть глаза
на удел души и участь плоти.
Более талантливые – за.
Менее талантливые – против.*

* * *

*Неловкий взмах руки привёл
тебя, похоже, к катастрофе:
летит с подноса чашка с кофе
и с шумом падает под стол.*

*Случайный жест, напополам
рассёкший неумело воздух!
И вслед за грохотом – твой возглас
с упрёком к собственным рукам.*

*Но, умоляю, не спеши
так обвинять себя в промашке,
ведь кофе, пролитый из чашки,
не очернит пятном души.*

*Проступок твой – один из тех,
за что прощённым был бы каждый!
О, если б в мире этом так же
прощался нам и больший грех...*

* * *

*Когда б мне снова было двадцать лет,
я, как философ или как поэт,
создал трактат или сочинил сонет
и стал бы популярнее пророка.
Ко мне б не заросла тогда тропа
народная, поклонников толпа
ходила бы за мной, глуха, слепа
ко всем моим причудам и порокам.*

*Когда б мне снова было двадцать лет,
я, соблюдая такт и этикет,
с любым из сильных мира тет-а-тет
общался бы как минимум на равных.
Среди миров в мерцании светил
я б самую большой звездой был,
и мне бы всегда поклонны бил
какой-нибудь любитель истуканов.*

77

Когда б мне снова было двадцать лет,
я полюбил бы живопись, балет,
ходил бы только на зелёный свет
и никогда – на жёлтый и на красный.
Я стал бы чистоплотным: по утрам,
устраивая в ванной тарарам,
свои б я драил зубы, тут и там
вымазываясь весь зубною пастой.

Когда б мне снова было двадцать лет,
забросил бы я чтение газет
и не курил дешёвых сигарет
и дорогих я тоже не курил бы.
Я б занимался вышивкой, резьбой
по дереву, футболом и борьбой
и, обретя гармонию с собой,
от Бога удостоился бы нимба.

Когда б мне снова было двадцать лет...
Но времени обратно хода нет,
историю не перепишешь, след,
оставленный в ней, стёртым быть не может.
Пожалуй, лишь в реальности иной
подобное могло бы быть со мной,
но в нашей, преходящей и земной,
мне это вряд ли выпадет...

Вам – тоже.

* * *

Я – недалёк. Как говорится,
умом с рожденья вышел слаб.
Бездарность. Бестолочь. Тупица.
Внук обезьяны. Сын осла.

Я сам, досадуя и маясь,
казаться всем спешу умней.
В моём мозгу – одна прямая.
Не знаю, что мне делать с ней.

Иной ночей не спит – гипотез
на две хватило б головы,
а у меня – усох гипофиз.
И череп суженный, увы.

В себе я пестую пустотность,
которой ширится объём,
как будто роет яму кто-то
в бездонном черепе моём.

Там мгла раскинута над бездной
и бездна мглою налита,
как погребённая под пеплом
неопалимого куста...

* * *

«Снег идёт в середине марта!» –
я шепчу про себя, как мантру.
Что-то странное, Боже мой,
снег идёт – как к себе домой!

Снег идёт, будто тот татарин,
будто в космос, спеша, Гагарин.
Никому он не нужен здесь.
Но он всё-таки сыпет. Весь.

Снег идёт – не в обход, не мимо,
удлиняя, похоже, зиму.
Снег идёт, создавая вид,
что он белой стеной стоит.

Снег идёт – вопреки сезону,
как во чрево кита Иона.
Это – падает небосвод:
снег идёт, как не шёл весь год.

Снег идёт – не к добру, не к худу.
Снег идёт – всею массой, грудой,
не спросив и сводя с ума
тех, кому не мила зима.

**Леонид
БАЖЕНОВ**
РАССКАЗЫ

Фёдор Никанорович – мой зять, муж моей сестры Полины (Прасковьи), отец Леонида Баженова в двадцать два года с четырёхклассным образованием (в 1940 году) был начальником здравоохранения Быркинского района Читинской области. Хотя те, кто назначал его на эту должность, знали, что у него образование семь классов. Это даёт понять, как трудно было в то время с профессиональными кадрами. Но почему же именно Баженов занял этот ответственный пост? Потому что это был талантливый, пытливый человек. Он на всё смотрел незамутнённым взглядом и брал ответственность на себя. Это трудное время, время больших надежд и предвестий, он переживал и жил одной судьбой со всей страной. Фёдор повлиял на многие судьбы, в том числе и на мою.

Не виделись мы с Леонидом Фёдоровичем Баженовым 64 года. Встретились в Подмосковье, в Литвиново. Я увидел того и не того Лёню. Кудрявый, шустрый мальчуган прыгнул из детства в дедовские седые годы. Общаться и слушать его – одно удовольствие. Не всегда и не во всём можно соглашаться с ним, но и спорить трудно. Потому, что он убеждён в своём.

Владимир ПЕРЕВОДЧИКОВ

Тысяча девятьсот шестьдесят третий год. После «гусяного» ненастья установилась солнечная погода. Природа оделась в осенний наряд. Трава побурела, лес стоял в ярких красках. Ночами подмораживало.

Уборка зерновых была в разгаре. В начале уборки пшеницу уложили в валки. Пошли дожди затяжные, пшеница проросла в валках. И тогда началась битва за урожай. На переворачивание валков мобилизовали колхозников, рабочих с предприятий и школьников. Труда и героизма было явлено много. Только результата было мало. Теперь же, при ясной и сухой погоде, комбайны молотили хлеб с корня, напрямую. Зерно шло чистое и сухое. Вороха зерна росли на току. Полным ходом шла сдача зерна государству.

Селяне картошку на своих огородах выкопали. Колхозная картошка ещё не вся была выкопана. Кусты её уже высохли, и найти гнездо было непросто. Школьники, привлекаемые к уборке, больше её маскировали и закапывали, чем выкапывали.

Чабаны готовились к зиме. В природе исчезли насекомые, и животные набирали тело. Кому-то надо было отремонтировать катон, а кому-то построить новый. Для этого требуются столбы, жерди, тальник. Тальник рубили по речке, а вот за столбами и жердями ехали в лес.

Руководство договаривалось в лесхозе о месте рубки. И, выписав билет как рубки ухода, отправляло чабанов за бревнами и жердями. Чабаны поехали в лес. Лесники отвели всего неделю для нахождения в лесу, пока там была влага. Лес был в это время пожаробезопасным. Дней через десять – пятнадцать просохнет, и въезд будет запрещён.

Вот в Осиновку приехали два чабана, каждый на трёх телегах. Чабаны были из разных хозяйств, но давно знакомые. Иван Прокопьевич приехал на деляну, где уже «отаборился» Павел Васильевич. Кобель Павла Васильевича выскочил навстречу Ивану Прокопьевичу и лаем встретил его, но, услышав окрик хозяина, успокоился. Иван Прокопьевич свои телеги поставил в стороне от телег Павла Васильевича, подошёл, поздоровался, улыбаясь. Мужики крепко пожали друг другу руки. Иван достал кисет, протянул Павлу. Скрутив самокрутки, закурили. Обменялись мнениями по поводу вкуса, крепости маршанской махорки и её пользе для здоровья. Помянули крепким словом сигареты

«махорочные», удивляясь и недоумевая их крепости. Решили, что фабрика их делает из отходов атомной бомбы – не иначе.

Во время перекура, больше по обычаю, чем из любопытства, мужики интересовались друг у друга: как дела дома, как ребятишки, как урожай картошки, как урожай зерна в колхозе.

Иван ответил:

– Да всё, слава богу, дородно. Марьюшка вот-вот родит, по приметам – парнишку, паря.

Павел с завистью:

– Но ты даёшь! Как дашь – так мужик, как дашь, так опять мужик. Однако ядрёный ещё!

– Да, слава богу, ещё тово! Гы-гы!

Мужики потолкали друг друга плечами, похлопали по спине. Радость первой встречи прошла.

Иван пошёл распрягать лошадей и перенести свои пожитки к костру. Двух лошадей он спутал и отпустил пастись, а третью на вожжах оставил на таборе.

Стали собирать поздний обед или ранний ужин. После еды Павел собрался пройтись с ружьём «за козулькой». Собаку посадил на верёвку. Старую двухствольную тулку зарядил патронами с картечью и, повесив на плечо стволами вниз, ушёл. Собака заскулила, дергаясь на верёвке, но когда хозяин скрылся из виду, успокоилась, свернулась калачиком, и только вздрагивающие уши показывали, что она ещё слышит хозяина.

Иван окопал кострище, нарубил сухих дров на две ночи, полагая, что раньше он не управится с жердями. Сходил выбрал место, где ловчее рубить. Жерди были нужны в комле десять – двенадцать сантиметров. Выбрал шесть ровных берёзок, на черенки к вилам и лопатам. Ошкурил их топором возле кострища, полагая, что береста годится для розжига костра.

На закате, когда тень от горы закрыла табор, пришёл Павел. Видел коз, но подшумел и остался без выстрела. Успокаивал себя тем, что, мол, за несколько дней мясо испортится и добывать мясо надо перед самым отъездом из леса. Иван ему поддакивал, успокаивал. Мужики сварили чай, напекли на углях картошки, нарезав сала и красных помидор, сели ужинать.

Вспоминали общих знакомых. Обсудили урожай в своих колхозах. Урожай картошки на своих огородах. Павел похвалил вкус картошки, испечённой Иваном. Она и вкусная, и рассыпчатая, и крахмальная. Иван похвастался урожаем. Сват его из Бырки подвалил на семена два

мешка плоской. Ему теперь хватает и на еду на весь год, и на кормёжку чушкам, и на семена. Варит он её чушкам с отрубями. Страсть как быстро растут, осенью с каждой чуть не по фляге сала. От убоины до убоины сала хватает. И дома всегда есть сало, и на отару берёт, и ребятишкам в интернат есть что положить. А всё потому, что есть чем животину накормить. Павел с сожалением сказал, что у него картошка не очень. Иван пообещал дать ему семян на развод, ведра два-три.

Иван поинтересовался у Павла, какие виды у них в колхозе на урожай.

Павел пожал плечами, не выказывая эмоции:

– Да у нас урожай вроде не хуже прошлогоднего, тоже, поди, центнеров девять – десять соберём.

– Вот и слава богу, – как бы одобряя, сказал Иван.

– Да что «слава богу!» – повысил голос Павел. – Сколько ни намолоти – всё как в прорву! Наш-то* в прошлом году всё зерно за бирюльки, за шмотки вывез. Всю зиму на сцене просидел в президиумах, всю зиму за красным столом. Всё время нас страшал, что ещё больше зерна сдаст. Пятилетку за три года обещает. Совсем рехнулся!

77

– Н-да-а-а, – протянул Иван. – И откуда такие славолюбы берутся? Народ не жалеют! Им лишь бы в президиуме посидеть да из-за трибуны балаболить. А откуда вам его дали?

– Да из С... привезли, – сказал Павел.

– Да там он вроде нормально работал, в середняках ходил, – сказал Иван.

– То-то, что в середнячках, а теперь он наверх лезет, в район надо, на глаза к начальству, а до нас ему и дела нет, – с горечью заметил Павел.

– Хреново ваше дело. Заездит он вас, – выдал Иван. – А наш-то Петрович – молодец. Вот нам повезло так повезло. Молодец, мужик! Пьянку не любит, трескотню не любит, шептунов не привечает, сам везде, своим глазом. Если проштрафился, ему не попадается. Но опять-же, вот Николай поехал домой с пересменки да мешок отходов курчонкам взял. Да неаккуратно из сапей в кладовку перенёс! Нашлась, язви её в глаз, душонка, доклала Петровичу, что и как, откуда взял, сколько и куда положил. Да хорошо, хоть Петровичу, а не участковому. А то засвистел бы Николай годков на пять, – сказал Иван.

* Председатель.

– Но уж, за мешок, так и на пять? Годика на три всего-то, – протестовал Павел.

– А хошь и на три – не дома, не на печи, – парировал Иван.

После молчания Павел спросил:

– А что, и мешок даже не отобрал?

– Да отобрал, отобрал! Ещё и по шапке дал и сказал: «Не умеешь в воде пукать – не пугай рыбу». Но любим мы его, любим и уважаем. Не торопится, эту ядрёную мать, эту самую первущую заповедь выполнять, не везёт весь урожай сразу в заготзерно. Подрабатывают зерно на току, фураж на отары завозят, на фермы, по машине пока. Учителям и другим выписывают зерно, по два центнера, но выписывают. Вот тебе корм и для курочек, и для чушечек. А когда захочется горлышко промочить, есть на что. Не хапай много, не хапай часто, бери через раз и на трезву башку, – философствовал Иван.

– Да-а-а, – протянул Павел. – Тебе-то хорошо говорить. Вам бы нашего! Как бы вы запели? Иван как выстрелил:

– Окстись!

Помолчав немного, добавил:

– Наши колхозники за Петровича горой, а бабы глаза повыдерут.

– А что так? – поинтересовался Павел.

– А ты прикинь, сколько в деревне одиночек? А хозяйство-то все держат. Как без хозяйства, как без коровы, как без курицы? Чай забелить будет нечем. А корову-то газетками не ублажишь. Обратятся к Петровичу – не отмахнётся, не пройдёт мимо. Не оставит сироток без молочка и яичушка, а вдовушку без призрения. За то и любят его, – сказал Иван.

– Да его хозяйка что-то больно сухая, – заметил Павел.

– Да у них такая порода, вострокостная. И мать у неё такая же была. Пыль с тетрадок-то не очень полезная для здоровья. А она всю жизнь в школе. А какие нервы на этих балбесов надо? Натурально каторжанки эти училки. Корпят ночами над каракулями, слепнут, бедняжки.

Мужики помолчали. И начали устраиваться на ночлег. В небе ярко светил Млечный Путь. Чувствовался холод, к утру надо было ждать заморозков, мужики положили толстых сутунков в костёр. Спать пошли в телеги. На земле в это время опасно спать: можно спину застудить и будешь ходить остаток жизни крючком. У мужиков были дохи и маньи. Завернувшись в до-

хи, они до восхода не вставали. Утром их ждал тяжёлый труд.

Встав, мужики сварили чай, почаявали. Решили рубить жерди в разных краях участка, чтобы падающие деревья не доставали до другого и не убили соседа. На телегу надо двадцать – двадцать пять жердей, в зависимости от диаметра. Осина на корню перерубалась двумя ударами топора – слева и справа. Подрубленное дерево вальщик давил плечом и, почувствовав, что дерево падает, прекращал давить. Срубив десять – двенадцать жердей каждый, мужики очищали их от веток и по размеру отрубали вершины. Каждый, нарубив жердей на телегу, запрягал лошадь. Сняв телегу с передка, на передке вытаскивал их к дороге, где удобно было грузить.

За день каждый нарубил жердей на две телеги. Грузили вместе. Они раздвинули телеги, положили жерди и увязали. Хозяин жерди брался за комель, таков обычай. Не надо суетиться вдоль жерди. Работа идёт скоро. К шести часам мужики напились чаю. Павел после перекура пошел с ружьём. Взял собаку на поводке с собой. Иван стал варить ужин. Очистив несколько крупных картошин, опустил их в котелок с водой и повесил над костром, посолил. Не давая кипеть воде ключом, то отодвигал, то придвигал к огню котелок палкой. Ещё картошка не сварилась, Иван услышал выстрел в той стороне, куда ушёл Павел.

«Дай, Господи, фарту», – подумал про себя Иван. Картошка сварилась. Чай Иван заварил. И, сожалея, что долго нет Павла, собрался заморить червячка. Тут из леса вышел Павел, ведя на верёвке собаку. Павел привязал собаку к телеге. Подойдя к огню, он протянул Ивану руковицу-голичку с печенью. Иван ножом поскреб пень и вытряхнул на него добычу. Порезав ломтиками, посыпав солью, мужики стали лакомиться сырой козьей печёнкой, сожалея, что нет чарочки. Чабаны и охотники почитают печень молодого барашка или косули за деликатес.

Павел забил козла с рожками-шильями, ободрал его и оставил на берёзе, чтобы мясо подсохло – обыгало. После ужина они пошли за мясом, торопясь до темноты вернуться на табор. Мясо оставили метрах в двухста от табора, на дереве. Отрубили ребра с одной стороны. В темноте варили бухлёр. Потом ели и разговаривали на охотничьи темы. Утром мясо разрубив-

ли, уложили в мешок и опустили в ручей, до отъезда. Часам к трём они закончили с погрузкой последних телег. Вместе сходили за мясом. Павел отдал стегно Ивану. Иван вроде бы отказывался, но Павел настоял. Иван взял с благодарностью. Уложили скарб на телеги и тронулись в путь. Из леса они шли пешком, каждый ведя за поводья переднюю лошадь своего обоза. И ещё ехали около часа вместе. Потом дороги разошлись. Каждый поехал своей. Иван, не заезжая в свою деревню, сразу поехал на отару. Павел же направлялся в свою деревню, чтобы оставить мясо дома, подкормить ребятишек да сбросить несколько жердей для ремонта сенника. Обозы постепенно потеряли друг друга из виду.

САДНО

*Всё мгновенно, всё пройдёт,
Что пройдёт, то будет мило.*

А. С. Пушкин

Летом тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, перейдя во второй класс, я работал волокушником в колхозе. За компанию со своим соседом и другом Володей П. мы работали на сенокосе у его дядюшки, чабана Ивана Прокопьевича, по прозвищу Кудесник.

Это год XX съезда КПСС, где Н. С. Хрущёв развенчивал И. Сталина, а в народе говорили, что место в мавзолее себе готовил. В Москве шла ожесточённая борьба за власть. Старую сталинскую гвардию отодвинули от руля страны. А имена В. Молотова, Л. Кагановича, Н. Булганина, К. Ворошилова, Г. Маленкова вытравливали из жизни и памяти людей.

В это время в деревне было два колхоза. На западном, МТС Советском, краю располагался колхоз имени Кагановича, а на восточном краю деревни находился колхоз имени Молотова. Мы жили на молотовском краю.

Колхозы, носившие имена сталинских наркомов В. Молотова и Л. Кагановича, были лишены их. Они объединились под названием Россия, дав в председатели варяга-тридцатитысячника Н. В. Попова. Когда было два колхоза, между ними велось соревнование во всём. Колхозники соревновались в красоте и качестве: упряжи, ходков, кошевок. Даже и в том, у кого были длиннее кушаки из кумача, которыми подвязывали полушубки. Хороший конь был гордостью всего колхоза. Дух соревнова-

ния чувствовался в самой жизни. Мы, ребята, носы друг другу били, доказывая, чей конь лучше. Колхозник в случае конфликта мог перейти в другой колхоз. Теперь же в случае конфликта колхозник с тридцатилетним стажем бросал сельское хозяйство и шёл работать в промышленность, строительство или перекочёвывал в другое село.

Большинство школьников проводили летние каникулы на сенокосе. Не болтались по улицам, не грезили, а зарабатывали сено, зерно и деньги, по мере сил помогали родителям. Таких волокушников в обоих хозяйствах было много, это было нормой. Восьмилетние наездники не утомляли лошадей. В колхозе им. Молотова тогда было двадцать отар овец. На каждой отаре – два волокушника, а если чабан запускать две волокуши, то требовалось четыре волокушника. Ребята после пятого класса работали на конных граблях, то есть были грабельщиками. После седьмого-восьмого классов уже управляли конными сенокосилками, запряжёнными парой лошадей. И ещё имели пару сменных лошадей. Но я отвлекся.

79

Так вот, шёл дождь с сильным ветром, настоящая буря. В дождь сено не мечут, оно сырое. Мы жили на вышке, то есть на потолке дома чабана. Фасады не были защищены, поэтому капли дождя долетали до нас, хотя мы перетаскивали свои постели на середину чердака. Закутавшись в одеяла, мы что-то рассказывали друг другу, задавали загадки, фантазировали, мечтали. В том числе о том, как тётка Володи, а жена Ивана Прокопьевича, Маланья, утром следующего дня сменяет парное молоко своих коров у геологов на сгущённое молоко и тушёнку «Великая китайская стена». Палатки геологов стояли выше по увалу, метрах в двухстах от отары. Геологи приевшуюся сгущёнку и тушёнку меняли на свежие молоко, сливки, творог у тётки Маланьи. Тётка всё это ставила на стол. Она не выделяла нас, кто племянник, а кто чужой, или это моё, а то ваше.

Для нас с Володей это был праздник. Мы из многодетных семей. Слово «деликатес» тогда и не слышали. Но тут наши мечты прервал голос Кудесника. Он приказывал ловить и седлать лошадей. За шумом бури мы не слышали, как приехал второй чабан – Виктор. Он известил, что бурей отару овец угнало в сторону Казачьей падьи. Он один не мог завернуть овец, они его од-

ного просто обтекали. Требовалась помощь нескольких человек.

Мы быстро надели телогрейки (плащей не было), слезли с чердака, поймали и оседлали лошадей. Лошади, укрываясь от бури, сами пришли в кошару. Они были монгольской породы, переданные в СССР Монголией как дар или помощь. Кличка моего мерина Чанкырый – Чанкырка, очевидно, по масти, точно не знаю до сих пор. Кличку Володино монгола за далью времён забыл. Взяв бичи, мы вчетвером, ведомые Виктором, где рысью, где галопом догнали отару.

Догнали уже на земле чужого колхоза, километрах в пяти от Колторотуя, за хребтом. Отара клином уходила под ветер. Вчетвером мы начали отжимать передних овец влево. Выполняя команды Кудесника, нам удалось завернуть отару. Мы кружили её на месте до тех пор, пока Кудесник не дал команду – гнать к отаре. Ветер стал дуть тише, хотя дождь лил как из ведра. Работая бичами, мы погнали отару к дому. Перегнав её через хребет, мы оставили Виктора с отарой. Кудесник, Володя и я поехали на кошару.

Сейчас работа детей в таком возрасте звала бы вмешательство омбудсменов по защите прав ребёнка и разных комиссий по наращиванию тунейцев.

Тогда прошло только десять лет после войны. Мужики в тридцать лет и старше – почти все участники войны. Многие из них были подранками: кто без рук, кто без ног (прыгали на деревяшках). Они не сидели на инвалидности, а все работали: пасечниками, конюхами, сторожами, учителями. Например, директор школы Куницын был без руки, завхоз школы Плеск – без руки, воспитатель Стрельников в интернате – без ноги. Что удивительно, никто не носил медалей, орденов, не носили даже в праздники. В магазине фронтовики стояли в общей очереди за хлебом. Когда один фронтовик начал отталкивать старух, чтобы купить без очереди – как фронтовик, его поставили на место. Старухи ему сказали: «Если бы наши сыновья вернулись с войны живыми, они тебе не дали бы нас толкать, страмец». Больше в деревне никто не выпячивал своё участие в войне, никто не лез без очереди.

Младший брат отца, дядюшка Ефим, в эти годы был снят с военного учёта по болезни. Вечером они с отцом распивали бутылку под пес-

ню «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальём». Дядюшка достал из кармана шесть медалей, завернутых в тряпку. Пять были на одной булавке. «Играйте, племяши», – и отдал нам с братом. Отец пробовал протестовать, но Ефим настоял. Два ордена он оставил себе. Пять не могли аккуратно снять с булавки, в этот же вечер мы их переломали. Очень жаль. Отвлёкся!

Приехав, мы с Володей свои промокшие тяжёлые телогрейки повешали сушить под крышей на сквозняке. Туда же повесили штанишки и рубашонки. Переоделись в сухую одежду. Вскоре были позваны тёткой Маланьей пить чай. Чай был от геологов – индийский, ароматный, теперь такого нет. Осьмушка, то есть пачка в двадцать пять граммов, заваривалась на ведро кипятка. Это ведро брали к зароду, и оно не теряло аромата весь день. Мы с Володей получили банку сгущёнки на двоих, так сказать, за подвиг. Утром, вставая ловить и седлать лошадей, уже не могли ступить полным шагом. На пойманную лошадь сесть без седла было равносильно, что сесть на угли. На ягодицах было с обеих сторон по садну с пятикопеечную монету. Для лечения столь деликатных болячек Кудесник дал нам тарбаганьего жира. Первое средство от потёртостей, ран, даже если в ране черви, то есть личинки мух. Черви, помазанные тарбаганьим жиром, вываливаются из ран, и раны быстро заживают. Это переняли от монголов. Тарбаганьий жир, помазанный на стёртые места, на садно, вызывал боль до слёз. Но надо было терпеть, чтобы в глазах геологов и Кудесника казаться мужиками. Полагаю, что мокрая одежда и мокрое седло способствовали получению садна. Так как у лошадей на спине под мокрыми подседельниками тоже образуется садно. Лечилось садно у лошадей также тарбаганьим жиром. Но после истребления тарбаганов противочумниками и охотниками тарбаганьий жир заменили солидолом, смазкой из нефти для трущихся деталей машин, гораздо хуже тарбаганьего жира.

Тарбаганов ловил капканами Виктор на Большой сопке. Взрослых (буркинов и окззов) он убивал у норы, а детёнышей (мендулов) привозил на кошару. Отпускал молодёжь на ближайšie к кошаре бутаны. Хотел развести тарбаганов рядом с отарой. Делал он это с душой,

* Сурков.

но неправильно. Нужно было брать половозрелых самца с самкой, с одного бутана, отловить и отпустить на выбранный бутан. Хороший был парень, царствие ему небесное.

Проработав лето на сенокосе, ребяташки получили машину сена для личной коровы. Зерно и деньги получали после Нового года. Трудодень мог быть полновесным, а мог и быть «мякинным». Сено надо было вывозить самому. За зерном, заработанным мною за лето, отец ходил с двумя мешками.

Перед началом учебного года каждый колхоз делал торжественный обед для ребяташек-сенокосчиков. На обед варили несколько баранов. Мясо крупными кусками лежало в тарелках. К чаю подавали мёд в больших чашках. Мёд был с колхозных пасек. Всем выдавали валенки, ведь это было в Забайкалье. Только за восемь лет работы на сенокосе я ни разу не получил валенки. То моего размера нет, то закончились на складе, то нужно было прийти в следующий раз. Давно я понял, почему я оставался без новых валенок и приходилось ходить в школу в подшитых.

Сейчас бы отдал год жизни, из той, что осталось (а осталось не так уж и много), за один день работы, даром, в том далёком детстве.

БРИГАДИР

В разгар перестройки я с семьёй возвращался из Приаргунска от матери домой, в Золотореченск, на поезде Приаргунск – Чита. Сидел я возле окна, любуясь проплывающим пейзажем. Проезжали хорошо знакомые места, где всё мною исхожено и изъезжено. Справа раскинулась пойма реки Урулюнгуй, а за ней синели горы Кличкинского хребта. И то, что поезд увозил меня дальше и дальше от родных мест, от старых друзей, навевало тоску.

И тут с моей женой поздоровалась молодая красивая женщина с ребёнком на руках, возрастом год-полтора. Как я понял из их разговора – это бывшая ученица. Я услышал её фамилию и название деревни, её родины. В своё время я учился с её сестрой Ниной, такой же красавицей. Видна была порода. Я знал её отца и старшего брата. На наш разговор из соседнего купе пришёл отец этой красавицы Василий (отчество забыл). Я его не узнал: так постарел. С седой курчавой головой, в очках в роговой оправе, с толстыми стёклами, но ещё крепкий старик. Мы по-новой познакомились. Поговорили об общих

знакомых. Я напомнил, что учился с Ниной, а когда дед Василий узнал, что мы едем в Этыку, оживился и, прицелившись пальцем мне в грудь, сказал: «Давно Этыку я знаю, давно!».

За тридцать лет до нашего разговора он купил и перевёз дом из Этыки. Во время хрущёвской оттепели много рудников закрылось в Забайкалье. Только в хребте Кукульбей закрыли рудники: Белуху, Букуку, Этыку, Алданду, Антонову гору и другие.

Посёлки при рудниках быстро строились, так же быстро исчезали. Вычерпали руду – рудник закрыли. Может, авария в шахте – рудник закрыли. А может, в головах началась «перестройка» – рудник закрыли! А о народе подумали? Начальников переведут в другое тёплое место. А рабочих, их семьи бросят, и без всякого пособия. При закрытии рудников люди теряли заработок, оставались без куска хлеба. Бросали обжитые места, распаханые огороды. Где рудники – там камень. Огород в посёлке при руднике – это большой подвиг, чем подъём целины или залежи. А главное – терялся уклад жизни. Летел и ехал рабочий люд в общаги, бараки, коммуналки – лишь бы была работа, был заработок. Мужчины, проживающие в общагах, со временем находили женщин из соседних общаг. Где-то оставались их семьи: жёны, дети, родители. Здесь тоже появлялись дети. И безотцовщина девятым валом катилась по России. Цунами сиротства! Дом рабочий человек не мог взять с собой в горбовике, не мог и перевезти на новое место. И дома продавались по бросовым ценам. Главное было найти транспорт. Транспорт Василию дал колхоз, а именно новый председатель Н. В. Попов.

Деньги Василий копил на мотоцикл, чтобы ездить на работу. Трудился он бригадиром тракторной бригады, поэтому ему надо было на поле не только в свою смену, но и при авариях. На тракторах в то время на работу не ездили, за вином и табаком не ездили, даже чтобы перегнать трактор с поля на поле через межу, надо было распоряжение начальства (председателя, агронома). Трактористы на работу в поле и с работы домой ходили пешком, хотя бы это было и десять километров. Пораньше выходи – успеешь.

Деньги Василий копил на мотоцикл. И представлял себе, как он будет гонять по просёлкам до поля и обратно, как он может в любое время

в райцентр, например, в магазин съездить или в контору колхоза.

Но, встав ночью по нужде, он наступил на детей, спящих на полу. Торопясь, он не зажёл лампы, в темноте и наступил своей ногой сорок пятого размера на ребятишек. Дети расплакались от боли. У Василия защемило сердце от жалости. И он махнул рукой на свою мечту о мотоцикле. Решил купить большой дом, чтобы было куда поставить кровати всем детям. Да и то сказать, что за дом был, в котором он жил? Это была засыпная плетенушка. В беслесных районах в войну да и после строили как могли, как быстрее и дешевле. Забивали два ряда кольев с расстоянием между рядами полметра, с проёмом для двери и окна. Из тальника плели две параллельные стенки, а между стен засыпали перегной овечьего навоза. Изнутри штукатурили глиной, белили известью. Такая засыпуха не могла иметь площадь больше пятнадцати – двадцати квадратных метров. А в семье – пять – шесть детей, в послевоенное время – обычное дело. За аборт сажали в тюрьму.

Василий круто поменял решение и обратился к вновь избранному председателю колхоза Н. В. Попову. Председатель дал лесовоз. Василий с деньгами в кармане поехал в Этыку. Домов продавалось множество. Покупателей не было. Василий выбрал большой дом. Местные мужики, болтавшиеся без работы, за несколько бутылок водки разобрали и погрузили дом на лесовоз. В Талмане дом Василий собрал, выставил угощение. Все мужики села пришли. За субботу и воскресенье дом был готов. Этот дом был украшением села, выделялся среди плетенушек. Мудро, по-отцовски поступил Василий...

Поезд прибыл на станцию Урулюнгуй, где к нему прицепили вагоны из города Краснокаменска. Мы с Василием закурили на перроне, пока шла сцепка. Когда поезд тронулся, Василий рассказал, как он избежал тюрьмы, проявив выдержку. В войну у него была бронь. Тракторист он один был в бригаде, остальные трактористки. Пахал он пашню на клину. Ещё засветло сделал перетяжку двигателю. Василий пояснил мне, что поддон картера крепился на двадцати четырёх болтах. Каждый шатун с крышкой соединялся четырьмя болтами. Чтобы убрать зазор между шатуном и коленвалом, надо было отвернуть четыре гайки, снять крышку с болтов, снять прокладки, подобрать нужное

их количество по толщине и затянуть крышку четырьмя гайками. Нужно убедиться, что зазор в норме. Пока отрегулируешь зазор, несколько раз приходится раскручивать гайки и снимать крышку. Василий внёс рацпредложение. Один раз сняв прокладки, их посередине отверстий разрезали. Такие прокладки можно вынимать и ставить, не развёртывая полностью гайки и не снимая крышки шатуна. Это очень ускоряло и облегчало перетяжку двигателя. Вкладыши были заливные из баббита, перетяжку делали иногда и два раза за смену. Если перетяжка требовалась ночью, делали ночью, утра не ждали. Каково было лежать на земле под трактором весной или осенью. Да ещё в ночь, да ещё в дождь или снег? А какой ветер в Забайкалье? Так что бронь от призыва на фронт – это не пряник, далеко не пряник. За запоротый двигатель могли и посадить, и сажали. Могли посадить на три года и за пятнадцатиминутное опоздание на работу.

Героизм на фронте, в бою – одно дело. Героизм трудовой – это другое дело, это постоянно быть в напряжении, полуголодным, мёрзнуть. Это ремонт на морозе, на ветре. Если сравнить гражданских и военных, то сравнивать Василия-тракториста нужно не с танкистами, а с сапёрами, строящими мосты в ледяной воде, под бомбёжками.

Таких мужиков, как Василий, надо отбирать на племя, содержать в комфортных условиях, а не в рабстве, в тяжёлой работе. Если он дожил до седых волос при его тяжёлой работе, живя впроголодь и под страхом ареста, то какой же запас в его генах жизненной силы и энергии? Сколько бы он прожил в комфорте?

Ночь была холодная. Трактор без кабины. Поехал Василий в шубе. Особенно мёрзли колени там, где штаны внатяжку. Да какая одежда была в войну? Название одно! Сито, а не штаны. Он иногда поправлял полы шубы на коленях. Когда он оторвал взгляд от тёмных коленей, ему показалось, будто зарево скрылось за сопку. Василий хотел доехать загонку и покемарить минут десять – пятнадцать. Норму он почти выполнил. Нормы считали по загонкам и довольно точно. Ширина плуга известна, длина гона или округи известна. Количество пройденных гонов сам считал. Умножай и ориентируйся, на сколько норму выполнил. Не выполнил норму – накажут. Перевыполнил по глупости, упущению или тщеславию – норму увеличат. И

будешь за те же коврижки большой урок пахать. Надо сказать, колхозники народ был пуганый: лишних слов не говорили, лишних теподвижений не делали. Зарево Василия насторожило, продолжая пахать, он наблюдал за сопкой, не появится ли оно вновь.

Когда встало солнце, к Василию на эмке подъехали директор МТС и парторг, оба при наганах. «Вот бы кимарнул я – лет на пять», – подумал Василий. Позже ходил он на ту сопку, выбрал время. Разобрался в следах. Долго за ним начальники наблюдали, однако, полпачки папирос выкурили, прежде чем к нему подъехали. «Что бы было со мною, подними я глаза секундой позже?» – как бы спрашивал Василий меня, а в интонации слышался готовый ответ.

Мы сходили в тамбур, покурили.

– Всю землю я перепахал вокруг села на двадцать километров и помногу раз. Я знаю, где и что следует сеять, знаю, где какие удобрения внести, – говорил седой хлебопашец.

– Теперь бы хозяйствовать, фермерствовать, да ушла вся сила в колхозную пашню. Нет жадности к работе. А по правде, нет веры, что это надолго, что на несколько поколений. Вечного-то ничего нет! Можно и через силу рабо-

тать. Можно силу техникой заменить. Но без веры это будет каторга, хотя и механизированная.

– Может, детей склонить к хлеборобству?

– Нет! Они скорее будут торговать китайскими товарами.

Василию с дочкой и внуком ехать до Читы. А мы в два часа ночи сходили на станции Безречная. На этой станции стоит километровый знак «5 499 км», надо полагать, от Москвы. И это только половина страны! Огромность России – наша гордость. И беда наша.

Ещё в тамбуре дед Василий спросил меня, не боюсь ли я, что с Этыкой вновь повторится, как при Никите. Я его уверил, что быть того не может! Что настроили пятиэтажек, коттеджей. Что построили ЛЭП, водовод, железную дорогу! Строим фабрику!

– Дай Бог, дай Бог, чтобы не повторилось, – протянул Василий. – Отвернулся Бог от страны.

Повторилось всё, ещё и в большем масштабе! Много учёных, да мало умных. Или много умных, но врагов? Где-то случился заворот кишок? В Кремле, наверное.

Москва

Публикация В. ПЕРЕВОДЧИКОВА

Сергей
УТКИН

ПРОЗАИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

РЕЧЕВЫЕ ШТАМПЫ КАК ПЕЧАТЬ БЕЗДАРНОСТИ

Есть области, где ничего плохого в общепринятых формулировках и штампованных фразах нет – там они иногда даже необходимы: в научной и так называемой логически построенной дидактической литературе, общении специалистов в узких областях знаний на своём профессиональном сленге, наполненном хитрыми и нам неведомыми терминами с неодолимым значением. Для специалистов в своих областях технических или гуманитарных знаний овладеть этими стандартными расхожими и частыми фразами и формулировками необходимо, как и научными формулами или математическим аппаратом количественного описания сути явления, и по этому владению терминологией во многом можно судить об уровне подготовки специалиста, адекватности его задачам производства, науки, лаборатории, сферы деятельности. К примеру, в судах при делопроизводстве судья и его помощники по торжеству казённой справедливости читают постановления однотипным сухим казённым официальным языком, который они крепко выучили когда-то и теперь пересказывают им решения Фемиды. Но все эти специалисты не работают со словом и над словом, а работают словом, орудут им в своих делах. Другое дело – писатели.

С них и спрос другой. Вот читаешь статью в каком-нибудь литературном журнале и оказываешься среди плотно расставленных по странице речевых штампов. Видно, что человек тоже освоил язык торжественных статей и некрологов, праздничных поздравлений, открыточных стихов и тому подобных лицемерящих фальшивых текстов к случаю. Этаким мастер литературных тостов. Вот тут он повторяет слова всемогущего литературно Пушкина, тут – потаённого в религиозном чувстве Гоголя, тут – неутомимого чертогона Достоевского. Всё красиво, понятно, ровненько, привычно, бесшумно так, спокойно и хорошо. Да только это слова великих писателей, а не его – его в них нет.

Не попытка ли это скрыть собственную литературную и творческую немоту великими словами великих людей? Писать, говорить и чуть ли не жить под классиков, отбирая у них их слова. Слова эти сказаны, а судьбы прожиты великими. Если ты хочешь повторять слова классиков, иди в школу преподавать литературу и с гражданским пафосом повтори откровения Некрасова или наставь учеников на путь праведный словами Толстого, которых они не услышат, слушая тебя, но ты будешь иметь и право, и даже обязанность говорить слова классиков перед своей аудиторией. Но писатель записывает себя, своё видение жизни, пропустив его сквозь свою судьбу или судьбу неся

УТКИН Сергей Сергеевич родился 3 марта 1987 года в городе Шарья Костромской области. Учился в Санкт-Петербурге, в Балтийском государственном техническом университете «Военмех» имени Д. Ф. Устинова. Публиковался в журналах «Нева», «Балтика», «Бийский вестник», «Северо-Муйские огни» и многих других. Живёт в Костроме.

сквозь эту жизнь, но всегда соприкасаясь и записывая своё ощущение от соприкосновения с реальностью. И ценен, и дорог тем, кто читает его и замечает в его словах себя и свои схожие ощущения, хотя бы ощущает интерес к слову его. И пусть это слово будет скудной, бедней смыслом и не так глубоко или многоумно, как слово былых писателей, но гнуть свою линию, говорить своими словами будет честней, чем пытаться прикрыть пустоту свою словами классиков. Но классики – не самый плохой вариант. Чаще это слова газет, рекламных каталогов и торжественных напыщенных речей. Слова, которые стоят на тексте произведения с речевыми штампами яркой печатью бездарности...

ПОСТАНОВОЧНАЯ ПОЭЗИЯ, ИЛИ ИГРА В ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

Делить поэтов можно по разным критериям. Для меня всегда было важно отношение между поэтом и лирическим героем стихотворения. Мне важно, является ли поэт только автором своего лирического героя или он всё-таки автор своих слов, автор сказанного. То есть важно, где поэт перекладывает ответственность за слова на некоторого придуманного им лирического героя, от которого при случае можно откреститься и за словесным силуэтом которого можно спрятаться, а где он не отделяет себя от своих слов, где он осознаёт себя, именно себя, поэтом. Важно, где человек играет в поэзию, а где он с ней живёт.

Лично мне всегда было интересней последней. Этим во многом определяется и подлинность поэзии: это как-то честней и настоящей, чем полудетские попытки поиграть в лирических героев. Я, правда, слышал мнение знающих толк в поэзии людей, что это не позиция художника, но я предпочёл бы остаться собой и в жизни, и в слове, пусть я и несносен, и мир я малюю как-то мрачно да грустно. Просто дело в том, что начиная писать, мне важно именно записать себя, а не выдумать себя, не сочинить: сочинят и выдумают тебя и про тебя другие люди. Даже денег не возьмут. Наверно, полагают, что Бог на небесах не успеваешь про всех подумать и про всех и каждого в книгу судеб вписать подробно, так они помогут.

Я не люблю актёрского и манерного чтения стихов. Возможно, в этом есть поэтика звука, жеста, интонации, но часто там нет поэтики слова и мысли – в этом чтении слишком много актёра и

слишком мало поэта, мало первоисточника. Этакая постановочная поэзия многими востребована, и у неё есть прекрасные области применения, например, чтение классики прошлых веков, авторы которой, к сожалению, уже никогда сами не озвучат своих произведений. Но и там это соавторство прошлого и настоящего, соавторство бывшего поэта и настоящего актёра, который часто искажает твоё собственное звучание этих классических стихов, собственное прочтение их, которое у каждого ценителя поэзии своё, озвученное его внутренним голосом, а потому это актёрство часто отвратительно.

Поэт работает со словом, свершается в них – в них он и есть, и вряд ли стоит отвлекать внимание от сути слов попытками наполнить их смыслом и непрочитаемой в тексте эмоцией, читая со сцены, играя на этой сцене в Поэзию. Как правило, вся постановочная поэзия сама по себе, в отрыве от криков, всхлипов, вздохов и гротескной жестикюляции, пуста и никчёмна, и всё это сценическое воздвижение пустоты не имеет смысла как литература – в лучшем случае как уличный театр.

САМОЕ СТРАШНОЕ РУГАТЕЛЬСТВО

85

В конце петербургского декабря 2011 года я подрабатывал на небольшом полиграфическом производстве у старшего брата своего бывшего одноклассника, который возглавлял это предприятие, но сам не всегда был на рабочем месте и не всегда самостоятельно следил за работой: для этого у него был менеджер. Менеджером была Маша, студентка пятого курса исторического факультета СПбГУ, шедшая по студенческой своей жизни прямо к красному диплому.

Шла Маша к нему хорошо, уверенно так шла, да только грядущей сессии боялась: устала учиться к пятому курсу, как и положено студентам, и к зачётам с экзаменами была не совсем готова. А тут ещё на работе пришлось поднапрячься: самое время собирать календари, основной продукт студии в это предновогоднее время. Да ещё вечером Маше нужно было проехать по проспектам, занятым мокрым питерским снегом, на новом джипе в первый раз. В общем, навалилась жизнь на девушку всем своим грузным нравом – как тут не заматериться.

Впрочем, Маша и не пыталась сопротивляться искренним своим чувствам и то и дело называла принтеры и прочую оргтехнику самыми не-

хорошими словами. Между делом по ходу рабочего разговора Маша успела отрекомендоваться «циничной сукой» и, видимо, пыталась соответствовать данной себе рекомендации. Впрочем, все её грубости выглядели как-то не очень серьёзно, да и человек в ней виделся неглупый.

Меня несколько не смущал её изысканный мат а-ля дальнотойщик или механизатор, но было некоторое непонимание: зачем же так усердствовать? Я долго не вмешивался в Машин монолог, и она так увлеклась своими мыслями и своим красноречием, что, кажется, перестала замечать, что она была не одна.

Я отвлёк усердно работавшую Машу вопросом:

– Маш, а какое самое страшное ругательство?

Маша вроде бы переспросила, сбившись с интонации:

– У меня?

– Ну, да. У меня-то я знаю, – улыбнулся я.

Она, по-моему, так и не ответила. Посмеялись. Минуты две Маша не материлась или делала это сдержанно, но потом исторические эпохи в её сознании сменились – она вернулась в реальность, и всё пошло, как прежде. В смысле, Маша так же уверенно, уверенно матерясь, пошла к красному диплому истфака СПбГУ...

СПРЯТАННАЯ МОЛИТВА КНЯЗЯ

23 мая 2014 года в Мраморном дворце в Санкт-Петербурге проходила церемония награждения победителей 4-го поэтического конкурса имени великого князя Константина Романова, на которой я смог присутствовать как финалист прошлого конкурса. Перед началом церемонии одна из сотрудниц музея (Мраморный дворец сейчас – филиал Русского музея) предложила всем, кому это интересно, осмотреть покои великого князя Константина Романова. Предложение приняли многие.

Покои князя больше походили на квартиры писателей XIX – начала XX века. Размеры помещений, плотность, с которой расставлена мебель, завешанные картинами стены – всё это выдавало в князе строгий сдержанный вкус без придворной напыщенности, в которой вместо простора и размаха ощущаешь часто только пустоту и холодную опустошённость и помещения, и владельца. Ничего подобного не было в княжеских покоях, в приёмной которых даже решили сделать фотографии.

В самом дальнем кабинете находилась потайная комната, вход в которую казался входящему в кабинет просто стеллажом с книгами. На минуту эту дверь-стеллаж для нас открыли и объяснили, что эта комната была молельней князя. Не думаю, что в дореволюционной России нужно было прятать от кого-то свою религиозность, но, возможно, спрятанная от чужих глаз молитва – это пример не официальной веры, показываемой в храмах, а искреннего религиозного чувства, о котором князь предпочитал говорить Богу с глазу на глаз...

НЕ УДАВШИЙСЯ ПАРНЮ СКРЯБИН

Где-то в середине мая 2014 года на одной из петербургских литературных встреч в помещении Центра современной литературы и книги на Васильевском острове парню не удался Скрябин. Напрочь не удался. Дело было вот как.

Собравшиеся поэты обсуждали выбранную для заседания серьёзную, не поддающуюся с первого огульного мнения тему, когда в помещение кофейни, в котором эта встреча литераторов проходила, вошёл молодой сотрудник центра, изредка пробегавший мимо столиков по своим делам. Но к его торопливым забегам все привыкли и не обращали внимания: он, как и другие заходившие в кофейню, проходил тихо, никому не мешая. Но на этот раз привычный сотрудник пришёл, сопровождая своего знакомого: он быстро подвёл его к стоявшему в углу, за спиной руководителя заседания фортепьяно, бросил ему пару неслышных пояснений и так же быстро пошёл к выходу. Усевшийся за клавиши парень извлёк пару громогласных аккордов, не обращая ни на кого внимания, когда к нему обернулся ведущий заседания со словами: «Молодой человек, здесь нельзя играть!». Молодой человек резко дёрнулся, вставая, бросил музыку и порывисто вышел. Уже из-за двери он попытался объяснить своё смелое поведение: «Это был Скрябин, опус 10, нет, 11!» – «Я понимаю, что это был опус, но...» – донёсся в общем для многих смехе голос ведущего.

Так поэзия помешала музыке – Скрябин парню не удался. Надеюсь, только на этот раз...

ЗЛОСТЬ МОЛОДОГО ИСКУССТВА И СИМУЛЯЦИЯ СЕБЯ

Часто слышал прежде об исписавшихся поэтах, рок-музыкантах и, к сожалению, не сразу

почувствовал в творчестве почти каждого достойного и заслуженного ныне артиста, что его самые ранние, голодные, нищие песни были самыми живыми, искренними, настоящими. В них не бывает обычно профессионализма, переходящего в лоск и вылизанность, в искусственность. В них, сыроватых, есть некоторая несогласность, занозистость, есть смелость неуважения и общественного вкуса, и мэтров, точнее, их стиля. Это дерзость проявить себя, выставить себя, дерзнуть на внимание, время зрителя. Дерзость отнять у мира, занятого своими делами, время.

Вот читаешь раннее есенинское стихотворение «Шёл Господь пытаться людей в любви» и понимаешь: удивительно коряво, но хорошо. Это часто у молодого искусства (Есенину тогда было 19 лет): оно смелее, злее, хотя и неумело, и технически безграмотно. Невежественное, как бы не ведающее размаха мировой культуры, но именно потому замахивающееся на неё и своих предшественников так бесшабашно, смело, неуёмно. Потом приходит опыт, знания, но знания чужие, а этот, свой, задор, рвущийся голос, стихает. А в нём-то и была Поэзия, которая, возможно, по пушкинскому завету, глуповата, но становясь умней, она порой уходит вовсе.

Уходит и музыка, оставляя место лишь музцированию: всё хорошо, да волшебства нет, подлинности, откровения в нотах. Всё превращается лишь в умелую симуляцию искренности, задора, в симуляцию себя. И артист из пророка превращается в актёра, на чью симуляцию смотрят как на купленное за деньги лицедейство, но не верят в новые слова, ещё доверяя и доверяясь прежним песням и стихам.

Школа многих учила лицедейству. Школа в искусстве часто учит тебя быть образованным, эрудированным и отучает быть собой, замещает тебя культурой, знаниями, вселенским опытом. В этом и её вина. Искусству часто нужен дикарь. Дикарь с его открытиями. В открытое дикарём иногда уходят те, кому надоело открытое до них, кто закрыт и заперт в реальности своей жизни, которая на поверку оказывается чужой.

ОКАЗАТЬ ВРАГУ КРАСИВУЮ СМЕРТЬ

Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге находится в здании Кронверка Петропавловской крепости, но музей не поместился целиком в помещениях историче-

ского сооружения и давно выполз из них частью особо выдающихся экспонатов на улицу.

На улице оказались и старинные мортиры с пушками, и современные гаубицы, зенитные орудия, бэтээры, танки и ракетные комплексы. Мне, правда, важнее всех их стелла на месте казни декабристов, повешенных возле кронверка вскоре после декабрьского восстания 1825 года. Но я о другом.

Что же сразу бросается в глаза, так разительно отделяя эти старинные пушки от современных орудий смерти? Разве тогда смерть не была настоящей? Разве битвы прошлых эпох были бутафорскими сражениями? Конечно нет: война обходилась людям многими убитыми. Война обходилась и с живыми, и с мёртвыми жестоко. Война всерьёз. Но глядя на эти украшенные вензелями лафеты, стволы пушек минувших, отгремевших, отпаливших эпох, понимаешь, что поменялось что-то в отношении к смерти, к убийству.

Тогда смерть как будто требовала подготовки, вензелёчков, церемоний – смерть была всё же исключением из мирной жизни, была таким священным ритуалом, наделённым смыслом, пафосом, значением. В этом был некий отголосок рыцарских обычаев: человек удостоивал другого человека красивой смерти, оказывал ему этим честь. Искусство смерти, искусство смерти красивой. Этакая смертельно тяжёлая наука.

А новое время отстранило прежние порядки и взгляды, второпях отделалось от них. Ныне орудие смерти служит только смерти, только её целям: без вензелёчков, без декора. Может, это и честней: смерть не прикрывается красотами. Да только удивительно, как приравнивали человека, жизнь его, к патрону, к залпу орудия, к выстрелу. Как приравнивали всякую судьбу к единому калибру. Попытка стандартизировать смерть. Раньше было известное выражение: «У войны не женское лицо». Видимо, новые войны становятся безличными вовсе.

Странное чувство треплет, когда ты смотришь на видный сквозь эти стволы и прицелы орудий Петропавловский собор, удивительно красивый, стремящийся себя в небо уже три века. На фоне этой соборной устремлённости особенно уродливы орудия смерти, её служаки. Оказывающие смерть, они так отвратно мерзки возле этой храмовой красоты, оказывающей жизнь. Возле самой жизни.

КОГДА ЖИЗНЬ ОБОБРАЛА ТЕБЯ, НАСКОЛЬКО МОГЛА

Частые переезды семьи в моём детстве и ещё более частые смены адресов в последовавшей юности и молодости научили меня не привязываться к месту, к земле. Иначе вырывают тебя с корнем из родины, а вместе с ней часто остаётся в оставленном городе так много тебя, твоего. И на новом месте ты и растерян, и потеряян, и изранен этой оторванностью.

Сначала ты понимаешь, что это больно, и не хочешь этой боли. Потом ты понимаешь, что позволяешь формировать месту себя, что ты неполноценен, не самодостаточен, ты привязан к месту, слишком зависим от него, от окружения. Существует ли ты без него? И если ты существуешь в отрыве от всех мест твоего пребывания, то что есть ты? Берёзки, осинки, родные просторы? Или рвущийся металлом шумный го-

род? Или всё-таки и город, и деревня – это только город и деревня, а ты – везде ты. Ты – это то, что что остаётся, когда отнимают у тебя и малую родину, и друзей, и близких. То неделимое, неотъемлемое человеческое, независящее от среды, от внешних условий.

Ты не чувствуешь этого в начале, не можешь сформулировать, но понимаешь отчётливо, нутром, обычно в самые сложные моменты жизни, когда всё не игрушечно, не по-детски, когда ты сам под сомнением и под сомнением каждый новый день, когда жизнь обобрала тебя, насколько могла, и оставила тебе, казалось, так мало. Понимаешь, что же из всего этого бытового хлама и суеты было в тебе настоящего. Чем же был ты? Что ей, жизни, не отнять? Что самое дорогое, определяющее тебя? Что есть ты?

Не выронить бы, не растерять, не обронить в толчее жизни.

**Тамара
САГАТОВА**

АНГЕЛ НАД ГОРОДОМ

СКАЗАЛ ШАХТЁР

*Из глубин веков движется поезд...
Состав не простой – с углём.
Из глубины ночной идёт поезд.
Страшный скрежет колёс
Под тяжестью веков,
Под тяжестью шахтёрских сердец в углях.
Из глубины веков, ночей
Двигутся, идут поезда,
Отдавая людям тепло лучей.
«Жизнь продолжается», – сказал шахтёр.
И быстро побежали полувагоны.
Мимо люди шагают.
Ввысь птицы летят.
Машины тепловоза подсвистывают –
Жизнь Кузбасса меняется.
Жизнь продолжается.*

ГАГАРИНУ

*Восемьдесят лет
первому космонауту мира*

*Кажется, это было вчера:
Люди кричали, орали,
Пели, танцевали, куда-то бежали.
Все ликовали, всё ликовало!
А он, простой русский парень,
Юрий Алексеевич Гагарин,
Немного смущённый, смотрел на людское море,
Которое жадно ловило каждое его слово
О космосе, о друзьях, о себе.*

Прошли времена...

*Восемьдесят лет первому космонауту мира.
Все готово для пышных торжеств.
Но никогда, никогда не будет того вселенского
ажиотажа,*

*Тех сумасшедших криков, ликований,
Песен, танцев, объятий.*

Всё первое навсегда остаётся на планете

Земля.

»

Всё первое навсегда остаётся на планете

Земля.

ТВОРЧЕСТВО

*Когда учитель творит на уроке,
Он пребывает в другом измерении.
И ученики пребывают в другом измерении,
Вместе творя на уроке.
Вопросы за вопросами,
Доказательства за доказательствами,
Аргументы, факты,
Из прошлого в настоящее,
Из настоящего в будущее,
На грани философии и чувств.
Звонок. Возвращение в бытие.
В коридоре – шум, беготня, крики.
В кабинет заглядывают другие ученики.
Все смешалось: классы,
Ученики, учитель.*

САГАТОВА Тамара Бекбауна родилась 30 сентября 1943 года в Красноводске Туркменской ССР. По окончании школы поступила в Ашхабадский государственный университет на филологический факультет, который окончила в 1967 году. Работала учителем русского языка и литературы. Живёт в Междуреченске.

ИССЫК-КУЛЬ

Окружённый вулканами Тянь-Шаня,
Сверкающих изумрудом прекрасных елей,
Удивляющий естественностью и красотой,
Голубой Иссык-Куль – чудо Тянь-Шаня.
Великий Чингиз Айтматов тебя прославил.
С гор доносится рык «вечной невесты».
Белый пароход спешит на помощь к мальчику.
И душа писателя спешит к ребёнку.
Баржа с углём и дровами идёт.
Сердечный привет отдыхающим шлёт.
Люди едут к памятнику Пржевальскому,
Великому исследователю края.
Диво дивное: красивые люди,
Благоухающие сады,
Благоговеиная тишина долин.
Чарующий всплеск голубых чистых волн.

КАСПИЙ

Молниеносно пронесли истребители.
Горделиво идут корабли.
Не спеша плывут пароходы, паромы.
Море-труженик – Каспий.
Сколько рыбы в сетях?
Сколько раков в вёдрах?
Сколько ракушек в ладонях?
Чайка над морем летит.
И всё ближе к пристаням «Нобеля» танкер.
Рады люди – будет работа!
Будет нефть – будет зарплата...
Ночь пришла в Красноводск.
И всюду зажглись фонари, посылая
Сердечный привет «Паустовскому».
И самым крупным звёздам Земли...

Ах, какое утро роскошное!
Синее небо. Жаркое солнце пустыни.
И повсюду розовый свет
От розовых перьев фламинго,
Как всё это сберечь...
«Надо сберечь», – утверждает с неба Сенкевич.

АНГЕЛ НАД ГОРОДОМ

Прекрасный ангел над городом летит.
Никто его не видит.
Люди теплом согреваются.
Люди жизнью наслаждаются.
Всё покрылось зеленью:
Земля, деревья, горы.
Ах, какие птички трели слышатся –
Так мужчины и женщины в любви

не объясняются.

Ангел над Междуреченском летит и видит:
Шахтёры в забой спускаются.
До места работы ещё несколько сот шагов.
Сквозняк... Чавканье сапог по лужам
И мелькание третьего глаза шахтёров.
Слышится стук лопат об уголь.
Шелест лент с углём.
Поднялась, завихрилась «подруга» шахтёров –
пыль.

90 Сгинь, непутёвая, не приставай к мужчинам.
Они уже устали.
Глаза потускнели.
Лица осунулись.
Плечи опустились.
Смена завершила работу.
Тяжёлой походкой идут шахтёры к подъёму.
Слава Богу! На сегодня всё обошлось.
Все живы, здоровы.

Виктор АРНАУТОВ

НАМ – 55!

Кемеровской областной организации писателей Союза писателей России исполнилось 55 лет.

Нам – 55! И нам есть кем и чем гордиться! У нас есть своя история.

В последнее время в кулуарах, в СМИ муссируются слухи и инициируются вопросы о месте, роли и значении современного писателя в современном обществе. Является ли писатель участником исторического процесса, отражает ли историю современности и влияет ли на неё? Вопросы далеко не праздные. Достается в этой связи и самим писательским организациям и объединениям. Доходит уже до утверждений, что все эти формальные писательские союзы исчерпали и изжили себя, что в них слишком много случайных людей и совсем мало настоящих писателей; что настала пора расформирования и роспуска этих организаций, в лучшем случае – реорганизация и сокращение.

А между тем законопроект о статусе творческих союзов и их членов, после многочисленных обсуждений и поправок на различных уровнях почти два десятилетия лежит и пылится «под сукном». И никак не дойдёт очередь до его рассмотрения и принятия в Государственной думе.

Положение отдельного писателя в глазах общественности низведено ниже некуда. Да и сам он, даже весьма талантливый, не чувствует себя остро необходимым обществом. Его талант и, главное, его собственные оригинальные творения обречены на выживание, поиск средств и возможностей на издание книг, публикации в журналах и даже в местной периодике.

Зато, с другой стороны, открыты все шлюзы для издания кого угодно и чего угодно, зачастую никакого отношения не имеющего к художественной литературе. И уже, подобно наводнению, хлынул целый мутный поток пенно-мусорной околотературы. И вот такие авторы, издав на свои средства две-три книжки и обойдя какие-либо художественные советы, устремляются в союзы писателей. Для чего? Для престижа! Стало быть, всё же престижно являться официально признанным членом Союза писателей России.

Утверждение же, что творчество – процесс сугубо индивидуальный, даже сокровенно-интимный, льёт воду на мельницу разрушения писательских союзов и ведёт к разобщённости писателей. Для чего? А вспомним-ка притчу о венике и отдельных прутиках. А ещё с давних времён был известен принцип «Разделяй и властвуй». Вот и пытаются раздробить, разъединить, а разобщённых уничтожить проще всего...

В ответ, сопротивляясь, пытаются всячески выстоять и выжить, не развалившись, писательские объединения и союзы. Разумеется, членство в Союзе ещё не гарантия таланта и качества написанного и даже напечатанного.

В 2017 году Союз писателей Кузбасса (Кемеровская областная писательская организация Союза писателей России) отмечает своё 55-летие. Что и говорить, возраст почтенный. Можно подводить и некоторые итоги.

До официальной даты образования Союза писателей Кузбасса (СПК) как самостоятельной ячейки Союза писателей России (СССР) была ещё и своя предыстория. Ещё в довоенный период на территории нашей области (относящейся тогда к Запсибкраю) были пишущие люди. Но это были – единицы.

Зато в послевоенное время появились писатели – плеяда фронтовиков: Александр Волошин, Евгений Буравлёв, Михаил Небогатов, Владимир Измайлов, Геннадий Молостнов, Анатолий Соболев, Олег Павловский, Владимир Власов, Анатолий Козлов. Через журналистские тернии стали пробиваться ростки и всходы поэзии и художественной прозы у Виталия Рехлова, Ивана Балибалова, Александра Пинаева, Алексея Косаря, Якова Северного и других. Самобытными голосами стали вливаться в общий хор и звучать напевы шорских сказителей: Фёдора Чиспиякова, Степана Торбокова, Софрона Тотыша.

91
Такое литературное многоголосие объективно привело к тому, что в 1949 году вышел первый номер и стал регулярно издаваться литературный альманах «Сталинский Кузбасс» (позднее получивший название «Огни Кузбасса»). И уже с первого номера в альманахе были напечатаны роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая», подборки стихов Михаила Небогатова, Алексея Косаря, Владимира Измайлова и других авторов. Регулярное издание альманаха явилось первой организационной ступенью к объединению всех писателей Кузбасса.

Однако до официального признания и создания самостоятельной ячейки Союза писателей Кузбасса пройдёт ещё целых 13 лет. А к этому времени статус писателя-профессионала получают А. Н. Волошин (1950 г.), ставший лауреатом Сталинской (Государственной) премии за роман «Земля Кузнецкая», поэт и прозаик Г. М. Молостнов (1956 г.), сосланный из Поволжья российский немец Г. Г. Генке, поэт Е. С. Буравлёв (1961 г.), окончивший к этому времени заочно Литературный институт им. А. М. Горького. Вокруг них формируются и другие поэты и прозаики Кузбасса.

И с писателями Кузбасса уже не могут не считаться. Их замечают. Так, поэт М. А. Небогатов в своих дневниках сделает запись о конференции молодых писателей-сибиряков, состоявшейся в Новосибирске 28 ноября – 2 декабря 1947 года: «Нас целая «банда»: Ерошин, Алексеев, Косарь, Усольцев, Волошин и я.

Вызваны также Фёдор Чиспяков и Замятина. Выходит, Кузбасс будет представлен восьмёркой».

В 1950 году Александр Волошин, Михаил Небогатов и Алексей Косарь принимают участие в Совещании молодых литераторов в Москве. А в 1959 году пройдёт в Кемерово семинар молодых писателей Сибири, на котором руководителями секций являются Геннадий Молостнов, Александр Волошин, Михаил Небогатов.

О писателях Кузбасса начинают узнавать не только их земляки-сибиряки, но и читатели всего многомиллионного СССР, и даже за рубежом! На страницах журналов «Сибирские огни», «Октябрь», «Новый мир» появляются поэты Евгений Буравлёв, Михаил Небогатов, Алексей Косарь, Владимир Измайлов; прозаики Александр Волошин, Геннадий Молостнов, Тамара Ян.

Пятидесятые годы знаменуются изданием отдельных книг прозы и поэтических сборников – как в Кемеровском книжном издательстве, так и в Новосибирске, и в Москве.

Во многих издательствах страны (и даже за рубежом) переиздается роман «Земля Кузнецкая» Александра Волошина.

Выходят первые книги стихов Михаила Небогатова: «Солнечные дни» (1952 г.), «На берегах Томи» (1953 г.), «Юным друзьям» (1957 г.). Печатается его поэма о партизанке Вере Волошиной. Издаются книги Евгения Буравлёва: «Кладоискатели», «Родник у дороги»; публикуются его поэмы «Красная горка» и «Первая плавка». Печатаются романы Геннадия Молостнова «Голубые огни», «Междуречье», «Даруя жизнь». Повестью «Рудознавец», изданной в 1958 году в «Огнях Кузбасса», заявляет о себе писатель-краевед Виталий Рехлов. Отдельной книгой это произведение под названием «Повесть о Михайле Волкове» выходит в 1960 году.

Свою лепту в копилку прозы Кузбасса внёс и писатель-фронтовик, лётчик, потерявший в бою зрение, Владимир Сергеевич Ворошилов, написав роман «Солнце продолжает светить». Этот роман сначала был напечатан в журнале «Сибирские огни» (1960 г.), а в 1963 году он выходит в Кемеровском книжном издательстве отдельной книгой. Через два года его переиздадут в Москве, в издательстве «Советский писатель».

Ещё один фронтовик, однофамилец предыдущего, Владимир Семёнович Ворошилов – журналист, корреспондент газеты «Известия», благодаря ему, Кузбасс и страна узнали о нашем земляке Н. И. Масалове, эпизод спасения которым немецкой девочки 30 апреля 1945 года лёг в основу сюжета известного монумента «Воин-освободитель» в Трептов-парке

Какую дату следует считать днём рождения Кемеровской областной писательской организации – вопрос остаётся открытым.

Дело в том, что для образования самостоятельной ячейки Союза писателей СССР (РСФСР) необходим был формальный численный минимум, уставом он определялся в пять членов СП.

До создания самостоятельной ячейки СП все кузбассовцы, имеющие членские билеты СП СССР, относились к Новосибирской областной организации писателей. Это вызывало немало неудобств и волокиты.

28 апреля 1962 года правление Союза писателей РСФСР приняло постановление: «Организовать отделение Союза писателей РСФСР в городе Кемерово».

14 июня 1962 года состоялось первое организационное собрание писателей Кузбасса с присутствием представителя правления СП из Москвы. Первым руководителем (ответственным секретарём) был избран поэт Евгений Сергеевич Буравлёв. Кемеровское отделение насчитывало на момент создания как раз пять писателей, являющихся членами СП СССР: это Евгений Сергеевич Буравлёв, Александр Никитович Волошин, Геннадий Модестович Молостнов, Герберт Густавович Генке и Тамара Германовна Ян.

Следует сделать оговорку, что на момент официального создания СПК в Кузбассе проживали и трудились ещё два члена СП СССР, это приехавшие из Иркутска и Красноярска литературные критики и литературоведы Анатолий Николаевич Срывцев и Алексей Фёдорович Абрамович (принятый в СП СССР ещё в 1935 году по рекомендации самого А. М. Горького).

Самым первым членом СПК, пополнившим его ряды, по праву стал поэт Михаил Александрович Небогатов, получивший членский билет уже в октябре 1962 года.

Следующими писателями, принятыми в СПК в 1963 году, были и прозаик Виталий Степанович Рехлов и поэт-фронтовик Владимир Измайлов. В 1964 году ещё одним писателем-фронтовиком стало больше, на сей раз это был Анатолий Пантелеевич Соболев. В 1965 году пополнил ряды писателей-профессионалов поэт Виктор Михайлович Баянов.

В 50–60-е годы Кузбасс становится центром ударныхстроек и реализации гигантских промышленных проектов. Сюда едут со всей страны. Приезжают выпускники московских и ленинградских вузов на журналистскую работу: Гарий Немченко, Геннадий Емельянов (после МГУ), Валентин Махалов (после ЛГУ), Геннадий Юров (после ТГУ). После окончания филфака Новокузнецкого пединститута к журналистской работе подключаются Владимир Мазаев и Владимир Матвеев.

До конца 60-х годов в СПК принимают ещё пятерых писателей. Среди них – кемеровчане-прозаики Зинаида Чигарёва и Владимир Мазаев (1966 г.). Эти писатели внесли огромный вклад в издание литературы Кузбасса, будучи главными редакторами Кемеровского книжного издательства.

В Новокузнецке поистине раскрылся талант прозаиков Гария Немченко и Геннадия Емельянова. Ими пополнился СПК уже в следующем, 1967 году. Повести «Здравствуй, Галочкин» и «Пашка, моя милиция», написанные в Новокузнецке, принесли Гарию Немченко общесоюзную известность и популярность.

В Кемеровском книжном издательстве выходят книги Геннадия Емельянова: сборник рассказов «Друг Серёга» (1964 г.), повесть «Хочу удивляться» (1966 г.), роман «Берег правый» (1967, 1969 гг.).

О широте литературного процесса в Кузбассе середины 1960-х годов можно судить и по лаконичным дневниковым записям М. А. Небогатова: «14 декабря 1964 г. Наконец-то вышел из печати сборник «День поэзии». В нём стихи тридцати четырёх авторов. Стихи сопровождаются краткими биографическими справками. Даны портреты. Тираж 15 тысяч». И ещё одна запись, от 28 марта 1966 года: «На семинар молодых писателей Западной Сибири и Урала к нам приедут такие «киты», как Михалков, Барто, Фёдоров, Дудин, Ручьёв и др.».

Замкнул десятилетие принятый в 1969 году в Союз писателей СССР молодой талантливый прозаик Виктор Чугунов. Ему, выпускнику Литературного института, прочили большие писательские перспективы. К сожалению, реализовать до конца помешала ему преждевременная смерть в автокатастрофе, в 1973 году, в возрасте 36 лет.

Ещё одному кузбасскому поэту-шестидесятнику – 26-летнему «жаворонку кузбасской поэзии» Анатолию Саулову не довелось в полную силу подняться в литературную высь и спеть свою главную песню. Стоя на самом пороге приёма в СПК, Анатолий Петрович умер в 1968 году.

Подводя черту под первым десятилетием истории СПК, следует хотя бы мимоходом упомянуть ещё трёх наших земляков – выходцев из земли Кузнецкой.

«Я Марьевский и поступью, и родом», – с гордостью будет утверждать поэт Василий Дмитриевич Фёдоров, чьё имя носит Кемеровская областная научная библиотека. К этому времени его уже очень хорошо знали в СССР не только как удивительного, самобытного поэта-лирика, но и как одного из руководителей правления СП СССР. Василий Дмитриевич никогда не чурался ни собратьев по перу, ни читателей, бывая в Кузбассе. Мало того, он в 1970 году в Марьевке, на Назаркиной горе, построил для себя и своей жены-писательницы Ларисы Фёдоровой дом, чтобы ежегодно в летние месяцы приезжать на малую родину жить и работать. Тут им написано немало поэтических и прозаических шедевров. В Марьевку к нему часто приезжали кузбасские писатели и почитатели его творчества. С 1985 года там проходят Фёдоровские чтения.

Стремительным был взлёт и ещё одного кузбассовца, родившегося в Мариинске, учившегося и работавшего на станции Тайга, Владимира Алексеевича Чивилихина. Его повестями «Ёлки-моталки», «Про Клаву Иванову», а особенно документальной повестью «Серебряные рельсы» в 1960-е годы зачитывалась вся страна. Имя В. А. Чивилихина носит городская библиотека Мариинска. Там же создан и замечательный музейный комплекс писателя.

Не обрубает свои родовые корни и выходец из городка Топки замечательный прозаик и публицист Виктор Иванович Лихоносос.

Десятилетие 70-х открывает принятый в СПК в декабре 1970 года тонкий поэт-лирик Игорь Михайлович Киселёв. В 1966 году в Кемеровском книжном издательстве вышла его первая книга стихов «Перецвет». К сожалению, широкая литературная известность и признание пришли к нему поздно, только в 80–90-е годы, после ранней смерти поэта. А за подборку стихов, напечатанную в «Нашем современнике» в конце 90-х годов, Игорь Киселёв стал лауреатом этого журнала. В 2006 году одной из библиотек города Кемерово было присвоено имя поэта Игоря Киселёва и учреждена ежегодная литературная премия им. Киселёва.

Следом за Игорем Киселёвым, в этом же году, в СПК был принят бывший фронтовик, кемеровчанин Олег Павловский, талантливо писавший для детей и юношества. А через семь лет СПК пополнился ещё одним писателем-фронтовиком Владимиром Власовым, ставшим известным читателям ещё по книге «Завтра связи не будет», напечатанной в 1962 году.

Значительный вклад в прозу Кузбасса внёс своими рассказами и повестями Владимир Куропатов, которого рекомендовали в СП СССР в 1977 году.

Ещё в ноябре 1963 года поэт Михаил Небогатов написал рекомендацию в СП СССР поэту Валентину Махалову. Однако из-за строптивого характера и своей недипломатической прямоты в отношении чиновника от столичной литературы принят в СП Валентин Васильевич Махалов был лишь спустя 12 лет, в мае 1975 года. К этому времени у него было издано уже пять сборников стихов. Многие годы куранты на центральной площади Кемерово вызванивают мелодию, написанную на стихи В. Махалова, – «Над Томью плывут соловьиные зори...».

Коренной кемеровчанин Геннадий Юров активно влился в ряды писателей Кузбасса и был принят в СПК в 1976 году. Журналист по образованию и профессии, он в своих стихах и очерках оставался остропублицистичным. Его очерки и поэмы об экологии Кузбасса будоражили читателей. А стихи «Рабочая мелодия Кузбасса» на музыку Евгения Лугова стали гимном Кемеровской области. Геннадий Евлампиевич Юров – самый титулованный поэт, краевед и публицист Кузбасса. Это ему же писатели Кузбасса доверили возглавить СПК в 1983–1987 годах. Это ему принадлежала инициатива издания литературно-краеведческого альманаха-ежегодника «Красная Горка», главным редактором которого он стал.

В 1977 году официальное признание профессионального писателя получил молодой журналист, поэт, выпускник филфака Новокузнецкого пединститута Валерий Зубарев. Его стихи были отмечены на Днях литературы в Кузбассе, проходивших в 1976 году в Кеме-

рове. Там-то и рекомендовали его для приёма в СП СССР. В 1987 году Валерия Фёдоровича Зубарева избирают руководителем СПК, а в трудные и смутные времена 90-х, когда Кемеровская писательская областная организация была разделена, он становится ответственным секретарём одной из половин СПК, которая вошла в основную организацию в 2003 году. В центральной городской библиотеке Киселёвска открыт музей поэта Валерия Зубарева.

В 1978 году СПК пополнился «доморощенным» литературоведом и критиком – Евсеем Цейтлиным. Критический литературный профессиональный анализ творчества собратьев по перу не только популяризировал сочинения кузбасских писателей, но и помогал им самим взглянуть на своё творчество иными глазами.

В 1970-е годы оживилось литературное творчество молодёжи Кузбасса. Потоки рифмованных строк и прозы в буквальном смысле затапливали редакторскую почту журнала «Огни Кузбасса», областных газет «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Поистине неопределимой и титанической работой в это время стала литературно-наставническая деятельность поэта М. А. Небогатова. По десятку-два писем с «опусами» ежедневно приходилось читать Михаилу Александровичу. И не просто читать, давать критические ответы в виде писем, а ещё – еженедельно вести рубрику «Факультет молодого литератора» в областных газетах, делая аналитические разборы изысканий начинающих поэтов и прозаиков.

На 1970-е годы приходится основная доля руководства Союзом писателей Кузбасса прозаика Владимира Михайловича Мазаева, который сменил на этом посту Евгения Сергеевича Буравлёва в 1971 году.

И ещё. Семидесятые годы для СПК стали и годами первых утрат. Не стало Виктора Чугунова. Ушли из жизни литературные первопроходцы: Е. С. Буравлёв и А. Ф. Абрамович (1974 г.), В. С. Рехлов (1975 г.), А. Н. Волошин и А. Е. Пинаев (1978 г.), шорский сказитель-поэт С. С. Торбоков.

Восьмидесятые годы в литературном процессе Кузбасса – годы особенные. С одной стороны, продолжает набираться силой и творческим опытом поэзия Михаила Небогатова, Виктора Баянова, Валентина Махалова, Геннадия Юрова; проза Владимира Мазаева, Владимира Куропатова, Зинаиды Чигарёвой, Владимира Ворошилова, а с другой – их уже «поджимают» плотными рядами новые писатели.

И ряды эти весьма разновозрастные. Продолжают приходить в литературу, пополняя СПК, бывшие фронтовики – со своей ещё не успевшей зажить и отболеть военной тематикой: Виль Григорьевич Рудин и Пётр Семёнович Ворошилов. А рядом с ними – целое новое поколение, представляющее «на войну опоздавшую юность».

Прежде всего, следует отметить однокурсника Владимира Мазаева по пединституту – детского поэта

и поэта-сатирика Владимира Матвеева, принятого в СП в 1981 году. Его уже знают не только в Кузбассе и Сибири. Сатирические стихи Владимира Матвеева печатают в журнале «Крокодил».

Почти следом за В. Матвеевым (1983 г.) в Союз писателей принимают ещё одного поэта, пишущего для детей и юношества, – Александра Береснева. Имя этого замечательного детского писателя позднее будет присвоено детской библиотеке города Кемерово.

Влился в ряды поэтов удивительный, добрый и приветливый по своей натуре человек, знаток и ценитель сибирской тайги поэт Леонид Михайлович Гержидович (1987 г.). Заслуги Л. М. Гержидовича в области поэзии, прославления своей малой «тихой пихтовой родины» позднее принесут ему титул почётного гражданина города Берёзовский.

Из когорты «довоенных» в СП приняты поэт Иван Полуни (1984 г.), прозаики Владимир Коньков (1983 г.), Анатолий Ябров (1985 г.), Геннадий Естамонов (1987 г.) и Любовь Скорик (1988 г.).

В 80-е годы заметно активизировала свою деятельность литературная студия «Притомье», выросшая из КТОМа. Десятки молодых и начинающих поэтов и прозаиков собираются на её регулярные занятия со всей области. На этих занятиях читаются новые стихи и проза, ведутся жаркие споры и обсуждения написанного, проводятся теоретические литературные семинары... Один из самобытных кузбасских поэтов и прозаиков Виталий Крёков, сообщая о своём образовании в анкетах, не без гордости указывает: «Литературная студия «Притомье». Руководят литературной студией в разные годы поэты Валентин Махалов, Геннадий Юров, Валерий Зубарев, прозаик Геннадий Естамонов.

А в следующей плотной и широкой шеренге восьмидесятников – поколение людей, родившихся после войны.

Необходимо отметить, что планка для приёма в СП СССР в эти годы была поднята очень высоко и далеко не всем удавалось взять эту высоту с первого раза. И тем не менее за это десятилетие Союз писателей Кузбасса пополнился рекордным числом новых членов, 18 поэтов и прозаиков стали обладателями членских билетов СП СССР!

Помимо отмеченных, в СП были приняты поэты Павел Майский (Мертвецов) (1981 г.), Николай Колмогоров (1984 г.), Любовь Никонова (1985 г.), прозаик Екатерина Дубро (1985 г.).

О поэте Владимире Иванове следует сказать несколько поподробнее. При обсуждении стихов В. Иванова на областном семинаре молодых писателей в Кемерове (1976 г.) на него обратил внимание В. Д. Фёдоров, а затем, будучи в Марьевке летом 1977 года, пригласил к себе и весьма критически отобрал стихи молодого поэта для первой книжки «Беседуя с тобой», вышедшей в Кемеровском книжном издательстве в

1979 году. Через три года в московском издательстве «Современник» выходит вторая книга стихов «Земной парус». Принятый в СП в 1983 году поэт Владимир Иванов на то время был самым молодым членом СП СССР – от Урала и до Дальнего Востока.

Лихие 90-е – лишь одно из многочисленных определений времени смуты, раздора и социально-экономических катаклизмов в истории нашей страны.

Практически разорвались долголетние связи между писателями многонациональной советской литературы. Развал СССР привёл к организационному упразднению Союза писателей СССР, просуществовавшего без малого 50 лет. И на его развалинах стали появляться новые образования, состоящие, впрочем, практически всё из тех же прежних членов СП. Таким образом, в России появляются две основные организации – Союз писателей России (СПР) и Союз российских писателей (СРП). Не будем вдаваться в тонкости идейных разногласий между ними. Отметим лишь, что СПК организационно вошёл в Союз писателей России.

Разделение большого Союза писателей не могло не повлиять и на монолитность СПК. В 1993 году произошло разделение его на две части или два крыла, впрочем, оба остались в составе Союза писателей России. Одно крыло СПК, либерального толка (вдохновителем был В. Рудин), возглавил поэт Валерий Фёдорович Зубарев, другое – писателей-патриотов, не пошедших в услужение новой власти, – принятый в СП год назад, набирающий творческую силу и авторитет поэт Борис Васильевич Бурмистров.

И оба крыла СПК имели одинаковые права по вовлечению в Союз писателей России новых поэтов и прозаиков. А выбирать было из кого!

Вчерашние «притомцы» плотной стеной стояли в очередь. Их уже хорошо знали и признавали как поэтов и прозаиков не только свои сотоварищи, но и опытные и признанные писатели.

И 90-е годы явились ещё более рекордными по сравнению с предыдущим десятилетием по приёму в СП новых членов, 20 человек пополнили ряды СПК!

Ещё до реформирования СПК в него были приняты поэты Иосиф Куралов (1991 г.), Борис Бурмистров, Сергей Донбай и Александр Катков (1992 г.). Вслед за ними членские билеты получили поэт-кемеровчанин Виталий Крёков, детский писатель из Новокузнецка Эдуард Гольцман и кемеровский прозаик Анатолий Кругляков (1993 г.).

Созрел для приёма в СП и бывший «ктомовец», врач и преподаватель мединститута Семён Печеник (1994 г.).

Следующий, 1995 год принёс официальное признание писательских заслуг кемеровчанину, окончившему Томский университет, поэту Владимиру Ширяеву, выпускнице Кемеровского института культуры, пишущей стихи и прозу, Юлии Лавряшиной и поэту-новокузнецчанину Александру Раевскому.

Можно сказать, что помимо Новокузнецкого пединститута в это время будущих писателей по своим гражданским специальностям готовят и выпускают Кемеровский и Томский университеты, Кемеровский институт культуры и мединститут. А своеобразной «рихтовкой» писателей по-прежнему продолжает заниматься литературная студия «Притомье», которую со второй половины 90-х годов возглавил поэт Сергей Донбай.

В 1997 году в СП принимают поэта Сергея Самойленко (выпускника КемГУ), прозаика Владимира Есенина, окончившего институт культуры. Из рабочей среды и соборов многотиражек приходят в СП новокузнецчанин – прозаик Николай Ничик и поэт Виктор Бокин (1998 г.).

Наконец-то пришло время и для осознания необходимости вступления в Союз писателей России и поэту Александру Ибрагимову. Александру Гумеровичу было что сказать молодым поэтам и прозаикам, передавая свой опыт и знания в созданной при КемГУ литературной студии «Аз».

В последние годы 90-х в СПК были приняты инженер-строитель Вячеслав Лопушной, экономист Валерий Баранов, сельский труженик Валерий Ковшов, журналист-редактор Владимир Соколов, отставные военные: вертолётчик Валерий Козлов и капитан-подводник Владимир Шумилов.

И замкнул двадцатку – поэт Анатолий Иленко, принятый в СП в 1999 году. Профессиональный труженик сельского хозяйства, занимавший посты вплоть до директора совхоза, а позднее – и первого секретаря Тисульского райкома партии. Анатолий Иленко немало потрудился и на пользу СПК, исполняя обязанности ответственного секретаря.

Как закономерный результат проявления национального самосознания в конце 90-х годов в Кузбассе сформировалось ядро писателей коренного населения – шорцев. К этому времени у них появился новый лидер – выпускник филологического факультета КемГУ, защитивший кандидатскую диссертацию по шорскому фольклору и литературе, Геннадий Косточков. В СП России принят был он в 1996 году.

А в следующем году членские билеты получили врач-терапевт Любовь Чульжанова, художница Любовь Арбачакова, Вениамин Борискин, Таяна Тудегешева, окончившая Высшие литературные курсы (семинар Юрия Кузнецова) при Литературном институте и даже защитившая кандидатскую диссертацию по фольклору шорского народа. Большинство тем для своих произведений эти писатели черпают из самобытной жизни, героического эпоса и фольклора шорцев, относящихся к уйгурской этнической группе. Свои творения шорские писатели создают как на русском, так и на своём родном языке.

Следует заметить, что к этому времени уже ушли из жизни первые шорские кайчи-сказители: Ф. Чиспиков, С. Торбоков, С. Тотыш, немало потрудившиеся

над созданием первых учебников на шорском языке и шорской национальной литературы.

Нелегко приходилось выживать в 90-е годы основному печатному органу писателей Кемеровской области – журналу «Огни Кузбасса». И тем не менее он продолжал с трудом, но выходить. Главным редактором альманаха в это время стал поэт Виктор Баянов, а ответственным секретарём продолжал оставаться Сергей Донбай.

Параллельно «Огням Кузбасса» «зубаревским крылом» стал издаваться журнал «Литературный Кузбасс», редактором которого был прозаик Владимир Куропатов. Но он просуществовал недолго.

Несмотря на финансовые трудности, книги отдельных авторов всё же выходили. Назову лишь некоторые из них: роман-памфлет «Государство № 49 и его Президент Лукьян Тузов» Анатолия Яброва, сборники повестей и рассказов: «Горький привкус осени» Зинаиды Чигарёвой, «Безмолвие» Владимира Куропатова, «За синим лесом» Валентина Махалова, «Без любви прожить можно» Владимира Мазаева, «Весёленький денёк» и «Каиновы дети» Юлии Лавряшиной, «Остров-мираж» Евгения Левшова, «Успеть на электричку» Анатолия Круглякова и другие. Печатаются сборники стихов Виктора Баянова, Бориса Бурмистрова, Сергея Донбая, Валерия Зубарева, Иосифа Куралова, Владимира Иванова, Николая Колмогорова, Леонида Гержидовича, Александра Ибрагимова, Александра Каткова, Виталия Крёкова, Валерия Козлова, Владимира Шумилова, Владимира Соколова, Виктора Коврижных, Валерия Ковшова, Александра Курицына, Любви Никоновой, Александра Раевского и многих других.

При этом в большинстве случаев книги издаются пока ещё централизованно, книжными издательствами, весьма внушительными тиражами. Так, к примеру, первый сборник рассказов и повестей начинающего прозаика Владимира Есенина «Голос» был выпущен кемеровским издательством «Современная отечественная книга» в 1992 году тиражом в 40 тысяч экземпляров! Такие тиражи прозаикам и поэтам следующих лет будут только сниться...

Мало того, всё чаще выходят и коллективные сборники. Предшественником их можно назвать сборник «Смотрю в твои глаза», изданный тиражом 75 тысяч. В 90-е годы выходят коллективные сборники прозы уже признанных писателей: «Не покидай меня...», «И жизнь, и слёзы, и любовь...», сборник рассказов начинающих авторов «Субботний рейс». Не остаётся без внимания и творчество поэтов, издаются коллективные книги: «Пять стихотворений о любви», «День поэзии», «На родине моей выпали снега...», «Дороже серебра и золота», «Поэзия. Избранное Кузбасса. Графика», «Площадь Пушкина».

2000-е годы. Социально-экономический кризис 90-х годов и начала нового тысячелетия неизбежно

привёл повсеместному закрытию заводов, предприятий, учреждений, НИИ. Шло сокращение и увольнение штатов. Без работы оставались вчерашние шахтёры, металлурги, химики, педагоги, врачи, военные, работники правоохранительных органов. Не зная, чем занять себя и заполнить образовавшиеся пустоты в свободном времени, многие ринулись в самокопание и сочинительство. Благо, образование и жизненный опыт тому способствовали. Не хватало одного: литературных навыков. И вот тут большую роль сыграли литературные студии, как молодёжные, так и возрастные.

И ряды СПК за счёт новых членов стали не только стремительно полниться, но и изрядным образом «взрослеть». Сюда стали попадать теперь преимущественно пятидесяти- и даже шестидесятилетние «начинающие» поэты и прозаики.

В 2000 году членом Союза писателей России стала Зоя Николаевна Естамонова, ныне член трёх творческих Союзов, в том числе Союза журналистов (1962 г.) и Союза художников России (2001 г.). Около 30 лет она на Кемеровском телевидении была автором передач, телефильмов по темам изобразительного искусства, литературы, экологии, православия.

Союз писателей Кузбасса, возглавляемый Борисом Васильевичем Бурмистровым, не только выстоял, выдержав все перипетии времени, но и вновь собрал в 2003 году всех писателей под одно крыло.

Сорока новыми членами пополнился СПК за «нулевые» годы! Каждый из принятых писателей привносил свой вклад в современную кузбасскую литературу.

Расширилась литературная карта Кузбасса. Так, уже в самую первую пятилетку нового миллениума членские билет СПК получили поэты и прозаики из Анжеро-Судженска: Сергей Побокин, Надежда Усолицева, Сергей Подгорнов; беловчанин Александр Курицын; ленинск-кузнецчане Галина Золотайна, Тамара Страхова, Алексей Бельмасов; новокузнецчанин Дмитрий Хоботнев, юргинка Тамара Рубцова, тайгинка Людмила Яковлева, Александр Брюховецкий (Колмогорово) и целая плеяда кемеровчан: Виктор Арнаутов, Константин Акатнов, Сергей Павлов, Андрей Правда, Евгений Левшов, Владимир Каганов, Анна Дронова, Василий Попок, Игорь Петров, Людмила Чидилян-Тарасова, Василий Феданов, Михаил Гоголев.

Многие из перечисленных авторов не только прошли школу литературной студии «Притомье» (руководитель поэт Сергей Донбай) или «Аз» (Александр Ибрагимов), но и сами стали руководителями таких студий.

Набирала мощь и обороты литературная студия при КемГУ «Аз», ставшая издавать по инициативе Александра и Натальи Ибрагимовых молодёжно-поэтический журнал «После 12».

Среди организаторов и руководителей молодёжных литературных студий следует назвать Тамару Страхову, Алексея Бельмасова и Галину Золотайну. Благодаря их инициативе в Ленинске-Кузнецком стал

формироваться своеобразный литературный центр, куда стекались литераторы этого города, а также близлежащих шахтёрских городов и сёл: Полысаево, Белово, Грамотеино, Старобачат, Красного Брода. Заработала региональная литстудия «ЛИК». При городской библиотеке им. Крупской стали проводиться поэтические фестивали, конкурсы «Лучшее стихотворение месяца» и «Поэт года», стала регулярно издаваться газета «ЛИК», переросшая в малоформатный журнал.

В Юрге загла свою поэтическую «Свечу» Тамара Рубцова. Благодаря сподвижнику и организатору историку-краеведу Михаилу Шеховцову в Ижморском районе заблестели «Ижморские искорки». В Тайге инициативу молодёжных литературных студий подхватила Людмила Яковлева, не только руководя студией, но и являясь редактором литературного полновесного альманаха «Тайгинские зори». Неоценимый вклад в литературную учёбу внесла новокузнецкая поэтесса Любовь Никонова, руководя и курируя студии «Фесковские литераторы», «Зёрнышко», «Берег», «Созвездие Лиры».

Поэт Иосиф Куралов стал руководителем детской студии «Свой голос». Лучшие стихи и рассказы, присланные на этот конкурс, публиковались в альманахе с одноимённым названием.

Поэт Владимир Ширияев стал редактором литературного коммерческого альманаха «Горицвет».

С 2004 года альманах «Огни Кузбасса» получил статус журнала-ежеквартальника, который возглавил поэт Сергей Донбай, сменивший на этом посту главного редактора Виктора Баянова. Стала меняться и структура журнала. Теперь всё чаще, наряду с основными рубриками «Поэзия», «Проза», «Публицистика», стали печататься материалы новых рубрик: «Литературная студия», «Светлица», «Литературная жизнь», «Литературные обзоры», «Лики земляков», «Заповедная Сибирь», «Дальние страны», «Православные чтения» и др.

В целях расширения знакомства и изучения литературы Кузбасса в общеобразовательных и иных учебных заведениях в 2007 году издаётся 500-страничная хрестоматия «Писатели Кузбасса. Проза и поэзия», в которой нашлось место произведениям 53 кузбасских авторов разных поколений!

По благословению Преосвященнейшего Софрония, архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого, к двухтысячелетию христианства на Земле выходит книга «Собор стихов», получившая широчайший резонанс не только в Кузбассе, Сибири, но и в Москве. В «Соборе...» отражена духовная поэзия более 90 поэтов земли Кузнецкой! Составителями этой книги были поэты Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Александр Ибрагимов. Вскоре эта книга была переиздана с добавлениями и исправлениями.

Знаковым явился в это время и ещё один поэтический сборник в 650 страниц – «Поэты университета», вышедший в 2004 году, редактором-составителем ко-

торого был поэт, руководитель студии «Аз» Александр Ибрагимов.

Сергею Павлову, недавнему работнику МВД и прокуратуры, стали доступны архивные материалы о политических репрессиях 30–50-х годов прошлого столетия. Работая над ними, он немало сделал в плане реабилитации жертв политических репрессий в Кузбассе. Он подготовил книги очерков «Боль, прошедшая сквозь годы» (2000 г.), «Наказание длиною в жизнь» (2002 г.), «И наступит день» (2003 г.), «Кузбасская Голгофа» (2008 г.). Книги эти получили широкую известность далеко за пределами Кузбасса и были оценены по заслугам.

А на юге Кузбасса замечательную книгу «Сиблаг ГУЛАГа» написал и издал в 2005 году журналист-междуреченец Юрий Панов.

В это время значительно расширяются и упрочняются творческие связи с писателями Сибири и даже Москвы. Немало приложил усилий для финансирования и ремонта Дома литераторов московский поэт и прозаик, помощник полномочного представителя Президента РФ по Сибирскому федеральному округу Валерий Казаков. Его жена, поэтесса Элеонора Аكوпова, стала ответственной раздела «Поэзия» молодёжного журнала «После 12».

Журнал «Огни Кузбасса» проводит совещание главных редакторов журналов Сибири.

На юбилейные даты СПК, Фёдоровские и Чивилихинские чтения, открытие Дома литераторов Кузбасса приезжают поэты из Горного Алтая Аржан Адаров и Бронтой Бедюров, алтайцы Станислав Вторушин, Сергей Филатов и Валерий Тихонов; томские поэты Геннадий Скарлыгин, Владимир Крюков, Николай Хоничев и Сергей Максимов; новосибирец Владимир Берязев, красноярцы Марина Савиных, Иван Клиновой, Михаил Стрельцов; москвичи, руководители журнала «Наш современник» Станислав Куняев и Александр Казинцев; Галина Четверикова и Татьяна Ерофеева-Тверская из Омска, поэт и литературный критик Нина Ягодинцева из Челябинска, координатор АСПУРа поэт Александр Кердан, прозаик Арсен Титов из Екатеринбурга. Гостями писателей Кузбасса бывали Валерий Ганичев, Александр Парпара, Валентин Распутин, Евгений Евтушенко, Валентин Сорокин.

В 2007 году СПК становится коллективным членом Ассоциации писателей Урала (и Западной Сибири) – АСПУР. На ежегодные конференции АСПУР с докладами и сообщениями выезжают представители СПК – Борис Бурмистров, Сергей Донбай, Виктор Арнаутов, Дмитрий Клёстов, Вера Лаврина, Владимир Шумилов.

На 75-летний юбилей В. М. Шукшина, в июле 2004 года, целый десант кузбасских писателей высадился на Алтае – в Барнауле, Бийске, Сростках: Борис Бурмистров, Виталий Крёков, Иосиф Куралов, Виктор Коврижных, Александр Раевский, Виктор Арнаутов, Сергей Павлов.

Во вторую половину первого десятилетия 2000-х годов СПК пополнился ещё 17 писателями, это поэты Ирина Фролова и Татьяна Николаева (2006 г.); Дмитрий Мурзин, Людмила Яковлева, Наталья Поляченкова (Кириенко), Дмитрий Клёстов, Ирина Малкова, Дмитрий Хоботнев (2007 г.); Татьяна Ильдимирова, Наталья Мурзина, Ольга Белоусова, Татьяна Колач, Марина Брюзгина (2008 г.); Вера Лаврина (Правда), Александр Ярошук (2009 г.), Владимир Неунывахин и Владимир Ерёмченко (2010 г.).

Для поддержки и стимулирования писателей Кузбасса компания «Кузбассэнерго» (Сибирская Генерирующая компания) в 2004 году учредила ежегодную литературную премию «Энергия творчества» в различных номинациях. В это же время и журнал «Огни Кузбасса» стал отмечать лауреатов и премировать своих авторов за лучшую прозу, поэзию и публицистику года. Более того, авторам журнала стал выплачиваться гонорар.

2010-е годы – по своей сути в ближайшей истории СПК мало чем отличались от предыдущего десятилетия.

В Союз писателей России принимают новых членов. Среди них: Наталья Швец (Сенн) (Юрга, 2011 г.), Нина Глушкова (Полысаево, 2012 г.).

В 2013 году получают писательские билеты кемеровчанين публицист и литературный критик Валерий Плющев, Ирина Тюнина (поэт, Кемерово), Юлия Сливина (поэт и прозаик из Ленинска-Кузнецкого).

2014 год принёс признание поэтам-кемеровчанам Андрею Пятаку и Алексею Петрову.

В 2015 году в СПР приняты Нина Сурова (Белово), Юрий Михайлов (Берёзовский), Валерий Берсенёв (Междуреченск), Михаил Кривошеин (Мыски), Виктор Коняев (Новокузнецк), Светлана Уланова (Ленинск-Кузнецкий).

В 2016 году СПР пополнился поэтом Дмитрием Филиппенко из Ленинска-Кузнецкого. В Новосибирске, на семинаре молодых литераторов, в сентябре этого года для приёма в СПР были рекомендованы и приняты молодые поэты из Кемерова Агата Рыжова и Виктор Бровиков.

В 2017 году пришло известие из Москвы о приёме в СПР Юрия Тотыша.

Проблемы современного предпринимательства нашли воплощение в романе Виктора Арнаутова «Предприниматель» («Велимир»). Инженер-химик Александр Ярошук от бытовой прозы дошёл до серьёзных научных изысканий и популяризации загадок пирамиды Хеопса. Почти пятидесятилетний жизненный опыт нашёл своё художественное воплощение в четырёх томах собрания сочинений прозаика-новокузнецанина Владимира Неунывахина. Философское осмысление жизни и современности отражено на 700 страницах книги «Пережитое» прокопчанина

Михаила Анохина. Большой жизненный опыт изложен на страницах книг Людмилы Яковлевой – прозаика из Тайги. Роман «Теория бессмертия» кемеровского прозаика Валерия Баранова опубликован в журналах «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» и издан отдельной книгой. Проблемы современной жизни и нелёгкого шахтёрского труда нашли своё место на страницах книги «Другая упряжка» новокузнецанина Николая Ничика. Разнообразна проза кемеровчанки Веры Лавриной – от сказок для детей и популярной истории Сибири и земли Кузнецкой до лаконичных рассказов о братьях наших меньших и публицистики. Лучшая проза Михаила Кривошеина из города Мыски напечатана в книге «Цветы для мамы» Александр Брюховецкий из Колмогорова подготовил новые книги публицистики и прозы «Красиво живём» и «Поехать в небывалое». Нравственно-этические проблемы и духовного воспитания поднимаются в книгах новокузнецанина Виктора Коняева «Непогасиамя лучинка», «Сердечко стонет», «Остаться в живых не обещаю...».

Книга «Кабы на цветы да не морозы» – своеобразный отчёт о литературной деятельности прозаика Любови Скорик. То же самое касается и книг кемеровчан «Дом у шахты» писателя Геннадия Естамонова и «Просвети мои очи мысленные» прозаика и публициста Зои Естамоновой. Порадовали читателей своей прозой, издав книги, и поэты: Виталий Крёков («Воспитание кривых брёвен»), Александр Ибрагимов («Белый квадрат»), Владимир Шумилов («И жить весело, и помирать не скучно»), Владимир Иванов («Что душу волнует – тем память живёт»).

Переиздаются подборки повестей и рассказов Владимира Мазаева – в книгах «Крутизна», «Грозовая аномалия», «Синь-тайга»; новокузнецанина Анатолия Яброва – «Бремя» и «Земная молния». Лучшая публицистика Геннадия Юрова собрана в книге «У родника на Красной Горке». Выходят книги-романы Александра Голунчикова (Максима Сибирцева) «Кольчуга Ермака», «Возмездие», «Излом». Не забываются и наши классики: издаются три тома стихов и поэм В. Д. Фёдорова и два тома прозы В. А. Чивилихина.

Печатаются книги молодых прозаиков Дмитрия Хоботнева, Татьяны Ильдимировой, Ольги Белоусовой, Сергея Адодина, Елены Елистратовой.

Литературная критика собрана в книгах Владимира Есенина «О слове, сердцами согретом», Виктора Арнаутова «Как слово наше отзовется...», Валерия Плющева «Привычка к ежедневному чтению».

Рассказы о домашних и диких животных 18 современных прозаиков Кузбасса изданы в сборнике «Братья наши» (2016 г.).

Большой вклад в общую копилку поэтического наследия Кузбасса и Сибири внесён коллективными поэтическими сборниками: «Русская сибирская поэзия: Антология, XX век» (Кемерово, 2008 г.), антологией военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это

было!..» (Москва, 2010 г.), антологией сибирской поэзии «Слово о Матери» (т. I)» (Тобольск, 2011 г.), «Шахтёрская доля такая...» (Кемерово, 2012 г.), «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..: Классики и современники о русском языке: Антология» (Москва, 2013 г.), «Сибиряки и Победа»: в 5 т. альманаха «Тобольск и вся Сибирь» (Тобольск, 2015 г.), «Поэзия Кузбасса: XX–XXI век. Поэты 70–80-х: Т. 3» (Кемерово, 2014 г.). «Солнцестояние. Осень. Зима. Весна. Лето: Стихи кузбасских поэтов» (Кемерово, 2016 г.) и др.

Нельзя не отметить и издание индивидуальных сборников. В Кемерово, Москве и Санкт-Петербурге издаются свои книги Борис Бурмистров («Тёплое дыхание зимы», «О чём не сказано ещё», «Сквозь сумерки времён», «Исихастское моление») и Сергей Донбай («Силица», «Посредине России», «Малая толика»).

За книгу стихов «Сквозь сумерки времён» Борис Бурмистров стал лауреатом Большой литературной премии России, а сборник «Исихастское моление», вышедший в 2016 году, отмечен премией св. Павла Тобольского.

Книги Сергея Донбая отмечены литературной премией им. Н. Клюева.

Высокой духовностью напитаны стихи из книг кемеровчанина Владимира Ерёмченко: «Белый инок», «Высокий День» и «Свет Невечерний». За книгу «Свет Невечерний» Владимир Ерёмченко в 2015 году стал лауреатом премии св. Павла Тобольского.

Книгами стихов «Время рассудит...» и «Запах пашни» отчитался перед читателями поэт Анатолий Иленко; публиковались междуреченец Валерий Берсенёв («Злые города» и «Русский Бог»), кемеровчанин Владимир Иванов («Хлебозоры»), поэт из села Смолино Владимир Шумилов («Благодарю тебя, судьба» и «Листья осени след золотят»).

Сборники стихов издали: поэт из Гурьевска Дмитрий Клёстов («Улепётывают дни...») и его земляк из Старобачат Виктор Коврижных («Избранное время», «Смородиновая река»), новокузнецчанин Александр Раевский («Стеклянная лестница в небо», «Ласковая высь»); кемеровчане Дмитрий Мурзин («Клиническая жизнь» и «Бенгальская вода»), Василий Феданов («Пасутся голуби в траве»), Александр Катков («Вина») и многие другие авторы.

В целях признания литературных заслуг для писателей Кузбасса учреждены областные именные премии: Александра Волошина, Василия Фёдорова, Игоря Киселёва, Виктора Баянова. Детскую премию «Гнёздышко» учредил Кемсочинбанк.

Лауреатами премии им. А. Н. Волошина (проза) в разные годы становились Владимир Мазаев, Екатерина Дубро, Людмила Яковлева, Михаил Гоголев, Александр Ибрагимов, Любовь Скорик, Сергей Павлов.

Литературную премию им. В. Д. Фёдорова (поэзия) получали поэты Борис Бурмистров, Валентин Махалов, Леонид Гержидович, Сергей Донбай, Валерий

Козлов, Иосиф Куралов, Валерий Зубарев, Виктор Коврижных.

Лауреатами премии им. Игоря Киселёва становились Ирина Фролова, Владимир Иванов, Дмитрий Мурзин, Александр Катков, Ирина Тюнина, Алексей Петров, Елена Солодянкина, Татьяна Кравченко, Елена Елистратова.

Премия им. Виктора Баянова получали поэты Александр Катков, Виталий Крёков и Анатолий Иленко.

«Огни Кузбасса» под руководством Сергея Донбая из альманаха в 2006 году превратился в журнал писателей России, регулярно выходящий шесть раз в год. В 2016 году его тираж поднялся до 1 800 экземпляров. Каждый номер этого журнала бесплатно получают практически все массовые и школьные библиотеки области. Побратимами «Огней Кузбасса» уже много лет являются журналы «Наш современник», «Родная Ладога», «Подъём», «Север», «Сибирские огни», «Начало века», «День и ночь», «Врата Сибири», «Алтай», «Природа Алтая», «Бийский вестник», «Сибирь», «Литературный меридиан», «Сихотэ-Алинь», «Дальний Восток».

В общественный совет журнала вошли известные и авторитетные писатели, представители Кемеровской областной администрации и деловые люди: Б. В. Бурмистров, Л. Т. Заурвайн, А. Н. Ефремов, Д. Я. Голофаст (Кемерово), В. Н. Ганичев, Г. Л. Немченко и С. Ю. Куняев (Москва), В. И. Шемшученко (Санкт-Петербург), В. И. Лихоносов (Краснодар), С. В. Филатов (Бийск).

В 2014 году, к 65-летию журнала, прозаиком Виктором Арнаутковым составлен «Указатель содержания журнала «Огни Кузбасса» за 2000–2013 годы».

Заслуги журнала были оценены премиями и грамотами. Так, в 2009 году журнал стал первым лауреатом Всероссийской премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова в номинации «Лучший журнал года». В 2014 году ему была вручена премия Митрополии Кузбасса им. св. Павла Тобольского. А в июле 2016 года журнал стал лауреатом Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России».

Широкое распространение получили поэтические и молодёжные литературные фестивали. Ежегодно, с 2005 года, проводится в июле-августе поэтический фестиваль «Юго-Александровский родник», инициаторами и хозяевами которого явились поэты Л. М. Гержидович и Н. А. Красова.

Молодёжно-поэтический фестиваль в Ленинске-Кузнецком после ухода из жизни его инициатора и руководителя стал называться им. Алексея Бельмасова. На него приезжают не только поэты, прозаики и литературные критики Ленинска-Кузнецкого и близлежащих городов, но и всей области, и даже многие иногородние – из Томска, Новосибирска, Алтая, Красноярска, Челябинска, Москвы. Организаторами и руководителями этого фестиваля стали поэт и прозаик

Галина Золотаина и энергичные молодые поэты Дмитрий Филиппенко и Светлана Уланова.

В южно-кузбасском городке Мыски с 2010 года стал проводиться ежегодный открытый фестиваль «Рождественская звезда».

В последние годы растёт популярность поэта Дмитрия Мурзина. Почти десять лет он является ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса», членом редколлегии красноярского журнала «День и ночь». Он регулярно выезжает на поэтические фестивали и литературные мероприятия нашей области, а также за ее пределы – в Томск, Новосибирск, Красноярск, Барнаул, Иркутск, на Урал, нередко и сам уже является председателем или членом жюри конкурса, руководителем секции семинара. А в июне 2016 года он стал финалистом Всероссийского конкурса «Время поэтов», проводимого в рамках Второго книжного фестиваля. Свои стихи из книги «Клиническая жизнь» Дмитрий Мурзин читал с трибуны Красной площади в Москве, заработав немало зрительских симпатий. В 2015 году Дмитрий Мурзин стал лауреатом национальной премии «Поэт года», две его поэтические книги («Бенгальская вода» (2014) и «Новое кино» (2017) изданы в Москве.

Поэты и прозаики из Новокузнецка тесно сотрудничают с городской библиотекой им. Н. В. Гоголя и Домом-музеем Ф. М. Достоевского.

К традиционным именованным «чтениям» (Фёдоровские – в Марьевке и Кемерове, Чивилихинские – в Мариинске) прибавились Буравлёвские и Киселёвские (Кемерово), Небогатовские (Гурьевск), Баяновские (Топки), Ковшовские (Красный Ключ), Сауловские (Яшкино, Чусовитино), Матвеевские (Ижморский), Зубаревские (Киселёвск). Инициаторами и руководителями таких чтений выступают, как правило, библиотеки – в содружестве с СПК.

Всё меньше становится в Кемеровской области безымянных библиотек. Имя В. Д. Фёдорова носит

Кемеровская областная научная библиотека. В Кемерово функционируют библиотеки им. И. М. Киселёва, А. М. Береснева. Городской библиотеке Гурьевска присвоено имя поэта М. А. Небогатова. Яшкинская районная библиотека носит имя поэта А. П. Саулова. ЦРБ города Топки носит имя поэта В. М. Баянова. Ижморская районная библиотека носит имя писателя-земляка Героя Советского Союза М. С. Прудникова. Районная детская библиотека пгт Промышленная носит имя детского поэта-земляка, участника Великой Отечественной войны П. А. Мазикина. Центральной библиотеке Кемеровского городского округа было присвоено имя поэта, художника, горняка А. Ф. Пархаева. Многие массовые и школьные библиотеки области организуют постояннодействующие выставки и музейные уголки, посвящённые писателям-землякам или выпускникам школ.

Писатели Кузбасса сотрудничают с массовыми, вузовскими, школьными и специальными библиотеками области, являясь участниками массовых мероприятий, творческих встреч, дискуссионных клубов, презентаций новых книг.

Немаловажна для СПК и отдельных писателей поддержка губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева, департамента культуры и национальной политики, глав городов и районов, управлений культуры. Из областных и муниципальных источников финансируются многие литературные мероприятия СПК, издание книг и журналов, содержание домов творчества. Более 30 писателей – членов СПК получают ежемесячное губернаторское пособие. Многие из них имеют областные награды разных достоинств...

Нам – 55! Нам есть кем и чем гордиться!

У нас есть своя история!

И мы надеемся на хорошие и светлые перспективы...

Кемерово

Пётр ТКАЧЕНКО

ЧТО БЫЛО ВПЕРЕДИ?

Тридцать лет назад был опубликован роман Василия Белова «Всё впереди» (Наш современник. 1986. № 7–8; Роман-газета. 1987. № 6). Теперь, по прошествии времени, можно уверенно сказать, что это произведение занимает особое место в русской литературе второй половины XX века. Занимает оно особое место и в творческом наследии выдающегося писателя.

Прежде всего, это роман – *мировоззренческий* и даже *идеологический*. А значит, он должен быть оценен именно с такой точки зрения. Роман с претензией на предсказание будущего, что было замечено даже его непримиримыми критиками, точнее – его отрицателями. И это определило его читательскую судьбу.

А потому не только юбилей первой публикации произведения становится поводом и причиной для нового прочтения книги. А то обстоятельство, что предсказываемое в нём сбылось – в России произошла очередная революция, причины и, скажем так, «механика» которой были представлены в романе. Точнее было бы сказать так: изображённый автором тип сознания людей, получивший преобладание в обществе, непременно приводит к социальному нестроению и революционному анархизму.

Кроме того, Василий Белов в своём романе коснулся извечного противоборства *цивилизации* и *культуры*. И только России присущего, нигде более в таком виде не встречаемого соотношения народа и интеллигенции, конфликта между ними. Автор нарисовал новую интеллигенцию, так называемых шестидесятников, которые потеснили интеллигенцию советскую, под которой обычно понималась образованная часть общества. Идеологически озабоченные, революционно настроенные, переполненные критицизмом к власти, государству и народу, они дерзнули на мировоззренческое и идеологическое водительство народа помимо государства.

По сути, эта часть интеллигенции вернулась к своей прежней дореволюционной природе, которая позволила подготовить и совершить революцию начала XX века. Она воспроизвела феномен, не встречаемый в других странах и обществах. Ведь «говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории... Как известно, это слово, то есть понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке» (Г. Федотов). Вновь возникло «особого рода соединение», которое вступило в весьма знаменательные «отношения с «народом», со «стихий», именно – отношения борьбы» (А. Блок).

Но почему произошло такое перерождение интеллигенции в «шестидесятничестве»? Ведь «революционная Россия изжила противоположение интеллигенции и народа. Правда, в значительной мере ценой уничтожения интеллигенции» (Г. Федотов).

Перерождение интеллигенции в советский период истории стало возможным потому, что в обществе к тому времени сложилось уникальное положение, когда реально происходившие духовно-мировоззренческие и социальные процессы не соответствовали их идеологическому обеспечению. Образовался вакуум идеологии, брешь, в которую хлынули обломки былых и случайных воззрений. Идеологическая дорожка к новой революции – либерально-демократической, буржуазной – была протоптана. Что же было впереди? Впереди была новая, очередная революция в России. Именно так можно понять название романа Василия Белова – «Всё впереди».

В своём романе писатель показал, какую систему ценностей предлагала обществу радикально настроенная интеллигенция. Он коснулся проблем, которые трагически обнажаются в революционные периоды нашей многотрудной истории. Ко времени выхода романа в свет в стране была уже провозглашена «*революционная перестройка*». Именно – революционная. Иными словами, была предпринята революция сверху, хотя на декларативном уровне всё происходящее представлялось как *реставрация*. И тут был сокрыт главный обман творцов новой революции, ведь реставрационные процессы в нашем обществе (в плане создания нового типа государственности) начались примерно с 1934 года, но никак не в 1991–1993 годах.

Новая революция была выставлена как реставрация, которая якобы подразумевала установление справедливости, порушенной революционной катастрофой в 1917 году, и отмену коммунистической идеологии. Но при этом возник опять-таки *революционный*, чёрный передел собственности, произошло возвращение к варварству классового буржуазного общества с его социал-дарвинизмом, звериным «естественным отбором». Но внешне – якобы выход из советского «тупика» с его семидесятилетним «падением» и возвращение к «исторической России».

Такая мировоззренческая невнятица вызывала полную прострацию в умах и душах людей, родившихся, выросших и состоявшихся в советский период истории. Впрочем, эта идеологическая манипуляция «демократической» революции нашего времени требует более пристального анализа. Мы же касаемся её лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания романа Василия Белова «Всё впереди».

Это роман о том, как и почему люди, являющиеся продуктом советского образа жизни, который достался им такой дорогой ценой, не приспособленные жить ни в каких иных условиях, кроме этих, оказались неистовыми, непримиримыми противниками сложившегося

образа жизни... Но тут нет ничего нового. Это выходит из самой природы всякой революции, которая является не столько социальным феноменом, сколько духовно-мировоззренческим, психологическим и даже психическим. Во всякой революции в результате духовных насилий люди впадают в невменяемость: «Что делать, ведь каждый старался свой собственный дом отравить» (А. Блок).

Роман Василия Белова «Всё впереди» был встречен не жестокой критикой, а почти единодушным его неприятием и отрицанием. Очевидно, творцы новой «демократической» революции узнали себя в этом повествовании. Их пишущая обслуга повела с произведением беспощадную борьбу.

Прокатился целый вал статей, удивительно однообразных, с предельной критикой не только романа, но и самого писателя. Кажется, только статья Вячеслава Горбачёва «Что впереди?» противостояла самодовольному и разнузданному критиканству (Роман-газета. 1986. № 7–8; Молодая гвардия. 1987. № 3). Становилось совершенно ясно, что либеральный и революционный тип сознания получил в нашем обществе к тому времени абсолютное преобладание. Но как теперь припоминается, не верилось в то, что это может привести к столь печальным, трагическим революционным событиям. Причём не верилось всем. И прежде всего самим критикам романа «Всё впереди».

Но зададимся вопросом: а ново ли это для такого рода мировоззренческих, пророческих романов? Не только не ново, а, можно сказать, абсолютно неизбежно. Припомним, что уже роман «Некуда» Н. Лескова крайне не понравился либеральной общественности из-за своего «направления». Д. Писарев поставил Лескова в ряд «свирепых истребителей будущего». Но примечательно ведь – прозрение будущего, того, что впереди, названо его противоположностью – «истреблением будущего»... Но был ведь ещё у Лескова пророческий роман «На ножах». Однако писателю так и не простили его пророчеств. Либеральный сыск оказался для него страшнее всякого иного. До такой степени, что Н. Лесков, в творчестве которого «был слышен голос народной России», до сих пор остаётся «прозванным гением», хотя М. Горький ставил его рядом с Л. Толстым и Ф. Достоевским.

Известно, как духи революции, бесы, узнавшие себя в одноимённом романе, мстили Ф. Достоевскому. Вычёркиванием из литературы, неизданием в течение почти всего советского периода нашей истории. И жестоким наказанием филологов, изучавших творчество великого писателя. Понятно, что мстили за его невероятную пророческую силу, о чём позже писал Н. Бердяев: «Когда в дни осуществления революции перечитываешь «Бесов», то охватывает жуткое чувство. Почти невероятно, как можно было всё так предвидеть и предсказать».

По сути, то же самое произошло на наших глазах и с романом Василия Белова «Всё впереди». Начали, кажется, сразу с «тяжёлой артиллерии», с выступления заведующего кафедрой теории литературы МГУ П. А. Николаева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук. Вооружённый «передовой» теорией, он обвинял писателя в некомпетентности в рассуждениях «о таких понятиях, как цивилизация и культура, интеллигенция, нравственность, христианство, город и деревня»: «А ведь это чревато творческими поражениями (среди них я бы назвал роман «Всё впереди» В. Белова, только что опубликованный журналом «Наш современник»). Нашим писателям-деревенщикам не следует слишком торопливо судить о городе. Конечно, из деревенской избы видно многое, но не всё» (Московская правда. 1986. 4 октября).

Почему Василий Белов, с юности и по образу жизни, и в творчестве являющийся городским жителем, теоретик литературы представлялся в «деревенской избе»? Да потому, что предварительно лучшая часть русской прозы последних десятилетий была названа «деревенской», сельской, то есть по литературному уровню считалась как бы ниже рангом, в сравнении со всей остальной, «решающей проблемы». А лучшие стихи – поименованы «тихой лирикой», не в пример «эстрадной» поэзии, не удержавшейся ни на площадях, ни в душах...

«Городских людей, московских жителей попытался написать Василий Белов в романе «Всё впереди»... Трудно узнать тут Белова, признанного мастера литературы, прекрасно разрабатывающего «деревенскую» тему» (Кучкина О. Странная литература // Правда. 1986. 2 нояб.). И опять-таки, как серьёзный аргумент выдвигается принадлежность писателя к «деревенской» теме. Забавляет ирония критикессы по поводу «наличия дьявола» в романе, рассуждений персонажей о дьяволе. Что тут скажешь... Диковинное племя, отрицающее духовную природу человека, для кого он лишь «материальная скотина» (Н. Гоголь), не ведает ни о Боге, ни о дьяволе. Это какие-то машины, вышедшие из-под всякого контроля.

Высказывался упрёк, что писатель изменил самому себе, обратившись к городской теме. Не стали признавать, что это роман мировоззренческий и идеологический, а определили «Все впереди» как семейно-бытовую, городскую прозу. Произведение явно отличается от всего, созданного автором ранее. А значит, вещь «не удалась».

«Роман «Всё впереди» В. Белова к удачам этого талантливого писателя не отнесёшь, даже если очень того захочешь» (Ю. Суровцев // Огонёк. 1987. № 11). Какое там «хотение» при столь всеобщем негодовании на писателя и его роман, дерзнувшего изображать «дичающую» интеллигенцию, ведущую людей туда, где никого ничего хорошего не ждёт. В том числе и эту интеллигенцию, точнее «интеллигентщину» (Н. Бердяев).

Но идеологические романы по самой природе своей уступают иным в изобразительности и «объективированности». А потому вменять им это в вину нет никаких оснований.

Д. Урнов, дабы сказать о якобы несостоятельности романа, выискивал проблему «соотношения авторского взгляда с точкой зрения персонажей» (Вопросы литературы. 1987. № 9). Поди-ка узнай, где точка зрения автора, а где персонажа, если всё сотворённое – и положительное, и отрицательное – во всяком художественном произведении есть плод ума и души писателя. Ничто ниоткуда *помимо него* в текст не привносится...

Василий Белов, «как это уже знают все» (примечательный аргумент), «сделал назад не шаг, и даже не два, а ещё больше» (Дмитрий Иванов // Огонёк. 1987. № 2).

«И это – Белов? Таким вопросом задаёшься почти на каждой странице его последнего романа. Неужели это он, Василий Белов, признанный мастер языка, замечательный художник, одним существованием которого гордилась – и не без оснований – наша словесность, неужели он написал – это?» (Вопросы литературы. 1987. № 9). И уже не текст анализируется, а выносится приговор самому автору: «смута, чёрные, нечистые чувства овладевают душой писателя».

Таковыми были ещё совсем недавно литературные нравы. Теперь никакие обсуждения литературы невозможны по причине того, что она изъята из общественного сознания. Вместо литературно-художественного процесса – премиально-фуршетный дурман, писатели с ног сбились, сшибая гранты и премии... Невольно думаешь: может быть, и лучше, что подобная демагогия не отравляет души образованной части общества, прежде следившего за литературой и её обсуждениями.

Ну, писала же вполне серьёзно «прогрессистка» Наталья Иванова о романе Василия Белова, что «сама авторская позиция носит в романе черты мещанской растерянности перед движением времени» (Знамя. 1987. № 1). Каким оказалось это «движение времени» теперь уже вполне ясно: очередная трагедия крушения страны и общества оказалась далеко не оптимистической. Да и могло ли быть иначе, если идеологическое обеспечение нового потрясения строилось на обмане – откровенная апология революции выдавалась за *эволюцию*. Ведь предлагались не реформы и уж тем более не новое, демократическое обустройство государства, а *слом народной идентичности*, перековка человека, столь памятная по предшествующей революции начала XX века.

«Слом традиций привычного образа жизни... Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге, историческую ориентацию, стать республикой «западного» типа» (Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995).

Неужто это – *эволюция*, а не *революция*?..

Да, роман «Всё впереди» непривычен для писателя. Во всяком случае, он явно выбивается по своему стилю из ряда ему предшествующих произведений. Но это не даёт никаких оснований считать его неудавшимся, как почти в один голос твердили критики. Достоевский отмечал, что в его романе «Бесы» тенденция преобладает над художественностью. Изобразительность, «объективированность» здесь уступает место философичности». А потому общее свойство такого рода романов – мировоззренческих, идеологических – выставлять в качестве их недостатка просто несправедливо.

Даже название своему роману «Всё впереди» Василий Белов взял из романа Николая Лескова «На ножах». Именно так называется одна из главок в произведении классика. Казалось бы, что непримиримые и неистовые ниспровергатели книги Белова должны бы скорее упрекать писателя в том, что он слишком уж покорно следует за Лесковым, чем напрочь отрицать эту вещь, уверяя читателей в том, что современный автор потерпел неудачу. Есть и другие переклички в произведениях Н. Лескова и В. Белова. Можно даже сказать, что роман «Всё впереди» написан как бы с оглядкой на роман «На ножах». Но этого как раз и не было замечено. А значит, что у Белова было нечто такое для его критиков неприемлемое, что они отвергли художественный текст без всякого анализа с точки зрения литературной традиции. Бесы и духи революции действительно узнали себя в этом романе и повели с ним непримиримую борьбу: как с сочинением якобы консервативным, только мешающим торжеству их «передовых» и «прогрессивных» идей, которые таковыми, как теперь уже совершенно ясно, не являлись.

В самом деле, у Белова есть такие сюжетные и смысловые переклички с романом «На ножах», которые никак нельзя посчитать случайными. Скорее всего, автор тем самым указывал на то, какой именно традиции в русской литературе в данном случае он придерживается.

Само это понятие – «всё впереди», несколько неопределённое, романтическое порывание в неведомое будущее как уход от прошлого и неумение жить настоящим, в том и другом произведении связано с женщинами.

В романе Белова это Люба Медведева, учительница музыки одной из московских школ, которая «всегда жила завтрашним, вернее, послезавтрашним днём, думая только о будущем, не замечая настоящего и совсем не вспоминая о прошлом». Не обременённая ни прошлым, ни настоящим, погружённая в романтическую мечтательность, она считала, что самое прекрасное у неё впереди. У Лескова это Лариса Платоновна Висленева: «Вся жизнь Ларисы ещё впереди».

Примечательны и сюжетные совпадения в романах, говорящие о том, что они находятся в единой литературной традиции. В исповеди Александры Синтия-

ниной («На ножах») теперь уже совсем по-особому звучит упоминание о «шестидесятничестве»: «Попала под колёса обстоятельств, накативших на моё отечество в начале шестидесятых годов. <...> Без всякого призвания в политике я принуждена была сыграть роль в событиях политического характера».

В этих повествованиях, отделённых друг от друга большим временным интервалом, представлены тот тип сознания, та система ценностей, которые принимаются людьми в своё оправдание, тот образ жизни, который неизбежно приводит к революционному анархизму. В том и в другом случае – это средство показать читателю и обществу, что «полоса смятений на Руси ещё не прошла: она, может быть, только едва в начале» (Н. Лесков).

Как в романе «Всё впереди», так и в романе «На ножах» является Париж, эта родина переворотов и революций. Является как некое безусловное мерило, как испытание и проверка человека на духовный стоицизм.

Люба Медведева попадает в туристическую поездку, и столица Франции в её душе живёт в расхожем, романтически-мечтательном смысле, свойственном натурам неглубоким и несамостоятельным: «И так радостно билось сердце: Париж! Город, о котором столько сказано и написано всеми людьми земли. И это её, Любу Медведеву, ждёт удивительная, теперь уж такая близкая встреча с Парижем. Неужели это не сон?»

Потому-то она стыдится своего, родного: «За границей Любе всё время было стыдно. Ей казалось, что на них оглядываются, что москвичи многое делают невпопад. Она то и дело краснела». Это психология лакея Яши из «Вишнёвого сада» А. Чехова: «Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно <...> Сами видите, страна необразованная, народ безнравственный <...> Насмотрелся на невежество – будет с меня».

Поездкой в Париж поверяется истинная натура Любы Медведевой: «Поездка за границу только проявила её всегдашние, коренные свойства. Обычная заурядная баба...».

В романе «На ножах» нет романтически-мечтательного восприятия французской столицы, свойственно-го временам последующим. Но есть констатация беспощадной экспансии: «Париж играет, а Петербург пляшет под звуки волшебной флейты». На страницах Лескова Париж предстаёт и в более объёмном значении – как извечное сопоставление *цивилизации* и *культуры*. Причём в довольно неожиданном ракурсе:

«– Наплевать на такую волю, чтобы петь да дышать только: мне больше нравятся звуки Марсельезы в рабочих улицах Парижа, – ответил Форов.

– Париж! Город! – воскликнул с кротким предостережением Евангел. – Нет, нет, не ими освятится вода, не они раскуют мечи на орала! Первый город на земле сгордил Каин; он первый и брата убил. Заметьте –

создатель города есть и творец смерти; а Авель стадо пас, и кроткие наследят землю. Нет, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите в неё семена, а не башенные стройте, ибо с башен смещение идёт».

Именно в таком ракурсе – сопоставление цивилизации и культуры – предстаёт город в романе «Всё впереди» Василия Белова. А также в несколько ином – как некий фантом, *вышедший из человеческого повиновения*: «Вышедший из человеческого подчинения, гигантский город расширялся по зелёной земле, углублялся в её недра и тянулся ввысь, не признавая ничьих резонансов».

А потому является непростительным упрощением сложнейшее соотношение цивилизации и культуры сводить к проблемам урбанизации нашей жизни. Будто бы в художественном мире Василия Белова город – это исчадие зла, а деревня – добро.

«Белов посягает на такое противопоставление, как противопоставление культуры и цивилизации», – несколько высокомерно писал Игорь Золотусский (Знамя. 1987. № 1). И тут же: «Но я не могу принять его нелюбви к городу вообще, как и не могу признать, что деревня – это «лад», а город – гнездо бесовства». Ну не так же у В. Белова: «Насилие над природой выходит из-под нравственного контроля». А город: «Он жил по своим законам, созданным им же самим и лишь для себя».

Цивилизация и культура – два соперничающих миропонимания. По всякой логике они должны уравновешивать друг друга. Но далеко не всегда они находят это необходимое равновесие.

Цивилизация предлагает парадигму прогресса: развитие от простого к сложному, от несовершенного к более совершенному. Но человек не подчиняется такой парадигме. И мы видим, что он не становится ни лучше, ни совершеннее. Культура контролирует цивилизацию, не даёт человеку сгореть в её огне...

Цивилизация не объясняет мир, но загромождает его и одновременно мстит культуре за то, что по самой природе своей та бессильна постичь целостное многообразие этого мира. Она не может смириться с неразрешимыми тайнами Вселенной и человека, не может простить культуре конечную непознаваемость окружающего. «Не жди последнего ответа. Его в сей жизни не найти...» – А. Блок. А потому (может быть, и невольно) цивилизация покушается на духовную природу человека, отрицая и подавляя её. Причем до такой степени, что наш современник застыл в некоторой растерянности, видя, что блага, даваемые цивилизацией и прогрессом, соизмеримы с потерями для духовного здоровья человека, которые они приносят.

Именно на этом пути признания непознаваемости мира Дмитрий Медведев из романа «Всё впереди» находит внутреннее равновесие и примирение с окружающим: «Уже несколько лет он жил в том новом для себя состоянии, когда ум, оскорблённый и принижен-

ный неизбежностью смерти, перестал задавать вопросы, на которые – Медведев знал это – никогда не будет ответа. Уважение к великим человеческим тайнам стало нормальным медведевским состоянием. Оно избавило от изнурительных дум о бессмысленности существования. Для Медведева стало личным открытием то, что гордая ненасытность голого рационалистического ума, казалось бы, призванная служить свободе, парадоксальным образом закрепощала ещё больше...

И, наконец, ещё об одной переключке в романах «На ножах» и «Всё впереди». О соотношении мира вещного и незримого, в коем и совершается брань духовная, как непереносимое условие человеческого бытия, о добре и зле. Есть у Лескова глава «Тёмные силы», в которой автор пишет как будто с некоторой иронией. Скорее всего потому, что в его времена упомянутое соотношение не подвергалось сомнению и осмеянию: «В этом романе читателям уже не раз приходилось встречать сцены, относительно которых, при поверхностном на них взгляде, необходимо должно возникнуть предположение, что в разыгрывании их участвуют неведомые силы незримого мира – тогда как учёным реалистам нашего времени достоверно известно, что нет никакого иного живого мира, кроме того, венцом которого мы имеем честь числить нас самих...». Современное позитивистское сознание отвергает уже и понятие о добре и зле. Оно переводит представления духовно-мировоззренческие в область социальную, и они становятся для него неразличимыми.

Надеюсь, что приведённое мной сопоставление романов «На ножах» и «Всё впереди» проясняет, в какой традиции создано произведение Василия Белова. Именно в такой последовательности и преемственности он понятен и злободневен в своём пророчестве: «На ножах» Н. Лескова, «Бесы» Ф. Достоевского, «Всё впереди» В. Белова. То, что книга Белова была атакована так же, как и романы его великих предшественников, свидетельствует, что автор не творческое поражение потерпел, а одержал победу. Единообразное, абсолютно демагогическое, отрицающее литературную традицию отрицание романа подтверждает это.

Переключки с романом «На ножах», которые мы находим в романе «Всё впереди», конечно же, не являются какой-то преднамеренностью. Вполне возможно, что работая над текстом, Белов вовсе не думал о романе Н. Лескова. Скорее, тут сказались закономерности истинного литературного творчества, о которых говорил сам Василий Иванович: «Все русские писатели испытывали влияние своей национальной классики» (Литературная учёба. 1985. № 6).

Но сопоставляя «шестидесятничество» XIX века, уготовившего революцию в России в начале века двадцатого, с «шестидесятничеством» новой эпохи, которое идеологически обеспечило «демократическую» революцию, становится как-то жутко от того, насколько они сходны и неизменны, словно мы не движемся вперёд сквозь метафизические провалы, а кружим на месте по какому-то топкому болоту...

Александр Блок в статье «Герцен и Гейне» писал о «шестидесятничестве» XIX столетия, и его слова полностью, без каких-либо уточнений относятся к «шестидесятничеству» нашего времени: «Эти далёкие и слабые потомки Пушкина одиноко *дичали*, по мере того как дичала русская интеллигенция. Шестидесятничество и есть ведь одичание; только не в смысле возвращения к природе, а в обратном смысле: такого удаления заводится слишком уж большая цивилизованная «дичь», «фантазия» (только наизнанку) слишком уж, так сказать, – «не фантастическая».

Теперь даже и такие дискуссии, как вокруг романа «Всё впереди», немислимы и невозможны, их вести стало некому и негде. Надменная цивилизация отомстила-таки культуре, в полном согласии с либерально-демократической идеологией, которой культура вроде бы и ни к чему. Декларативная борьба вроде бы за человека, забота о его правах и свободах обернулись своей противоположностью – умалением человека, уничтожением его.

Это, казалось, немислимое у нас в России – самой литературоцентричной стране – бедствие, чреватое трагическими для народа последствиями, только подтверждает пророческую правоту и злободневность романа Василия Белова «Всё впереди».

**Игорь МАНГАЗЕЕВ,
Елена ТИХОНОВА**

ЛЕНКОМ КУЗБАССА: СТУПЕНИ ВОСХОЖДЕНИЯ

*Путь славы не ведёт к сердечному покою;
Мы зрим на нём довольно роз,
Но больше терний, больше слёз.*

Н. М. Карамзин

В губернском Томске уже в 1860-е годы заезжие актёры играли во вполне приличном здании, в 1885 году на средства купца-благотельца И. Королёва здесь построили каменный театр. В Красноярске в середине 1870-х годов работала драматическая труппа антрепренёра А. Н. Егорова, часть её организовала первое в Сибири актёрское товарищество, просуществовавшее в Томске и Красноярске два с половиной года.

Строительство Транссиба способствовало расцвету театров и профессиональных трупп на юге Западной Сибири. Здесь уже в 1907–1908 годах возникли первые стационарные электротeatры. Накануне мировой войны Томскую губернию посетили многие знаменитости, искавшие за Уралом дополнительных заработков: Мамонт Дальский, Павел Орленов, братья Рафаил и Роберт Адельгеймы, заслуженные артисты Императорских театров Константин Варламов и Гликерия Федотова. Доходило до курьёза! 18 ноября 1917 года и. д. инспектора милиции Томской губернии В. Сизиков направил начальнику Томской городской полиции письмо следующего содержания: «Владелец театра «Фурор» обратился ко мне с ходатайством о разрешении ему поставить в театре чемпионат французской борьбы в составе исключительно женщин-участниц. Принципиально не имея ничего против организации такого чемпионата, прошу Вас разрешить со своей стороны таковой под условием, что он будет носить исключительно спортивный характер без всякого уклонения в сторону порнографии, о чем и объявить владельцу театра «Фурор».

В Кузнецком уезде театр как вид искусства также появился задолго до Октябрьского переворота. Еще в 1899 году кузнецкий исправник отчитался перед губернатором за спектакль, данный любителями в Общественном собрании в пользу библиотеки и развития музыки среди учащихся уездного училища. В 1905–1906 годах в Кузнецке, Мариинске, на Анжерском руднике возникли народные дома, которые оставили торный след в культуре Кузбасса. Нет никаких сомнений, что инженеры общества «Копикуз», строившего в годы мировой войны железную дорогу от Кольчугино до

села Усяты в Кузнецком уезде, а также зажиточные люди и томские студенты из кузнецких сёл Прокопьевского, Усят, Зеньково и Лучшево могли смотреть спектакли с участием блистательных звёзд российского театра. Всеядная публика Прокопьевского рудника приобщилась к театральному искусству гораздо раньше, чем считалось до недавних пор. А мощный импульс ему придали революционные постановки «синих блуз» в доме, прежде принадлежавшем прокопьевскому купцу Глазырину.

КЛУБ ИМЕНИ ЛИЧНОГО ДРУГА СТАЛИНА

Летом 1921 года в Сибирь под лозунгом «Главполитпросвет – Кузбассу» прибыл агитпоезд, в состав которого входила тонально-пластическая труппа «Тон-плас» московского Пролеткульта. Председателем Главполитпросвета в течение всего срока его работы была Надежда Крупская. Любопытно, что её родной дедушка Василий Иванович Тистров до середины XIX века служил, в частности, управляющим Томского железодельного завода (руины Томь-завода находятся на территории Прокопьевского района).

В середине 1920-х на руднике вместо избы-читальни возвели двухэтажный рабочий клуб имени Артёма (Фёдора Сергеева), основателя Криворожско-Донецкой советской республики и личного друга Сталина. В клубе работали многочисленные кружки (театральный, изо-, фотолюбителей), а также духовой и струнный оркестры, музей, библиотека, секции: шахматная, городошная, футбольная и легкоатлетическая; устраивались радиосеансы. К слову, в клубе имени Артёма в конце декабря 1928 года наркомпрос СССР Луначарский выступил перед интеллигенцией рудника. Спектакли в клубе шли едва ли не каждый день, всякий раз в переполненном зале. Самодеятельные артисты ставили пьесы В. Вишневского, А. Н. Афиногенова, А. Н. Островского, обыгрывали местные события.

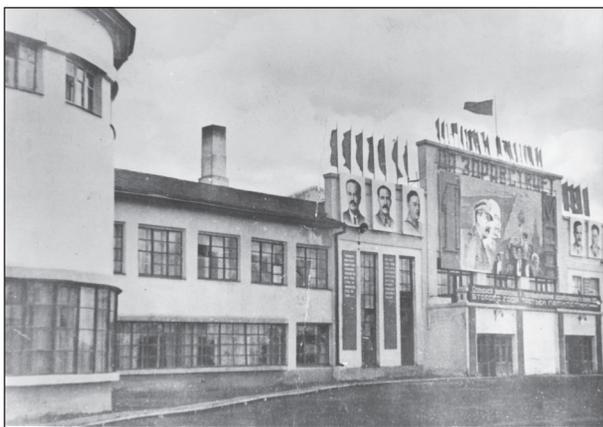
На бурно растущем Прокопьевском руднике Кузбасса неизбежно должен был появиться свой стационарный театр. И он родился – как раз в то время, когда в Нарымской ссылке Запсибкрая люди гибли от голода. В апреле 1932 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Территориальным управлениям зрелищными предприятиями, в том числе Запсибкрая УЗП, предписывалось расчистить театральные коллективы от «дилетантов и спекулянтов от искусства». Труппы теперь именовались Госдрамой номер такой-то. Сборный коллектив Барнаульской госдрамы № 5 состоял из актёров, прежде игравших в разных уголках страны. Буквально за год Драма № 5 вышла в число лучших в Западной Сибири, и её перевели в Прокопьевск...

Первую очередь каменного Дворца культуры имени Артёма со зрительным залом на 800 мест сдали в ноябре 1933 года. Дворец, спроектированный в традици-

ях конструктивизма, вырос на месте разобранного деревянного клуба. В новом здании произносили пламенные речи Серго Орджоникидзе и «всесоюзный староста» Михаил Калинин (1934).

Директором Дворца был З. Н. Юфит (по всей вероятности, Зиновий Наумович Юфит). Во Дворце выступали знаменитости, шли спектакли. Так, в июле 1934 года была представлена комедия Гоголя «Ревизор» с текстовой композицией Всеволода Мейерхольда. А в фойе звукового кинотеатра на Артёмовской улице играл оркестр с участием свободных художников и артистов оркестра театра Мейерхольда*.

Звуковой кинотеатр до 1939 года носил имя Роберта Эйхе, а после – имени Николая Островского.

Так выглядел до реконструкции Дворец культуры имени Артёма, конец 1930-х – первая половина 1950-х годов.
Фото из архива музея Ленкома

ОТ «КУЛЬТАРМЕЙЦА КУЗБАССА» ДО МУЗКОМЕДИИ

Молодой шахтёрский город жил боевым лозунгом «Превратим Кузбасс во второй Донбасс». Госдрама № 5 была переименована в «Культармеец Кузбасса». Именно бойцы культурной армии инициировали субботники для скорейшей постройки каменного Дворца культуры имени Артёма. В сезоне 1933/34 годов «Культармеец» обслужил около 45 тысяч зрителей, и в 1935 году его перевели в более крупный райцентр Сибкрая – город Кемерово. В наши дни это Кемеровский областной театр драмы имени Анатолия Луначарского.

В Кузбассе и до, и во время Великой Отечественной войны выступали коллективы ведущих советских театров. В 1941–1943 годах Новосибирский драматический театр «Красный факел» два сезона работал в Сталинске (бывшем Кузнецке) и Прокопьевске. А в граничащем с Прокопьевском городе Киселёвске обрёл пристанище эвакуированный Центральный детский театр, вернувшийся в столицу лишь в 1943 году.

* Спектакль анонсирован в газете «Забой» – органе Прокопьевского горкома ВКП(б) и Прокопьевского горсовета депутатов.

Не имел домашней сценической площадки музыкальный театр, созданный в Новосибирске в 1944 году. В марте следующего года по просьбе руководства Кемеровской области (выделенной из Новосибирской 26 января 1943 года) исполком Новосибирского горсовета разрешил театру музыкальной комедии переехать в Прокопьевск. Здесь он с большим успехом провёл два сезона, размещаясь в ДК имени Артёма, хотя назывался уже Кемеровским государственным театром музыкальной комедии.

Ещё в разгар войны, 24 июня 1944 года, Кемеровский облисполком принял решение об организации в Прокопьевске государственного драмтеатра. Но пришлось подождать, потому что в стенах ДК имени Артёма творили и жили актёры эвакуированных коллективов, в том числе Московского театра оперетты, получившего в эвакуации адрес: Сибирь, Кузбасс.

«Серым осенним днем от Казанского вокзала отошёл поезд, – написано на сайте этого столичного театра. – Партийным руководителем тут же в поезде избрали Василия Ивановича Алчевского. Его знание человеческой и особенно актёрской психологии, партийную целеустремлённость, принципиальность по достоинству оценили товарищи... Всё приходилось преодолевать: и бытовые неполадки, и физическую усталость, и личные переживания. Самое сильное чувство – тоску по Москве, по родному дому глушили, погружаясь с головой в работу. Началась новая жизнь, полная забот и трудовых подвигов. Артистов Театра оперетты можно было встретить повсюду: в цехах завода, на шахтах, в госпиталях. Играли, пели, плясали, шутили, бодрили, радовали своим искусством. Улыбкой снимали усталость, облегчали боль, поднимали настроение, скрашивали трудовые будни. Жили одним дыханием с рабочими, шахтёрами, ранеными солдатами».

РОЖДЕНИЕ ЛЕНКОМА

Занавес областного драмтеатра имени Ленинского Комсомола впервые поднялся 1 декабря 1945 года. Это произошло в Анжеро-Судженске. В 1945 году на гастроль в Анжерку приехал театр из Семипалатинска, и радушные углекопы попросили дорогих гостей остаться в Кузбассе навсегда. В конечном счёте так и случилось, но в этой красивой легенде нет и намёка на истинную причину, по какой Ленком открылся на периферии угольного бассейна. Известно лишь, что изначально в анжерскую труппу вошли актёры из Москвы, Ленинграда, Семипалатинска и Хабаровска, большей частью репрессированные, кое-кто из эвакуированных.

В актёры брали и одарённых представителей художественной самодеятельности. Режиссёр и актёр Григорий Грумберг (Тель-Авив) пишет в Сети: «Конец 1945 года. Сибирь. Кемерово. Группу молодых участников театральной самодеятельности пригласили якобы на учебу в театральную студию при но-

вом театре в городе Анжеро-Судженск. Приехали и увидели замечательных артистов. Раньше они были в лагерях, теперь в Москву их не пустили, создали для них театр и пригласили нас – молодежь, способную, но не обученную. Худруком театра был Владимир Владимирович Гарденин (урождённый Дитрих. – Прим. авт.). От него мы получили первые уроки мастерства. Потом у меня был Киевский театральный, школа Константина Хохлова, работа в театрах, но те первые уроки Владимира Владимировича Гарденина я помню всю жизнь! Сейчас мне 88, живу в Израиле, ставлю и играю спектакли и помню театр в Анжерке и режиссера Гарденина».

О Ленкоме анжерского периода повествуют программки и репертуарные планы, в его музее лежит и подшивка приказов за 1947–1948 годы. Главным художником и бутафором являлся инвалид войны Алексей Алексеев. Первый спектакль Ленкома – комедия «Лес» Островского. В репертуарном плане на 1945 год значились также пьесы «Чужое дело» (автор не установлен), «Слава» В. Гусева, «12 месяцев» С. Я. Маршака, «Горькая судьбина» А. Ф. Писемского и «Шут Балакирев» А. Б. Мариенгофа.

Директором был назначен Дмитрий Григорьевич Леонов, актёр, плотно занятый в репертуарных спектаклях. В анжерской газете «Борьба за уголь» от 28 ноября 1947 года появилась его заметка «Вторая годовщина театра им. Ленинского Комсомола»: «Театр дал большое количество выездных спектаклей на Судженке. Наш театр завоевал уважение у трудящихся соседних городов и районных центров – Тайга, Яя, Юрга, Яшкино и других. Молодой театр сумел приобрести к себе уважение и заслуженную любовь у горняков, металлургов и машиностроителей нашего славного Кузбасса... Артисты коллектива часто выступают с концертами на раскомандировках шахт и заводов, в рабочих клубах...»

Комментарий Марии Тарасовны Цыгоевой: «Пока водитель ремонтирует автобус, собираем дрова для костра...»

Наряду со спектаклями для взрослых, таких как «Разлом» Лавренёва, шли и сказочные представления: «12 месяцев» Маршака, «Аленький цветочек» Ирины Карнауховой и Леонида Браусевича. Актриса О. Хлебникова в совершенстве воплотила образ Золушки в спектакле «Хрустальный башмачок», поставленном В. Г. Кузнецовым, а в образ деспотичной дворянки органично вжилась М. Гневушева.

КОЛЫБЕЛЬ

Ученики школы № 8 Анжеро-Судженска под руководством учительницы Ирины Юрьевны Ларионовой выяснили, что Ленком располагался в анжерском Доме шахтёра (ныне ДК «Центральный»). А проживали артисты большей частью в деревянном двухэтажном здании напротив, в котором до 1938 года размещались горсовет и горисполком.

При знакомстве с книгой приказов складывается полное впечатление, что всё здание Дома шахтёра – вместе с прилегающим горсадом – находилось под управлением директора драмтеатра, ибо распоряжения и перемещения касаются не только личного состава театра. Книга приказов отражает и нелёгкий быт актёров. Некоторые ютились даже в подвальном помещении гостиницы-общезития. Иным полагалось только оклад, а другим – ещё и хлебная надбавка. Видимо, учитывалась бедность материального положения. В приказе о валенках видна скудость послевоенного обеспечения актёров и населения в целом. Пимы на выезды выдавали под подпись, а на тех, кто их не возвращал, налагали штраф, провинившимся объявляли строгие выговоры.

Наблюдалась ощутимая текучка кадров. Читаем приказ № 123 от 19/VII. 1948 года по Ленкому: «На основании распоряжения ОблОтдела искусств и утверждения ГК ВКП(б) г. Анжеро-Судженска Ирисов Алексей Петрович назначен директором Облдрамтеатра с 7 июня 1948 г. с окладом 980 руб. и 500 руб. актёрская нагрузка». Но в том же году приказом № 194 от 16/XI вместо Ирисова назначен другой: «На основании приказа № 111 по Кемеровскому Областному отделу искусств от 15/XI. 1948 с сего числа приступил к сдаче дел театра вновь назначенному директору театра тов. Бунину Г. С. Директор Ирисов».

В 1948 году в названии театра появилось дополнительное определение: он стал передвижным.

ДЕЛЕГАТКА, КОМСОМОЛКА, АКТРИСА

Не канули бесследно в Лету актёры и работники театра, служившие в нём со дня открытия: Бетев, Мартынов, Ишкова, Хараламбо, Виноградская, Гневушева, Скворцов, Янковская, Баулина, Рухлядев, Половинкин, Хакимова, Ляхова, Чугунова, Парменова, Москвитина, Боженкова, Маткевич. Установить судьбы этих людей – задача не из лёгких: далеко не все остались в Ленкоме.

Мария Ивановна Гневушева (Козлова) – матриарх Ленкома. Родилась она в 1897 году, участница Гражданской войны. Лицедействовала ещё на станции Тайга, бывшем оплоте белополяков в армии Колчака. Её ампула – острохарактерная актриса. Трудовой путь Марии Ивановны запечатлён в документах (особенности написания сохранены).

Удостоверение от 14 июля 1922 г.:

Предъявительница сего тов. Козлова Мария Ивановна есть действительно сотрудница Мариинского уездного Отдела Народного Образования. Занимающая должность воспитательницы, что подписью и предложением печати удостоверяется».

Из трудовой книжки:

1 апреля – 15 ноября 1923 г. – завхоз горбольницы ст. Тайга;

1 октября 1928 г. – продавец галантерейного отдела магазина на ст. Тайга;

1930–1931 гг. – счетовод финотдела;

1933 г. – буфетчица и зав. столовой станции Кемерово;

с 15 февраля 1934 г. по 26 августа 1934 г. – артистка театра при клубе им. Ленина ст. Тайга Томской железной дороги;

1935 г. – кассир-инкассатор с 16 января по 17 марта. «Уволена как не справившаяся с работой»;

1940 г. – артистка Ачинского драмтеатра и Красноярского 1-го краевого совхозно-колхозного театра;

1943 г. – директор Красноярского Краевого театра кукол.

Маша Козлова – участница III Всероссийского съезда комсомола. Группа художников под руководством Бориса Иогансона создала громадное полотно «Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола», занявшее прочное место в золотом фонде произведений соцреализма. Вероятно, на ней изображена и 23-летняя Мария. Не исключено, что именно ей принадлежит инициатива присвоения драмтеатру имени Ленинского Комсомола.

ИЗ АНЖЕРКИ В ПРОКОПЬЕВСК

В 1951 году Ленком переезжает в третий по величине город Кузбасса – Прокопьевск.

«К тому времени прокопьевская публика уже знала и любила этот театр, неоднократно гастролировавший на юге Кузбасса. А в Анжеро-Судженске люди шли на спектакли неактивно, сборы были плохие, потому и было решено перевести театр в более крупный город», – вспоминал бывший лётчик П. Е. Солдатенко*.

Существовала и другая причина перевода: впервые был принят генплан Прокопьевска, и план – ура! –

* Из исследовательской работы учащихся школы № 8 Анжеро-Судженска.

предусматривал строительство помпезного театрального здания в стиле советского неоклассицизма. А Ленком очень хотел иметь собственный дом, ведь приходилось репетировать и выступать фактически в полевых условиях.

НА ПРОКОПЬЕВСКИХ ПОДМОСТКАХ

Надо сказать, что до появления Ленкома в Прокопьевске уже действовал свой театр. Правда, рецензий на его спектакли мы не найдём ни в городской, ни в областной периодике тех лет, потому что это был театр из зеков, в зоне.

В 1949 году, когда из контингента бытовых колоний формировались колонии для «государственных преступников», осуждённых по 58-й статье, в зону между Прокопьевском и Киселёвском прибыла этапом медсестра и актриса Евгения Польская, будущая писательница. Из этой зоны (лаготделение № 4 лагеря № 525) совсем недавно были репатриированы военнопленные, в том числе офицеры танковых дивизий СС и Квантунской армии. К началу майору Киселёву пришёл заключённый Иван Адамович Райзин, выпускник ГИТИС, в миру бывший режиссёром и актёром Грозненского театра, и предложил организовать профессиональный театр из зеков. Театр был создан и работал, по крайней мере, до освобождения Евгении Польской в 1953 году. В её образных воспоминаниях «Это мы, Господи, пред тобою...»** предстаёт натуралистический быт театра в зоне на Тайбинке (Ивановке), разобран его репертуар, в частности: маленькая трагедия «Скупой рыцарь», «Лес» Островского, «Волчья тропа» Александра Афиногенова (о «скрежещущем зубами классовом враге»), «Глубокие корни» по пьесе демократических зарубежных драматургов Д. Гоу и А. Д'Эссо. Любопытно, что одновременно и на воле, и в лагерном театре ставились «Русский вопрос» Симонова и «Любовь Яровая» Тренёва.

Творческий путь Ленкома в Прокопьевске начался спектаклем «За вторым фронтом» по пьесе Вадима Собко. Играли 15 ноября 1951 года на сцене ДК шахты № 5-6 имени Ворошилова. Зрители не оставили негативных отзывов. Забойщик шахты имени Сталина И. Банщикова писал в «Ударник Кузбасса» (бывший «Забой»), что театр «поднимает важную тему разоблачения поджигателей Второй мировой». Главный отрицательный герой – американец-толстосум Сэм Гибсон. «Перед зрителем проходит галерея отъявленных негодяев, чьими делами и помыслами движет американский доллар», – уточнял ещё один рецензент – шофёр-крановщик Г. Гулькин. А положительная героиня спектакля – лейтенант ВВС Таня Егорова. Это и понятно, ведь в Корее уже больше года кипела воздушная битва между советскими и американскими асами.

** <http://coollib.com/b/169046/read>.

В первые прокопьевские сезоны ленкомовцы показали зрителю «Коварство и любовь» Ф. Шиллера (постановщики Н. Ф. Филиппов и С. И. Музиль, художник Л. А. Алексеев), «Совесть» Ю. П. Чепурина (режиссёр Г. И. Пушкарёв, художник Л. А. Алексеев), «Платон Кречет» А. Е. Корнейчука (Г. И. Пушкарёв, художник Л. А. Алексеев), «Любовь Яровая» К. Тренёва (режиссёр И. А. Фаликов, художник М. Т. Ривин) и многие другие.

Главрежем Ленкома в Прокопьевске работал сначала Яков Тимофеевич Суторшин, затем – Г. И. Пушкарёв. К слову, за оформление спектакля «Любовь Яровая» и ряда других спектаклей художник Марк Теодорович Ривин первым из художников Кузбасса был в 1966 году удостоен звания заслуженного художника РСФСР.

Из газетной статьи прокопчанина Сергея Ковалёва узнаём, что в первом же сезоне спектакли посетили 70 тысяч зрителей: «Театр показал 12 своих постановок. В межсезонье Прокопьевская драма отправлялась на продолжительные гастроли. После окончания третьего сезона труппа колесила по Кузбассу четыре месяца: Осинники, Юрга, Мариинск, Горная Шория, Анжеро-Судженск...».

ПРОЕКТ КУРЕННОГО

Итак, Ленком обосновался в Прокопьевске – угольной столице Кузбасса.

12 апреля 1950 года в «Ударнике Кузбасса» появилась заметка главного архитектора Прокопьевска Н. Соколова: «На Артёмовской улице, в месте выхода её на Фасадную, в ближайшие месяцы начнётся строительство городского театра со зрительным залом на 800 мест». А в июне 1952 года был обнародован проект Театральной площади в центре города.

Главный фасад драмтеатра с монументальными колоннами обращён в сторону Фасадной улицы. С площади к величественному зданию ведёт широкая гранитная лестница. По проекту Московского института

Прокопьевский драмтеатр в строительных лесах.
Фото из домашнего архива Николая Ивановича Стародубца

Гипротئاتр (автор проекта – архитектор Николай Петрович Куренной) новый театр имел «богато отделанный вестибюль с гардеробом, двухсветное фойе, большой буфет, репетиционный зал и хорошее сценическое хозяйство, оборудованное по последнему слову техники»*.

Здание театра, искусно вписанное в перепады рельефа, напоминает Парфенон – великолепный храм, будто парящий в вышине. До сей поры прекрасное здание театра – визитная карточка «чёрной жемчужины» Кузбасса. Вторым рождением Прокопьевска называл 1950-е годы заслуженный архитектор РСФСР Григорий Александрович Глотов, приехавший сюда в 1950 году после окончания вуза.

МЫ – БРОДЯЧИЕ АРТИСТЫ

Пока шло строительство «парфенона», Ленком кочевал по шахтовым клубам и Дворцам культуры.

Так, в 1953 году выездные спектакли игрались на сценах ДК шахты имени Ворошилова, клубов шахт «Красный Углекоп», «Южная», имени Кагановича, «Маганак», «Зиминка», в клубе железнодорожников имени Кирова и в Горном техникуме. Ежемесячно театр обслуживал до 10 тысяч зрителей. Сезон Ленкома в 1953 году открылся спектаклями: «Любовь Яровая» по пьесе лауреата Сталинской премии К. Тренёва; «Наследники Робурдена» Эмиля Золя; сказкой для детей «Хрустальный башмачок» Тамары Габбе**.

Надо сказать, что с 1953 года в Прокопьевске возводились сразу два замечательных Дворца культуры по проекту Константина Бартошевича, при этом ДК шахты «Красногорская» запустили в эксплуатацию уже в 1957 году (другой ДК – в 1965 году). Председатель правления красногорского ДК Татьяна Ерина позднее возглавила ДК Артёма, а Геннадий и Валентина Яворские стали звёздами Ленкома.

ЗНАЧЕНИЕ – ФЕДЕРАЛЬНОЕ

Несколько лет ленкомовцы давали спектакли на разных сценических площадках, пока в 1954 году театр окончательно не осел во Дворце культуры имени Артёма.

Пока не удалось выяснить, кто конкретно из архитекторов его проектировал. Это мог быть немецкий социалист Эрнст Май, предложивший практически осуществлённую схему застройки Тырганского плато. Или репрессированный иркутский архитектор Казимир Миталь. Или Герхард Козель (Коссель)...

Театральная часть Дворца состоит из просторных фойе и зала с балконами и сценической коробкой, большого числа подсобных помещений. Акустика в зале – выше всех похвал, что при отсутствии микрофо-

* Из газеты «Ударник Кузбасса» от 27 июня 1954 г.

** Сурикова Н. П. Один год из жизни города [Электронный ресурс] // Ударник Кузбасса. 1953 год. URL: <http://knu.znate.ru/docs/index-462362.html?page=9>.

нов в 1930-е годы было очень важно! А через двадцать лет этот Дворец был реконструирован в духе неоклассицизма; автор проекта реконструкции – прокопьевский архитектор Тимофей Полонский.

В наши дни это единственный памятник федерального значения в Прокопьевске.

ЗАСЛУЖЕННЫЕ И НАРОДНЫЕ

В музее Казанского театра имени Качалова есть сведения о Петропальче – Петре Павловиче Бетева (1926–2002): «Творческую деятельность начал в 1948 году актёром театра в Анжеро-Судженске <...> В 1951–1966 годах – актер Кемеровского драмтеатра. Актёр Казанского русского театра им. Качалова с 1966 года». Из отзывов: «Петра Бетева, народного артиста России, корифея Качаловской сцены, в театре называли Петропальчем. Огромный, величественный, громогласный. Шутник и балагур».

Жена его – народная артистка РСФСР Галина Семёновна Ишкова (1927–2008) в 1948 году окончила студию при драматическом театре Анжеро-Судженска, одновременно, в 1945–1951 годах, была актрисой этого театра. В 1951–1953 годах работала в Ачинском театре, в 1953–1965 годах – в Кемеровском областном театре, в 1965–1966 годах – в Тамбовском областном театре, с 1966 года – в Казанском академическом Большом драматическом театре им. В. И. Качалова. Заслуженная артистка РСФСР (1963). Народная артистка РСФСР (1980). Народная артистка Республики Татарстан (2002).

И по анжерскому, и по прокопьевскому спискам исполнителей ролей проходит Антонина Николаевна Баулина (1927–2015), народная артистка Чувашской АССР (1980). Она родилась в Кузбассе, в пристанционном посёлке города Ленинск-Кузнецкий. По окончании театральной студии в 1946 году её зачислили в труппу Ленкома, базировавшегося в Анжеро-Судженске. В этом театре она продолжала служить и после переезда Ленкома в Прокопьевск. Там Ленком размещался в ДК имени Артёма, но играли и на сцене ДК шахты имени Ворошилова. Потом в жизни актрисы были Сталинский и областной Новосибирский драматические театры. А в 1959 году Антонина Николаевна оставила Новосибирск и приехала в Чебоксары по приглашению руководства Русского драматического театра, в котором сыграла десятки ролей. Была дружна с летчиком-космонавтом Андрианом Николаевым, народным артистом России Петром Вельяминовым.

Ещё до открытия нового здания драмтеатра, которое состоялось 22 апреля 1960 года, в прокопьевском Ленкоме работал актёр и режиссёр Григорий Семёнович Градов, поставивший минимум три спектакля: «Профессор Полежаев», «Тайфун» и «После разлуки».

1 января 1958 года «Шахтёрская правда» (так теперь назывался бывший «Ударник Кузбасса») опубли-

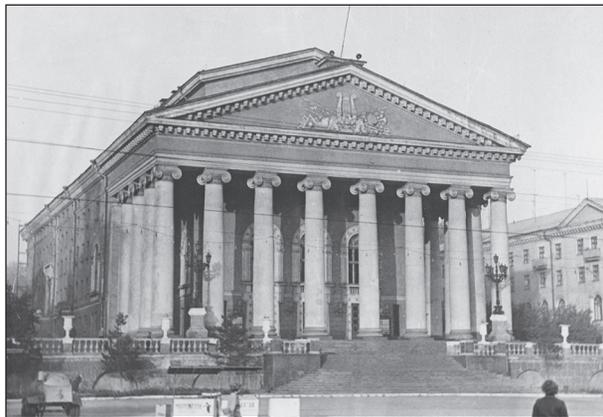
ковала новогодние пожелания Ивана Прокопьевского, одно из которых посвящалось «Г. С. Градову, заслуженному артисту РСФСР»:

*Желаем Вам больших удач
и творческого роста.
Чтоб вы играли, как сейчас,
лет примерно до ста.*

*Особенно нам нравится
«Профессор Полежаев»,
Вот так играть Вам роли
Мы от души желаем!*

4 и 5 января того же года в Драмтеатре имени Ленинского комсомола (ДК имени Артёма) шёл спектакль «Последние» по пьесе Максима Горького. Градов – в роли Ивана Коломийцева. А в спектакле «Раскинулось море широко» он – в роли боцмана Капитона Силыча.

Заслуженным Григорий Градов официально стал лишь в 1965 году, уже после отлучения Н. С. Хрущёва от власти, но решение о присвоении ему этого почётного звания принималось, по всей вероятности, в прокопьевском Ленкоме.

Ленком к середине 1960-х.
Фото из архива Зифы Аетбаевны Валишевой

«ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ, СИНИЕ НОЧИ!..»

С Прокопьевском связаны примечательные факты биографии и композитора Сергея Фёдоровича Кайдан-Дешкина, автора музыки знаменитого Гимна пионерии. В театральном сезоне 1957/58 годов прокопчане увидели лирическую комедию «Дальняя дорога» по пьесе Алексея Арбузова о комсомольцах-метростроевцах. В комедии была занята театральная молодёжь: Г. Чунарева, Г. Кузнецова, Л. Сазонова, Р. Столбина, Г. Грибанова, Г. Стругач, Ф. Столбинин, Н. Лузгинов. Музыкальное оформление: преподаватель детской музыкальной школы по классу фортепиано С. Ф. Кайдан.

Не зря Михаил Фабианович Гнесин считал его чрезвычайно одарённым учеником.

Весной 1959 года состоялся Первый городской конкурс на лучшую песню о Прокопьевске. Итоги подводил концерт, данный 31 мая 1959 года на сцене ДК Артёма. Шесть раз на этом концерте звучала авторская музыка Сергея Кайдан-Дешкина! Причем пять раз – в собственном исполнении.

Сергей Фёдорович Кайдан-Дешкин был ссыльным, и нетрудно догадаться, в каком ведомстве состоял на учёте. Во всяком случае, в Прокопьевской музыкальной школе нет ни личного дела композитора, ни карточки. Но каким-то чудом сохранились минимум два подлинных автографа композитора – он собственноручно удостоверял своё ознакомление с приказами директора школы – человека, видимо, весьма гуманного. Вот приказ № 67 от 15 октября 1957 года: «Несмотря на неоднократные устные предупреждения, С. Ф. Кайдан 12.X.1957 вышел на работу в нетрезвом виде. Объявлен выговор».

Вообще-то 12 октября 1957 года по календарю – день субботний. И где-то даже банный. А нагрузка была у Сергея Фёдоровича – будь здоров! В сентябре 38,5 часа в неделю – занятия с младшими детьми и 14 часов – со старшими.

ПОД ЗВУКИ МУЗЫКИ

Осенью 2015 года авторы этих строк нанесли визит 86-летней Марии Тарасовне Цыгоевой, служившей в 1959–1972 годах аккомпаниатором музыкального ансамбля театральной труппы Ленкома. Ветеран прокопьевской сцены, ныне покойная, вспоминала актёров тех лет и то, как её приняли в театр. Она поведала, каким хорошим и весёлым человеком был актёр Ленкома Николай Георгиевич Хлебников, как замечательно играл на сцене прежний директор театра Николай Степанович Рулёв, о дружбе домами с семьёй актрисы Стефании Петровны Анненковой-Мельник.

В 1959 году Марию Тарасовну пригласили в театр на прослушивание. Так ей посоветовал директор прокопьевской школы № 2 Юрий Васильевич Изюмский, супруга которого служила актрисой в театре Прокопьевска. К тому времени Мария Тарасовна, проживавшая в Южном посёлке, совмещала в средней школе № 2 должность учительницы начальных классов с обязанностями аккомпаниатора хора, играла на пианино на школьных вечерах.

«Это произошло за пару лет до открытия нового здания драмтеатра, – рассказывала Мария Тарасовна. – Дома под шпилем уже стояли. Был весенний солнечный воскресный день, а по воскресеньям в нашей школе проводились различные внеучебные внеклассные мероприятия, в том числе спортивные. Пришли несколько классов, мы закончили, идём домой. Вдруг напротив строящегося театра встречаем Юрия Васильевича. Он спрашивает: «Что вы дела-

ли?» – «Поработали с детьми и идём домой». Юрий Васильевич знал от жены, видимо, что театру требуется аккомпаниатор, и я долго не раздумывала. Руководитель музыкальной группы театра передал мне клавир, и дома я его проиграла. К тому времени мы с мужем Николаем Семёновичем уже купили пианино марки «Ростов-Дон».

Постановкой танцев в музыкальных спектаклях Ленкома занималась Зоя Легкова – супруга режиссёра Геннадия Львовича Легкова. Оркестровая группа состояла из пяти музыкантов. Мария Тарасовна играла на фортепиано и фисгармонии: «Я, скрипка, виолончель, баян сидели в оркестровой яме. Руководителем оркестра был Николай Николаевич... Актёры при случае подшучивали: играя рыбаков в одном из спектаклей, они опускали на наши руки поплавки удочек».

«А сколько концертов было в ДК Артёма, – дополняет Николай Семёнович, муж Марии Тарасовны. – Кобзон приезжал ещё без парика!»

Мария и Николай познакомилась в Крыму. Мария – из Евпатории, а Николай – симферопольский. Семья армянская, но в ней говорят преимущественно на русском языке. По иронии судьбы их квартира – на улице имени председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского. В 1944 году юную Марию депортировали из Крыма вместе с семьёй: мать – Сусанной Авксентьевной Цурвизовой (урождённой Айруни), тётёй Парандзем Авксентьевной и отцом Тарасом Цурвизовым, парализованным ещё в 1941 году.

Любовь к музыке привила Марии её мама Сусанна Авксентьевна. Когда демонстрировались немые фильмы, она работала тапёром в кинотеатре. После того, как на смену немому кино явилось звуковое, Сусанна Авксентьевна стала играть в питейном заведении. Сохранилась фотография эстрадного оркестра пивного бара, сделанная в Евпатории в 1935 году. «На снимке – дядя Миша, мама, дядя Володя – ударник, и дядя Арон, – продолжает Мария Тарасовна. А в Прокопьевске мы приехали 11 июля 1944 года. Женщин направили в ОРСовский совхоз на Красной Поляне («Прокопьевский»). Каждый день отмечались в комендатуре. Я стала учиться в Керлегешской школе. Ходили в чунях... Потом переехали в посёлок Южный, мама уже не работала, а тётя работала в городской больнице, носила передачи больным... Я ходила в среднюю школу № 2 по Артёмовской улице. Играть на фортепиано я научилась ещё в Крыму, в музыкальной школе, но документ об окончании школы я получить не успела, так как нас выслали буквально накануне моего последнего экзамена, основного экзамена – по специальности... Когда я оканчивала вторую школу, в ней знали, что я умею играть на фортепиано. Директор школы Мария Наумовна сказала мне: «Если хочешь, оставим тебя у нас в школе, будем платить зарплату». А при школе были

курсы учителей младших классов. И я осталась в школе на сорок лет. Мама умерла в 1953 году, а тётя Парандзем – через несколько лет. Она мне была второй мамой. Мы с мужем Николаем Семёновичем хорошо знали актёра Ленкома Женю Докукина, игравшего в «Оптимистической трагедии». Он рядом жил, в доме «Книготорга», часто приходил к нам. Он фронтовик, попал в плен, а всех, побывавших в плену, ещё раз наказывали, отправляя в ссылку в необжитые места. Примерно в 1960 году он уехал в Горловку».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЮДМИЛЫ ТУЧКОВОЙ (СИМКИНОЙ):

«...Возвращаясь в пятидесятые годы XX века, хочу вспомнить о своём отце Николае Ефимовиче Тучкове. Отец работал в угольной промышленности Кузбасса с 1947 года, возглавляя самый сложный отдел в тресте «Сталинуголь» – капитальное строительство. Много объектов построено в городе с участием отца, но самым главным его детищем было, пожалуй, строительство театра, именно театра, воплощения его мечты.

Культурный центр Прокопьевска тогда был сосредоточен в ДК имени Артёма. Театра как такового не было, и все спектакли нашей драматической труппы ставились на площадке Артёма. Все праздничные мероприятия, гастроль артистов, танцы для молодежи по субботам – это всё здесь. Дворец культуры располагался за линией железной дороги, каждый вечер толпа нарядных людей оставляла позади шлагбаум и направлялась, как мы говорили, в театр.

Папа с мамой тоже были, как сейчас говорят, продвинутыми. Они с удовольствием посещали гастроль, смотрели все спектакли из репертуара Ленкома. Помню, как за вечерним чаем они делились впечатлениями о том, как играла актриса Галина Чунарева!.. А во время войны родители побывали на всех спектаклях эвакуированного к нам Московского театра оперетты.

Видимо, с тех самых пор отца не оставляла мысль о строительстве настоящего театра, театра, достойного его родного города.

Строительство велось на протяжении нескольких лет. Детские воспоминания – это грязь, лужи, обходные тропинки, по которым мы добирались до своей школы № 2, а дома вечерами детское ухо иногда улавливало разговоры взрослых о текущих делах, в основном, о театре.

Только сейчас, когда я достигла солидного возраста, я понимаю, как нелегко ему давался этот объект. А ведь ему не было и сорока лет. Да, кроме театра, были и другие объекты. И за все он нёс ответственность. Бесконечные командировки в Москву, в Госплан, потихоньку подрывали его здоровье, на которое он не обращал внимания. Папа уходил на работу ранним утром, возвращался вечером. Единственное, что он позволял себе, это заходить на обед домой, благо трест был в десяти минутах ходьбы от дома, да забегал посмотреть, как идут дела «на театре».

Все этапы строительства не помню, в памяти остались окончательные работы, облицовка цокольного этажа. Потом появились ёлочки на площади перед театром, красивые фонари, стилизованные под пушкинскую эпоху. Почему-то запомнилась аллея из цветущих яблонь слева, может, потому, что я обходила театр с южной стороны. Дома велись беседы и об интерьере: отец очень хотел, чтобы наш театр был не хуже столичных. Из разговоров помню, что роспись потолков велась ленинградскими художниками, а мебель, зеркала заказывались в Москве.

Театр стал функционировать где-то в конце пятидесятых годов. Когда к нам приезжали гости, то отец с гордостью водил их в театр на какой-нибудь спектакль. Красота театра просто ошеломляла, это был действительно Храм искусства. Атмосфера театральнойности окутывала с первых шагов, с гардероба, где мы переобувались в обувь, специально купленную для театра, с освещения многочисленных люстр, с ковров, бархатных кресел, зеркал – возникало возвышенное чувство благоговения!..

Ушло то поколение, уходит уже и наше. Многие, конечно, не помнят и не будут знать имён зодчих, но театр, построенный отцом, стоит в самом сердце его родного города, который он бесконечно любил».

* * *

Чудесное здание Ленкома открылось в день 90-летия со дня рождения Ленина. Началась новая жизнь Ленкома, но это тема иной статьи. Заметим лишь, что десять лет назад, в 2007 году, это здание обрело статус памятника регионального значения. Искусство кузбасского Ленкома принадлежит всей Сибири. «Мы – ровесники Победы!» – под этим девизом живёт и работает коллектив театра.

Евгений ЧИРИКОВ

ПИСАТЕЛЬ ЛЮБВИ И ТРУДА

Литературно-критическое эссе

**К 80-летию со дня рождения
Виктора Чугунова**

В мире много писателей, великих и не очень. В моём представлении Виктор Чугунов – писатель исключительный. Он создал неповторимую прозу. По нынешним меркам описанная им жизнь может показаться архаической, а воспитанной на коммерческих понятиях молодёжи и вовсе неинтересной. Да и написал он немного, так как прожил всего 36 лет. При всём при том Чугунов обогатил литературу своеобразными человеческими характерами. Многие его новеллы можно смело назвать шедеврами.

По воспоминаниям новокузнецкого прозаика Геннадия Емельянова, сенсационно прозвучал на семинаре молодых писателей (1966) рассказ «Локомотив». «Да где же вы раньше-то были?» – вымолвил руководитель семинара Сергей Антонов, виртуоз короткого рассказа и теоретик этого жанра. А где был Чугунов? В Междуреченске, работал горным инженером (взрывником) и поначалу печатался в городской газете «Знамя шахтёра». С «Локомотива» началась его внемеждуреченская известность.

Сюжет рассказа действительно беспрецедентен. Локомотив – паросиловая машина, применявшаяся когда-то в технике. Он позарез необходим там, куда его транспортируют с помощью тягача четыре человека, преодолевая таёжное бездорожье. Каждую ночь за время пути жена старшего группы Трофимова проводит с молодым Семёном. Муж делает вид, что не замечает измены, которая почти и не скрывается. Всё дело в том, что он сдерживает личные эмоции ради достижения цели – ведь локомотив ждут люди. Поведение Трофимова – нечто другое, чем подвиг самопожертвования героя в стане врагов. А по нраву он совсем не добряк и не пропитан идейностью.

Стилистически В. Чугунов примыкал к той традиции, которая в русской литературе началась с Чехова – Бунина – Куприна. Позже её представляли Василий Шукшин (обожаемый Чугуновым), Владимир Солоухин, Владимир Маканин и другие. Вместо длинных описаний – ёмкое слово с подтекстом, скрытым внутренним смыслом. Смысловая нагрузка падает на деталь. Маленький рассказ может стоить целого романа.

В кузбасской литературе советского периода мастерством короткого рассказа хорошо овладел также Владимир Куропатов, но он не выходил из рамок ортодоксальности.

Жанр чугуновской прозы тяготеет к новелле. Когда читаешь эти новеллы с пружинно сжатым словом, вдруг замеча-

ешь что-то шолоховское, что кажется несколько странным для чеховско-бунинской манеры. И, оказывается, – да. Междуреченский самородок увлекался автором «Тихого Дона» до такой степени, что однажды, как вспоминала жена, Надежда Чугунова, сказал: «Стану Шолоховым!».

В определённой дозировке он и стал Шолоховым, впитав, переварив его и сделав собственным веществом. Вся проза советского классика напитана так называемым народным красноречием – афористичностью речи с колоритом казацкого диалекта. Вот и некоторые (не все) чугуновские новеллы насыщены говором, но нашим, сибирским. Все его вещи построены – в ключе драматизма – на острых, прямых диалогах.

«Таёжина»:

«– Соседов постоялец, выходит? – спросил меня Сукотин, протягивая стакан самогону.

Я кивнул.

– Чего ж к нам-тыть забрёл?

За меня ответила Ага:

– Мы с ним на рыбалку ходим.

– Знаю я твою рыбалку: ещё от старой не излечилась. –

Он повернулся ко мне и отрубил: – Пей, раз рыбак.

Обжигаясь, я выпил.

– Где же рыбалите? – Сукотин толкнул пустой стакан.

– На реке.

– Знаю, что не в лыве... И много рыбы нарыбалили?

– Мы же так... отдышали...

– Отдыхали, выходит?

Снова вмешалась Ага:

– Ты, папка, злых вопросов не задавай. С гостем разговариваешь, а не с Гришкой Преваловым.

Сукотин подумал.

– Ладны, тебе ответ держать – хошь так растелись, хоть этак.

– А я не хочу «хоть так». Я хочу, чтоб радостно было».

Драматические конфликты у В. Чугунова часто завязываются на смертельной опасности. Описания его поэтичны и в то же время ничуть не скрывают жизненных некрасивостей.

«Прости меня завтра»:

«На станции удушливо пахло гравием и жирными сочившимися шпалами. По-богатырски протяжно вздыхали паровозы. Один из них попыхивал густым паром на крайнем пути. Антон подошёл. Чумазый кочегар на тендере кидал уголь. Увидев Сорокина, вскинул на затылок кепку с длинным козырьком.

– Кого?».

«Синий ветер Алатау»:

«Дорофеев снял с головы берет и засмеялся, показывая синеватые зубы. Он был приземист, темнолиц, нос – гнутой хребтиной, парень что надо». <...>

«Он наблюдал за гадюкой, греющейся на гранитной плите. По-лебединому подняв над кольцами тела плоскую голову с немигающими глазами, змея надменно и жестоко следила за людьми. И это очень нравилось Дорофееву».

Поэтичность языка наряду с чеканной прорисовкой психологии и составляет главную писательскую силу В. Чугунова.

«Таёжина»:

«Я скользнул глазами по её обнажённому телу, и у меня запершило в горле, а ноги стали тугими, как железные прутья. Переборов чувство горького стыда, я затравленно уставился на тёмный скат груди, едва сдерживая себя, чтобы не коснуться рукой».

В содержательном аспекте две, только две главные темы вытекают из писательского духа Виктора Чугунова. Это любовь и труд. Любовь он трактовал в ясном соответствии с иррациональностью бунинских «Тёмных аллей», которые не раз перечитывал. Святая любовь смежна со слепым инстинктом. Должно быть, выстрадавшие в личной судьбе чувства приводили нашего земляка к совершенно оригинальным образам, отличаясь величайшей достоверностью.

В советское время любой редактор настораживался, когда речь заходила об адюльтерах. Хотя у Чугунова практически нет постельных сцен, драма любви, психологически остро показанная через супружескую измену, некоторых читателей шокировала. Не обошлось без писем в газеты о «развращающем влиянии на молодёжь». Некоторые ситуации, как в «Локобиле», смущали и критиков. Пожалуй, кое-кто из них пригвоздил бы автора новеллы за клевету на советского человека, не будь С. Антонова его авторитетом.

Тамара Булдакова в газете «Знамя шахтёра» описала случай: «Как-то, помню, мы были в редакции, когда услышали по областному радио повесть Чугунова «Таёжина». <...> И вдруг чтение оборвалось, включили музыку. Несколько лет спустя редактор литературной редакции облрадио рассказал нам следующее. Оказывается, трансляцию услышала секретарь обкома по идеологии, и по её команде прекратили чтение, как она выразилась, «Таёжины»-корёжины (остроумные были идеологи!)».

Труд, производство, дело В. Чугунов описывал с несравненным воодушевлением. В человеческой работе он видел сакральную ценность, моральный абсолют, экстремальную интригу, долг, непрерываемо подлежащий исполнению. Трудом определяется степень сознательности. Осуществляясь для людей, он равнозначен идеалу коллективизма и высшей человечности.

«Таёжина»:

«Надо немедленно открыть путь руде на металлургические заводы юга Западной Сибири».

«Прости меня завтра»:

«Повторяю, товарищи, не для прохлаждения мы тут собрались и не агитировать. Работать приехали. Стране нашей после войны трудно».

«Каллистратово бучило»:

«— Беда-то, Афанасий Лукьяныч. Люди всю зиму на морозе лес рубили, а теперь сплавить не можем. Понимаешь? Всю зиму впустую. Нельзя так. Нельзя мне уйти с бучила, хоть режь...».

«Локобил»:

«— А нам, знаешь, мри, но вперёд...»

Рассказ «**За чёрными розами**» — о шахтёрском труде, обыденная опасность которого непринуждённо подчёркивается маленькими случаями-детальками: «Возле него за-

трещала стойка, и он потрогал её рукой. <...> Кусок породы стукнул Михаила по каске. Парень посмотрел вверх и продолжал <...> говорить». Завершается рассказ опасностью пострашнее (главного героя чуть не завалило породой). Но и она обыденна для закалённых добытчиков «чёрных роз»:

«— Ладно, кончай базар, — сказал Михаил грубо, как провинившийся мальчишка. Он пошевелил ногой и встал. — Сейчас начнём вспоминать, и работать некогда будет. Взрывай, Пашков...»

Шахтёр Галактион в одноимённом рассказе совершает сверхволевой поступок, спасая жизнь товарища: «На другой день он работал остервенело, жадно, точно в последний день. Его огружая фигура тяжелела больше, шаги становились упористее. Легко, одной рукой Галактион вворачивал лесины и швырял их в лавную темноту, а там, сгорбившись, ставил их в ряд, распирая в щели пласта крупными машистыми ударами кувалды.

В один из таких дней Галактион спас человека. Рухнувшей гранитной плитой тому придавило ногу. Вокруг ломалось крепление, и люди отступили, с ужасом ждали конца трагедии.

Галактион взял топор. Размазав по грязному лицу пот, он прошёл к товарищу тугими шагами и — раз! раз! другой! Хрястнул остриём по колену, торчащему из-под плиты».

Положительные герои новелл одержимы трудом, желанием исполнить порученное дело во что бы то ни стало, пусть даже жертвуя своим «я», а то и переступая через малодушие или благодушие других. Что-то аномальное, фанатичное проступает подчас в них. Закрепов в «Каллистратовом бучиле» смотрит на огонь не мигая, «и в его глазах, зеленоватых, ледяных, застряло мрачное неживое упрямство». Неживое упрямство! Но действующие ва-банк персонажи всегда в победителях, которых не судят.

Писатель родился 30 июня 1937 года и погиб 26 декабря 1973-го — грузовик на трассе врезался сзади в легковую машину. Вместе с уходом Виктора Александровича Чугунова из жизни в ней прекратили существование и его главные герои. Или наоборот — сначала ушли прототипы. Как раз, кажется, в это брежневское время в нашу реальность толпой повалили совсем другие парни, менее склонные к трудовым свершениям.

Рассказы и повести, заключённые в формат двух небольших сборников, изданных Кемеровским книжным издательством в 1978 и 1984 годах, представляют собой исторически ценные картины эпохи, которая никогда больше не повторится.

Характерно, что часто любовь и труд тесно переплетаются. В «Таёжине» жена Виктора Агния — его соратница по производственному фронту. «Потом, когда пронеслось над тайгой взрывное эхо, я с болезненной настойчивостью твердил себе, что всё равно бы не ушёл со скалы, даже если бы не было со мной Аги». Борьба за девушку против озверелого семейства Переваловых составляет главную интригу повести, а задание по взрыву скалы её обрамляет и цементирует.

Радостное, приподнятое настроение влюблённого Егорова перетекает в красоту его работы.

«Мужчина»:

«На работе Егоров немел. Окружающее приобретало для него особенное значение. Покоробленные рукавицы в сухом буром растворе пахли смородиной, кирпичи – угаром деревенской печи, а свежая кладка – политым огородом, где у заплотов горкла конопля».

Мария проникнута трудовой жертвенностью мужа и уходит вслед за ним в ледяную стынь.

«Иван и Мария»:

«– Люди там, – ночью устало сказал Иван и показал в окно на тайгу. – Им работать и жрать надо для нашего дела, а мы тут валандаемся. Завтра ухожу, Манька, давай спать...».

Емельянов мучается любовью только под одним углом зрения: захочет ли любимая поменять столицу на таёжную глушь, где он работает.

«Тёмный бор, тайга густая»:

«Он любил таёжное дело, и ничто не могло поколебать его желания довести начатое дело до конца. Емельянов вспоминал тайгу, и ему казалось, что ничего милее и дороже нет на белом свете. Он вспоминал товарищей по работе, он вспоминал обычную жуть своих дней, он вспоминал плантации, и ему хотелось туда, к ним».

В рассказе **«Полметра до катастрофы»** молодой специалист Сергеев не проявил должной квалификации и переведён из техников в такелажники, после чего спился и деградировал. Его красавица жена ушла к другому, безупречному технику Лебедеву, начальнику и врагу Сергеева.

Сергеев озлобляется, доходит до чувства краха и в злобном аффекте пытается убить Лебедева (сбросив на него сверху тяжёлую железку):

«Лебедев чудом остался жив. Головку заклинило в пятидесяти сантиметрах от него. Всего в пятидесяти!»

А он вылез наверх и обычным своим жёстким голосом сказал мне:

– Надо лезть вытаскивать...»

Последние фразы рассказа: «Сломленный, разбитый, я понял, что не могу никуда уйти. Для меня не существовало мира, кроме того, который разбивал меня, чтобы сделать заново». В наше время читатель и не обратит внимания на это «сделать заново». А в годы соцреализма концовка рассказа имела принципиальное значение. Всего два слова давали оптимистический прогноз личности Володи Сергеева, рисовали сломавший его мир как суровый, но справедливый и проливали бальзам на души критиков. Если бы Володя завершил жизнь, допустим, бомжом, никто бы автора новеллы не понял.

Чугунов очень не любил фальшь, расхожие стереотипы и всякого рода социальное враньё. Будучи горячо убеждённым коммунистом, он гордился революционным прошлым страны и, судя по всему, принимал тезис о совершенстве человека в грядущем коммунистическом обществе, но не мог не видеть разницы между идеалом и действительностью. «До совершенного человека дорога длинная», – говорит Родионов в **«Рубиновом материке»**. Проводник Кабин из **«Локомобиля»**, сидя в санях, «смотрел, как выползала из-под полозьев помятая зелень, и

думал, что не все человеческое добро да гладко. Есть что-то грубое у людей, дикое, ползучее».

В повести **«Прости меня завтра»** отношение главного героя к труду составляет одну из характеристик этого многозначного образа. Трудовая доблесть оттеняет здесь трагизм любви, вину Антона в суициде Вали, подчёркивает отчуждение от него людей, несмотря на завоёванный работой авторитет.

В **«Рубиновом материке»** любовь и труд сплетаются по-иному. С точки зрения мастерства «Рубиновый материк» – любопытнейшая повесть. Главный герой её, Александр Родионов, предстаёт перед нами в нескольких ракурсах. Сначала глазами персонажа-журналиста как колоритный незнакомец, в котором чувствуется что-то необычное. Затем описывается подростковое бытие Саши от имени его собственного «я». Начинаются его отношения с соседской девочкой Галкой. В их дружбе только зарождается эротизм. Когда журналист, вторично встретив Родионова, побывал у него дома в гостях (всей семьёй вместе с журналистом они лепят пельмени), Александр описан с почти газетной скупостью красок, и в нём можно узнать типового передовика производства, любителя говорить высокими словами.

Во второй части Родионов как бы вновь сам рассказывает о себе, и это повествование звучит уже как неземная музыка. Он гиперболичен и нереально-сказочен. В то же время читатель может верить в его живое существование, с грустью отмечая, что похожие люди всё-таки были, пока не выродились в естественном ходе вещей.

Родионов живёт словно рыцарь, странствующий в поисках подвигов: «С этого дня и повёл счёт своему трудовому стажу и веду до сих пор. Живу, где труднее всего и где больше всего во мне нуждаются».

На тяжёлых работах он закалил своё тело, бывший «заморыш» обрёл могучую стать. Ближе к концу повествования ему с огромным напряжением сил удаётся спасти от гибели того, кто когда-то над «заморышем» посмеивался.

А Галина, которая в юности отвергла родионовскую «святость», хлебнула горя с образованным пижонем и поняла истинную ценность Родионова. Их семейный союз основан на зрелой, претерпевшей житейские испытания любви.

Несколько новелл труда почти не касаются. Они только о чувствах мужчин и женщин. Довольно мрачный и не лишённый сентиментальности сюжет выстроен в **«Гетере»**:

«Она знала, что Пётр женат и у него двое детей. <...>

– Всех-то уж не пускаю, – сказала она.

– А мне всё равно. – Он убрал с колена её руку».

Жена шофёра Петра интеллигентна, но больна. Она зашла к Любке и «робко попросила:

– Запретите к вам Петру ходить, а?».

Вот так же Валя в «Прости меня завтра» зашла к молодой Люде. Просьбы тщетны.

Жена Петра уходит из жизни. «Петр склонился над её добрым, измученным болезнью лицом, плакал и гладил её высохшие руки. Дочь сидела рядом и тоже плакала: при каждом всхлипе её безжизненные ноги качались». Пётр жалеет умершую жену, ненавидит Любку и всё же прихо-

дит к ней. «Ничего ты не понимаешь... Тебе мужика надо и чтобы на всю ночь... А ей надо было человека...». Почему писатель не оставляет надежд на хэппи энд? Потому что правда жизни жестока, и половой инстинкт часто сильнее добрых намерений. Чтобы усилить эффект, писатель наделил жену Петра болезнью, а дочь инвалидностью.

Не знаю, как сейчас, но в своё время «**Междуреченская новелла**» слыла культовой в городе своего рождения, чем-то вроде чувственного знамени женщин. Несомненно, она доставила автору много творческих мук, настолько сложна в нюансировке, изобилуя парадоксами и стыковками противоречивых моментов (из которых, собственно, и состоит наше бытие).

История взята из самой жизни. Перед писателем стояла задача сделать из были рассказ, то есть пробраться сквозь добрую сотню всевозможных житейских подробностей и при этом не стать прокурором, обвиняющим в аморальности одну из сторон.

У кого-то вышел бы целый «женский» роман, а Виктор Чугунов написал буквально крошечную новеллу. Она сверхлаконична по описаниям. Читатель должен проникнуть в её смысл, как в чёрный ящик. В ней всего семь главков-фрагментов. Каждый фрагмент несёт в себе тот или иной символ. Вводная главка знакомит нас с отношениями Людмилы и Котова. Они лиричны и поначалу не совсем понятны. Многое проясняется, когда учительница Людмила Петровна входит в кабинет директора школы Губановой, речь которой полна яда: «Что, вам не терпится?». Она намекает на то, что муж Людмилы в армии. Губанова – символ пошлости.

О Котове мы мало что знаем. Он непривлекателен, с худым, серым лицом. Хотя вместе с героиней Котов – главное действующее лицо, он почти как человек-невидимка. Почему? Потому что он символ: любовь выше внешности. Так же, как выше пошлости.

Людмила пошла в театр, думая о Котове. Но он не пришёл. Домой её провожал молодой учитель-физик. «У подъезда он смело прижался к ней, расстегнул плащ, и она почувствовала, как он ощупывает её.

– Идите вон! – закричала она и, вырвавшись, убежала в подъезд». Любовь унижается минутным сближением.

Высокое чувство преодолевает отношение окружающих (класс, по которому прошелестел шепоток: «Котов!.. Котов!..»).

На вечерней прогулке с Котовым Людмила просит его сделать «что-нибудь сногшибательное». Он верен своему трезвому характеру и отвечает отказом. Тоже показательно: Людмила не капризничает, не играет на мужском самолюбии.

Предпоследняя главка удивительна. Любимая женщина предлагает себя мужчине, Котову, а он убегает от неё, как от скверны. Само по себе это возможно. (Точно такое же негодование испытал Емельянов из «Тёмного бора, тайги густой». Его никак не устраивала ложь адюльтера.) С мужем Людмилы Котов в товарищах, он не может подличать. Если уж любить, то открыто и честно. Тонкость, однако, в том (возможно, понимает читатель), что бегство от женщины могло бы кончиться разрывом отношений. Оно,

однако, не стало конфузом, потому что любовь выше... Таким образом, новелла создана как букет глубоко прочувствованных символов, каждый из которых поднимает читателя на высоту чистой любви.

«Теперь разное говорят в Междуречье. Даже и то, что они счастливы, что каждый день – это продолжение сложной и необыкновенной любви, которая родилась не случайно, зато случайно обнаружилась» – таков последний абзац шедевра Виктора Чугунова.

После финального аккорда остаётся и грустный осадок. Автор ничего не сообщает о теперь уже бывшем муже Людмилы, «черноволосом человеке». Ни слова нет о его реакции на «необыкновенную любовь» жены и друга Котова. Следует предположить, что его реакция в целом стандартна, как у тысяч других, испытавших такую же судьбу. Сопереживая в меру наших душевных устройств всем персонажам, мы можем сочувствовать и ему. Это и есть, наверное, принцип подтекста – доверие к читательскому додумыванию. Всё-таки поразительная новелла!

Имея собственное и давно сложившееся представление о творчестве В. Чугунова, я испытывал жгучее желание поближе познакомиться с критическими отзывами о нём, узнать мнение квалифицированных литературных специалистов. Кое-что, конечно, попадалось мне и раньше, но в виде кратких предисловий и послесловий.

Газетно-журнальная критика представляет собой важную сторону писательской судьбы, писатель не может воспринимать её равнодушно. Попытаюсь обобщённо выразить впечатления от прочитанных недавно старых критических публикаций.

На родной земле новеллы молодого писателя встречали тёплый приём. В марте 1968 года двухполосный «подвал» посвятила ему газета «Комсомолец Кузбасса». Написал эту живую, сочувственную статью под названием «Бери и помни» (так назывался писавший Чугуновым и неоконченный роман) однокашник Чугунова по Литинституту и его тезка Виктор Казько, который после военной эвакуации провёл детство и молодость в Кузбассе, а уехав позже в Белоруссию, на историческую родину, получил там признание как виднейший мастер военной прозы.

Полна похвал рецензия «Новая книга В. Чугунова» в «Огнях Кузбасса» (1971. № 3), вышедшая из-под пера Л. Мелешковой. Правда, бурно негодуя против героини «Тёмного бора, тайги густой», Л. Мелешкова дошла до курьёза. «Это не трагедия неразделённой любви, это хуже – трагедия любви, осквернённой душевной низостью и предательством. <...> Читатель презирает Нину Васильевну, мелкую, недостойную такого большого чувства».

Выходит, что Нина Васильевна должна была бросить семью, Москву и работу в центральной газете, чтобы любить Емельянова в его таёжных угодьях.

В «Огнях Кузбасса» (1972. № 1) выступил маститый новокузнецкий критик Алексей Абрамович. В целом он соблюдал положительную тональность. Однако идейная бдительность заставила его сурово предостеречь новеллиста от западного влияния и «натурализма». И то и дру-

гое критик усмотрел даже в таком, казалось бы, пролетарском рассказе, как «За чёрными розами» (под «натурализмом» здесь он подразумевал, видимо, Кукушкину, упоминаемую в диалогах как девушку, к которой на досуге похаживали шахтёры).

А. Абрамович сетовал на «метод некоторых зарубежных писателей, сценаристов и кинорежиссёров, ориентирующихся на изображение «потока жизни» со всеми случайными, характерными и нехарактерными, взятыми в большей мере вне типизации характеров и обстоятельств, в которых они выступают»: «Влечение к «потоку жизни» приводит лишь к созданию во многом натуралистических зарисовок...».

Рассказ «Полметра до катастрофы» возбудил интерес многих критиков. При поступлении в Литинститут именно его отдал В. Чугунов на творческий конкурс, получил благоприятный отзыв и был принят в институт на ура.

Абрамович увидел в рассказе тему крушения души с дальнейшим её возрождением. В полёте мысли он возвестил о том, что это и есть главная тема писателя, которая прослеживается во всех его произведениях. Статья А. Абрамовича так и называется: «Мир сокрушает, мир создаёт». Если же посмотреть трезво, то никаких «крушений души», кроме как в «Полметра до катастрофы», не наблюдается. Возрождения нет и в данном рассказе.

Через пять лет после гибели В. Чугунова рассказ «Полметра до катастрофы» анализировал иркутский критик Борис Лапин («Трудные» рассказы Виктора Чугунова // «Огни Кузбасса». 1978. № 4). И вдруг в его красноречивом, как у адвоката по уголовным делам, рассуждении Володя Сергеев оказался «человечным», «честным, прямым, гордым, чуточку идеалистом», а правильный Лебедев «оборотистым, беспринципным делягой». Не стоило бы об этой статье упоминать, но она показывает, как далеко критика может выходить за пределы здравомыслия.

Наибольшим специалистом по В. Чугунову надо признать Евсея Цейтлина. Он высоко ценил творчество писателя-самородка. После его гибели Е. Цейтлин побывал в Междуреченске, изучил личный архив Виктора Александровича и дал итоговую статью в «Сибирских огнях» (1979. № 6) – «Послесловие к недопетой песне: страницы жизни и творчества». В ней есть некоторые биографические сведения, выдержки из дневника писателя, пересказы сюжетов новелл и их отдельные характеристики.

Е. Цейтлин заметил, что рассказ «Полметра до катастрофы» полемически направлен против «звёздных мальчиков», населявших в 1960-х годах «исповедальную прозу».

Тему крушения и возрождения души Е. Цейтлин трактовал в инерции формулировки А. Абрамовича: «Эта тема станет одной из главных в творчестве Чугунова. Тема крушения и возрождения человеческой души. Тема созидания личности на развалинах иллюзий». Однако эта надуманная Голгофа с воскресением вместе ни одним примером не подтверждается. Если уж требуется обобщить весь душевный оркестр чугуновских персонажей, то это обычные люди, причём чаще всего из самой народной гущи, которые преодолевают сложные обстоятельства благодаря высоким, а то и надчеловеческим идеалам, совершая подчас невероятные с точки зрения обыденности поступки. И за ними, идеалами, ощущается бесконечная громада советского государства. «Скотина я, а не государственный человек!», – сокрушается Емельянов из уже не раз упомянутого здесь рассказа. Емельянова угнетает то, что он говорит о работе, а думает в это время о Нине Васильевне.

При всём пафосе прославления труда в СССР и потоке производственных романов решение темы труда у В. Чугунова настолько своеобразно и настолько жизненно пересекается с темой любви, что это позволяет говорить об уникальном литературном феномене.

В одном месте «Послесловия к недопетой песне» Е. Цейтлин мимоходом замечает: «Работа и любовь, по Чугунову, это две неизбежных, «на все времена», темы искусства. Работа и любовь – это и была главная тема его собственного творчества. И он сознавал это. Сквозь призму «работы и любви» Чугунов видел и историю человечества, и его будущие дали». Цитата из дневника писателя подкрепила приведённую мысль: «Любовь и работа, работа и любовь – это прошлое, настоящее и будущее. Каким будет труд через двести лет? Как будет счастлив Тургенев 2272 года, который опишет восторженную, мучительную и сладостную любовь к труду!» (29 января 1972 г.).

При жизни Виктора Александровича толстые журналы не хотели брать его произведения. Ему удалось напечатать лишь повесть «Таёжина» в «Молодой гвардии». Большую роль в посмертной судьбе его творчества сыграла книга Е. Цейтлина «Жить и верить. Документальное повествование о Викторе Чугунове, шахтёре и писателе». После выхода книги в свет московские и даже одно берлинское (ГДР) издательства опубликовали многое из наследия нашего земляка.

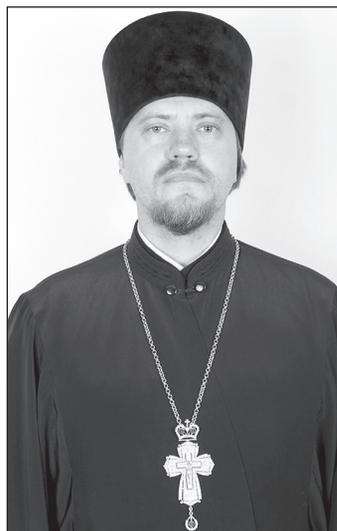
Евсей Львович Цейтлин жил в Кемерово, преподавал в КемГУ советскую литературу и давно уже обосновался в США, редактируя чикагский еженедельник «Шалом».

О. ДИОНИСИЙ (ЗЛОБИН)

ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ В КРЕМЛЕ

(Главы из романа
«На реках вавилонских»)

С любовью к родному Отечеству
и Русской Православной Церкви

В ознаменование 73-й годовщины со дня возведе-
ния на Московский Патриарший престол
Русской Православной Церкви
Блаженнейшего Сергия (Страгородского),
митрополита Московского и Коломенского,
в честь 70-летия со Дня Победы Советского Союза
в Великой Отечественной войне;
посвящается

Святейшему Патриарху Московскому
и Всея Руси Сергию,

Святейшему Патриарху Московскому
и Всея Руси Алексию,

Святейшему Патриарху Московскому
и Всея Руси Пимену,

Святейшему Патриарху Московскому
и Всея Руси Алексию II,

Митрополиту Николаю (Ярушевичу),
Митрополиту Луке (Войно-Ясенецкому),

Митрополиту Никодиму (Ротову),
протоиерею Николаю (Колчицкому);

всем, кто стоял у истоков возобновления
деятельности издательств Московской
Патриархии, научных церковных школ РПЦ,
Отдела внешних церковных связей МП,
образующихся епархий на канонической
территории Русской Церкви;

119

кроме того,
архимандриту Алипию Псково-Печерскому,
архимандриту Иоанну (Крестьянкину),
архиепископу Софронию (Будько)
и всему собору новомучеников и исповедников
Русской Церкви, пострадавших в лютую годину
гонений;

а также
всем, кто сражался на поле брани
в годы Великой Отечественной войны,
всем, кто ковал в тылу Великую Победу;
участникам обороны города Ленинграда
и блокадникам.

V

На закате третьего сентябрьского дня иерархи
Сергий, Алексий и Николай, три секретаря от каж-
дой митрополии были доставлены в Кремль, где их
встретил Карпов. Полковник, одетый по офицер-
скому уставу, кратко проконсультировав священ-
нослужителей, провёл их в кабинет Сталина. По до-
роге возник вопрос, как следовало бы обращаться
архиереям к вождю. На что Карпов весомо заявил:

– Обращайтесь так: «товарищ Сталин», можно
«товарищ маршал Советского Союза». Формули-
ровки такого рода, как «ваше превосходительство»,
«милостивый государь», не уместны.

Злобин Денис Васильевич родился 30 декабря 1974 года в городе Балаково Саратовской области. Окончил школу в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области, в пос. Никитинский, затем СПТУ № 38 и получил специальность подземного машиниста. В 1994 году возведён в сан диакона, а в 1996 году – в сан священника. Служит в пос. Крапивинский. Инициатор строительства храма в честь святителя Николая Чудотворца, который теперь является визитной карточкой райцентра. В 2005 году окончил обучение в Тобольской Православной Духовной Семинарии. Священник Дионисий является автором нескольких акафистов и летописи Никольской церкви в Крапивино. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Живёт в пос. Крапивинский.

Они, бледные, с напряжёнными лицами, просидели у дверей битый час, когда из кабинета вышли военные чины во главе с Жуковым. Жуков и все офицеры, поздоровавшись с архиереями, не могли скрыть удивления от такой встречи. Потом удалились. Дверь распахнулась вновь, и архиереи во главе с Карповым вошли в просторный кабинет, в центре которого стоял огромный стол. Окна были задрнуты. На стенах портреты – Сталина, Ленина (и где они вместе запечатлены) и огромная евразийская карта, вся исчерканная химическим карандашом и усеянная магнитными флажками и фишками. Офицер движением руки потянул верёвочную кисть, и ширма, словно театральный занавес, сокрыла за собою полотно. От дальнего края стола отделилась фигура и направилась к вошедшим иерархам. Это был Сталин. Карпов вытянулся в струнку и отдал ему честь, и архиереи тоже невольно выпрямились. Полковник произнёс титулы каждого архиерея. Сталин пожал им руки, удостоив улыбкой, и пригласил к столу. Он поместился в центре, а архиереи расположились по левую руку от него. Напротив них сели Берия, Молотов и Калинин. Сталин после некоторой паузы заговорил первым спокойным тоном и с ярко выраженным кавказским акцентом:

– Ваши Высокопреосвященства, уважаемые архиереи и руководители Русской православной церкви, я рад вас видеть в добром здравии и хочу в разговоре с вами коснуться многих вопросов о духовной и организаторской работе церкви, от решения которых зависит будущее религиозного народа и нашей страны в целом.

Архиереи с большим вниманием и участием следили за каждым его словом и жестом. Сталин озвучил все тезисы, о содержании которых они заранее были осведомлены и Карповым, и Метревели-Томищевым. После пространной речи Сталин попросил митрополитов озвучить свое мнение. Первым выступил Сергей Страгородский. Он выразил слова благодарности за возможность говорить и лицецереть вождя, сказал, что церковь всецело поддерживает страну в борьбе с фашизмом и молится о победе советского воинства. Он поддерживает каждый тезис Сталина, и церковь готова работать с руководством страны. Сталину его слова понравились, возражений он и не ждал. Потом вступил в разговор митрополит Алексей Симанский, который должен был коснуться трудной темы кадров церкви.

– Видите ли, многоуважаемый товарищ Сталин, – говорил он и ловил себя на том, что от внутреннего напряжения слово с трудом вяжется на устах, – всё, что вы озвучили, мы всецело поддерживаем. Возродить административные ресурсы церкви нужно, возобновить работу приходов, церковных издательств и школ надо. Обозначить дипломатическое присутствие Русской церкви на

межрелигиозной мировой арене следует, но как мы можем всё это осуществить, когда у нас отсутствуют кадры, когда нет людей, хотя бы для того, чтобы собрать собор и как избрать патриарха.

Он сказал, и другие митрополиты испуганно потупили глаза, ожидая реакции Сталина. Вождь, впрочем, не растерялся. Он со свойственной ему улыбкой применил свой излюбленный приём, избрав на лице удивление, растерянность и, оглядев всех, спросил:

– Как же так может быть? А куда подевались ваши семинаристы, выпускники академий? Куда же подевались некогда воспитанные вами кадры и молодое поколение?

Повисла тишина. Кровь стучала в висках архиерейских. Молотов и Калинин, потупив взор, безмолвствовали, предвкушая казус, если не скандал. Берия пристально изучал лица архиереев. Сталин улыбался и ждал ответа. «Что ему сказать? – напряжённо думали митрополиты. – Ведь вы же сами, товарищ вождь, арестовали и сослали все наши кадры. Но так в лицо ему говорить нельзя. Так заявить – означает погубить всё дело и разговор, а следовательно, нанести урон себе и церкви. Так что же ответить ему, когда разговору невозможно дать другое направление?»

– Видите ли, дорогой Иосиф Виссарионович, – нашёлся митрополит Сергей Страгородский, силясь улыбнуться, – мы воспитываем семинаристов, но они становятся маршалами Советского Союза.

Сталин рассмеялся, и все улыбнулись. Вождю ответ митрополита очень понравился. На сердце у всех отлегло, даже у Молотова и Калинина.

– Не будем влиять, товарищи архиереи, – через минуту говорил Сталин, – я знаю, о чём вы думаете. О том, что большая часть духовенства нами арестована и разогнана. Так? Именно так! Чтобы устранить между нами недоразумение, я хочу сказать арабскую поговорку: *«Время собирать камни»*. Настало время объятий, поскольку время уклоняться от объятий мишло. Так, кажется, сказано в Святом Писании?

– Так и сказано! – подтвердили в один голос митрополиты.

– Подготовьте список священнослужителей и мирских лиц, которые подлежат амнистии. Список передайте Карпову.

– Некоторых, товарищ Сталин, мы уже отпустили, – включился в разговор Берия, – Войно-Ясенецкого, к примеру, который является профессором хирургии. Так же мы освободили профессоров Богоявленского, Метревели-Томищева и других. Они в ближайшее время поступят в ваше распоряжение, товарищи архиереи.

– Это тот хирург и священник в одном лице, который совершает чудо-операции на глазах?

– Да, товарищ Сталин.

– Ну, вот видите, товарищи иерархи, вопрос уже решается, – развёл руками Сталин.

– Список мы приготовили, – отозвался Алексей Симанский, – тут же и передаю. Возьмите, товарищ полковник.

– Скажите мне, сколько вам нужно времени, чтобы избрать патриарха Московского? – обратился к архиереям Сталин.

– Думаю, месяца три-четыре, – отозвался митрополит Сергей. Эту тему по соглашению архиереев должен был обсуждать именно он.

– Категорически не согласен, владыка Сергей, – возразил Сталин. – На дворе война, решения нужно принимать быстро, по-военному. Грести на веслах нужно так, чтобы было видно ватерлинию. Не могли бы вы организовать соборное церковное собрание быстро и оперативно, так сказать, большевистскими темпами?

Сталину нужен был Московский собор. Он нуждался и в наличии Московского патриарха. Хотя видел роль церкви для внутреннего государственного порядка достаточно косвенно. Но ничто не могло укрыться от его дипломатии. В косвенных, мало влияющих на обывателя событиях он видел чёткое слабое место в огромном и сложном уравнении, которое ему надлежит вывести в единую сумму и так решить все задачи. Сталин и его окружение жили последнее время ожиданием Московской (октябрь) и Тегеранской (декабрь) конференций, которые должны повлиять на ход войны и которым надлежит создать антифашистскую коалицию из многих стран. А это означало, что не за горами открытие союзниками второго фронта. И это обстоятельство будет декларировать обязательства союзников как в военной перспективе, так и в гуманитарной. Главы союзных стран, такие как У. Черчилль (Сталин знал), не торопятся брать на себя обязательства, а потому ищут повод найти в Советском государстве изъяны, чтобы упрекнуть за отсутствие демократии. И глава Великобритании знал ущемлённое положение церкви в России, а потому в действиях Кремля мог поставить всем на вид факт ограничения свобод религиозных организаций, даже упрекнуть в этом идеологию коммунизма, уведя разговор в другое русло, постараться размежеваться. (Об этом Молотова предупредил в откровенной беседе примас-епископ Англиканской церкви.) Сталин полагал лишить такого козыря премьер-министра Великобритании. И поэтому следовало показать всему миру, что религиозные институты в Советском Союзе существуют, сохраняются и даже процветают. Да, собор нужен Москве чрезвычайно, ибо в октябре начнётся конференция. И патриарх генеральному секретарю нужен.

– Товарищ Сталин, если хотя бы определённое количество архиереев, зафиксированных нами в этих списках, надеющихся на амнистию, прибудут в

наше распоряжение в ближайшие дни, – включился в разговор митрополит Николай Ярушевич, – то мы проведём заседание Синода и собора в текущем месяце. Я думаю, никто из нас, здесь присутствующих иерархов, не возражает.

И митрополиты с ним согласились. Затем со Сталиным обсуждали другие рабочие вопросы. Карпова Сталин назначил быть руководителем комитета по сотрудничеству правительства с церковью. Положительно были решены вопросы материальных потребностей церковных высших школ и издательств и многое другое. Сталин всё одобрил, тут же на месте распорядился, чем вызвал большое восхищение и воодушевление у архиереев. Он лично проводил всех архиереев через галерею до самой лестницы, где на прощание пожал им руки. По дороге он даже осведомился о здоровье митрополита Сергея. Почему он обратился к Сергию Страгородскому, сложно сказать. Может, в разговоре он почувствовал, что именно Сергию святые отцы отдавали уважительное главенство, мнение которого для них было если не решающим, то, по крайней мере, весомым. Возможно, Сталин намекал всем им, кто из них ему более предпочтителен в качестве патриарха и первосвятителя. Впрочем, гадать и не следовало бы, потому как Страгородский выглядел довольно усталым и болезненным.

Когда они покинули Кремль, город давно спал под покровом тёмной ночи. Лился сильный сентябрьский дождь, тарабаня струями по крышам домов. Ручьи бежали по асфальту в сторону набережной. Поднимался тёплый влажный пар, окутывая собою скверы, вспыхивал белым молоком вокруг фонарных столбов.

VI

Действительно, владыка Сергей устал больше всех. Внутреннее напряжение и большая работа ума отняли много душевных и физических сил, и он, добравшись до своего номера в митрополичьей резиденции, устал рухнул в кресло. Митрополиты Николай и Алексей находились рядом, склонившись над ним, восторженно обращались. Алексей ото-слал помощников и сам передал бокал с водой владыке. И когда Страгородский возблагодарил Бога и отслужили молебен. Невзирая на глубокую ночь, заняли места за круглым столом, не скупясь в замечаниях и впечатлениях, стали воспроизводить в мельчайших деталях минувший разговор в Кремле. По горячим следам принимали решения, обсуждали вопросы, как будут возрождать церковь. Подле них потом стояли секретари, получали непрерывные команды, указания и многократно выбегали в другие кабинеты, приносили бумаги, документы. Одним словом, митрополия загудела, заработала. Воодушевление передалось всем.

– На своём веку, – позже говорил Сергей Страгородский, когда намеревался отдохнуть в своих покоях, – я встречался со многими политическими и историческими фигурами. Общался я со Столыпиным и Витте, императором Николаем и императрицей Александрой, её сестрой – святой матушкой Елизаветой Фёдоровной и противоречивым Распутиным, но Сталин оставляет в памяти особенное впечатление. Действительно, это огромная фигура. Человек большого ума, чрезвычайно искусен в хитрости и непредсказуем. С ним шутить нельзя. Мы, святые отцы, имеем дело с очень сложной фигурой. Призываю вас быть очень осторожными и рассудительными. Работать с ним – значит плыть на корабле среди рифов. Кормчим на нашем корабле должно быть самому Господу. Пусть он нас и вразумит.

Легли почивать, чтобы хоть сколько-то восстановить силы, почти утром. И даже в постели, отдаваясь тёплой неге, митрополит Сергей долго не мог уснуть. Он слышал, как в соседних комнатах, что-то бормоча, укладывались ко сну его владыки. Чувства так и переполняли его. Голова болела.

Он вспомнил детские годы. Как легко ему было тогда и радостно. Сколько впечатлений переживала его душа, когда со своими любимыми родителями он посещал монастыри в Пскове, Новгороде. Как из родного Арзамаса путешествовали они в Крым. Его отец был хорошим священником. Припомнил, как собирались всей семьёй за обеденным столом, вспомнил запах пирогов и восторженные аплодисменты родителей, гостей, когда мама вносила кушанья. Никто так не умел делать пироги и сладкую белоснежную ванильную пасху из творога, как родная мама. Он в младенческие годы обширные двери, вводящие в залу большой квартиры, воображал царскими соборными вратами. По краям этих дверей развешивал портреты родных и архиереев, воображая иконы. Так двери и стены по обе стороны превращались в иконостас. И он, облекшись в мантию из пурпурных маминих штор, с нанизанными на неё многочисленными колокольчиками и бубенцами, держа серебряную кадильницу, некогда подаренную ему игуменом Суздальского монастыря, хаживал, кланялся и пел, воображая себя архиереем. В таком одеянии его обнаруживала маменька, целовала в лобик и разоблачала из покрывала. Его мама умерла рано. Он вспомнил, как в юные годы встречался со святым старцем Иоанном из Кронштадта. Как светились глаза этого священника, сколько силы и любви ощущалось в его словах! О, как в молитве пламенел тот старец верою! Вспомнил он свои поездки в Японию, где работал в составе русской миссии. Тогда японцы проявляли большой интерес ко всему русскому – литературе и православию.

Но позже мир переломился пополам. Одна половина, где обитали родители, старцы, друзья, рух-

нула, оставшись в безвозвратном прошлом. Он очутился в другом мире, где предстояло ему жить и трудиться, где царили беды, тревоги, скорби и растерянность. Хотя и в этом мире на жизненном пути ему повстречались друзья и старцы, но все они изнемогали под ударами трагической судьбы, прогибались под натиском безбожной власти. Много лиц заволокло холодным снегом, безвозвратно сокрыло в объятиях суровой земли. Они в преимуществе своём остались верны церкви, духовным идеалам, а потому лишились свободы и права на жизнь. Он сам готов был влиться в русло этой скорбной реки мучеников и исповедников и неоднократно переживал аресты, но слышал внутри себя голос, повелевающий сделать всё, чтобы уберечь от краха церковь, говоривший, что у него иной крест и что для начала нужно уберечь самого себя. На него легла тяжёлым бременем ответственность за судьбу израненной, изувеченной и всё же святой церкви. Теперь не он нуждался в защите церкви, а она нуждалась в его поступках и трудах. Безбожники напирала на церковь со всех сторон. И он вынужден был делать уступки за уступками. Подписывал документы, в которых дозволялось закрыть одну святыню за другой, лишь бы не расстреливали пастырей и переданное им словесное стадо. Эти документы он подписывал не чернилами, а слезами, и просил неверных: «Только не пролейте кровь!». Чтобы хоть как-то спасти церковь, он вступил в общество обновленцев, наивно убеждая себя, что внутренний и внешний раскол церкви является одной из форм выживания церкви, но скоро разочаровался в собственном поступке.

Он вернулся в церковь, отрекшись от обновленцев, пронеся тяжёлое, развещающее его нутро покаяние. Вернулось и уважение духовенства, а самое главное, благодать Божия согрела и успокоила его сердце. Так ему показалось. Он много пережил. Он много повидал. Письмо об эмигрантах, названное «Декларация позиций церкви к Советской власти и эмиграции», которое он под давлением властей вынужден был в 1927 году сочинить, собственноручно подписать и собственнораслично озвучить в соборе, было верхом или, точнее сказать, гранью, за которой царилла область невозврата. Эта декларация послужила низжайшей степенью уничтожения его личности и церкви, печальным средством в том, как он сжигал мосты между россиянами, проживающими в родном Отечестве и в вынужденном рассеянии за границей. Писал так в угоду советской власти. Он написал и озвучил свое послание ради того, чтобы спасти немногих, оставшихся в живых, ради того, чтобы найти соприкосновение с Кремлём. «Пусть я погибну в истории церкви. Только пусть церковь останется живой!» – повторял он слова патриарха Тихона. Письмо его было воспринято неод-

нозначно и усугубило раскол в русском обществе и в среде церковных деятелей за рубежом. Он стал предметом нареkania со стороны многих выживших церковных деятелей и друзей. Были такие, которые от него отвернулись, но некоторые поняли, что поступок митрополита Сергия обусловлен отчаянным положением церкви в Отечестве. Даже Метревели-Томищев, на тот момент будучи в исправительном лагере, прочитав декларацию митрополита Сергия, некоторое время негодовал на него, но потом, обдумавши всё, смирился с той мыслью, что тот руководствовался данной ему советскими властями возможностью избежать арестов людей, верных ему и церкви, а потому печально успокоился. Митрополит судорожно делал всё, чтобы отвести гнев властей от церкви. И вновь шёл на уступки. Отодвигал тех архиереев, которые не нравились комиссарам, которые, как ему казалось, могли навлечь гнев руководства страны на церковь. Первых он смещал незамедлительно, как только на них указывало партийное руководство; вторых упразднял по собственному предвидению, не дожидаясь скандалов. В таких поступках он ни с кем не советовался. Он искренне полагал, что поступает правильно, согласно предлагаемым обстоятельствам. Иного решения он не видел. В результате многие люди из священноначалия от него отвернулись. Повсюду он терпел поражения от своих и чужих. Его называли узурпатором церковной власти, приспешником безбожной власти и разрушителем церковной жизни. На все обвинения обиженных людей, критикующих и ругающих его из-за границы, он отвечал: «Вам, избежавшим участи погибнуть от безбожной власти в исправительных лагерях, одеть бы мои галоши и взять местоблюстительский жезл. Вам следовало бы узнать, как тяжёл крест мой, ответственный за судьбу израненной, истерзанной Русской церкви в страшных условиях гонений. Вы, находящиеся в относительно покое, предлагаете всем русским архипастырям сегодня же лечь в сырую землю от руки гонителей. Но на кого, спрашиваю вас, предлагаете оставить Россию, церковь, народ, когда мы дошли до грани, за которой можно сказать: *нет более христианской России, нет более Христовой Русской церкви*. Вы предлагаете нам лечь в землю, воспроизведя к нам слово князя Святослава: *«Ибо мёртвые позора не имеют»*. Отвечаю категорически вам: данное определение, адресованное вами, бесполезно, и даже противопоказано современной церкви. Если мы сегодня же ляжем в сырую землю, то облечёмся в позор, ибо на кого мы оставим нашу церковь, кто из живых разделит скорбь русской паствы, кто станет печальником русской земли?»

Верхом унижения для митрополита Сергия послужила статья в газете «Правда» от четырнадцато-

го февраля тысяча девятьсот тридцатого года, так называемое его интервью как ответ русским эмигрантам, как реакция к воззванию Папы Римского *«Молитесь о гонимой церкви в России»*, которое он не давал советскому издательству. Статья была сфабрикована решением Политбюро и тем же Сталиным и вышла в свет якобы под его именем. Это была фальшивка, но митрополиту её опротестовать не хватало ни сил, ни смелости. И он вынужден был в который раз промолчать и проглотить унижение. Все такого рода переживания надорвали здоровье и нервы митрополита Сергия, но он силился и всё делал для того, чтобы сохранить церковь и её людей, а потому долго плакал после встречи со Сталиным. Он ухватился за ту спасительную ниточку, которую предложил Сталин церкви. Он увидел в жесте руководителя страны возможность не только сберечь церковь, но перетянуть государство на сторону правды.

Возродить церковь на фоне сталинской России – вот задача, которую он поставил перед собою и верными ему людьми. «А далее сам Бог исправит и изгладит все неровности и разрушит средостения», – иначе рассуждать он не мог. Вот его историческое призвание. Ещё одно наблюдение не давало ему покоя. Почему Сталин в беседе чаще всего обращался именно к нему, что не могло ускользнуть от внимания других митрополитов. Может, Сталин осведомлён о том, что никто из митрополитов не имеет такого большого опыта печальных уступок, как он, Сергей, а потому и хочет видеть в нём безропотного патриарха? «А впрочем, подобного рода рассуждения можно отнести к бреду, – подумал Страгородский. – И обращался ко мне Сталин потому, что я ближе всех сидел к нему. Кроме того, я более семнадцати лет являюсь местоблюстителем патриаршего престола и вся церковная власть находится в моих руках, в чём генеральный секретарь не мог быть не осведомлённым. К кому же будет обращаться Сталин? Всё тем и объясняется».

Он тщетно силился уснуть. Река мыслей протекала через всё его сознание. Воспоминания и впечатления не давали спать. В груди неприятно ныло сердце. У него даже не было сил, чтобы гневаться на себя за неспособность уснуть и обуздать мысли и впечатления. Он осознанно не хотел смотреть на часы, чтобы не знать, как мало времени ему остаётся отдохнуть, хоть сколько-то поспать. Страгородский потянулся к электрическому выключателю. Внизу, на первом этаже, взвизгнул механический колокольчик, и через минуту приоткрылась дверь. Слабый свет от настольной лампы осветил профиль отца Арсения, келейника его. Арсений, дряхлый старец, посмотрел осоловелыми глазами и несмело спросил:

– Вызывали, Ваше Блаженство?

– Да, отче Арсений, принеси мне капель.
– Сердце прихватило?
– Прихватило.
– Сию минуту, святой владыка, – Арсений удалился, бурча себе под нос: «Прости, Господи! Поддай, Господи, всем нам здоровье и терпенье». И через минуту воротился с графинчиком и стаканчиком на подносе, когда чуть не налетел на митрополита Алексия Симанского.

Тот как будто его и поджидал.

– А, это вы, владыка Алексей? Вам тоже не спится?

– Всё не могу уложиться. С ритма сбился организм. А что, у местоблюстителя сердечко прихватило?

– Да. Вот накапал сердешных капель.

– Дайте-ка мне, братец, поднос. Я сам владыке снесу.

– Ваша воля. Возьмите, я здесь, у журнального столика подожду. Если прикорну, сильнее меня толкните.

Владыка Алексей оказался в номере у Страгородского.

– А, это вы, владыка Алексей? Проходите. И напрасно вы тревожитесь, – отозвался Сергей. Он уже поднялся и облачился в подрясник.

– Ничего. Я вам сам немного послужу. Позволите?

– Сделайте милость, как пожелаете.

Митрополит Сергей принял от владыки Алексия гранёный стаканчик.

– Благодарствую, дорогой владыка Алексей.

– Ослабли вы, отче Сергей. Не бережёт сердце.

– А кто в наше время бережёт сердце? Ничего, Бог управит. Мне бы уснуть, чтобы к утру силы были.

– Да, поспите.

– Вы, владыка Алексей, что-то хотели спросить?

– Верно.

– Спрашивайте.

– Видите ли, одна мне мысль не даёт покоя после всей этой истории, случившейся сегодня ночью.

– Что у вас на уме, излагайте.

– Мне не нравится конспиративный, секретный характер нашей встречи со Сталиным. Карпов был у нас ночью. Конспирация с этим Метревели-Томищевым. Встреча со Сталиным – тоже ночью. Всё сделано так, чтобы никто об этом не узнал. Такое ощущение, что нас как будто стесняются.

– Все ваши сомнения легко объяснить и развеять. Дело в том, что самый активный момент будничной работы Сталина, как мне рассказывали, распространяется на ночь. Таков его характер. Он не спит до утра, а потому вся страна по ночам встаёт на дыбы. Мы вот с вами пытаемся уснуть, а ведь он ещё бодрствует, и у всех начальников сейчас поджилки трясутся. Мы все давно по ночам бодрствуем, и вре-

мя на часах сменили. И ничего тут не поделаешь. Про конспирацию я вам возражу следующим образом. Только вам скажу по секрету: трудно осознавать нашему правительству, что оно в отношении нас было несправедливо. Гнали нашу церковь и ругали, уведомляя о том на всё советское общество, а теперь объявить обратное на весь мир очень трудно. Лучше по-тихому договориться с церковью, а нам от этого больше пользы. Мы долгие годы подвергались общественному порицанию, а теперь правительству и вождям, думаете, следует заявить, что были не правы? Не дожёмся. Да и нам не нужно их покаяния. Без покаяния мы с ними примиримся. Конспирация конспирацией, но сам Сталин благожелательно проводил нас до лестницы. Это хороший знак. Он сам выступил в качестве гаранта.

– Да. Жест хороший. Не буду возражать. Но вот что скажу, Сталин намекнул, что после избрания главы церкви Священный синод и, следовательно, сам патриарх должны руководить полнотой Русской церкви из Ульяновска. Я не очень понимаю, как можно руководить из Симбирска? Этот вопрос мы решим утром, но прежде заседания хочу поделиться соображениями. Вот о чём скажу и не стану кричать перед вами душой, святой владыка...

– Так-так, говорите, брат.

– Указав на Ульяновск, Сталин, по моёму мнению, намекнул всем нам, что именно вас, Ваше Блаженство, хочет видеть главою Русской церкви. Да-да! Не возражайте... Объясню свою мысль. Вы ведь по статусу административного государственного надзора остаётесь ссыльным? Ваше пребывание привязано к Ульяновску. Так, именно... так! Вас давно сослали в Ульяновск. Следовательно, статью пока не отменят. Если вы останетесь ссыльным, то и весь церковный аппарат вынужден будет работать в Ульяновске.

– Кто станет патриархом – решит созываемый нами собор, – возразил Страгородский.

– Конечно, так оно и будет. Но патриархом следует быть вам, святой владыка. Это моё мнение. Возможно, так полагает и он. Для меня это однозначно и ясно, но я хочу развить другую тему.

– Вы слишком торопите события, дорогой владыка, – отвечивал Страгородский, но тот как будто его не слышал.

– Что же получается? Если он решил вам, вошедшему на патриарший престол, и нам, верноподданному патриаршему жезлу, то есть Священному Синоду, управлять церковью из Ульяновска, то над церковью и над вами так и будет висеть статья? Вы ссыльный, следовательно, и мы ссыльные, и церковь в ссылке? Получается, что между государственным управлением и церковью будет дистанция?

– Бросьте, владыка Алексей. Вы стали мнительным. Сталин же сказал, что патриарх и Синод долж-

ны из Ульяновска управлять страной, потому что идёт война, а Москве грозит опасность. Следовательно, и Синоду...

– С этим я не могу согласиться, владыка Сергей. Москву фашисты не возьмут. Столица в наши дни находится в безопасном положении, живёт и развивается почти в мирном русле. Захватить Москву немцам невозможно. Изначально это была авантюра. Ленинград немцы не смогли взять, а Москву и подавно. Я же сам из блокадного Ленинграда. Здесь что-то другое думает Сталин. Простру скажу, что он стесняется нас. А насчёт статуса ссылки, который висит почти над каждым архиереем, скажу, есть у меня знакомые полководцы, что одерживают одну за другой победу над немцами и не сходят со страниц наших газет, хотя над ними и по сей день распространяется статус административной и уголовной ответственности. Они на фронте героически воюют с немцами, а на Лубянке и в Матросской Тишине папочками с их фотокарточками помахивают сотрудники госбезопасности и побивают ими о столешницу мух да тараканов. И куда эти дела не денутся. Будут лежать компроматами. Всё это означает для меня, что церковь после сегодняшней исторической встречи и после избрания патриарха будет оставаться со стороны властей гонимой. Гонения лишь только ослабнут на время войны.

– Что же вы этим хотите сказать?

– А что я скажу? Вам надлежит обрестись патриархом России. Трудно вам будет со Сталиным. Вы будете патриархом в статусе ссыльного.

– Я сам об этом много передумал, и ум, кажется, сломал. Только тогда мы удовлетворим чаяния Сталина, когда по некоторым тезисам, озвученным им же самим, покажем результат, то есть организуем материальные сборы для фронта, что, впрочем, мы уже делали, и не раз, установим дипломатические контакты со странами и поместными церквями и многое другое. И как Бог управит, так и будет.

– Да. Вы тысячу раз правы. Ну не стану вам мешать. Как удивительно схожа судьба русского народа с участью пленённых евреев, угнанных насильно и переселённых в Вавилонское царство. Внезапно оказанное нам внимание и доверие Сталина удивительным образом воспроизводит тему псалма «Плач Иеремии при реках вавилонских». Помните, Ваше Блаженство?

– Как же не помнить мне и вам! Вы остроумно подметили это сходство. А прочтите-ка мне этот псалом. Вы же помните псалом сто тридцать шестой?

– Помню, с удовольствием прочту и тотчас покину вас: *«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах посреди его повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселие: «Пропойте нам из песней Сион-*

ских». Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня, десница моя; прильпни, язык мой, к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего».

Он тихо и выразительно читал, опустив глаза, а Сергей Страгородский вспомнил, как вместе с духовенством во главе всех стоял он посреди храма с зажжёнными свечами и слушал эти святые и грустные слова ветхозаветной молитвы. Как многоголосьный поток мужского хора, пронзая тёмное пространство храма, вздымался к вершинам сводов, отражался от стен и икон и нисходил обратно, всех поглощал, лился из открытых дверей и окон. И так собор становился легковесным, как будто взлетал к небесам.

Симанский вышел в светлый коридор и закрыл за собою дверь. Подойдя к Арсению, нашёл его спящим за столом и растолкал.

– Идите, родненький, к себе да отдохните. Возьмите поднос, – митрополит всегда обращался на «вы» к старикам и молодым.

Тот не сразу сообразил. Смотрясь взъерошенной птицей, покачиваясь от воспалённой слабости, он принял поднос.

– Отец Арсений.

– Что? – с трудом соображал старый священник.

– Владыка Сергей велел всем нам собраться к полудню. Не будите его, как он указал. Пусть выспится до часу, а соберёмся-ка мы в обед. Пусть он отдохнёт. Скажите, что я распорядился. Понятно вам?

– Да, святой владыка. Простите и благословите, святой владыка.

– Ступайте да сами отдохните.

Отец Арсений направился к выходу.

– Пойдите, отец Арсений!

– А? Что? – встрепенул старик.

– Накапайте-ка мне, Арсений, того, чего владыке подали.

– Как изволите, святой владыка, – старик вынул из подрясника сердечные капли.

Оставшись один в тёмной комнате, митрополит Сергей силился уснуть. Воспоминания смешивались с вожденной дремотой. Вспомнились вновь неясно, вскользь любимые лица отца, матери, звонкий детский смех старших братьев и сестёр. Где вы, родные люди? Отчего так чудится детство? Отчего вы, родные, так стучитесь в сердце? Ушедшее, богатое на события и любовь, безвозвратно канувшее в Лету детство острее воспринимается сейчас, когда на пороге стоит глубокая старость. Он вспомнил Арзамас и всё, что связано с ним: скрип колёс за отцовским окном, гул напуганных беготней детворы гусей, дворник метёт мостовую, звон серебряных колоколов плывёт над домами. О, как сладостно об

этом вспоминать, как безмятежны были те годы! А сейчас стало так тяжело, и всё вздрагиваешь от каждого вдоха Москвы, озираешься по сторонам и думаешь: «Как бы ничего не случилось». Как трудно стало жить в современном мире, изменившемся до неузнаваемости. Как тяжёл крест первосвященника церкви. Этот крест порою прижимает его плашмя к земле, и он, поднимаясь с колен, шагает под тяжестью его, взгревая в сердце надежду о благополучном исходе, о счастливой ожидающей церкви будущего. Тогда со спокойным взором он произнесёт: «Слава тебе, Господи, за всё: и за радости, и за скорби!» А пока он, усталый, шагает по жизни, теряя друзей, соратников; одних – по причине возраста отошедших в мир иной; других – из-за государственных облав, несправедливых обвинений и этапов; иных – по недоразумению и несогласию, оставшихся в стороне и закосневших от нелепой обиды. Нет близкой души, кроме старого келейника Арсения и митрополита Алексия.

За окном, как будто вторя печальным его мыслям, вновь застучал крупными горошинами по стеклу дождь. Такой монотонный дождь – грустный собеседник, но в нём есть хорошее свойство, распространяющееся на слушателя, он навеивает здоровый сон. Архиерей почувствовал на сердце облегчение, и тепло разлилось во всё теле, мысли провалились в бездну, и он с удовольствием погрузился в сон, где ему снились родные, друзья, где нет тревог.

VII

Все последующие дни в здании бывшего немецкого посольства в Москве, упразднённого решением Сталина и немедленно переданного Русской православной церкви, закипела новая жизнь. Сюда в срочном порядке съезжались архиереи. Одни освободились от административного надзора, другие приехали из ближайшей ссылки, а иные амнистировались из лагерей. Последние, едва успев отмыться от лагерной пыли и сажи, выглядели несколько растерянно, смотрели и обращались со всеми чрезвычайно осторожно, говорили вполголоса, хранились и изо всех сил старались скрыть свою ущербность, отпечатавшуюся во внешнем виде и манерах. Лагерное прошлое передало им какой-то уникальный опыт. Некая усталость читалась в их поступках. Они выглядели солдатами, вернувшимися с войны, которые отвыкли от мирной жизни и долгое время не могли себе найти применения в русле тихих будней. Они напоминали больных, от которых отказались врачи, отчаявшиеся их спасти, вдруг необъяснимым чудом исцелившихся и вернувшихся к родным. Они ходили на птиц, что долгое время, преодолев тысячи вёрст, летели из южных стран, взгромоздились на крышах домов, растерянно соображая, как обустроиваться на новом месте. Они

стояли перед главенствующим митрополитом Сергием и не верили своим глазам, что вернулись к мирной полноценной церковной жизни, где их уважают, даже любят, прочтат дальнейшее служение, карьеру, где их мнение решающее и по-прежнему весомо. Как искренне радовались они новым встречам и оборотам их жизни, что свалились в полосу благоденствия. Среди них присутствовал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), профессор хирургии.

Приблизительно тридцать архиереев и священников собрались на заседании восьмого сентября тысяча девятьсот сорок третьего года. На соборе присутствовали и мирские граждане. Среди многочисленных помощников в качестве церковного юриста находился пожилой гражданин, с которым частенько консультировались митрополиты. На фоне многочисленных мирян он заметно выделялся по причине большого роста и рокочущего голоса. Это был Метревели-Томищев. Совещания проходили на очень высоком уровне, организованные *большевистскими ударными темпами*, как советовал Сталин. Выступили с докладами иерархи Алексей, Николай и местоблюститель патриаршего престола Сергей Страгородский, митрополит Московский. Первый озвучил нравственный и общественный облик современного пастыря в контексте новой России, сказал о духовной ответственности современного пастыря перед паствой, вверенной ему Богом, о патриотическом долге перед страной в трудные, опалённые священной войной дни. Второй озвучил программу возрождения церковных институтов, рассказал о встрече иерархов со Сталиным; о том, что государство ожидает понимания и поддержки со стороны церкви. Митрополиты блеснули ораторским искусством, и все, затаив дыхание, едва сдерживая восторг, слушали их. Третий докладчик, Сергей Московский, попросил мнения собора в решении вопроса о наименовании нового патриарха Русской церкви. Он заявил, что в данное время такое титульное определение, как «Патриарх Московский и Всероссийский», не может соответствовать новому облику страны, претерпевшей изменение в облике и внутреннем порядке, когда сама историческая Россия вошла в Союз Советских Социалистических Республик. Он предложил очень интересное и исторически верное определение, которое устроит, по его мнению, и религиозных людей, и руководство страны, и советское общество: «Патриарх Московский и Всея Руси». Собор предложение принял во внимание и охотно постановил называть будущего патриарха «Московским и Всея Руси». Потом архиереи избрали кандидатов на должность патриарха. Ими стали все те же вышеупомянутые иерархи. Митрополит Алексей Симанский не возражал выступить в роли кандидата на пост патриарха, но осторожно поделился соображениями, что са-

мым достойным служителем церкви является митрополит Московский и Коломенский Сергей, которого и желал видеть первосвятителем. Его заявление выслушали с пониманием. Голосовали тайно в следующий день заседания.

Архиерейский собор большинством голосов постановил быть патриархом для Русской Московской церкви Сергию Страгородскому. Когда его имя торжественно и победно озвучили, в дворцовой палате повисла тишина. Митрополит Афанасий, поднявшись, с нескрываемым восторгом произнёс результаты голосования:

– Освящённый собор по внушению Духа Святого постановил быть патриархом Московским Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, кандидату, набравшему большинство голосов.

Все участники собора устремили взор на местоблюстителя Патриаршего Престола высокопреосвященнейшего Сергия. Он, поднявшись, осмотрелся и дрогнувшим от внутреннего напряжения голосом произнёс:

– Звание патриарха и жезл первосвятителем Русской церкви на основании голоса освящённого собора приемлю и ничто же не глаголю вопреки!

– Великому господину и отцу нашему блаженнейшему Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, постановленному освященным собором Русской православной церкви от сего девятого сентябрьского дня в лето сие, быть патриархом Московским и Всея Руси, – неистовым басом, пронзая тишину, чеканил слова архиерейский собор, и все восторженно внимали ему. – Поддай, Господи, во здравии и благоденствии, честном жительстве праведно править Русской православной церковью, Священным Синодом и Священным собором над всею богоспасаемую паствою в пределах Московского патриархата на многая-я лета-а-а!!!

Все духовенство, все архиереи, миряне и вошедший в залу церковный хор запели в один голос, в одном восторге: «Многая лета!». И эта песня рвалась во все стороны. Стены дворца сотрясались. Дрожали люди. Содрогался воздух. Все присутствующие, начиная от митрополитов и до последнего диакона и мирянина, потянулись к Сергию, чтобы покорно поцеловать ему руку, а он стоял несколько растерянно, и по лицу его текли большими каплями слёзы.

Двенадцатого сентября, в день памяти благоверного князя Александра Невского, в кафедральном Богоявленском соборе, что в Елохове, состоялась торжественная интронизация митрополита Сергия в патриархи. Архиерейский хор многократно ещё пропел «Многая лета» в честь нового патриарха. И всё духовенство принесло ему присягу. За торжественным столом озвучили поздравительную телеграмму от Сталина в адрес Русской церкви и нового патриарха Сергия, которая была воспринята всеми радостно. И долго не смолкали аплодисменты. Патриарх Сергей после прочтения телеграммы настоял, чтобы все подняли и осушили свои бокалы за дорогого нашего товарища Сталина. И вновь загремела в адрес вождя советского правительства и народа Иосифа Виссарионовича многоголосая песня «Многая лета». Второй бокал пили за новоиспечённого патриарха, третий – за Красную армию.

127

В дальнейшем архиерейский собор во главе с патриархом приступил к своей работе. Собор постоянно пополнялся приезжающими из ссылок священнослужителями. Архиереи определили шаги многосторонней работы церкви как в советских республиках, так и за рубежом.

В ведущей советской газете, на последней полосе, была напечатана маленькая записка об избрании в Москве нового патриарха.

Александр ШУРАЕВ

ОТЧИЙ ДОМ НА ОРЛОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Моё детство прошло в деревне Ново-Поветкино, в 30 километрах от Орла. Родился я в самую страдную пору – 11 августа (1929 года).

Вот что я мог видеть из своей колыбельки, подвешенной к потолку. Самое крупное сооружение – это, конечно, печь. Она занимала много места и служила местом обитания для всего живого в доме. На печке спала постоянно бабушка и, немного повзрослев, я тоже.

В закутке возле печки, сразу от входной двери, в зимние морозы содержались новорождённые телята и ягнята. Так было интересно, проснувшись на тёплой печи в морозное утро, обнаружить живое существо – телёнка! Стоя на слабых ногах, он пытался дотянуться до того, что можно жевать. Не уследишь – и сжует, что подвернётся: рубаху, полотенце...

На полке над закутком зимой хранился лук, а летом созревали помидоры. В «печурках» (треугольных углублениях по бокам печки) сушились варежки, носки, портянки и другие мелкие вещи. У печной трубы в суконной тряпочке хранились вилки (чтобы не ржавели).

Топили печь в основном соломой. На кирпичный под (пол печи) ставили разного размера чугунные сосуды с облицованной внутренней поверхностью (чугуны) с приготовляемой пищей или водой для поила скоту. Между ними засовывали пучки соломы. Она быстро сгорала, и приходилось непрерывно отправлять в печь всё новые порции.

Около печи стояли кочерги и ухваты или, как их у нас называли, рогачи. Этими рогачами подхватывали и задвигали в печь чугуны. Был ещё «каток», деревянный цилиндр, который подкладывали под рукоятку ухвата, чтобы перемещать тяжёлые чугуны. Печь долго сохраняла тепло. Летом её топили очень рано, причём пища сохранялась тёплой до позднего вечера.

Целым событием была выпечка хлеба. От предыдущей выпечки в глиняном кувшине сохранялась опара. Мать и бабушка время от времени нюхали её, определяя качество. Из ржаной муки в деже (низкой деревянной кадке) заводилось тесто, мука с закваской-опарой тщательно вымешивалась руками. Дежа закрывалась холстиной и шубой, перевязывалась верёвкой и оставлялась до утра в тёплом месте. Слышалось, как пытит, бродя, тесто.

Печь для выпечки хлеба очень жарко топили дровами. Под тщательно выметали и на широкой деревянной лопате, обсыпанной отрубями, сажали большие колобки, штук шесть. Иногда под них подкладывали листы капусты. Через определённое время огромные (по 3–5 кг) ковриги вынимали, укладывали на лавку и укрывали рушником. Какой аромат стоял в избе! Одной выпечки хватало недели на две.

А какой вкус у свежего (да и чёрствого) хлеба, особенно горбушки, натёртой чесноком и посыпанной крупной солью! С таким куском бегали мы, ребятишки, встречать стадо, угощая им своих коров. Правда, родители нас за это ругали. Есть полагалось дома.

Настоящим лакомством считался белый, пшеничный, хлеб, который отец изредка привозил из города. Хлеб белый, полубелый, пеклёванный, сайки, крендели, баранки – просто объедение с молоком.

Справа от печи стояла кровать родителей, а через узкий проход, уже у наружной стены – кровать, на которой спала моя старшая сестра Нина.

Большое место в избе занимала грубка. Это отопительная печь, названная, как я совсем недавно узнал, по имени немецкого инженера Грубера. Облицованная белым кафелем, она выглядела очень нарядно. Топили её тоже в основном соломой. Сидя зимой у этой тёплой печки, я слушал редкие рассказы отца о войне, знаменитом Брусиловском прорыве, о Будённом, Ворошилове и Щаденко, которых он видел, когда служил в Первой конной армии.

Грубка делила избу на две части. Место от входной двери до неё считалось кухней. Там стояли стол под окном, ведро с водой у самого порога и лохань или таз. Над лоханью умывались, поливая на руки из ковшика или кружки. В углу на полке сиял самовар, который к праздникам бабушка чистила до зеркального блеска суконкой с кирпичной пылью.

Больше всего пространства приходилось на горницу с двумя окнами. В красном углу висела икона в окладе, кажется, Богородица. Перед иконой зажигалась синяя лампадка. Бабушка перед едой и перед сном всегда молилась.

Вдоль стен стояли широкие лавки. И здесь же – обеденный стол, покрытый клеёнкой, над ним была подвешена семилинейная керосиновая лампа. При её ярком (как тогда казалось) свете долгими зимними вечерами дети готовили уроки, а взрослые занимались рукоделием.

Зажигание лампы составляло целый ритуал. Делал это обычно отец. Он встряхивал ёмкость, проверяя наличие керосина. Тщательно чистил, тёр бумагой закопченное стекло («пузырь», по-нашему), настраивал яркость свечения. Если ждали кого-то поздно, то лампу не гасили, а уменьшали свет.

Пол у нас был деревянный, но не крашенный, шишковатый из-за сучков. Подметали его веником из полыни, а к праздникам скребли большим ножом – «косарём» (им ещё и лучины щепали для разжигания самовара).

Кроме лавок, мы имели несколько табуреток. Любимым моим занятием было делать из табуреток поезд и возить его по полу. Мать, всегда больная, слабым голосом просила меня не шуметь. А я страдал от скуки. Ведь я последний в семье, разрыв в возрасте с Ниной больше пяти лет. Вот и искал себе развлечения.

Очень большой интерес вызывал у меня buffet, где хранилась чайная посуда, сахар, чай в красивых жестяных баночках. А больше всего меня влёл фруктовый чай. От него можно было незаметно отламывать кусочки и наслаждаться вкусом сухих груш, слив, малины.

Интриговал меня и сундук, в котором хранились таинственные предметы – цветы из воска, украшения к свадебной фате, бисер, стеклярус, серёжки. Всё это лежало в специальном боковом ящичке. А на дне сундука – какие-то атласные и бархатные вещи, вышитые полотенца (рушники). Крышка, оклеенная изнутри картинками из журнала «Нива», захватывала воображение. Особенно мне запомнились изображённые типы народов, населяющих Россию. Сами названия казались мне странными: черемисы, вотяки, мордва.

У окна, что смотрело прямо на восток, висел отрывной календарь. Отец всегда проверял время восхода солнца по календарю и тут же поправлял время, переводя стрелки на часах-хо-

диках, тикавших рядом на стене. На циферблате радовала глаз красивая картинка с деревенским пейзажем.

Часы в случае поломки чинила мать. Она мыла весь механизм в керосине, для регулирования хода подвешивала к гирьке разные предметы (чаще всего это были ножницы).

Другая стена, южная, предназначалась для семейных фотографий, в рамочках, под стеклом. На одной из них – я с отцом и матерью, в возрасте семи лет, когда впервые ездил в Орёл, где мы и сфотографировались.

Стены избы и даже потолок были оклеены газетами. Читать я научился (лежа на печи) по заголовкам «Известий» и «Пионерской правды». Запомнилась фотография М. Горького в гробу и членов Политбюро в почётном карауле.

Книг у нас скопилось немало. Отец привёз после демобилизации из Первой конной армии целый мешок. Подшивки журнала «Нива» за годы Первой мировой войны, тома «Войны и мира» Л. Толстого в кожаных переплётках с золотым тиснением... «Тихий Дон» М. Шолохова мы приобрели позднее. Жуткое впечатление произвёл на меня эпизод казни подтёлковцев в романе.

Читал я и Гоголя. Сидя вечером, в сумерках с «Виём», я от страха выбежал дочитывать повесть на улицу.

Газет в нашей семье выписывали много: «Известия», «Социалистическое земледелие», «Пионерскую правду», «Орловскую правду», районную газету...

Чем же занимались обитатели дома? Летом, конечно, работой в поле и огороде. А зимой мать, бабушка, сестра Нина сидели за рукоделием. Пряли на деревянной прялке нити (пряжу) из овечьей шерсти («волны», как называли у нас). Мне нравилось крутить колесо прялки, за что меня нередко наказывали, так как я мешал работать. Из шерстяных ниток вязали варежки, носки, а из тонкой пряжи – шали. Из пеньки тоже пряли нити. Из этих толстых нитей вязали «карпетки». Это такие лёгкие чуни или тапочки для ношения летом. Отец из пеньки делал верёвки разной толщины в зависимости от потребностей.

Не последнюю роль в нашем крестьянском быте играл и ткацкий станок. На моей памяти его монтировали из хранившихся на чердаке деталей. Он занимал большую часть горницы. На нём в мою пору ткали дорожки для пола, а раньше полотна для полотенец, скатертей, нижнего

белья и т. д. И мне приходилось донашивать домотканые штаны, ходить в школу с домотканой сумкой.

Наша семья считалась обеспеченной. А как же! Только мы в деревне владели патефоном, и никто в семье не носил лапти или чуни. Все ходили в валенках, и подшитых, и с галошами. Все носили овчинные шубы. Выделывал овчины отец. Он обрабатывали их чем-то очень кислым (квасцами), скоблил с помощью специального крюка. Шили шубы для семьи у нас дома. Приглашали скорняка, и он строчил на нашей швейной машине «Зингер».

Я, самый младший, донашивал одежду старших. Когда я однажды в пальто не по росту явился на колхозный ток и стал размахивать длинными рукавами, кто-то из мужиков воскликнул: «Вот петух латынский явился!». Почему именно «латынский», не знаю, но прозвище надолго пристало ко мне.

Питалась семья скромно. Обычно на первое подавались суп картофельный или щи с «затолочкой». Это значит, что в супе (или щах) варилось мясо. Оно отделялось от костей, тщательно измельчалось (толклось) и вновь возвращалось в общую ёмкость. Таким образом, каждый получал в свою чашку небольшую порцию мяса.

Сливочное масло ели не каждый день. Я лакомился маслом в награду за труд. Оно сбивалось из сметаны в глиняной кринке. Горловина затыкалась пробкой из чистой холстинки, и на колене кринка долго встряхивалась. По звуку определяли, что масло сбилось в комок. Ну а награда была в том, что толстым слоем масла намазывался кусок хлеба. Очень вкусно! Летом делали окрошку. На второе часто готовили картофельную запеканку: толчёную картошку на сковороде, сверху обмазанную яйцом и запечённую в горячей печи.

Помню гречневую кашу с молоком. И ещё кулеш из пшена. Только по праздникам варили холодец. В сенях зимой стоял ящик с солёной хамсой («камсой», говорили у нас). Оказывается, камса – вполне литературное слово, а вот то, что модные ныне анчоусы и камса-хамса – одно и то же, я узнал совсем недавно. Это было лакомством для нас, особенно для Нины. Она могла есть эту камсу и после чая.

Не помню, чтобы часто появлялись на столе яйца, кроме, конечно, Пасхи. Вот когда я болел, меня лакомили гоголем-моголем: яйцом всмятку с молоком.

До войны я не имел понятия о сыре, колбасе, шоколаде. До сих пор помню, какое удовольствие доставляли конфеты-подушечки с начинкой из джема. Их долго сосёшь, а потом языком извлекаешь из серединки джем. Сахар был большим дефицитом. Покупали «головку» сахара, завернутую в синюю бумагу, весом, наверное, не меньше килограмма. Её раскалывали сначала на большие куски, затем специальными щипчиками кололи на мелкие кусочки. Когда пили чай, каждому выдавалось несколько таких кусочков. Обычно я выпивал чай без сахара («вприглядку») и, зажав в кулаке белые осколки, залезал на печь, где продлял удовольствие.

Гости у нас бывали нечасто. Запомнились уполномоченные из района, которые приезжали проверять работу отца, председателя колхоза. Их всегда угощали. Стол сервировался: ставились тарелки, подавались вилки, которыми в обычные дни не пользовались (и первое, и второе ели деревянными ложками). На стол подавалось самое вкусное. И, конечно, холодец с горчицей, как главная закуска к выпивке.

Никто в деревне не имел бани. Мы мылись в корыте. Не существовало и туалета. Отхожее место находилось в хлеву, а чаще справляли нужду, подыскивая укромное место под кустом или где-нибудь за углом.

Бельё стирали дома в корыте, а полоскать ходили к маленькому пруду на Гусаковском лугу. Когда несколько хозяек полоскали бельё, раздавался перестук вальков. А валёк – это деревянный брусок с рукояткой. Им били-колотили бельё. Так лучше выбивалась грязь из тканей. Хотя и был у нас утюг, нагреваемый древесным углём из печки, чаще всего бельё «катали»: наматывали на скалку и катали рубелем (брусом с рубцами). Ткань становилась мягкой и почти гладкой.

А что же представлял наш дом снаружи? Деревянная хата, покрытая соломой. Состояла она из двух частей: жилой с тремя окошками, которую я только что описал, и нежилой. Разделяли их сени, куда входили прямо с большого камня у порога (без крыльца), а далее идёшь либо в жилую часть, либо в хлев. В старой, нежилой половине наибольший интерес для меня представлял отцовский верстак. За попытки что-либо попилить или построгать мне от отца попадало. Но не отсюда ли пришли ко мне навыки обращения со столярным и плотницким инструментом?

Хлев мне помнится вечно грязным и зловонным. В нём жили корова с телёнком, овцы,

поросёнок, куры. Погреб в углу позволял хранить в достатке квашеную капусту, солёные огурцы, мочёные яблоки, не говоря уже о картошке, свёкле, моркови и редьке.

Ещё дед Наум обсадил усадьбу тополями. Он сумел подобрать саженцы без единого женского дерева, и тополя у нас никогда не «пылили». Перед домом стоял старый амбар. Что в нём хранилось, не помню. Как-то Нина изобразила на рисунке нашу усадьбу с домом, этим амбаром и мною на качелях. Помню, как я, взлетая на качелях, горланил, безбожно перевирая мотивы, песни того времени: «Катюша», «Три танкиста», «Если завтра война».

Перед домом росли вишни. А в яблоневом саду мы выращивали такие сорта, как апорт, пепин шафранный, антоновка и другие.

Две или три колоды пчёл давали немного мёда. Воду приходилось таскать из колодца метров за двести от дома. Это входило в обязанности отца. Зимой и летом по утрам он приносил в ведрах нужное количество воды для бытовых нужд и для скота.

Когда я прочитал «Оду русскому огороду» Виктора Астафьева, на меня повеяло таким знакомым с детства ароматом укропа, чеснока, свежих огурцов, всего того, что было знакомо с самого раннего детства. На моей памяти проходило освоение новой для того времени огородной культуры – помидоров. За рассадой ездили (а чаще ходили пешком) в деревню Мерцалово, 15–18 км от нашего села. Сорта были позднеспелые, краснели помидоры только после того, как полежат на тёплой печке под ватным одеялом или в валенках.

Огородом кормились всю зиму. Огород служил и местом укрытия наиболее ценных вещей в годы войны. От немцев прятали зерно в круглой яме. Патефон тоже спрятали в земле и забыли место. Только после войны случайно обнаружили этот патефон, уже проржавевший.

Родительский дом сгорел в одночасье 7 или 8 мая 1943 года. Машину с радиопередатчиком немцы замаскировали под деревьями сада, впритык к скотному двору. Что-то у них загорелось, а погода была сухая – и моментально вспыхнула солома, запылился весь дом...

Я, сидя на завалинке, играл на балалайке, когда раздался крик: «Горим!». Всё сгорело. Каким-то чудом успели выхватить лишь швейную машину «Зингер». Особо жалко книги, до сих пор жалко. Я не раз пытался купить у букини-

стов хотя бы несколько экземпляров «Нивы», да всё казалось дорогим...

На месте старой избы отец после войны построил новый дом. Ни снаружи, ни внутри он ничем не напоминал прежний. Но память о моём детстве хранили тополя, фруктовый сад и огород.

Окружающий меня мир в раннем детстве я познавал в обществе взрослых. Меня называли «погонялкой» за то, что я всегда гонялся за старшими, чтобы убежать из дома. Наверное, первым объектом моего любопытства был колхозный двор, устроенный сразу за нашим огородом. Там всё было интересно. И конюшня с лошадьми, на которых очень рано учились мы ездить верхом, и ток, на котором молотили зерно.

Какой музыкальный перестук звучал на току, когда пять – восемь человек слаженно били по расстеленным стеблям ржи или пшеницы цепями (деревянными брусками, привязанными к длинным рукояткам)! Позднее хлебные злаки обмолачивали уже на барабане. Его приводили в движение лошади, которых гоняли по кругу. А перед войной появились так называемые сложки, сложные машины, которые совмещали в себе и молотилку, и веялку. Зерно от такой машины сразу можно было затаривать в мешки. Работала сложка от тракторного мотора.

Во время покоса наши бабы, возвращаясь с работы поздно вечером, пели протяжные песни. Мелодии этих песен я чувствую, когда слушаю симфонии П. И. Чайковского и особенно нашего земляка В. С. Калинникова.

Балалайка стала первым инструментом, который приобщил меня к народной музыке. Под балалайку молодёжь устраивала вечеринки с танцами на мосту у Гусаковского луга. Так звучно отбивалась на деревянном настиле чечётка! Редко звучала у нас в селе гармонь.

Под мостом мы учились курить. Хотелось казаться взрослыми. Главное, чтобы дым шёл, а поэтому чаще курили не табак, а сухие листья огородных культур или вату из фуфайки. Эта детская забава у меня не привилась, курильщиком я не сделался.

Вот несколько эпизодов из моего детства, на всю жизнь запечатлевшихся в моей памяти.

На Этапе (так называли посёлок Жиляевский) действовал детский сад, под который отдали бывший дом Лыгина, раскулаченного и высланного крестьянина. Этот единственный в округе кирпичный дом под железной крышей сто-

ял на краю посёлка. Воспитателем работала Акулина Яковлевна Карпухина. Смутно помню, как водила меня туда Нина.

Один раз я увязался с отцом в колхозную контору. Отец в это время работал колхозным счетоводом. Контора находилась примерно в полутора километрах от нашего дома, на Этапе, справа по шоссе от Жиляевского. Ещё до революции на путях следования заключённых в расстоянии дневного пешего перехода (около 30 км) строились пересыльные тюрьмы. Вот в одной из камер такого кирпичного здания, окружённого кирпичной же стеной, и обосновалась колхозная контора.

В период оккупации на Этапе размещалась штрафная рота немецких солдат. Видимо, этим штрафникам так плохо жилось, что они оттуда убегали. Один убежавший напугал мою мать. Она полоскала бельё на нашем крохотном пруду. И вдруг из кустов вылез солдат в немецкой форме и обратился к ней на чужом языке: то ли еды просил, то ли хотел переодеться в гражданскую одежду. Какова дальнейшая судьба этого солдата, не знаю.

Дети очень любили магазин сельпо (сельского потребительского общества) на Полозовских дворах. Туда тянуло как магнитом. Ведь там продавались игрушки и конфеты. От знакомой продавщицы тётки Нюры мне перепадали вкусные конфеты («Раковые шейки» и «Мишка косолапый»).

Очень радовался я её подарку – железному игрушечному автобусу с нарисованными на окошках весёлыми ребячьими мордашками. Это была единственная моя фабричная игрушка. Обычно я играл разными шестерёнками от машин да грубо сделанным деревянным конём на колёсиках.

В посёлке Михайловском меня поразили настоящий, большой пруд и руины бывшего винокуренного завода. С этого завода отец привёз двутавровые балки для погребного творила.

Наше село Поветкино жило без радио и электричества. На почте был телефон, но не помню, чтобы кто-то из наших ходил звонить. Кому звонить?

Машины, в основном полуторки, реже трёхтонки, ездили по вечно разбитому шоссе, буксуя в логах и на подъёмах. Они живо интересовали нас, ребятишек. Зимой прицепишься крючком за борт и катишь на коньках-снегурках, прикрученных к валенкам. А уж редкие самолё-

ты и дирижабли, пролетавшие далеко над Грачевником (осиновым лесочком в полутора километрах от деревни), – это бурный восторг и горячее обсуждение.

Первое сильное ощущение радости жизни, единения с природой я испытал, наверное, в пять-шесть лет. С бабушкой Татьяной мы отправились в деревню Фандеево, где тогда работала продавцом магазина её дочь Анна (тётя Нюра). Яркий солнечный день конца мая или начала июня. Всё зелено, масса цветов. Идём по Гусакскому лугу, а над нами летают чибисы и кричат: «Чьи вы, чьи вы?» – «Да поветкинские мы!» – отвечает им бабушка.

Магазин и квартира тётки Нюры были в бывшем барском каменном доме с садом, обсаженным по периметру высокими елями. На деревьях гнездились грачи, птицы громко кричали. Мой старший приятель Лёша лазал на деревья и доставал грачиные яйца, из которых получалась очень вкусная яичница.

Однажды Лёша собрал нас, несколько мальчишек, и повёл ловить раков на речку Маховицу. Для меня, семилетнего, это казалось далековато. Но поход удался. Утомлённые и довольные мы принесли улов домой. Однако моя мать, увидев шевелящихся и клацающих клешнями раков, наотрез отказалась их варить. Так мне тогда и не удалось попробовать варёных раков.

Тяга к знаниям зародилась у меня в раннем детстве. Я связываю её с семейным культом чтения. К семи годам я умел читать, но из-за маленького роста меня в школу не пустили. Как же я горько плакал, стоя у окна в дождливое утро 1 сентября 1936 года и наблюдая за ребяташками, идущими учиться! Через год я поступил в Жиляевскую начальную школу. Моя первая в жизни школа!

Располагалась она в деревянном здании, но под железной крышей. Внутри – две классные комнаты и между ними большой зал, где мы водили хороводы («А, бояре, мы к вам пришли, молодые, мы к вам пришли...» или «А мы просо сеяли, сеяли»). В пристроенной к школьному зданию квартире жил учитель.

Заведовал школой Пётр Антонович Первущин, высокий старик (что старик – это так мне тогда казалось), с бородкой и усами. Особенно мне запомнились его высокие белые валенки-чёсанки, каких никто, кроме него, в деревне не нашивал.

Моей первой учительницей стала Сусанна Александровна. Классы были сдвоенные. Учились в одном классном помещении первый и третий классы и второй и четвёртый.

В 1938 году я впервые получил впечатление о празднике 7 Ноября. Из школы нас повели на митинг к сельсовету. Мы шли нестройной жиденькой колонной – школа-то начальная, учеников всего около сорока. В руках у нас флажки из розовых листочков-промокашек на палочках. Стоя на стуле, я с крыльца сельсовета читал стихотворение про папанинцев: «Четыре папанинца жили на льдине, на самой вершине Земли». Я громко кричал, мне аплодировали. После митинга правление колхоза устраивало в нашей школе праздничный обед. Сначала школьников угощали лапшой с бараниной и выдавали каждому пакет с гостинцами – конфеты, пряники. А после нас приходили взрослые со своим спиртным и гуляли.

Учёба мне давалась очень легко. В четвёртом классе Пётр Антонович доверял мне заниматься со вторым классом (диктовать задания). Очень нравилось летом посмотреть учебники очередного класса, почитать учебный материал и попытаться решить задачи. За отличные успехи в учёбе каждый учебный год я получал похвальные грамоты.

В 1941 году я окончил четыре класса. В августе ходил в деревню Рыково записываться в пятый класс Гавриловской семилетней школы. Но из-за войны занятия так и не начались.

Война, оккупация, угон нашей семьи в Германию... Об этом у меня отдельные воспоминания. На долгих четыре года я был оторван не только от учёбы, но и не имел возможности регулярно читать. Этот пробел в своём образовании, пришедшийся на самый продуктивный период жизни (12–16 лет), я ощущаю всю жизнь.

Моя школа сгорела в первую зиму оккупации.

Продолжить учёбу я смог только в 1945 году. Мне 16 лет, образование – четыре класса. До призыва в армию не успеваю окончить даже семь классов. И тут мой товарищ по учёбе в начальной школе Алёша Рыжиков подсказал идею обратиться к директору школы А. В. Щербаковой с просьбой принять меня сразу в шестой класс. Я так и сделал.

Просьба моя удивила Антонину Васильевну. Она спросила: «А не хотите ли вы, молодой человек, сразу в восьмой?» Но всё же порекомендовала готовиться.

Я с жадностью набросился на учебники пятого класса. С огромным удовольствием прочитал историю Древнего мира, географию, ботанику. А вот русский язык и особенно математику одолеть не смог.

В конце августа вместе с оставленными на осень неуспевающими пятиклассниками пришёл писать диктант. С удивлением обнаружил, что Толя Моськин пишет «корова» через «а» и ещё делает массу ошибок. Толкаю его ногой под столом и показываю, как надо писать. Прочитав мой диктант, Антонина Васильевна удовлетворённо хмыкнула и пригласила сдавать экзамен по русскому языку устно. Тут-то я и «поплыл». Я с трудом отличал (да и теперь не очень-то отличаю) части речи от членов предложения. Но, по видимому, сказалась врождённая грамотность. Когда не задумываюсь о правилах, пишу грамотно, а если начинаю вспоминать правила правописания, то часто делаю ошибки.

Поскольку из-за уборки урожая учебный год начался с опозданием, математику я сдавал Нине Васильевне Кукушкиной уже в сентябре. Сдача окончилась полным провалом. Я и до сих пор не знаю, почему в уравнении произведение крайних членов равно произведению средних. Сестра Нина, готовившая меня к экзамену по математике, не могла понять, почему я такой тупой в этом предмете. Тем не менее меня допустили к занятиям в шестом классе условно.

Учёба, однако, так меня увлекла, что вскоре я оказался самым успевающим учеником. Кроме учебников, перечитал весь фонд школьной библиотеки (правда, очень бедной). Долгими зимними вечерами готовил уроки и читал книги при свете «коптилки» (сделанной из патронной гильзы), лежа на сундуке с головой на столе в землянке дяди Антона, где на площади около девяти квадратных метров нас размещалось шесть человек. В носу скапливалось столько сажи, что снег вокруг чернел, когда я сморкался.

Успешно я окончил шестой класс. Хотелось побыстрее получить специальность. По совету Коли Пронина, который к этому времени окончил Орловское железнодорожное училище и уже работал помощником машиниста паровоза, я подал документы в это училище. Но по зрению в помощники машинистов меня не пропустили, а зачислили в группу кочегаров. Кочегаром мне быть не хотелось. С большим трудом забрал документы и вернулся в деревню продолжать учёбу в школе.

Окончив семилетку, я получил свидетельство с отличием, дающее мне право поступать в средние учебные заведения без экзаменов. Я поехал в Орёл поступать в техникум текстильного машиностроения. Но в очереди за морсом (пить хотелось!) у меня украли документы. Главным документом было свидетельство об окончании семилетней школы. Я терял целый год, так как получить дубликат свидетельства не успевал до окончания вступительных экзаменов. Вернулся домой удручённый.

И вдруг удача! Получаю письмо из Орла с моим свидетельством об окончании семилетки. Мир не без добрых людей. По обратному адресу на конверте я разыскал парня примерно моего возраста, который нашёл моё свидетельство в подвале разрушенных во время войны торговых рядов. Мы с ним искали другие документы, но ничего больше найти не удалось.

На моё счастье попало объявление, что продолжается приём документов в Орловскую фельдшерско-акушерскую школу (ОФАШ). Но на 120 мест оказалось около тысячи заявлений, из них почти 100 человек имели свидетельства об окончании семилетки с отличием. Директор школы невропатолог Сергей Сергеевич Орлов вынужден был устроить экзамен и отличникам. Сначала мы писали заявления о приёме в школу. И на этой нехитрой процедуре ему удалось отсеять несколько претендентов, которые не смогли грамотно написать. Оставшимся устроили экзамен по русскому языку в форме изложения. В своем изложении я сделал одну ошибку. Написал «проект» через «э» и получил четвёрку. Экзамен по конституции я сдал успешно.

Ура! Зачислен на первый курс ОФАШ. Но С. С. Орлов дал нам задания, которые мы должны были выполнить до 1 сентября. Нам с Виктором Зайцевым требовалось наловить лягушек для экспериментов по физиологии и фармакологии. Мы их наловили почти полное ведро на реке Орлик, в районе Дворянского гнезда.

С какой жадностью я набросился на учёбу, причём не только по специальности, а ещё и для восполнения пробелов в общем образовании. Записался сразу в три библиотеки: городскую им. Н. К. Крупской, областную медицинскую и свою школьную. Поставил себе цель прочитать прежде всего произведения орловских писателей.

Одолел полное собрание сочинений Тургенева, много произведений Лескова. А потом пе-

реключился на Л. Толстого, Достоевского, других авторов.

Впервые попал в драматический театр, посмотрел «Коварство и любовь» Шиллера, «Бесприданницу» Островского, а в кукольном театре – спектакль «Волшебная лампа Аладдина». Побывал на читательской конференции Ильи Эренбурга по его роману «Буря». Ходил в кинотеатры на все премьеры фильмов. В школе пел в хоре, но из-за полного отсутствия музыкального слуха был из хора вскоре удалён.

Жил я сначала на Песчанской улице у тётки Соры (Серафимы), сводной сестры моей матери. Из-за тесноты тётка Сора отправила меня жить к своей дочери Ольге Дурневой на улицу Октябрьскую. Это район, описанный И. Тургеневым в романе «Дворянское гнездо».

Ютился я во флигеле дома Н. С. Лескова в одной комнате с Ольгой, её мужем и их маленьким сыном. На втором курсе переехал на улицу Энгельса. Снимали мы с Виктором Зайцевым маленькую комнатку в большом частном доме.

Жили мы с ним очень скромно. Питались в основном картошкой и хлебом. Иван Пронин, муж Нины, в то время работал бухгалтером в Госконюшне и часто ездил в Орёл. Он привозил мне картошку. Мать Ивана зимой присылала круги замороженного молока. По карточкам я получал хлеб и половину пайки съедал по пути домой. Осенью 1947 года карточки отменили.

При всех трудностях это самые светлые, самые счастливые годы моей жизни. В школе сложился необыкновенно добрый коллектив преподавателей. Нас учили не только профессии, но и старались сделать из нас людей высокой культуры. Тем более что большинство из нас вышли из сельской местности, к тому же в годы войны мы не учились в школе два, а то и все четыре года.

Две сестры – Мария Ивановна Литвинцева, преподаватель русского языка и литературы, и Евдокия Ивановна Баскакова, преподаватель физики, на всю жизнь остались для меня воплощением интеллигентности. Это и грамотная речь, и аккуратность в одежде, и манера держаться. Латинист Николай Иванович Кравченко дал такой запас знаний по латыни, какой я не получил позже за все годы учёбы в институте. Преподаватели клинических дисциплин сумели дать нам не только практические навыки, но и привили любовь к медицине как науке. Ведь недаром почти треть моих товарищей по группе стали врачами.

На всю жизнь запомнились мне преподаватели глазных болезней Людмила Александровна Цветкова, родоначальница династии известных в Орле врачей-офтальмологов, и Василий Николаевич Преображенский. Благодаря им я избрал специальность и остался верен ей всю жизнь.

Душой коллектива был незабвенный Сергей Сергеевич Орлов, директор школы, строгий и добрый. Он читал интереснейшие лекции с демонстрацией увлекательных сеансов группового гипноза. С ним мы ходили на субботники по очистке города от развалин, по озеленению. В школе работал замечательный кружок бального танца. И везде с нами был Сергей Сергеевич.

На летних каникулах я пас скот. Пастухи уже не нанимались, как раньше, до войны. Теперь хозяева пасли скот по очереди. Со стороны, наверное, я выглядел странно: в соломенной шляпе, с книжкой. Спал на копне сена под открытым небом. Тогда у меня появился интерес к небесной сфере. Через много лет я показывал своим внукам созвездия: Большую и Малую Медведиц, Кассиопею, Орла, Лиру, Лебедя...

В июне 1950 года я окончил фельдшерско-акушерскую школу с отличием. Получил направление в распоряжение Хомутовского райздравотдела. Но на выпускном вечере С. С. Орлов и особенно зав. библиотекой Варвара Михайловна (фамилию её забыл, кажется, Шильганек) на-

стойчиво рекомендовали мне продолжить образование в институте.

Я посоветовался с Иваном и Ниной. Они в один голос заявили, что будут мне помогать. И я решился. Подал документы в Смоленский медицинский институт, по окончании которого получил направление в Кузбасс, где прошла вся моя дальнейшая жизнь.

Свою принадлежность к орловскому краю впервые ощутил я, наверное, попав в город Орёл летом 1936 года.

Мне около семи лет. Когда мне сказали, что завтра едем в Орёл, я решил не спать, так как боялся, что меня обманут и не возьмут с собой. Но проснулся я ранним утром в телеге на сене. Лошадь стучала копытами по деревянному мосту через речку Неполодь. Впервые в жизни я видел речку и гусей, плывущих по воде. Ехали мы втроём: отец, мать и я.

В городе меня поразили трамваи и дома в несколько этажей. Когда я видел на картинках большие строения, то недоумевал, как же люди забираются на верхние этажи? И, чтобы им помочь, подрисовывал к зданиям лестницы.

Гостили мы у тёти Вари в частном доме на улице Свободы. Теперь и улицы такой в Орле нет, весь бывший частный сектор застроен многоэтажками и выглядит вполне урбанистически.

Кемерово

Марина ФЁДОРОВА

* * *

Присядь со мной на краешек строки,
Молчанием заплём отвар тоски,
Который нам прописан натошак
За то, что оскорбительно не в такт
С героями унылых кинолент
В коротком метре чёрно-белых лет
Живём и силой слова рвём силки.
Присядь со мной на краешек строки.

Зеркальная

Зазеркальная девочка – там, во мне,
Спит и видит в своём отраженьи-сне,
Как я режу ладони осокой дней,
Жду весну – всех вёсен моих весней,
Вырастаю на свет и боюсь теней.
Этой девочки нет у меня родней.

* * *

и баобаб
всего лишь бонсай
на Его подоконнике

* * *

тёмная ночь
фонари спят
стоя

* * *

лето на убыль
тарелка для сбора клубники
всё меньше

* * *

любит не любит
что скажешь цветочек
с двумя лепестками

* * *

на сквозняке
чувствуешь себя
игольным ушком
в которое
продевают
нитку ветра

* * *

Проём беззубый рта, оскаленно-немой;
Оставленность черна в незапертых
глазницах...
Порой нельзя Твоим путям не удивиться!..
Я череп подниму. Да, этот череп – мой.

Он здесь уже лежит, пожалуй, с Гавгамелл,
Черпая челюстью персидские пустыни.
Но, старый друг, прости: ты мне не нужен
ныне,
Увы, с античности я малость повзрослел.

И дело не в тебе: дойдя до Каракум,
Я уроню, поверь, и эту черепушку.
Но больше Божества нельзя любить игрушку
И более души любить её костюм.

Я буду возрождён в Аду земном опять,
Чтоб снова Рай искать в полузабытой вере,
И в этой жизни я подавно не намерен
Очередному мясу угождать!

136

Я, посох свой убрав из запыхлённых рук,
Отдав поклон тому далёкому столетью,
Внезапно рассмеюсь над плотью и над смертью.
И будет вновь со мной смеяться старый друг.

ПЫЛЬ

Моей судьбы последний сгинет след,
И моему не будет места горю.
О том, как много счастья на Земле,
Спроси у пыли под твоей ногою.

Все лезут в гору, кто во что горазд,
Успеха ради прах чужой тревожа.
О том, кого низринула гора,
Спроси у пыли у её подножья.

О том, зачем и почему погиб,
О том, зачем и почему мы были,
Спросить ты можешь у матерых глыб;
Но – я поверю только этой пыли.

Проходят сотни, миллионы лет,
А ветры пыль с презрением уносят...
...О том, как много счастья на Земле,
Возможно, и тебя однажды спросят.

Виктор ШАГИАХМЕТОВ

* * *

встретились снова
а сколько плутали
как деревья по лесу

мы непохожи
но улыбка у нас
одна

головокружение
словно играя в жмурки
я неуверенно шагнул в ту ночь

пытаюсь поймать все
вероломные образы
и звуки

пот выступивший
на льдинках
в пустых бокалах

сброшенные чулки
сложившиеся в две
чёрные розы

щелчок выключателя
комнату полную
благоуханием темноты

и белизну твоего тела
что жадно вобрала пустыня ночи
как первую каплю дождя

заложник молчания
я смотрю тебе вслед
закрытыми глазами

моя любовь –
чужая вселенная
веснушчатый космос

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

В детстве я испытывал
неудобство перед камерой
и ненавидел семейные фотографии.
Когда требовался второй кадр, я срывался,
редко обходилось без сцен.
Что заставляло меня вести себя так,
я не мог объяснить словами,
и родственники считали это
пустым капризом.

Всё равно никуда не деться
с семейного торжества –
слишком мал для остального мира.

Теперь, при взгляде на старый снимок,
меня озаряет вспышка подозрения:
не случилось ли подмены,
не стал ли страх съёмки – страхом жизни,
исполненной лицемерия,
а моя душа – заложницей фотокарточки?
Улыбаясь ближнему,
до сих пор на секунду прекращаю дышать.

Анастасия КОНДРИНА

* * *

Положи меня, как билетик, в пустой карман,
Чтоб в пути сохранить от смертельных
нечаянных ран.

А иначе порвёшь, занимая руки
От усталой муки, от тихой скуки.
Положи и забудь, чтоб потом обнаружить
на месте,
Замерев, поддержать в ладошке – как будто
вместе.

Вынимая монеты, ключи и память,
Выбирая – что выкинуть, что оставить.

* * *

137

Вот неопытная швея,
А в руках у неё льняная судьба моя.
Нить пестра и игла остра,
А сама шальная. Неосторожно шьёт
Дни дурные, во сне полёт.
Тычет больно тупым ушком, заклиная:
«Вырастешь – заживёт».
Заживёт да выйдет в узор кружевной –
что оставлено за спиной.

Михаил РАНТОВИЧ

* * *

Сидеть и ждать на кожаном диване.
Допустим, за пособием. Вахтёр
наспулен, строг. Так длинен коридор.
Там шелест офисный, шум, смех и спор.
Приходит новый человек. Кто крайний?

Не двигается очередь ничуть.
Шум этот бестелесный. Да, несладко.
Доводчик сломан, ухаёт дверь гадко,
аремит. Кто крайний здесь? Молчат – загадка.
Пространство снова взглядом полоснуть,

*овалы скважин подсчитать монстры,
вопрос возникший – встать или не встать,
чтобы уйти? – откинуть, умирать
со скуки и, томясь, сидеть опять,
до оступенья, до потери веры.*

*Коричневое дерево дверей,
открытых в перспективе. Никогда ты
уж не дождёшься. Потолка квадраты.
Часы приёма на листке – как даты
рождения и смерти. Поскорей!*

Агата ЧЕРЕПАНОВА

* * *

*На руинах победы дозволено плакать
Всем, кто выжил в сей скорбный и радостный час.
Всем, кому захотелось завывать, как собака,
Рядом с другом, что пал, выполняя приказ.
Тот, кто будет потом, тот поведает лихо
О победах и славе, о бранных пирах,
Но не вспомнит никто, как тоскливо и тихо
Рядом с телом виктория рушилась в прах.
Мой товарищ, мой брат... Ты не стал дезертиром
В фейерверках снарядов, в фанфарах гранат,
Ты с победой пришёл – на ту сторону мира,
Где застыли в надежде десятки солдат...
Что ж, прощай. Не растопит победа тот камень,
Что остался во мне, там, где сердце стучит.
На руинах победы построены храмы
Для солдата, что мир свой незримо хранит.*

Виктор АРНАУТОВ

**ПХУКЕТ – ОСТРОВ
СПАСЁННЫЙ**

(Из дневниковых заметок
кемеровского туриста)

НЕ ОЧЕНЬ ДЛИННОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

– Покажи мне Андаманские острова, – любил спрашивать своих учеников наш учитель географии, он же директор Пудинской средней школы, Фёдор Филиппович Юрченко.

И в ответы, сначала робкие и растерянные, указка школьников начинала блуждать по географической карте где-то в районе Индийского океана. Потом всё увереннее отправлялась к Бенгальскому заливу, в район Андаманского моря и останавливалась на гряде островов не вдалеке от Бирмы. А напротив, через узкую полосу суши, голубел Сиамский залив...

Думал ли тогда, в далёкие шестидесятые годы наш учитель, что многим его ученикам придётся побывать не только в Китае, Индии, Индонезии, Малайзии, Вьетнаме, Таиланде, но и на многих островах – Канарах, Мальдивах, Бали, Хайнане, Андаманских... Самому-то ему довелось повидать лишь разрушенные войной страны Европы, освобождая народы этих стран от фашистской нечисти.

«Боинг 757-200» авиакомпании «U Taig» бесцеремонно проглотил всех пассажиров нашего рейса, 240 человек. Семь часов и пятнадцать минут полёта прошли как-то не очень обременительно. Даже мои ноги не ощущали особого дискомфорта при авиасалонной узости рядов и скученности кресел. Полчаса на снижение. И вот уже все прильнули к иллюминаторам, высматривая море и сушу. Едва ли не чиркая днищем морскую гладь, наш «Боинг» наконец-то мягко коснулся бетонной полосы аэродрома. Ну, слава Богу, приземлились. У многих пассажиров словно гора с плеч свалилась от напряжения. Салоны заполнили

дружные аплодисменты. Всё, мы на тайской земле.

Трёхзвёздочный отель, куда нас привезли, имел с одной стороны выход прямо на проезжую шумную улицу, довольно узкую. Трёхэтажное длинное здание, коридорно-общажного типа, только что отремонтированное. Без балконов и лоджий. И даже без какого-либо бассейна.

ПХУКЕТ. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первое упоминание об этой земле относят ко II веку нашей эры. Во времена сиамского королевства Аюттайя остров неоднократно пытались захватить северные соседи – бирманцы.

В январе – марте 1785 года (европейского летоисчисления) десант флота Бирмы пытался с моря захватить остров. Почти все мужчины-ополченцы были перебиты, пал в боях и губернатор острова. Тогда на его защиту встали женщины, обрив головы и облачившись в мужские доспехи. Возглавили сопротивление две женщины – вдова губернатора Тхайпуйинг Чан и её сестра Кхун Мук. В результате героического сопротивления бирманцы вынуждены были снять осаду острова и покинуть его. В ознаменование этого события Пхукет ещё называют островом Спасённым.

В отличие от своих соседей, целого архипелага Андаманских островов, принадлежащих Индии, Пхукет – самый крупный остров Королевства Таиланд. Он протянулся с севера на южную оконечность на 50 километров. Наиболее широкая часть острова достигает 20 километров, самая узкая – 400 метров. Площадь Пхукета составляет 576 квадратных километров.

Туризм – не самая главная статья доходов и бюджета острова. Доминирует здесь производство латекса из натуральной смолы гевеи.

Гевеи – лиственные деревья, внешне чем-то напоминающие наши сибирские ветлы, были завезены из Бразилии в самом начале XX века. Здесь они прекрасно акклиматизировались. И джунгли стали отступать перед нашествием плантаций с гевеями. К настоящему времени третью часть территории острова занимают плантации гевей, на которых работают в основном приезжие иностранные рабочие – малайцы, китайцы, бирманцы и прочие сельскохозяйственные «гастарбайтеры», собирая смолу гевей для латексов – исключительно

в ночное время, а днём с тех же деревьев получают сырьё для каучука. Практически все плантации гевей являются государственной собственностью. В 2010 году Таиланд вышел на первое место в мире по производству изделий из натурального латекса.

В XVI веке на острове были открыты месторождения олова, которые начали довольно активно осваивать португальцы, французы и англичане.

Разработка месторождений олова в XIX веке вывела Пхукет на второе место по значимости в Таиланде после Бангкока! К концу XX века добыча олова значительно сократилась, упала цена на него на мировом рынке, и в 1992 году на Пхукете была закрыта последняя оловянная шахта.

ЗАВТРАК

Спалось мне на новом месте худо. Можно сказать, даже совсем не спалось. Томила непривычная духота в номере. К тому же кондиционер тархтел, словно трактор «Беларусь». С трудом мы с женой сообразили, как открыть окно. На улице ветер, с шумом гнёт пальмы и прочие деревья. И температура там – едва ли на два-три градуса ниже, чем в номере. С рассветом приятно обнаружилось, что из нашего окна видно море! Всего-то метрах в трёхста!

С наступлением рассвета моё вчерашнее минорное настроение стало помаленьку перерастать в мажор. Прошёлся по утренним улочкам. На них торговцы уже разворачивали свои стационарные столы с фруктами и «макашницы» (передвижные кухоньки), готовясь к приёму ранних клиентов.

Вдоль улиц и на побережье много тропических деревьев и кустарников. В числе коих – уже знакомые кокосовые пальмы, хвойные араутерии, кусты плумерии и соуганнелий.

С 8 часов подались на завтрак, в ресторан при отеле. В отличие от Гоа, здесь очень даже приличная и достаточно разнообразная кухня. Для нас шведский стол – бери, что хочешь, и ешь, сколько сможешь!

В обязательном ассортименте из мясных блюд: сосиски, отварная буженина, жареный бекон, куриное жаркое. Из гарниров – рис (отварной или жареный), лапша по-тайски, фасоль (лобио), картофельная запеканка или печёный и обжаренный картофель (в мундире).

Неприменно два блюда из куриных яиц – глазунья и омлет, которые готовят тут же, при тебе на специальных газовых жаровнях. Овощные нарезки: из тёртой моркови, шинкованной капусты, в том числе и пекинской, крупно нарезанный кольцами сладкий репчатый лук, листья салата, свежие огурцы, помидоры, в том числе и сладкие, мелкие (черри). Несколько видов соусов, не очень острых. В неограниченном количестве соки: апельсиновый, ананасовый, манговый; вкусное густое молоко, чай, кофе. На десерт – нарезки папайи, арбузов и ананасов; йогурты, выпечка, мюсли...

ПЛЯЖ КАРОН. АНДАМАНСКОЕ МОРЕ

Что касается пляжного побережья, то тут – туристический рай. Пляжи чистые, ухоженные, без повсеместного мусора, хотя и без лежаков и зонтиков от солнца. Дело в том, что с недавнего времени указом короля на пляжах запретили пользоваться стационарными лежаками и зонтами, сдаваемыми туристам за плату. Уж какая истинная мотивация в том – говорят разное. Взамен этому туристы покупают бамбуковые коврики и даже раскладные лёгкие зонты от солнца, всякий раз унося их к себе в отели.

О, это море! Море Андаманское. В моей коллекции это уже восьмое по счёту (Охотское, Японское, Балтийское, Чёрное, Азовское, Южно-Китайское и Аравийское). Андаманское море – просто чудо! В полуденном солнечном свете – целая палитра ярких красок, будто сошедших с полотен Архипа Куинджи или Рокуэлла Кента. И куда там Ивану Айвазовскому с его сердито-грозными черноморскими маринами в мрачно-тёмных тонах... Андаманское море – пенное, бежево-золотистое у берега, далее – чисто-изумрудное, ещё дальше – бирюзовое, переходящее в синеву разной насыщенности – до самого горизонта. А при ветре и небольшой волне синеву гребешков волн, словно лёгкие мазки художника, подкрашивают белые барашки...

И вода – чистейшая, прозрачная, едва ли не конкурирующая по этим параметрам с нашим, сибирским «славным, священным морем» Байкалом! А звучит-то как! Ан-да-ман-ское море... Забрёдёшь в него, и выбираться оттуда не хочется. И пляжное побережье – сплошной песочек лёгкого бежевого колера. Никаких ракушек и раковин в нём нет, разве что мел-

кие крабики, зарывающиеся в него, оставляют узенькие отверстия норок. Нет и разноцветных двустворчатых раковин, похожих на продолговатые перламутровые бусинки, какие встречаются на побережье Аравийского моря. И никакого йодистого запаха не исходит от гниющих длинных ламинарий оливкового цвета, как в Японском море. И никакой тебе коварной привлекательности жалящих медуз, как на Чёрном. И никаких полчищ мелких рачков и креветочек, как на Азовском.

Заходя в воду, видишь, как у самого дна плавают, почти сливаясь с ним, продолговатые белёсые рыбёшки, размером с наших речных пескарей. А то вдруг появятся приплюснутые с боков, с поперечными коричневыми полосками. И мелочь – веером хрустальных брызг выскакивает из воды, гоняемая хищником. И напоминает этот фонтанирующий рыбий табунок резвящегося дельфина, выпрыгивающего на поверхность. Правда, самих дельфинов, как в Аравийском море, тут не видать.

А ещё, когда плывёшь, руки касаются каких-то незаметных мелких предметиков, с рублёвую монету. Оказывается, это рыба молодь, ещё не вылупившаяся из икринок, в виде личинки, в которой просматриваются уже коричневая головка и продолговатое тельце с хвостиком. Эта личинка находится в прозрачной овальной слюдянистой оболочке. Её-то и чувствуют руки пловца.

Тела туристов тут разной окраски: от бледного до тёмно-коричневого, шоколадного. Немало и краснокожих, как индейцы. Это те, кто попал на пляж недавно, дня два-три назад, с жадностью перебрав ультрафиолета. Туристы различаются не только по цвету кожи, но и своими фигурами. От стройняшек, хоть на конкурс красоты, до бегемотоподобных, с бочкообразными животами. К последним относятся обычно мужчины среднего возраста. Есть и женщины – кожа да кости, или с отвислыми, как у кенгуру, животами. И прикрыто всё это безобразие лишь узенькими полосками разноцветной ткани купальников. Бикини тут выглядят едва ли не семейными трусами по сравнению со стрингами, шнурочками, врезающимися в ягодицы. Не такая уж тут редкость встретить и дамочку топ-лесс. В общем, наш социально-стыдливый налёт скромности и неловкости здесь полностью улетучивается.

ПЕРВЫЕ ПОКУПКИ И ВЕЧЕРНИЙ РЫНОК

Начинаем избавляться от своих долларовых купюр, меняя их на местные баты. В отличие от нашего рубля, теряющего свои весовые эквиваленты, здешний бат стабилен, как и три года назад. Его курс – 32,45 за один доллар. Да, кстати, можно, оказывается, поменять и наши рубли, но по смешному курсу: за нашу тысячу рублей тут отваливают аж 300 батов! А ещё три года назад было один к одному... Так что, делая покупки, волей-неволей приходится местные цены теперь множить на три. Получается преизрядно.

На рынках и в бутиках приходится торговаться за каждую вещь, прикидывая её цены на наши обескровленные рубли. И от торговцев, которые уже на раз узнают нас, русских туристов, можно нередко услышать: «Русские жадные»...

Вдоль улиц, по обеим сторонам, вперемежку с бутичками и кафешками, полно открытых выносных столиков и стоек с яркими бесплатными рекламными экскурсионными проспектами и продавцами самых разнообразных экскурсий. И цены на них, и впрямь, на треть, если не на половину, ниже тех, которые обошлись нам. Тут же – множество массажных кабинетов и выносных стеклянных ящиков, наполненных прозрачной водой и мириадами мелких рыбок для пилинга. Всё это сопровождается зазывалами с приветливыми улыбками: «Хэлло», «Привет!», «Как дела?», «Посмотри», «Зайди ко мне».

После 6 часов мы подались на вечерний рынок, что находится на территории храмового буддийского комплекса и который разворачивается там два раза в неделю – во вторник и в субботу.

От самых арочных ворот главного входа в храмовый комплекс – ряды «макашников», предлагающих жареное, пареное, печёное, варёное, острое, пресное, солёное, с приправами и соусами. А далее – ряды с пляжно-туристскими товарами: майками, шортами, купальниками, шляпами, обувкой, детскими вещами, сувенирами, мылом, шампунями, косметикой, игрушками и прочим.

О КОРОЛЕ АДУЛЬЯДЕТЕ И ТАЙЦАХ

У россиян – старый Новый год, начало 2015 года. А вот тайцы живут уже в XXVI веке! А если быть точным, то в 2558 году. Дело в том,

что своё летоисчисление они ведут со дня смерти Будды Шакьямуни.

Нынешнему королю Адульядету Пхумипону Раме Девятому уже 87 лет. Время его королевского правления началось ещё в далёком 1946 году. Страшно подумать: этот король правит дольше, чем я живу на свете, на целую пятилетку!

В Королевстве Таиланд каждому дню недели – свой цвет. Поскольку король родился в понедельник, его индивидуально-королевский цвет – жёлтый. А так как король приближается уже к возрасту средней продолжительности жизни тайцев (89 лет), все его подданные желают ему и его семейству здоровья, молятся за него и в знак солидарности надевают по понедельникам, и особенно в день его рождения, одежду жёлтого цвета.

В отличие от россиян, считающих, что понедельник – день тяжёлый, у тайцев таким нехорошим днём является среда, точнее первая её половина. В этот день, если таец чувствует себя плохо или недомогает, может даже не пойти на работу, и за это ему не будет никаких взысканий от начальства. А Новый год здесь празднуют в апреле. Празднуют шумно, почти неделю, обливая друг друга водой.

Девяносто пять процентов тайского населения – буддисты. Они свято верят в учение Будды, всячески почитают его, молятся и поклоняются ему. Вместе с тем буддизм – религия, допускающая многобожие. По их вере, божества и духи живут повсюду: в домах, храмах, воде, горах, пещерах, камнях, деревьях. Поэтому, чтобы не гневить этих божеств и духов, тайцы пытаются всячески задобрить их. Едва ли не у каждого дома (во дворе) есть небольшие храмовые сооружения – вроде памятничков. Эти храмики украшают яркими лентами, искусственными и живыми цветами, ставят возле них (или на специальную подставку) всяческие кушанья, сладости, фрукты, водичку. Нередко эти угощения достаются бродячим кошкам, собакам, птицам или даже крысам, коих тут предостаточно.

Тайцы, как и индусы, верят в карму человека и переселение душ. Так, они считают, что собаки и кошки – это животные, в которых переселились души людей с плохой кармой. Собаками стали бывшие пьяницы и хулиганы. Им, собакам, сочувствуют, не прогоняют и даже подкармливают. А чтобы отогнать от

себя или от дома злых духов, тайцы устраивают громкие фейерверки, с выстрелами, взрыванием хлопушек и прочими шумовыми эффектами. То же проделывают и при похоронах, выстрелами петард отгоняют злых духов от кремационных печей. Кстати, такие печи-крематории имеются на территории каждого храмового комплекса.

Тайцы-аборигены придерживаются трёх основных жизненных принципов, так называемых «трёх Эс»: сабай-сабай, санук и суай (соай).

Принцип «сабай-сабай» означает оправдание медлительности тайцев, в нашем сленговом эквиваленте – «не парься», то есть не спеши, не переживай, не волнуйся.

Санук настраивает тайца на то, чтобы из всего, что ни происходит и что он видит, извлекалось наслаждение, без жалости на это ни потраченного времени, ни денег, ни сил.

Суай ориентирует человека на то, чтобы во всём он видел только красоту, комфорт и стремился к этому.

Увы, в реальной жизни именно на комфорт и удобство тайцы обращают совсем мало внимания. Это касается и их жилищ, в которых практически минимум мебели, даже кроватей. Они довольны тем, что имеют. По сравнению с европейскими коттеджами, виллами и таунхаусами для иностранцев жилища аборигенов не возведены в некий культ, довольствуются малым: была бы крыша над головой. Но в доме непременно должен быть хороший цветной телевизор, так же как и автомашина, по меньшей мере – байк (мотоцикл). Многие тайцы не любят тратить своё время на приготовление пищи у себя в доме: едят, как правило, в дешёвых кафешках, передвижных «макашницах», а то и просто – где придётся и что придётся.

ХРАМ ВАТ ЧАЛОНГ

Плотно отзавтракав в ресторане отеля, в половине девятого заняли мы места в большом экскурсионном автобусе. Кроме меня с женой, в нём ещё более 20 человек из нашего же отеля. За гида у нас сегодня Юлия, дама лет тридцати, из Санкт-Петербурга.

Автобус по извилистой узкой автотрассе въезжает в юго-восточную часть острова, именуемую Чалонгом. Это район проживания аборигенов. Здесь нет туристских отелей.

Первая остановка – храмовый буддийский комплекс Ват Чалонг. Это самый крупный храмовый комплекс из 31, расположенного на острове.

Ват Чалонг включает в себя около десяти строений. Все они отделаны своеобразной лепниной, раскрашенной яркими красками, с преобладанием золотистого и красного цветов. При этом есть и ещё два цвета – голубой и зелёный, тоже яркие. Фигурная (двух-, трёх-, четырёхъярусная) объёмная лепнина сопровождает стойки и арки входных ворот, входы в храм, двери, окна, башенки и шпили. Почти не встречаются тут изображения драконов или больших змей, как на китайских. Не увидели мы на них и символов: ом и свастики, характерных для индуистских храмов.

Первое упоминание об этом храме относится к 1837 году. А уже через десять лет он получил статус королевского. Свою известность Ват Чалонг приобрёл благодаря мудрому монаху-целителю Луанг Пхо Чему, ставшему настоятелем этого монастыря в середине XIX века. Он помог местным жителям выстоять против китайских разбойников и грабителей оловянных копей, располагавшихся недалеко от монастыря.

Чем знаменит храм Ват Чалонг в настоящее время, так это частицей праха кости самого Будды, которую подарило королю Пхумипону Адудьядету на его день рождения (72 года) правительство Шри-Ланки в 1999 году. Чтобы эту святыню хранить, всего за два года (1999–2001) было возведено новое здание – самое высокое (высота шпиля – 61 метр) и красивое сооружение комплекса, получившее название Чеди Пхра Махатхат. Святыня хранится на третьем ярусе храма, под специальным колпаком – прозрачным шаром.

Вход в это сооружение доступен всем, в том числе и туристам. Под стать внешнему оформлению Чеди Пхра и внутреннее убранство. Его стены, полы и лестницы отделаны натуральными, до блеска отполированными камнями: мрамором и яшмой. В залах каждого яруса – скульптурные золочёные изображения Будды в разных позах, в полтора-два человеческих роста. Все внутренние стены расписаны картинами, изображающими сцены из жизни Будды и истории буддизма.

Другой примечательностью храма является однарусное строение – вихара, именуе-

мое для туристов как «храм здоровья». Здесь находятся скульптурные изваяния трёх знаменитых монахов этого монастыря – Чема, Чуанга и Глуама, прославившихся тем, что они были искусными врачевателями. К ним с молитвами обращаются все немощные, больные и страждущие. По принятым тут обычаям молящий должен прикоснуться к тому месту у одного из монахов, которое болит у самого себя, приложив (приклеив) к статуе пластиночку тончайшего золота. Таким образом, все три статуи монахов в красно-оранжевом одеянии покрыты золотыми пластинками, которые выдают бесплатно на входе, так же как и ароматические свечи с бутонами нераспустившегося лотоса.

Приложился такой пластинкой и я к правому колену одного из монахов. (Забегая немного вперёд, отмечу, что нога моя перестала болеть едва ли не к концу нашей экскурсии.)

ЗМЕИНАЯ ФЕРМА

Покинув храмовый комплекс с чувством восторга и глубокого наслаждения, с ощущением приобщения к святыням, наша экскурсионная команда направилась на змеиную ферму.

В течение 10-15 минут два молодых тайца (истинный возраст определить трудно) демонстрировали нам чудеса ловкости и бесстрашия с самыми различными ядовитыми змеями, вплоть до королевской кобры. Таскали их за хвосты, головы, брали у них яд и даже целовались с ними. Зрелище, прямо скажем, не для слабонервных! Всем желающим (за небольшую плату) разрешали сфотографироваться с коброй на шее, погладить её и даже поцеловать в голову. Разумеется, со страховкой: змея находилась в руках двух «факиров».

Вторая часть программы – реклама препаратов из змей. Змея для тайцев – символ здоровья и долголетия. Многие из аборигенов начиная с трёх-пятилетнего возраста уже принимают препараты из змеиной печени, яда и жира.

Относительно оздоровительных препаратов существует преимущество «трёх Жэ»: желчь змеиная – как средство для очистки и регенерации печени человека; жир – змеиный, крокодиловый, акулий – как средство для восстановления иммунной системы орга-

низма; женьшень – как тонизирующее и омолаживающее.

В целях релаксации всем экскурсантам предложили по мензурке (граммов по тридцать) тонизирующей настойки из змеиных экстрактов, настоянных на виски с черносливом.

ЛАТЕКСНАЯ ФАБРИКА

Таиланд славится на весь мир своими изделиями из натурального латекса, получаемого, как уже отмечалось, из сока гевей, собранного в ночное время.

Ещё каких-то 15–20 лет назад латекс являлся приоритетом Кореи. Теперь Таиланд по объёмам и качеству продукции из натурального латекса превзошёл не только страны Латинской Америки (родины гевей), но и Корею.

Внешне латекс похож на мелкопористый поролон. Из натурального латекса изготавливают матрасы, подушки, сиденья для кресел, одеяла, детские игрушки и прочее. Но что отличает его от даже самого лучшего и качественного поролона?

Латекс обладает антисептическими свойствами. В нём не живут и не выживают грибки, микроорганизмы, клещи и прочие паразиты.

Натуральный латекс является антиаллергеном. Он не вызывает аллергию; не впитывает в себя запахи, пыль и даже влагу. При этом он «дышит», то есть пропускает воздух. Он не загрязняется и не требует чистки и мытья.

Латекс обладает свойствами ортопедичности, то есть не деформируется и не «привыкает» к воздействию на него тяжестей (головы, ног и т. п.). Мало того, всякий раз он принимает форму того предмета, которое на него воздействует своим весом.

Наконец, он долговечен, служит два десятка и более лет!

Сок является лишь полуфабрикатом, сырьём для получения из него латекса. А само латексное «полотно» изготавливают на специальных фабриках, где смолу доводят до соответствующей товарной кондиции.

Моя Людмила давненько мечтала хотя бы о подушке из натурального латекса. Латексная подушка 50 на 30 на 10 сантиметров стоит здесь порядка 2,4 тысячи батов. Однако русский человек научился уже экономии. В рекламных целях и для ускоренного сбыта своей продукции на этой фабрике (как и во многих других местах) предлагают: «Купишь две по-

душки, третья – в подарок». Мы скооперировались с ещё одной покупательницей, которой нужно было всего две подушки. Заплатили как за две, получили три подушки, а общую цену поделили на три части.

ОБЕД

Наш обед состоялся в ресторане тайской национальной кухни. Всё здесь поставлено на поток, со шведским столом. В огромном зале, мест на сто с лишком, расставлены отдельные столы, на четырёх клиентов каждый. Кроме нашей экскурсионной группы, тут оказалось и с полсотни китайцев. А китайцы ведут себя очень непосредственно – шумно и крикливо, тем более это заметно, когда их много (а мало их бывает?). Так что звуковой фон зала напоминал сплошной вороний грай.

Я решился попробовать острый красный суп «Том-ям-кунг» на основе кокосового молочка, с морепродуктами, набрав его из общей супницы в свою пиалу. На широкую плоскую тарелку наложил горку знаменитой тайской лапши «Пад Тай». Помимо неё – рис с жареными креветками, мелконарубленное мясо (похоже, куриное), добавил каких-то тушёных овощей с приправами, что-то ещё...

Что сказать? Вкусно, одним словом. Хотя и действительно остро, особенно суп, из которого я не съел только содержимое двусторончатой зелёной ракушки и какие-то початочки мелкой кукурузы. В моём рту от этого супа словно огонь разводили: жгло и пекло ещё минут пятнадцать, пока не запил изрядной дозой напитков.

ПХУКЕТ-ТАУН

После ресторана наш маршрут лежит дальше, на северо-восток, в так называемый Пхукет-таун. Тут всё цивилизно, на европейском уровне: виллы, коттеджи, четырёх-пятиэтажные дома-таунхаусы.

Строят здесь исключительно для тех, кто желает приехать жить в Таиланд и купить себе жильё – сообразно своим потребностям и, главное, возможностям. А выбор тут и впрямь довольно широкий.

Помимо того, что мы видели воочию уже построенным и заселённым, нас привезли ещё и в Центр недвижимости (продаж). Выставочные залы этого Центра не такие уж и

большие. Но макеты и образцы зданий с внутренней планировкой квартир (от однокомнатных студий и до шикарных многоуровневых коттеджей и вилл) – весьма и весьма наглядны.

Стоимость студии составляет всего миллион 200 тысяч батов. Стоимость коттеджа или виллы – от 3 миллионов батов. Мало того, покупателям предлагается даже двухгодичная беспроцентная рассрочка! Ну, и ссуды – не в пример нашим грабительским ипотекам...

КРОКОДИЛОВАЯ ФЕРМА

Крокодиловая ферма существует на острове не так давно. Здесь разводят в основном небольших сиамских крокодилов, до двух метров длиной. Помимо фермы-питомника на её территории имеется зал-музей, где представлены не только сиамские крокодилы, но и крупные, нильские. Последние – в виде чучел или даже древних мумий.

Тут же бассейн с зеленоватой водой и полусотней лениво нежащихся в воде и застывших с раскрытыми пастьми лежащих на бетонном полу рептилий. И лишь куском курятины, насаженной на крюк «удочки», можно соблазнить и вывести из неподвижного состояния какого-нибудь монстра.

А перед входом на ферму – ларьки-кухни, предлагающие отведать всем желающим шашлыки из крокодильего мяса, всего-то по сто батов за шампур. Стало быть, крокодилов не только отращивают, но и «забивают» на мясо для шашлыков, а пуще того на выделку крокодильей шкуры, а также в целях получения целебного жира для медицинских препаратов.

В специальном просторном зале циркового типа туристам предлагают шоу, подобное змеиному. Только тут уже вместо змей артистами выступают крокодилы. Ловкие парни-тайцы босиком, в одних лишь рубашках и коротких штанах, с небольшими бамбуковыми палками в руках в течение десяти-пятнадцати минут являют чудеса ловкости и отваги. Под комментариями через микрофон русского «шпрехштальмейстера» эти двое тайцев (или, может, даже малайцев) таскают крокодилов за хвосты, растопыренные лапы, пытаются сунуть руки в пасть разъярённых животных. Но гвоздём программы является засовывание полностью головы шоумена в разинутую зубастую пасть не-

подвижно лежащего на арене пятиметрового чудища.

ФАБРИКА ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Таиланд – страна с богатыми природными ресурсами, в том числе и месторождениями полудрагоценных и драгоценных камней: сапфиров, рубинов, изумрудов. Здесь добывают в естественных и выращивают в искусственных условиях морской и речной жемчуг. Камни и жемчуг не только добываются и выращиваются, но и доводятся до кондиций в виде уникальных ювелирных изделий.

В огромном холле фабрики – замечательный аквариум с разнообразными обитателями Андаманского моря, вдоль полукруглой стены, метров до пятидесяти длиной и трёх – пяти метров шириной. В нём, на удивление, соседствуют крупные (до метра) морские рыбы с мелкими аквариумными рыбёшками.

Однако не столько аквариум поражает своей зрелищностью, сколько посещение «Gems Gallery». Туда отправляются туристы в открытых вагончиках по рельсам (по замкнутому кругу). В этой галерее несколько остановок-залов, каждый из которых просто поражает своей оригинальностью. Это нечто похожее на аттракционную «комнату страха». Только здесь вместо страха получаешь чувство неподдельного восторга от увиденного!

Галерея выполнена в виде пещеры. В первом, полусумрачном зале перед экскурсантами предстают «живые» недра, имитирующие тектоническую и геологическую жизнь миллионлетней давности. В стереофоническом сопровождении «разверзаются» недра земные, где зарождаются будущие полезные ископаемые и драгоценные камни. Всё это ещё и со световыми эффектами. Не иначе – попали в настоящую преисподнюю!

Следующая остановка-зал показывает, как добывались камни в каменоломнях в прошлых веках, ручным способом: кайлами, лопатами, с примитивными подъёмными механизмами и штольнями. Тут вдруг «оживают» фигуры рудных работников, повторяя, словно заводные куклы, специфические движения рудокопов, погрузчиков, подъёмщиков... А по стенам, в изумительной подсветке, крупные драгоценные камни. И всё это теперь уже сопровождается радиокomentarиями невидимого нам гида на русском языке.

Далее – зал огранки камней. И тоже – с «ожившими» фигурками мастеров каменных дел и приятным голосом микрофонного гида. После следуют залы, показывающие уже готовые ювелирные богатства: начиная с древнеегипетских фараонов и до царей-королей разных стран – убранства, мантии, одежда, короны, тиары, атрибуты власти, шапки, обувь.

Кстати, не забыли тут и про наших, российских императоров. Так, в натуральную величину предстаёт перед зрителями царь Алексей Михайлович (Тишайший) – во всём великолепном убранстве из камней и золота, с ног до головы, и в шапке Мономаха. Есть и имитация короны Российской империи. Роскошные кольца, бусы, броши, перстни. Почти как в кино – сундуки и лари с драгоценными камнями, ювелирными изделиями – пиратские клады...

И таких залов на протяжении пятнадцатиминутной поездки по галерее – порядка десятка. И от каждого – полнейший восторг! Побывав в этой галерее, выходишь из неё не только с чувством восхищения, но и с ощущением некоторой обиды, униженности и досады за нас, россиян, за нашу Родину. Ну неужели мы, с такими богатейшими природными ресурсами, не можем показывать своим людям подобное?!

ПЛЯЖНО-БЕЗЗАБОТНЫЙ ДЕНЬ

Почти сразу же после завтрака мы отправились на пляж. Море и пляж практически не отличаются от вчерашнего. Небольшой ветер и не очень сильная накатная прибрежная волна.

А песок... Его тут называют *поющим*. Когда я впервые услышал об этом от экскурсионного гида, не поверил, ещё и подумал: «Так, очередная рекламная метафора». Ан нет.

Решил немного прогуляться вдоль побережья. И ближе к береговой, кустарниковой зоне, где песок более мелкий, чистый и сухой, вдруг услышал из-под ног и впрямь какие-то посвистывающие звуки. Сначала подумал, что показалось или задел ногой что-то скрипучее. Скрип повторялся, опять и опять, с каждым шагом. Ага, так это, значит, и впрямь шаркающая нога заставляет песок, насыщенный сухой морской солью, петь-поскрипывать. И чем сильнее ширканешь пяткой о песок, тем громче и продолжительнее звук. Даже и высота звука как будто меняется, выводя мелодию

или ритм... Эти звуки чем-то похожи на поскрипывания-похрустывания нашего сибирского снега. А ведь напомнила-таки морозная Родина о себе, хотя бы этой параллельной ассоциацией.

ПЛАНТАЦИИ

Выехали от отеля минивэном, когда на улице было ещё немного свежо и не совсем рассветло. Поехали в северную часть острова вдоль всего Пхукета, наконец-то посветлело разглядев его. Вдоль трассы попадаетесь довольно много современных коттеджей, вилл и таунхаусов, перемежающихся кафешками, рестораничками и бутичками на первых этажах. Впечатление уже знакомое – сплошного нескончаемо тянущегося одного города, растекшегося двумя-тремя параллельными улицами. По пути нередко встречаются ярко разукрашенные храмы, в едином стиле, словно под копирку.

Всё это демократично соседствует с современными кубообразными, из стекла и бетона, строениями европейского образца: торговые выставочные комплексы с японскими, корейскими, американскими и европейскими автомобилями, техникой и просторными типовыми автозаправками. Минуем площадь с памятником посередине – женщинам-защитницам острова, о которых я уже упоминал.

Первая остановка – плантация ананасов. Было желание увидеть: как же растут ананасы? А растут ананасы вовсе даже не на деревьях, а как овощи, прямо на земле – ровными длинными рядами, в виде кустистых узколистных растений высотой до полуметра. Из пазухи-сердцевины такого куста тянется вверх вихрасто-зелёный, крупно-пупырчатый овальный плод ананаса. Растут они и созревают круглый год, по мере отцветания. В одном ряду можно запросто встретить и цветок, и только что завязавшийся плод, и совсем уже спелый – золотисто-зелёный, в килограмм и более весом. Мало того, срезанная вихрастая зелёная часть макушки ананаса вполне пригодна для посадочного материала, из неё получается полноценный плодоносящий куст.

Прямо тут же, едва ли не на самой трассе, лежат целые груды только что срезанных ананасов – и совершенно зрелых, и ещё чуточку недозревших – на продажу.

Наш гид обращает внимание на растущие ровными рядами лиственные деревья. Присмотревшись, видим у каждого из них, на высоте в метр от корней, тёмные полукруглые чашечки. Это те самые гевеи. Стволы до самого разветвления кроны покрыты медно-зелёноватым налётом в виде бляшек размером со спичечный коробок. Гевей растёт так много, что невольно думаешь: когда же успевают собрать сок, ежедневно накапливающийся в чашечках-сосудах? Вот это работка! И ведь всё – вручную...

Наш автобус подъехал к мосту через пролив Сарасин. Наконец-то мы воочию разглядели и сам мост с аркообразными фермами, и морской пролив, отделяющий Пхукет от материка. Действительно, он не так уж и широк. Мост через Обь, к примеру, в Новосибирске значительно больше, и река шире пролива. Пожалуй, ширина Сарасина в этом месте вполне сопоставима с шириной нашей реки Томь в период её весеннего разлива.

ЧЕРЕПАШЬЯ ФЕРМА

Мы уже на материковой части Таиланда, и все дальнейшие экскурсионные остановки будут на ней, а не на острове. Черепашья ферма совсем небольшая по территории. Слева виднеется море, прикрытое от взора людского пальмами. Вдоль дорожек растут деревья, к стволам которых привиты цветущие разноцветные орхидеи.

Здесь расположился ещё и научный центр по изучению моря и его обитателей, в том числе черепах. Сейчас употребление черепах в пищу запрещено. На этой ферме занимаются исключительно разведением и восстановлением популяции морских черепах в районе островов, принадлежащих Таиланду. Больные черепахи, отловленные на островах и в море, проходят курс лечения и реабилитации. По выздоровлении их выпускают обратно.

Нас проводят мимо прямоугольных ванн-бассейнов из бетона, размером примерно три на полтора метра. В каждой из таких ванн, наполненных морской водой, до двух десятков черепах одного возраста – от небольших, панцири которых величиной с чайное блюдце, и до огромных взрослых особей. На каждом из панцирей черепашьяй молодежи – с дюжину ярко-бордовых камуфляжных пятен. Чем крупнее и взрослее черепаха, тем бледнее на её пан-

цире пятна. А на крупных, взрослых особях эти пятна практически сливаются со сплошным сизо-сероватым окрасом.

Чем крупнее черепахи, тем больше и объёмнее для них ванны с циркулирующей водой, искусственно наполняемой кислородом (аэрация). Кормят черепах свежей рыбой величиной с наших речных уклеек.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК КАО ЛАК

Первым делом мы сплаваемся на продолговатых бамбуковых плотиках по неширокой речушке, протекающей по джунглям. Её ширина ненамного превосходит нашу кемеровскую Искитимку. Зато вода... Чистейшая и прозрачная! Дно каменистое и порожистое. Местами, на омутках, глубина достигает трёх метров. А иной раз, зажата с обеих сторон валунами, вода с шумом проносится, будто горная речка. И длинный, не очень маневренный плотик едва протискивается, направляемый в нужное русло бамбуковыми палками.

На месте, откуда намечено начало нашего сплава, несколько аборигенных хижин, крытых почерневшими пальмовыми ветвями, вокруг которых миролюбиво бродят поквохтывающие пёстрые курочки и кукарекающие голенастые петухи. Тут же растёт и несколько гевей. Наконец-то мне удалось вблизи рассмотреть эти деревья, увидеть и потрогать липкий, белейший сок, стекающий по короткой трубочке в сосуд-получашу диаметром сантиметров в пятнадцать. В ней сок уже начинает загустевать, как сметана, превращаясь на солнцепёке в каучук.

Плотик представляет собой ряд бамбуковых жердей длиной метра четыре. Ширина плотика чуть более метра, и в ней умещается до полутора десятков тонких жердин, скреплённых тремя поперечинами. Он едва выдерживает на плаву трёх человек: плотогона и двух пассажиров. Плотогонами выступают местные молодые ребята, пассажирами – туристы. Для них в средней и кормовой части плотика имеются низкие поперечные сиденья, в виде обычных досок. Моряки такие сиденья называют банками. Плотогон длинным, метра в четыре, бамбуковым шестом ловко управляет плотиком, направляя его по фарватеру.

Мы в купальной форме, на ногах шлёпанцы, на головах кепки и панамы. Местами плотик

чиркает днищем о камни. Тёплая вода временами окатывает наши ноги.

Я поднимаюсь с банки, беру в руки свободный шест и начинаю помогать плотогону. Сначала неловко, потом всё увереннее. Да так, что мы меняемся с ним местами, я занимаю уже носовую часть. На омутках едва хватает длины всего шеста, чтобы достать дна. Вода и тут прозрачная. Я пытаюсь разглядеть в воде хотя бы каких-то рыбёшек и не вижу таковых. Спрашиваю плотогона, тот объясняет мне, что рыба тут водится, но мелкая. Похоже, он просто не рыбак. Мне не верится, чтобы в такой речке да не было бы рыбы покрупнее. На виражах и узких стремнинах, под угрозой свалиться в воду, приходится поработать шестом, это такой адреналин. Я в каком-то первозданно-дикарском мальчишеском восторге!

Берега реки полностью в джунглевых зарослях. В основном это лиственные деревья, перевитые лианами, множество непролазных кустарников. А то и вовсе бамбуковые частоколы. Встречаются даже банановые пальмы с гроздьями и гирляндами ещё зелёных плодов и какие-то деревья, на которых кучно висят неведомые нам фрукты.

В узких местах речки кроны деревьев с обоих берегов порой образуют своеобразные арки. Проплывая под ними, наш плотогон всматривается и, улыбаясь, показывает то на одну, то на другую свисающую почти к воде ветвь. Оказывается, на них, свившись и слившись с ветвями, прячутся небольшие змеи! Я начинаю активно орудовать шестом, помогая плотику поскорее проскочить это место. Не хватало ещё, чтобы какая-нибудь гадина спикировала к нам...

Весь наш сплав длится всего-то минут двадцать, а для меня это, пожалуй, самое запоминающееся и «драйвовое» во всей нашей экскурсии. Эх, порыбачить бы ещё здесь...

КАТАНИЕ НА ИНДИЙСКИХ СЛОНАХ

Около получаса едем на микроавтобусе к следующему пункту экскурсии. На сей раз это ферма, где содержится дюжина индийских слонов, катающих туристов. И катающих не просто по какой-нибудь цирковой арене, а по настоящей джунглевой горной тропе.

Уже там, где нас высадили, носы улавливают специфические запахи гороподобных животных и их испражнений. Говорят, что слоны

очень умные млекопитающие. Но вот в плане этикета и санитарии они совершенно бесцеремонные хамы. Ничтоже сумняшеся, где приспичит, оставляют после себя зеленовато-бурые колобки, похожие на мячи. Говорят, что это экологически чистый продукт, и из него изготавливают прессованные обложки для альбомов, блокнотов и прочего... То же касается и слоновой малой нужды. Словно из прохудившейся водопроводной трубы, вдруг с шумом захлещут потоки жидкости, образуя растекающиеся лужи.

Что касается еды, то слоны очень даже опрятны. Из кучи пальмовых или ананасовых сочных узких листьев, похожих на рогозовые, слон хоботом ловко захватывает пучок, отряхнёт его раза три-четыре о колено, перевернёт с другой стороны, снова обобьёт пыль и землю и только тогда отправляет в рот.

Со специальной высокой площадки нас парно рассаживают босыми на спины слонов, в широкие и просторные седла, огороженные по периметру стальными прутьями-поручнями. Спереди, на самую шею-голову усаживается погонщик с острым металлическим крючком, упираясь босыми ногами в широколопастные уши слона. Слоны с седоками и погонщиками идут гуськом в трёх-пяти метрах друг от друга. Иногда попадают встречные, едущие уже обратно. И тогда либо пережидают в удобном месте, либо осторожно протискиваются, едва не касаясь боками.

Погонщики слонов – весёлые ребята, знающие не только своё дело, но и развлекающие своих седоков. Они умудряются запомнить какой-нибудь каламбур на русском языке, и довольно чисто. Вроде «ёкалэмэнэ», «ёпэрэсэтэ», «давай, давай, наливай!» «ой, мама родная!». И песни любят распевать тоже наши, русские. Особенно эту: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...». А в концовке, искренне заливаясь смехом: «Не морозь меня – моего слона!» А то и вовсе напевают «хит» из репертуара Натали: «О боже, какой мужчина...».

ПОЮЩИЕ ГИББОНЫ

После обеда гид предлагает полюбоваться на семейную пару обезьянок-гиббонов. Это премилые, с густой коричневой шерстью опрятные обезьянки размером со среднюю собаку и с длинным хвостом. Они резвятся в вольерчике, огороженном металлической сет-

кой. Протягивают через ячейки сетки свои лапки, надеясь заполучить от зрителей что-нибудь вкусненькое.

Особо выделяется воображая самочка. Она – что эстрадная артистка. Так вот, она поёт. Да-да, только об этом её надо хорошо попросить, извлекая самым улюлюкающие звуки. И петь она будет только в том случае, если среди зрителей находится хотя бы один мужчина. Для женщин она выступить не будет, сколько ни проси. Усевшись на пенёк перед зрителями, самочка начинает свои рулады, уходя в верх. Её голосовая сольная ария без слов продолжается около минуты. В завершение пения она ещё и станцует, крутанувшись волчком раз пять, словно в фуэте, на своей заднице.

Получив аплодисменты зрителей и бананчики, артистка прыгает к своему партнёру, и они принимаются нежно обниматься и ласкать друг дружку. Вот бы и нам, людям, так же, да почаще!

ХРАМ ОБЕЗЬЯН

По плану нашей экскурсии дальнейший путь лежит к Храму обезьян. До него минут сорок езды. Вдоль трассы теперь попадаются уже не городские коттеджи и виллы, а в основном хижины аборигенов. По обеим сторонам высятся лесистые зелёные горы. Они встают то сопкообразно, поодиночке, то грядами. А то вдруг возвысятся отдельными скалистыми столбами, выпирая из земли метров на двести-триста. Такие же неприступные столбы, но уже островами, взмывают в высоту прямо из воды, когда мы приближаемся к морскому побережью.

Храм обезьян Ват Суван Куха – оборудованная под храмовый комплекс естественная пещера в огромной скале. По легенде, когда-то тут жил один буддийский монах. В этих местах обитает огромное количество обезьян. Это длиннохвостые серые мартышки-резусы. Они никого не боятся, бесцеремонно шныряют поодиночке и группками среди людей, на торговых точках, расположенных на площади перед храмом.

В храме-пещере находится пятнадцатиметровая позолоченная статуя лежащего Будды. С потолка второго яруса свисают сталактиты. Здесь специфический запах, множество летучих мышей и обезьян, которых кормить в храме-пещере запрещается.

SIMON CABARET

Саймон-кабаре – это шоу трансвеститов. В труппе порядка ста артистов и нет ни одной женщины. То есть женщины, сотворённой изначально природой. Тут все артисты «третьего» пола, искусственно, путём хирургических и тончайших пластических операций поменявшие свой природный пол и внешний вид.

О подобном шоу я неоднократно слышал от многих, побывавших в Таиланде. Даже и в прошлый раз, когда был в Паттайе, нам делались предложения посмотреть это зрелище. Но тогда я, человек нормальной сексуальной ориентации, относился к этому с какой-то брезгливостью мужлана-невежды. А выходит, очень даже зря!

За десять минут до начала стали запускать в зал. Мы с женой и ещё одна пара из «наших» оказались на элитно-виповских местах, в самом первом ряду. И если входил я сюда с некоторым предубеждением, с всё той же мужланской брезгливостью, то едва ли не с самого начала представления это чувство стало уходить и покинуло меня окончательно после первого-второго номера. Ему на смену пришли неописуемый восторг и чувство истинного гедонизма!

Открылось представление своеобразным мюзиклом с зажигательными современными танцами, музыкой и песенным рефреном «Саймон, саймон»... А наряды! Нет слов, чтобы выразить их красоту: с серебристыми объёмными ангелоподобными крыльями, высокими перьевыми головными уборами в жемчугах и горящих камнях, с роскошными ожерельями и элегантной обувью. Подстать женским нарядам и мужские. В составе труппы – и десятка два-три стройных молодых «мужчин», то есть выступающих в роли мужчин всё тех же красавиц. При этом распознать первоначальный пол непосвящённому человеку просто невозможно.

С первого номера, мне кажется, большинство зрителей (и я в том числе) были заняты не столько интересом к выступлению, сколько разглядыванием самих артистов. И всех мучил вопрос: что, неужели и впрямь эти красотки были некогда мужчинами?

Нам, сидящим на первом ряду, в каких-то трёх-пяти метрах от артистов, были хорошо видны их лица, фигуры и всё прочее. И если в лицах некоторых просматривались всё же

какие-то грубовато-мужские черты, а на бёдрах замечались искусственные накладки, то большинство из них – и впрямь писанные красавицы, хоть на конкурс красоты выставляй! Мало того, что эти лица по-женски безупречны, поражает ещё и фигура! Полуобнажённые полноватые, правильной и привлекательной формы груди, длинная шея, длинные («от ушей») стройные ноги, талия, бёдра – всё как из под резца искусного скульптора. И удивляет, и восхищает мастерство тайских пластических хирургов: это какими же надо быть талантливыми Пигмалионами, чтобы изваять вживую таких Галатей?! Правда, бросаются в глаза несколько увеличенные рты с жемчужными зубами в открытых улыбках, с алыми губами и языком.

Саймон-кабаре – это место, где непосредственно можно испытать на себе два основных жизненных принципа тайцев: «санук» и «суай» – эстетического наслаждения и красоты!

Один красочный номер варьете сменяет другой практически без перерыва. При этом на смену сольно-групповых номеров приходят массовые. И в массовых сценах при шикарном оформлении и световых эффектах предстают перед восхищёнными зрителями широкие исторические и этнические полотна и панорамы. В них узнаются то Таиланд, то древний Китай, то Корея или Япония.

А вот на фоне красочного фараона Тутанхамона – египетские рабы на плантациях и рабыни-наложницы, рядом с которыми и их безжалостные хозяева... Средневековая Европа с напыщенными, закованными, словно в броню, в строгие наряды, надменными дамами и рыцарями их сердец... Красочный Тадж-Махал индийской Агры – во весь задник сцены, с индийскими танцами женщин и мужчин, облачённых в шальвары, и с чалмами на головах, увенчанных яркими перьями султанов... Сцены из жизни пиратов...

А какой бурный восторг у нас, русских, вызвал номер, где сначала маршево вышли на сцену красочно одетые в наряды гусар девицы, а затем под узнаваемую музыку ещё три высокие стройняшки из нашей «Фабрики звёзд». И полилась песня на чистейшем русском языке: «Девочки фабричные иногда влюбляются...». Сольные номера пародийного и комического характера вызывают не меньший восторг, чем массовые. На сцене

появляются зажигательно-эмоциональные эстрадные дивы Запада – то Тина Тёрнер, то Дженнифер Лопес, то Мадонна...

Парочка сольных сенок комического характера с недвусмысленными намёками и выходом к публике буквально взрывала зал!

В одном из последних номеров полнотелая «дамочка» сначала вышла в вечернем облачении, потом, оставшись в одних трусиках, бюстгальтере и туфлях на высоких каблуках, под ритмическую музыку пошла по рядам. И первым, кому перепало от её вызывающих намёков, оказался я. Она уселась ко мне на колени и чмокнула своими напомаженными губами в место для индийского тилака... И что удивительно: никакой брезгливости от этой бесцеремонной выходки я не испытал... В финале – на сцене в зажигательном мюзикле вся труппа варьете. И нескончаемые овации благодарных зрителей!

Полтора часа шоу пролетели незаметно, ничуть не утомив, а наоборот, напитав огромной положительной эмоциональной энергией. И я уверен, что даже те, у кого до начала представления было плохое настроение, вышли из зала восторженно-возбуждёнными.

Да, видно, и впрямь, настоящее искусство не подразделяется по половому признаку.

КРЕЩЕНИЕ

Как явствует из Библии, Иоанн Креститель, теперь уже более двух тысяч лет назад, крестил самого Иисуса Христа в водах реки Иордан. Надо полагать, воды Иордана в тот январский день были не намного холоднее моря, на котором мы теперь отдыхаем.

И мы, придя на пляж Андаманского моря, искупнулись в «иордани», осенив себя крестным знаменем. А за ужином приняли по соотчке рома в честь великого православного праздника.

БУДДИЙСКИЕ МОНАХИ

Вечером, перед закатом солнца, мы решили сходить к храмовому комплексу «Суван Кхири Кет», на котором разворачиваются вечерние рынки. Территория этого храмового комплекса и впрямь большая, пожалуй, не менее, чем храма Ват Чалонг. А это – гектаров пять, если не больше. И этот храм выполнен всё в том же ярком тайско-буддийском стиле, что и Ват Чалонг.

На территории комплекса – несколько строений, в числе коих молельный дом (усобат). Через его открытые двери доносилось монотонное пение монаха, читающего мантры. С десятков других монахов в оранжевых одеяниях, замерев в позе лотоса, шевелили губами, вторя мантрам... Звуки молебна наполняли здание, вырываясь наружу...

Тут же, на территории расположены и комнаты двухъярусного «общежития» монахов – вроде келий наших православных чернецов. Как нам объясняли, монахи в Таиланде – особая категория. Их здесь очень много. Через монашество обязано пройти всё мужское население страны, включая короля и его детей мужского пола. Это сопоставимо со службой в армии у нас, в России, особенно в советские времена. Пусть хотя бы несколько недель или месяцев, но каждый мужчина должен на себе испытать «шкуру» монаха. В отличие от христиан у буддистов женщины не могут быть монахинями.

Для тех же тайских мужчин, которые решили посвятить свою жизнь служению Будде и добровольно принять монашество, существует очень много запретов на светскую жизнь. Все они выглядят одинаково. Носят яркие оранжевые одеяния с оголённым правым плечом. Их головы всегда непокрыты и обриты наголо. Ходят они только босыми. Не имеют права даже прикасаться к женщинам. Не употребляют спиртные напитки и не курят. И к самим монахам прикасаться простым смертным нельзя. Жить и питаться они должны исключительно за счёт подаяния. И ещё много-много всяких запретов...

Правда, не очень внимательные и поверхностные мои наблюдения позволяют всё же судить о том, что не всё у них так уж и строго. И к женщинам они прикасаются – это я видел в храме Большого Будды, когда монах повязывал всем желающим, в том числе и женщинам, оберег-нитку на правую руку. А другой монах, в храме Ват Суван, показывал при мне туристке, как нужно гладить руками священный круг, чтобы тот запел... И мне самому довелось миролюбиво посидеть за одним столиком с монахами и даже сфотографироваться с ними, с их разрешения.

Как и на территории Ват Чалонга, здесь довольно много всяких дополнительных строений, в виде отдельных часовенок, галерей,

площадок, со скульптурными золочёными изображениями Будды в разных позах, сидящих «на тронах» скульптур монахов и монархов.

Чего я не заметил прежде, недалеко от печи-крематория был довольно странный предмет: тёмный висящий жестяной круг диаметром под два метра. Его сердцевина была выпуклой. А вогнутая поверхность отливала золотистой бронзой, отполированная многократными прикасаниями к ней руками людей.

Уж не знаю истинного назначения этого круга, но он – поющий! Если ладонями обеих рук поочерёдно начинаешь гладить эту вогнутую часть, то круг, входя в резонанс, начинает издавать звуки нарастающего гула. Показал это нам один из монахов, сначала движением своих рук. Потом мы поочерёдно пытались извлечь звуки собственными руками. Нечто похожее приходилось мне совершать с «поющими» хрустальными тончайшими фужерами или стаканами, водя пальцем по ободку.

ПОЕЗДКА НА БАЙКЕ

Байки в Таиланде, пожалуй, самый распространённый вид индивидуального транспорта. Их тут так много, что ездят на них почти все, особенно молодёжь, в том числе и дамы.

Как мне казалось, до белеющего на фоне голубого неба храма-памятника Big Buddha (Большой Будда) всего каких-нибудь километра три. Вместо одиннадцати утра, как мы договаривались, мой племянник Влад подъехал к четырём часам пополудни. И вот, водрузив на свою голову защитный шлем, уселся я на его байк, обняв Влада левой рукой. Моя правая намертво вцепилась в металлическую дужку позади сиденья.

Ну, Господи, благослови! Ездить на такой технике по дорогам Таиланда мне ещё не водилось. И если бы я знал, что ехать нам придётся по узким улочками и трассам с крутыми виражами, спусками и подъёмами и что до этого самого Большого Будды не три километра, а все пятнадцать, вряд ли согласился бы на эту поездку!

То, что я испытал на виражах, не идёт ни в какое сравнение ни со сплавом на бамбуковых плотиках, ни со спуском вниз по крутой горной тропе на слоне. Это было гораздо круче! Мне всё время казалось, что вот-вот наш байк буквально ляжет набок или врежется в какой-нибудь несущийся транспорт.

А дороги здесь не наши. Во-первых, они очень узкие, и обогнать на них какой-нибудь минивэн, а тем более туристический комфортабельный автобус, – задача не для дилетантов. Во-вторых, здесь левостороннее движение, к которому надо ещё привыкнуть, даже будучи обычным пассажиром. В-третьих, и в самом деле очень опасные виражи и спуски. Ко всему – на этих дорогах довольно интенсивное движение.

Однако со временем ко многому начинаешь привыкать и появляется от этой езды даже какой-то восторженный азарт, или драйв, говоря современным молодёжным сленгом. К моему удивлению, мини-байк Влада весьма легко справлялся как с виражами, так и с затяжными подъёмами. Сгоняв туда и обратно, а это 30 километров, он израсходовал всего-то четверть бензина своего бачка. Выходит, менее литра.

WAT BIG BUDDA

Наконец-то мы на вершине горы, точнее у подножия храма-памятника Большого Будды. Сказать о том, что это колосс, значит не сказать ничего. Дело в том, что это не просто самый высокий памятник Будде на Пхукете, это ещё и храмовый комплекс. Его высота составляет 45 метров! Но из-за выдержанных пропорций он не выглядит таким громадным.

Его строительство было начато в 2002 году и до сих пор ещё полностью не завершено. Осуществляется оно исключительно на пожертвования. Пред взором ещё предстают полуторадюймовые обнажённые рёбра арматуры – под усиление фундамента. И внутри самой статуи, предназначенной под храм, всюю

ещё идёт отделка. Сам корпус памятника в виде Будды, сидящего в позе лотоса, выполнен, похоже, из бетонного каркаса. Весь Будда снаружи облицован ослепительно белой мраморной плиткой.

Откуда-то сверху, будто из головы колосса, разносятся эхом монотонные звуки молебна, как из мощного радиолокола. А извлекает эти звуки монах, сидящий внутри храма на специальном «подиуме» и читающий через микрофон постулаты учения Будды.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Аэропорт Краби не очень велик. Без особых проволочек мы прошли там все необходимые процедуры. Никого не задержали и не заставили выгрузить лишнее и расстаться с недозволённым. Оказывается, отсюда нельзя вывозить ни песок, ни морскую воду. Это примерно то же самое, как если бы запретили вывозить из Сибири наш снег. Бутылочку солёной морской воды Андаманского моря мы контрабандно всё же умудрились вывезти – исключительно в лечебных целях. Говорят, что морская вода очень хороша от простудных заболеваний и лечения носа...

Обратно летели ночью, в полной темноте. И лишь к концу полёта с востока стала просматриваться голубеющая полоска предрассветного неба.

Родина встретила нас морозом в минус тридцать два градуса со специфическим кемеровским дымком. Перепад температуры – шестьдесят четыре градуса! Но ничего. И дым отечества нам сладок и приятен....

*Пхукет – Кемерово,
12 января – 10 февраля 2015 года*

Виктор ЧУРИЛОВ

ОЧЕЛОВЕЧЕННАЯ ПРИРОДА

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ ТОВАРИЩА

Знакомство с Леонидом Кирчиком произошло так. В редакцию нашей райгазеты «Юргинские ведомости» передали его рукопись. Стихи я сразу отложил в сторону – автор явно не владел формой, а лирические миниатюры показались вполне пригодными для очередной литстраницы.

К тому времени за его плечами уже был институт, служба в армии, годы труда на производстве... Так что жизненного материала для литературного творчества ему было не занимать. Но основной темой стала для него природа – наша, сибирская, вошедшая в его душу и сердце, видимо, с молоком матери.

Леонид – постоянный гость леса, поля, рек и озёр в окрестностях своего родного посёлка-разъезда «79-й километр» на кемеровской ветке главной сибирской железнодорожной магистрали. Его первая книжка, вышедшая в 2003 году в Юрге, так и называется – «По полям, по перелескам». Вот одна из «акварельных» зарисовок – «Ивушка»:

«У изгиба лесной дороги, на сырой небольшой полянке, склонившись, словно кого-то поджидая, стоит старая-престарая ива.

Увидел я её и остановился в изумлении. Царь-ива! Неужто возможно такое?! Подобных великанов среди ив-бредин мне что-то не приходилось встречать. Обычно это кривенькие, невысокие деревья толщиной с хороший кол, ну с два кола. А тут...

– Сколько же лет тебе, ивушка? Наверняка ты помнишь моего деда. Говорят, по этой самой дороге на лихих конях ехал он свататься в соседнюю деревню. Расскажи мне о нём, ведь я никогда не видел своего деда. <...>

На корявых уцелевших ветках распустились жёлтые пушистые серёжки. Их мало: немного наверху, немного по бокам. Но даже этого хватило, чтобы старое дерево преобразилось: ожило, озарившись тёплым золотистым светом...»

Чтобы писать, Кирчику не надо придумывать. Ведь у него пристально-наблюдательная, дневни-

ково-мемуарная палитра творчества. В памяти накоплены сотни эскизов, которые художник развёртывает в красочные многоцветные полотна.

И кладёт, не выдумывая, строку за строкой, плотно, надёжно, как в студенческие годы вёл кладку кирпича, возводя очередное здание на стройплощадке города Томска.

И человеческий портрет он рисует так же выпукло и ярко, как любимое с детства цветущее поле и родные, уходящие за горизонт, просёлки: «Кручу педали, нагоняю бегущую впереди телегу, уставленную флягами. Почерневший от солнца мужик оборачивается.

– О! Дядя Андрей! Рад тебя видеть.

Уцепившись за телегу, еду рядом. Дядя Андрей – муж моей тётки, живёт в соседней деревне, что в пяти километрах от отчего дома. Пенсионер. В молодости был ухарь-мужик. Любого коня укрощал. Сейчас в нём половина того, что было. Состарился, ослаб. На тяжёлую крестьянскую работу уже не пригоден. На сивом мерине трусит по полям, развозит питьевую воду. Но человек он гордый. На здоровье и трудности никогда не жалуется.

– Как дела, дядя Андрей?

– Дела идут, контора пишет, только денег не дают, – задорно смеётся он. – Лучше расскажи, как там у вас в городе, что говорят о нынешней жизни?» («**Конёк-горбунок**»).

Нельзя без улыбки читать рассказ «**Неясыть**» – о том, как он решил однажды в зимнем лесу во что бы то ни стало разбудить крепко спавшую сову, с презрением игнорировавшую его желание «снять» её с насиженного места!

Мне нравится спокойный, повествовательный, иногда философски-рассудительный стиль книжек Леонида. Нельзя без светлой зависти и грусти читать рассказ «**Отчий дом**»:

«Вновь я в деревне. Сплю, как и прежде, на чердаке, умываюсь из бочки. Вечером засыпаю под монотонное лопотание листьев старого тополя, стоящего за домом, утром просыпаюсь под свист иволги... Люблю милый отчий дом. Наш маленький уютный деревянный домишко, стоящий у самого леса, на краю небольшого разъезда. Это – центр моей вселенной, мой приют. Возвращаться в него – всегда большая для меня радость. Жду не дождусь, когда толкнусь в скрипучие двери, обниму мать, сяду на привычное место в углу за столом.

Счастлив тот, у кого есть отчий дом...»

Виктор Арнаутов, прочтя первую книгу моего земляка, был восхищён его мастерством и написал о ней восторженный отзыв. И зачислил Леонида

Кирчика в категорию писателей-натуралистов. С оценкой мастерства Кирчика я согласен, а вот с категорией «натуралист» не совсем. Правда, подчеркнув созерцательность автора «Перелесков...», Арнаутов уточнил:

«А вот вам и примеры второго этапа познания-осмысления увиденного, рассуждения над смыслом и предназначением в этом мире...» (Газета «Край», 6 февраля 2004 год).

Вот именно! Не просто созерцательность, не просто наблюдения (что само по себе интересно), которые, скажем, вёл и описывал один из учёных-природоведов нашей области Илья Зыков, автор книг «Очерки природы Кузбасса», «Календарь природы» и «С ружьём и котомкой по тайге», не размышления о проблемах охраны лесов земли Кузнецкой лесовода Леонида Баранника – «Природа – наш дом», не рассказы и очерки о сибирской тайге и её обитателях журналиста Виктора Моисеева «Подарили бобрам речку...» (их книги издавались в Кемеровском книжном издательстве в советские годы).

Книги Леонида Кирчика – своего рода увеличительное стекло, благодаря которому, наряду с бескрайним сибирским полем, что писателю «родней» даже леса, «как ни хорош» он, читатель не только увидит другие, «мелкие» чудеса природы – то нежные беззащитные ноготки, которыми восхитилась, увидев их, девочка, и которые затем оборвал «лекарь-травознай», превратив клумбу в «лицо без глаз»; то славную жизнь, таинственно рождённого и таинственно исчезнувшего необычной окраски, чёрного среди белых, цыплёнка, но и, увидев, будет переживать, став неожиданным участником описываемых событий, пройти мимо которых, не заметив их, невозможно!

«Давно уже я живу в городе, – пишет, словно исповедуется, Леонид, – а привыкнуть к нему всё никак не могу. Дали мне не хватает поля. Погляжу из окна своей квартиры – дом пятиэтажный перед глазами, пройду в комнату напротив, гляну в другое окно – такой же высотный дом, только не кирпичный, а панельный. Сузился мир для меня до крохотного пространства между домами, тесно в нём душе, привыкшей к простору, и мыслям тесно».

Я был бы глубоко неправ, представив Леонида Кирчика как писателя одной темы. Отнюдь. В его творческом активе цикл интереснейших очерков – путевых впечатлений, накопленных в дни отпускных путешествий по Сибири и Средней Азии. Что говорит о необычайной и разносторонней любознательности их автора, которому становится тесно в масштабе крохотного железнодорожного разъезда.

Ну вот, даже несколько особняком (или мне так показалось?) среди рассказов и зарисовок выглядит «нравственная» сказка «**Пень болотный**».

Дерево, ещё вчера могучее, речам которого внимала вся округа, не смея его прервать, волею случая превратилось в низкий, невзрачный приболотный Пень. Теперь даже однолетний Камыш, ставший выше его ростом, надменно говорит: «О чём ты можешь судить, Пень, если мне по пояс?». А деревья, вчерашние подобострастные соседи, отныне его в грош не ставили и затыкали ему рот, едва он по привычке пытался что-то сказать.

И Пень не выдержал обид. И покинул родное болото.

Не буду пересказывать его дорожные страдания и приключения. В конце концов Пень не вынес разлуки с домом, решил вернуться в родные места. «Пусть насмеются, пусть шикают – переживу, лишь бы быть дома», – думал он.

Вернувшись к болоту, встав ночью украдкой на своё место, он прикинулся спящим, боясь, что едва рассветёт, едва он откроет глаза, на него вновь посыплется град насмешек. Но... когда Пень, осилив страх, открыл глаза, то удивился тишине. А, оглядевшись, «увидел, что вокруг него одни пни...». Точно такие же беспомощные и беззащитные, как и он сам...

157
 Меня восхитила эта неожиданная концовка сказки – настоящая находка, которая не повторяет, а как бы «натурально» дополняет мораль известной басни Крылова:

*Бессильному не смеяся
 И слабого обидеть не моги!..*
 («Лев и комар»)

Наказание «души низкие» (Крылов), из тех, кто смеялся и обижал слабого, получили соответствующее: они теперь сами «унизились», «уравнялись», став такими же «пнями» и «пеньками» болотными – всего лишь «по пояс» однолетнему Камышу!..

В последней, четвёртой книге «Странички из походного блокнота» Кирчик поместил автобиографический раздел «Отблески», посвящённый близким людям.

Хочу выделить из этой тематики маленькую повесть о матери «**Голубка милая моя**».

Талант словотворчества – это дар. Такой же, как любовь к природе или любовь к чтению. Но для их развития нужны условия. Леониду посчастливилось прожить детство и раннюю юность в селе. А природа там – «За порогом дома» (название второй книги, вышедшей в Юрге в 2007 году). А ещё, повто-

рюсь, посчастливилось воспринять любовь к земле, а также к чтению и образному мышлению от самого близкого и дорогого человека – матери. Воспринять и выразить в слове:

«Вот и пришла пора забирать мамочку из деревни в город. Совсем одряхла старушка. Не под силу стало жить одной. Шутка ли – восемьдесят шесть лет! И память поехала.

– Тут помню и тут не помню, – говорит она мне. – Голова моя уже не головит и думов никаких нету...»

Читая, я иссинил пометами едва ли не каждую страницу повести – так много неожиданного, ранее не читанного содержит эта драма на первый взгляд обычной и в то же время потрясающей своей «обычностью» жизни человека! Столько мудрости и оптимизма, юмора и истинно народного языкотворчества найдёт в ней читатель. Для подтверждения мне захотелось сделать выписки.

О расставании с жизнью в деревне

«– Сынок! Как мне не хочется уезжать! Реветь буду! Я такая деревенская, так люблю своё гнездо... В городе пропаду, тоска меня съест. Я уже несколько ночей не сплю, всё думаю, думаю... Как мне родной уголок покидать? В нём всё такое милое, такое красивое...»

– Ну, не всё! – стараюсь хоть немного успокоить её, возражаю я.

– Как это не всё? – обижается она. – Неужели не видишь? Всё красиво. Коровка идёт с поля домой – красиво... «Му-у, му-у...», иду, иду...», – говорит она хозяйке. Телёночек тоже: «Му-у, му-у...» – молочка у мамы просит. Курочка тоже красиво: «Ко-ко-ко, ко-ко-ко...». Гуси: «Га-га-га, га-га-га...»

О своих односельчанах

«По вечерам, как обычно, мать заводила разговор о доме, вспоминала разъездинских женщин, которых знала с молодости и по которым скучала. О всех говорила с большой любовью, как о сёстрах, но характеристику каждой давала строгую, исходя из своего мнения.

– Танька – это бык будучий. С ней может жить только дракон... Потому и живёт одна, и никто к ней не сватался. Но мы с ней не ссорились. Друг другу промолчим и всё на этом.

А кума моя – баба неплохая, но для себя плохая: пьёт по-страшному. На курорт съездила, малость разгорбатилась и опять запила.

Тайка тоже хорошая, только слушать её тяжело, говорит много. Когда вы с Валерой в армии служили,

она меня больше всех выручала: «Шур, Шура, не горюй, скажу Грише (мужу) – он сделает». Гриша Тайке всегда подчинялся, по её указке и мне помогал.

Катя всегда всё знает, как шпион. Мы с ней по вечерам часто разговаривали. Она мне все новости сообщала. Сейчас тоже в городе у дочки мается. Жить у детей с обеих сторон плохо: детям беда и старикам беда...»

О скоротечности жизни

«Всю жизнь мать прожила в деревне, любит её, а ещё любит посещать магазины... В магазине ей всё интересно... То платья разглядывает, то посуду, то платки...»

– Всё думаю: то ли мне умирать, то ли платье новое купить? <...>

– Жизнь такая быстрая. Только маленько залезла, а уже слазить приходится. <...>

– Всё ушло. Только ветер по-прежнему дует... Я хотела бы ещё работать. Родилась дурнорабочим. За мою работу Бог меня держит на земле. Видит, как я стараюсь. Труженик – это самый святой человек на свете...»

Повесть «Мать» – это не только биография «отдельно взятого человека». В судьбе простой сельской труженицы прослеживается судьба поколения, на плечи которого легли и испытания предвоенных лет и страдания страшной войны, а затем и тяжесть её последствий.

В одной из пяти глав повести есть эпизод, когда увезённая в город мать вспоминает свою кормилицу, «милую коровку».

«– Мне сегодня коровка приснилась, – сказала она сдавленным голосом. – Красивая такая, ровенькая... Идёт, мычит... Она на меня в обиде. А я не могла её больше держать. Из сил выбилась, заболела...»

Коровка моя чёрно-беленькая... Запрягу её в телегу, веду на поводке. Она дёрг и остановится. Бока раздуваются от натуги. Я глажу, глажу её по носу: «Ну чё, поедем, миленькая?» Коровка дёрг, и поехали. Мне стыдно перед коровкой. Как её доить?! Всё лето сено на ней вожу, как на коне. У коровки слёзы из глаз кап-кап... Я её уговариваю: «Не плачь, миленькая, не плачь...» А сама реву. Коровка – это мать. Она плакала, что везти не может, а я плакала от жалости к ней, стыда и горя... Выхода у меня не было. Нужда... Вы маленькие, без отца... Коровка мне помогла вас вырастить...»

Сын-писатель не только ласково, благоговейно ухаживает за престарелой, немощной матерью. Он старательно записывает её интересные выражения.

«Какая красивая у меня мама! Худенькая, дряхленькая, беспомощная, но какая красивая, какая милая, как солнечный зайчик... И хотя силы её таяли, память уплывала, язык по-прежнему был точен.

– Отчего у тебя синячок на ноге? – спрашивал я.

– Да так! Шла и уронила.

– Давай я чашечку с вареньем подержу, а ты вымажешься, – предлагал я.

– Вымажусь, так оближусь, – улыбалась она <...> Сейчас я тебе только выхваточки расскажу. Я не знаю, как у кого, я скажу, как у меня...»

Из фраз, оборотов речи «некнижного» языка матери рисуется её портрет – то «мелковый», то «карандашный», то «акварельный», то «маслом»...

Этот словесно-биографический портрет позволяет проследить её жизнь начиная с отроческих лет до последнего часа. Она жизнелюб, неиссякаемый оптимист. Но не бездумный, не лишённый разномыслия.

«– Почему всё живое на земле мучается? По какому закону? – обращается она к сыну. – Берёзка сохнет, мучается; птичка с перебитым крылом мучается – улететь не может; зверёк в капкане мучается... Почему зло такое злое? Его не зовут, а оно приходит. Само приходит! Если Бог – любовь, то кто его присылает?.. Разве нельзя жить без зла?..»

Самые задушевные, самые проникновенные строки посвящает Леонид матери. Он вспомнил случай, как однажды, занедужевшая престарелая мать подобрала выброшенный кем-то почти высохший саженец яблоньки, вымочила его и посадила. И сказала сыну: «Если примется, то и я ещё буду жить...»

Яблонька принялась. «Всю зиму мать жила мечтой, что яблонька весной зацветёт. Когда злые болезни особенно свирепели и на душу наваливался камень отчаяния, она заводила разговор об яблоньке, и это спасало её.

Весной яблонька зацвела, нарядилась в рде-ненькую беленькую кофточку. И надо было видеть глаза матери. Они светились от счастья. Столько было в них тепла и нежности!..»

И, конечно же, счастливы были оба. Мать – оттого, что почувствовала прилив жизненных сил. Сын – оттого, что исполнилось загаданное материнское желание.

Он радуется тому, что мать, как и он, влюблена в красоту природы:

«– Скорей бы снег сошёл... В садике посажу калину. Как я раньше не додумалась до этого? Красота-то какая!»

Третья книга Леонида Кирчика вышла с необычным названием – «Брызги». С любопытством открываю её.

О-о! Это уже нечто иное. Автобиографические повествования: «Школа», «Армия», «Университет», «Завод»... И пусть не какое-либо литературное «открытие Америки» – темы давно «засвеченные» и классиками прошлого, и современниками, но содержание и язык свои, кирпичиковские! Пусть микроскопический, но вклад в общую копилку нашей отечественной истории.

Читаю их, и вновь так и подмывает цитировать.

ИЗ МАЛЕНЬКОГО РАССКАЗА «ЛЫЖНЯ»

«Наскучила мне городская зима: снег грязный, истоптанный, на дорогах сырость. Собрался и поехал в деревню. Там – настоящая зима: пушистая, трескучая, с белым-белым снегом. В поле вьюги гуляют, песни поют, удалые братцы Мороз Красный Нос и Мороз Синий Нос пошаливают, путников беспечных поджидают...»

Оказывается, помимо Морозов – Красных и Синих Носов, есть ещё один: «Мороз Белый Нос, самый сердитый, самый лютый из братьев».

«А однажды я видел поющий снег», – делится писатель. И ему веришь. Веришь, что он на самом деле видел и слышал, как «на опушке берёзовой рощи колючий ветер пересыпал ледяные снежинки, и они тихо позванивали».

Подметил он и то, что зайцам «трудно бегать по мягкому глубокому снегу» и они не прочь пробежать по проделанной человеком лыжне. Как-то после трёх дней метелей он по следам определил: рано утром прибежал к нему в гости заяц. «Приподнялся на задних лапках, забарабанил передними по ограде: «Эй, мужик! Где ты там?! Выходи скорей! Бегать трудно! Пора лыжню делать!».

«Очеловечевание» природы у Кирчика происходит не статично, наоборот – в действии, в динамическом развитии. Сосёнка у него как живая – то прячется, то поднимается из зимнего схрона. Пёсик Шарик, которому показалось, что хозяин погиб вместе с пнём, на котором только что сидел, а потом незаметно ушёл, издавал, глядя на горящий пень, «душераздирающий вой». А когда хозяин нашёлся, бросился ему на грудь с «заплаканными глазами».

Его писательское кредо – не только наблюдать (это само собой, как дышать!), а находиться в эпицентре событий:

«Шёл я полем и от избытка чувств улыбался и что-то бормотал себе под нос, словно токующий черныш. А вокруг бушевала весна, кипели страсти, всё живое сходило с ума от нахлынувшей любви...».

Юрга

Мария ЗАБОЛОЦКАЯ

ПРАЩУРЫ ИЗ УКРАИНЫ, ПОЛЬШИ И БЕЛАРУСИ – ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ СИБИРИ

Отрывки из книги «Дневник
народной певицы»

Я долго и тщательно изучала свою родословную. Она – иллюстрация того, как Сибирь заселялась переселенцами из Белоруссии, Украины, Польши и других земель, даже московских. Теперь я могу рассказать об этом – типичном случае переселения предков в холодную Сибирь.

Я стала распутывать клубок родословной. Клубок распутывался, я выходила на архивы, собирала информацию о своих предках по метрическим книгам. Я смотрела на записи о рождении своих прадедов, их свадьбах, появлении их детей – моих бабушек и дедушек, записи об уходе в мир иной. В некоторых случаях удалось выяснить, откуда приезжали мои предки в Сибирь. Появилась большая мечта – съездить на свои исторические родины и посмотреть – как будто глазами предков... А на стене в моём доме теперь появились фотографии в золочёных рамах. Это фотографии сёл – исторических родин моих предков. Конечно же, я нашла новых родственников.

И ведь из каких красивых мест уходили переселенцы... Бежали по разным причинам, уходя от безземелья, от войны. И даже богатели на вольных хлебах – но приходили новые времена, и переселенцы снова оставались ни с чем... Таким образом малонаселённая Сибирь, которую надо было осваивать и заселять, заполнялась переселенцами. В те времена были и частые случаи возвращения переселенцев из Сибири назад – не выдерживали они испытания Сибирью. Мои предки выдержали. А вот три брата прапрадеда по линии отца вернулись назад на Украину. И по линии мамы со стороны бабушки тоже есть вернувшиеся назад (сейчас они в Одессе).

Солнечная рідна Украина, светлая спадчына Беларусь, утонченная Польша и раздольная Россия живут во мне одновременно и неделимо, текут во мне кровью моих предков: московитян, витебчан, украинцев, поляков и даже прибалтов, и звучат песнями на всех языках моих предков... Мне не разделиться, все они – во мне. А украинский орнамент на рушнике, витебский василёк на платье и русский узор на юбке – это симво-

лы моих корней. Московские торговые люди, вольные белорусские крестьяне, украинское казачество и польская шляхта... Все мои предки с тех пор, как я узнала их всех по именам и отчествам, как будто незримо встали за спиной – это и есть связь поколений, сила рода.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ БЕЛАРУСИ

Многое из истории нашего рода мне рассказал мой любимый дед-белорус Александр, фамилию которого я взяла за основу своего сценического псевдонима в память о нём. Он – старый солдат, ветеран войны. Это он пел мне солдатские песни вместо колыбельных и носил меня на руках гулять по огромным сибирским полям в нашем родном посёлке Ясная Поляна. Это он вставал ко мне ночами в детстве, чтобы посмотреть, как там его любимая внучка-первенец.

...Прадед Павел Максимович и его отец, Максим Ефимович, пришли в Томскую губернию из Витебской губернии Белоруссии, деревни Зайцовка. Переезжали под Новосибирск. Тогда это была сплошь Томская губерния. Сначала в Сибирь заслали гонцов, старших сыновей прапрадеда – Федота, Егора и Митрофана, чтобы разузнать, что да как. Братья, приехав на разведку, спрашивали, кто-то им посоветовал обратиться на хутор деда Беркута за его разрешением поселиться у него, заимка так и называлась – Беркуты. Такая деревушка есть и сейчас. Дед Беркут был очень уважаемым в тех местах. Пришли прадеды, тогда ещё молодые, неженатые, но уже бородатые – и упали перед ним на колени: «Прими». Огромные детины с бородами – на колених с просьбой принять, благословить на переезд. Беркут сказал им: «Берите земли столько, сколько сможете обработать, и селитесь. И вставайте с колен, пойдёте уху щербать...» Вот это «пойдёмте уху щербать» передавалось в дедовом роду из поколения в поколение – был о гостеприимстве сибирского деда Беркута.

В Белоруссии земли не хватало из-за густонаселённости, ведь огромную площадь маленькой Беларуси занимают болота (не зря и фамилия наша такая говорящая). Семья была большая, поэтому решили ехать. Царское правительство давало подъёмные тем, кто заселял Сибирь, сумма на семью получалась приличная. Ехали несколько семей, у некоторых жёны были беременными и даже рожали в пути... Первые записи о появлении на свет детей переселенцев-белорусов уже в Сибири, на заимке Беркуты, датируются в метрических книгах декабрём 1899 года.

Приехали – и только на месте поняли, куда попали. Было то ли лето, то ли осень (потому что в Сибири лето часто, как осень), постоянно шёл дождь, нужно было строить дом, а глины для строительства набрать невозможно – она была в развезённом состоянии. Поэтому брёвна смазывали не глиной, а грязью. Холод и промозглость – первое впечатление от Сибири у ко-

ренных белорусов, приехавших с тёплой земли. Гонцов-то, видать, летом посылали, и те застали солнечную погоду – просто так совпало.

В селе Монастырском, из которого родился Прокопьевск, жила другая ветка наших белорусских родственников по фамилии Заболотник. В разных местах селились переселенцы – вроде братья, а распределялись по разным переселенческим участкам.

Село это было старинное, со своей историей. Когда давали название городу Прокопьевску, то вспомнили о местном церковном служителе Прокопии – и в честь него назвали город. Теперь святой Прокопий – покровитель этого сибирского города, который тогда относился к Томской губернии.

Следом в этот город приехала остальная семья – мой прадед Павел с женой Настасьей и его братья с семьями. Моему деду тогда было лет 10, это был 1934 год. В 1937 году Прокопьевск стал частью Новосибирской области, а в 1943-м – Кемеровской.

Много наших белорусских Заболотников пострадало от репрессий – из тех, которые не поехали в Сибирь, остались на исторической родине. Все они были реабилитированы и включены в Книгу Памяти пострадавших от репрессий в СССР. Из этой книги я узнала новую информацию, которая помогла в установлении родственных связей и исторических фактов.

Я долго искала родню в Беларуси. Помог сайт «Радзима». На Витебщине нашлась линия Евстафия, предположительно одного из братьев прапрадеда Максима. Моя белорусская тётя Мария рассказывала мне о своих родственниках, которые уехали в село Монастырское. Нити связались! Мы с Марией – сначала я, а потом и она – долго дивились, сравнивая её фото с фото моего прадеда, поражаясь, что и нос, и брови, и глаза, и скулы – всё так схоже! Мария даже вспомнила, как в её детстве в их деревню к двоюродной тёте приезжал из Сибири родственник из рода Заболотников, по всем приметам очень похожий на моего деда!

Нашу Зайцовку я долго не могла найти на карте – ни на современной, ни на старой. Нашлась она на довоенной карте, 1938 года, когда, видимо, уже готовились к войне с Гитлером и составляли подробные карты. На самом деле она называлась Зайцево. За давностью лет из уст в уста название её было передано дедом в искажённом, народном, виде. Рядом с ней находится деревня Борисово, из которой ехали в Сибирь Вороновичи, вместе с нашими Заболотниками. Живя в соседних белорусских деревнях, были хорошо знакомы, так как ходили в один храм, который находился в деревне Стрелки.

Сегодня нашей «зайцовой» белорусской деревни не существует... Её в 1943 году сожгла война... Борисово – тоже. Там проходила линия фронта, было выжжено всё дотла.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ-ПОД ТЕРНОПОЛЯ

Долго не знала я, с какой стороны подступиться к вопросу изучения своей родословной по линии бабушки, которая умерла ещё до моего рождения, жены моего деда-белоруса, бабы Маши, в честь которой называли и меня.

Родилась бабушка в деревне Лукошкино. Первую информацию о роде бабушки дал мне дед. Это был минимум информации, от которого я оттолкнулась. А продолжать пришлось мне самой. Мысль поселилась у меня в голове – увидеть Лукошкино. Интересно было знать, на какой улице жили предки, где стоял их дом, найти их могилы на сельском старом кладбище. Я нашла в соцсети группу с названием «Лукошкино» и создала там тему, что ищу родственников по своей фамилии. Фамилия у моей бабушки красивая, польская: Гамановская. Нашлись две моих новых тёти, которые дали необходимую информацию, за которую я зацепилась и продолжила расследование. Они рассказали мне ещё об одной нашей родственнице-старожилке, которой уже 76 лет, и она должна была помнить многое. Я нашла её телефон.

Наш родственник в Одессе, брат тёти Елены, вспомнил название нашего родного села на нынешней Украине. Таких сёл в Тернопольской области оказалось сразу два – в Лановецком и Борщевском районах. Я написала в украинский архив, откликнулась его сотрудница, пани Оксана, которая сразу определила, из какого из двух этих сел, скорее всего, уехали наши предки в Сибирь. Я попросила её, она нашла в метрических книгах записи о моих предках! Так я протянула свою ниточку и на Украину.

Село прадеда Дмитрия Гамановского называлось Бережанка. Я теперь знаю по именам и отчествам всех предков по этой фамилии вплоть до XVIII века. Как мне рассказали потом в минском архиве знатоки, такие фамилии, как Гамановская, всегда однозначно указывают на принадлежность рода к польскому дворянству, шляхте. Потом я читала об этом и в научных источниках. Поэтому можно предположить, что наш род по этой линии был из обедневших по какой-то причине польских дворян, проживавших на территории нынешней Украины.

Родился прадед Дмитрий Иванович в 1884 году. Из Украины прадед с братьями уезжали вместе с отцом и матерью – Иваном Андреевичем и Марфой Дмитриевной. В Сибирь приехали вместе с семьёй Ничепорук. Жёны Ивана Андреевича Гамановского и Антона Ничепорука – Марфа Дмитриевна, моя прапрабабушка, и Пульхерия Дмитриевна – были родными сестрами. И уже на моём веку с этим обстоятельством вышла мистическая история. Я и моя подруга детства, родившись в разных городах, через полвека после смерти своих прапрабабушек-сестёр вдруг встретились в одном классе за одной партией,

подружились, и только спустя много лет мы выяснили, что являемся сёстрами!

Упоминания о появлении наших Гамановских в Сибири (Лукошкино) встречаются впервые в 1901 году. Тогда прапрабабушка Марфа Дмитриевна промелькнула в метрической книге в крёстных. В последующие годы два рода – Гамановские и Ничепоруки – всегда вместе: крестят детей, гуляют свидетелями на свадьбах друг у друга.

А на улице Заречная (так улицу звали в народе, ныне она называется Лиственка) когда-то подряд стояли три дома Гамановских: Ивана Андреевича, Дмитра и Василия.

В Кузнецкий уезд ехали в основном из Украины. В 1914 году в Лукошкино появилась своя церковь – а это означало, что село разрослось до больших размеров. Прапрадед Иван Андреевич Гамановский был церковным служителем. Когда люди встречали его, они снимали шапку и кланялись, ходили к нему за советом, а по вечерам он читал церковные книги собравшимся на вечерки неграмотным односельчанам. Перед всеми большими церковными праздниками правнучки Ивана Андреевича, в том числе и тётя Таня-старожилка, приходили к нему в дом наводить чистоту.

Всё село было сплошь украинским: из каждого двора неслись украинские речи, девушки до самого военного времени выходили в селе замуж по украинским традициям, в веночках. А летом каждый вечер над селом раздавались на закате украинские песни на три голоса – и так хорошо пели, хоть и не был никто обучен музыке... Пели, вспоминали родину – и плакали. Так и скучали всю жизнь по своей исторической родине...

У Гамановских было огромное хозяйство (оно значилось за Иваном Андреевичем, их отцом, а работали на полях все его взрослые сыновья, и именно этот факт спас наших Гамановских от репрессий во времена раскулачивания, ведь сыновья не батраки, а члены семьи). Была у них и своя мельница – они поставили её сразу по приезду в Лукошкино, замутив речку Берёзовую.

Прабабушка Матрёна была переселенкой из украинского села Печерна, которое находится буквально в километре от села Бережанка. Линию Матрёны, второй жены прадеда после смерти первой, я восстановила тоже благодаря соцсети «Одноклассники». В 1894 году, когда Матрёна была совсем маленькой, их мать Юстина умерла от родов. Оставшись малолетней сиротой, Матрёна приехала в Сибирь вместе с семьёй своего деда по фамилии Онищук. А в 1915 году родные братья Матрёны – Казачки – во время Первой мировой войны приехали в Сибирь, к родственникам. И ещё одна мистическая история произошла в связи с расследованием линии Казачков: среди давних знакомых в моём окружении нашлись родственники Онищу-

ки! Те самые, с предком которых приехала в Сибирь моя прабабушка!

Когда настало время раскулачивания, отбирать нажитое в Лукошкино (так было во всей Сибири, видимо) приходили свои же, деревенские, бездельники, которых все знали в лицо и поимённо. Они все были почему-то бритоголовыми, как в 90-е годы XX века (так рассказала моей тёте-старожилке её мать, которая застала те времена), и в чёрных кожаных куртках. На земле они сами работать не хотели и не умели, но посчитали себя обделёнными, а тех, кто успел нажить достаток своими трудами – виноватыми. Отбирали скот, продукты. Скот приносили в жертву идее раскулачивания тут же, за деревней – естественно, не на благо «государству», которое в отдельно взятой деревне никак нельзя было потрогать руками, а в свою личную пользу. Этим они заслуживали ненависть односельчан. Но ненависть тихую. Под флагом раскулачивания проявлять свои чувства было опасно. Нашего Ивана Андреевича не тронули – он был старым и уважаемым человеком на селе, а ещё потому, что он отдал всё «добровольно», попробовал бы не отдать-то...

На лукошкинском сельском кладбище могилы прабабушки Матрёны и прапрадеда Ивана Андреевича Гамановского мы не нашли. Стёрло время с лица земли их последние пристанища, не узнать теперь... Остаётся только помнить, чтить.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ ПОЛЕСЬЯ

Про отцовских предков хотелось узнать только одно: откуда они приехали в Сибирь. Меня вырастил отчим. Жизнь сложилась так, что сначала я изучила родословную своего отчима-украинца. Отец оставался как будто в стороне – представления не имела, где искать. А родословная отца оказалась лежащей на поверхности. В метрических записях кемеровского архива – рядом, в двух шагах – было написано, откуда предки приехали в Сибирь.

Появились они в Тарсьминской волости Кузнецкого уезда в 1915 году, во время Первой мировой войны. Приехал прапрапрадед Никон Иванович с детьми, среди которых – мой прапрадед Игнат Никонович с четырьмя братьями и сестрой. Трое братьев по окончании Первой мировой войны вернулись назад в родное украинское село.

Историческая родина отца оказалась такой живописной! Село территориально находится на Украине, на границе с Белоруссией, до неё 4 километра, и Польшей, до которой 6 километров. Там начинается белорусское Полесье. Рядом – Полемецкое озеро, очень красивое, чистое, мечта всех рыбаков и любителей первозданного отдыха. Когда-то это тоже была территория Польши, да и название у села явно польское, этот звуковой колорит не спутать. Село называлось «Полемець», произносится с ударением на второй слог, буква е произносится

как э. Позже название исказилось в Пулемец – он есть на современной карте. Большое, развитое село. Оказалось, что наш родственник, потомок одного из вернувшихся назад на Украину братьев, долгое время был головой села. И так же, как я, долгое время изучает нашу общую родословную.

БЕЛАРУСЬ. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СПАДЧЫНУ

Я поехала навстречу своей давней мечте – побывать на исторической родине своих предков по линии моего любимого деда, в Беларусь. Приехала на Белорусский вокзал. Надо сказать, что Беларусь начинается уже в Москве, на станции метро Белорусская. На вокзале я купила билет (мне снова везло – он был на последнюю нижнюю полку во всём поезде!).

Я подъезжала к Витебску! В окно глядело раннее белорусское утро – такое, наверное, каким его видели сто с лишним лет назад мои предки-белорусы... На перроне меня встречала родственница Мария, я вышла в слезах, мы обнялись. Это непередаваемое чувство...

Мы с Марией и её племянницей, которая была за рулём, поехали к Марии домой. Она накрыла на стол, покормила меня с дороги – заранее приготовила вкусный завтрак... Потом положила меня спать на кровать в отдельной комнате, кровать была мягкой, постель пахла чистотой... Я приехала туда, где меня искренне ждали...

Побывала в Витебске я, в старинном Марковом монастыре, поставила свечи за упокой моих предков, уехавших когда-то с этой земли в Сибирь. У главного храма Витебска – Успенского – на горочке между рекой Двиной и храмом я набрала земельки, чтобы увезти на малую родину и посыпать там, где спят вечным сном мои предки-белорусы... Посыпала! Ведь прадед Павел, которому было всего 10 лет, когда он оказался в Сибири, всю жизнь говорил на белорусском языке, не дал переделать на новый лад белорусский исходный вариант звучания нашей фамилии, а лёгкий белорусский говорок в произношении передал и моему деду.

Мария свозила меня в Минск. Город огромный, но с Москвой, конечно, не сравнится по размерам, и красота у него другая, своя. И величие в нём есть, и столичность, и нечопорность. И суеты, толчеи нет. Много солнца. По улицам ходит много светлокожих и светло-волосых людей, многие мужчины похожи на моего деда. А главное – белорусы очень приветливы, они улыбаются от души, со всей радостью, когда задаешь им вопрос. Я заметила, что и одеваются белорусы, особенно в Минске, ярко, в одежду разноцветную: вокруг жёлтые, красные, белые, зелёные цвета... Да ведь и флаг-то у Беларуси какой яркий: красно-зелёный, а по нему идёт белорусский национальный орнамент.

Я отправилась в храм Воскресения Христова. Обошла его по кругу, подошла к каждой иконе, поблагода-

рила за свой приезд сюда, снова поставила свечку за своих предков-белорусов. Потом присела на лавочку в храме и узнала от женщины рядом, что сейчас вот-вот привезут мощи святого князя Владимира, Крестителя Киевской Руси. Это, решила я, не случайно, я ведь Владимировна, и теперь оказываюсь в Минске в единственный свой день, в то время, когда сюда привозят мощи князя Владимира.

Я прошла через пост охраны, которая заинтересовалась моим большим пакетом, мне пришлось показывать, что там внутри, и рассказывать, что я туристка из России. Потом я попробовала зайти внутрь, а там... Там зайти было невозможно, яблоку негде буквально упасть. Я робко стояла у дверей, а потом сказала сокрушающимся голосом стоявшей рядом женщине: «Если через час я не пройду, то у меня поезд, и я должна буду поехать на вокзал...». Женщина мне ответила: «Вон там, видите, мужчина высокий, его зовут Роман, это начальник охраны. Подойдите к нему и скажите, что надо на поезд, он может провести, ведь причина уважительная...» Я глянула в сторону Романа. Легко сказать «подойдите»... А как? Женщина ответила: «Идите между людьми и говорите по пути, что у вас поезд, что извиняетесь и просите пропустить...» Я так и сделала. И люди расступились и пропустили меня к Роману!

Ещё не окончилась служба, я стояла поблизости от Романа со своим пакетом, и когда стало удобно обратиться с вопросом, сделала это. Притронулась слегка к его руке, когда он повернулся, шёпотом рассказала свою ситуацию. Он спросил: «А вы откуда?» Я ответила: «Из России». В Беларуси слово «Россия» – волшебное! Как только закончилась служба, Роман подошёл к главному батюшке со словами: «Вот здесь девушка, россиянка, у неё поезд скоро, можно ей пройти вперёд очереди?». Батюшка улыбнулся и ответил: «Пусть проходит!» Весь этот разговор происходил с таким огромным уважением к России, что невозможно было этого не понять и не заметить. Роман взял у меня из рук мой огромный пакет, я подошла к мощам святого князя Владимира. Потом Роман вынес мне пакет и сказал с улыбкой: «Передавайте привет Путину». Я ответила, что передам при первой же возможности. Вышла из храма на Божий свет, ярко светило солнце, и я... заплакала. Это были слёзы счастья и благодарности Беларуси, встретившей меня так радушно!

Обратно из Витебска в Москву мы поехали вместе с сыном Марии – Андреем. В пути всего-то пять часов, от Витебска до российской границы – 50 километров. На границе между Беларусью и Россией таможенники попросили показать наши паспорта и пожелали счастливого пути. Перед нами остановили машину с украинскими номерами, их изучали дольше и тщательнее.

Мы въехали в Подмоскovie. Приветливое подмосковно-белорусское направление...

Кемерово

Валерий ПЛЮЩЕВ

ПОБЕДНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мысли и факты по поводу альманаха
«Победа над Японией»

Двухтомником «Победа над Японией» – более тысячи страниц текста с обильным количеством уникальных фотографий – общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска» совместно с Омским региональным общественным фондом «Духовное наследие» завершил издание военно-патриотической серии книжных фолиантов о сражениях Великой Отечественной войны и трудовом подвиге в тылу. Великолепная военно-патриотическая библиотечка включает в себя, в числе прочих, «Сибиряки в битве за Москву» (2 тома), «Сибиряки в Сталинградской битве» (3 тома), «Сибиряки и Победа» (5 томов), а всего 26 томов. Отметим то, что именно сибиряки, а не как привычно – центр, воплотили этот увесистый по огромному количеству материалов и, конечно, по расходам и издательским заботам проект о роли нашего сибирского региона в ключевых событиях истории России XX века.

2 сентября 1945 года на борту американского авианосца «Миссури» был подписан акт о капитуляции Японии, 3 сентября объявляется в СССР Праздником Победы над Японией и нерабочим днем. Знаменательное историческое событие в нашей стране отмечалось в 1945 и 1946 годах. Очень быстро эта дата перестала быть праздничной – такое ощущение, что отчего-то «забыли». Наша Госдума только в 2010 году внесла дополнение в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», объявив 2 сентября Днём окончания Второй мировой войны. И всё-таки, не День Победы над Японией.

Разгром дальневосточного милитаристского соседа похоронил планы японской правящей элиты по превращению своей страны в азиатскую колониальную державу. Между прочим, в Токио планировали оторвать очень большую территорию СССР, в частности Сахалин, Приамурье, Восточную да и Западную Сибирь – ведь собирались закре-

питься на линии Омска. В альманахе напоминают, что до японской оккупации Маньчжурии к советской границе подходили лишь две железнодорожных линии, оккупанты подвели ещё семь, построили укрепрайонов, где сосредоточивали отборные войска.

Если подходить с мерками «священной войны» с фашистской Германией и её сателлитами, тогда можно понять, почему молниеносная война на Дальнем Востоке с годами осталась в тени. Появилось даже выражение: «Неизвестная война».

...Хорошо помню сельских ветеранов войны с орденами и медалями, у некоторых, среди прочих боевых наград, на груди светилась медаль «За победу над Японией». Помню рассказы рано поседевших мужиков, вспоминающих путь по железной дороге через всю страну на Дальний Восток с неизвестной для них целью, хотя они догадывались, для чего везут столько людей. Один из победителей вспоминал об эшелонах, которыми транспортировали «рокошсовцев», не выпуская на остановках из вагонов – ему именно это врезалось в память.

У престарелого родственника в углу над иконами под стеклом висели его награды за 1941–1945 года и одна, отсвечивающая серебром, медаль ещё царского времени с цифрами 1904, 1905: «В память Русско-японской войны», завораживающая меня с братом непонятным знаком, только позднее я узнал, что это был масонский символ. Владелец награды попал на ту войну совсем юным. А под иконой была Грамота Верховного в нарядной самодельной рамке под стеклом – хозяин был далеко не последним мастером в посёлке по столярному делу.

Я старался читать всё, что выходило в книжном варианте о войне с Японией, – не густо печатали.

Уже совсем взрослому мне рассказывал бывший начальник Кемеровского КГБ генерал Григорьев (ставший пенсионером и активным лектором общества «Знание», где мы и познакомились) об агентурной игре, которую наши разведчики – он в ней участвовал – провели с японскими спецслужбами в предвоенные и военные годы. А оттолкнулись мы с ним от одной из шпионских книжек, о которой я ему рассказал, а он уточнил, как было на самом деле.

Помню рассказы мамы о работе пленных японцев на лесозаготовках, часть их них осталась навсегда в окрестностях нашего Сонского леспромхоза в Хакасии в виде столбиков, выстроившихся в густом лиственнично-кедровом лесу. Щуплые япон-

цы ели всё, что удавалось поймать, – это с её слов – змей, сусликов, бурундуков, птиц, всё, чем мог одарить сибирский лес, где они занимались заготовками – стране были остро необходимы лесные материалы для послевоенного восстановления. Два забытых японских кладбища мне показывал уже мой отец, любивший охотничий досуг, во время поездок с ним на мотоцикле по заброшенным дорогам на сбор ягод. Рясную бруснику мы с ним брали рядом с этими столбиками. Вряд ли японцы-родственники упокоившихся приезжали в эти места уже в наши дни в поисках праха. Думаю, совсем никого не осталось, чтобы точно указать место.

Потому-то для меня эта война никогда не являлась забытой, неизвестной. Повторюсь: мало что было почитать о ней – это да.

Вот эту «неизвестность» и заполняет насыщенной информацией вышеназванное издание, представляющее на суд читателя и мемуары тех, кто командовал, и воспоминания солдат и офицеров, и то, что удалось разыскать в архивах, как и исследования уже современных историков и краеведов. Этот альманах – памятник погибшим и поклон всем ветеранам. А ещё – это правда, которую бывшие союзники начали заменять самыми разнообразными придумками уже в первые дни после объявления СССР войны дальневосточной соседней стране. В альманахе напоминают, что президент США Гарри Трумэн, который очень настаивал на вступлении СССР в войну с Японией, полностью поменял свою позицию после победы. Вот как он писал 12 января 1953 года в письме историку Джеймсу Кейту: «Русские не внесли никакого вклада в победу над Японией». А как же тогда расчеты американских и британских специалистов, что их потери составят более миллиона солдат и потребуются ещё до полутора лет, если сражаться без СССР?

И здесь, конечно, самая горячая тема – атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Западные союзники утверждали сразу, настаивают и сегодня: именно после этих ударов противник не смог оправиться и сразу объявил о капитуляции.

Вообще-то ВВС США господствовали в воздухе и откровенно мстили за унижение Перл-Харбора: бомбили японские города почем зря, утертвив сотни тысяч жителей. К примеру, в Токио под американскими бомбами уничтожено просто гигантское число жителей, его сравнивают даже с Хиросимой и Нагасаки. Ну, рванул над двумя несчастными городами атом в ряду прочих ужасных бомбардировок, и что, японское командование сразу по норам? Как

бы не так. Военный министр Тодзио заявлял: «Если белые дьяволы осмелятся высадиться на наши острова, то японский дух уйдёт в великую цитадель Маньчжурию. В Маньчжурии нетронутая доблестная Квантунская армия, несокрушимый военный плацдарм. В Маньчжурии мы будем сопротивляться хоть сто лет». А ещё добавим Народное ополчение Японии – 28 миллионов человек. Их же тоже необходимо учитывать. И национальную японскую мифологию, поднимающую на щит кодекс самурайской чести «бусидо» не стоит отбрасывать, – сколько в последнее время об этом написано. Одно из зверино-садистских правил воспитания настоящих самураев гласит: «Убей пленного, вырежь печень и съешь её; храбрость убитого перейдёт к тебе». И вырезали, как рассказывали позднее освобождённые из плена американцы, и ели.

А потом эта мифология при поражениях «поплыла» в кровавой буче. Вот, к примеру, какими увидел преступников-генералов и офицеров, уничтожавших китайцев на оккупированных территориях без счёта, Афанасий Белобородов, дважды Герой Советского Союза, сибиряк, командующий 1-й Краснознаменной армией 1-го Дальневосточного фронта, в приведённых в «Победе над Японией» воспоминаниях: «Пленные кланялись и подобострастно улыбались. Этот контраст между холодной, звериной жестокостью к побеждённым и униженным заискиванием перед победителями вообще был характерен для высших кругов японской военщины. Даже во времена своего владычества в Маньчжурии, попав в руки китайских партизан, японский офицер не стеснялся доходить до раболепия. Ну, а теперь они и вовсе потеряли лицо. Неприятная это картина». Это говорит победитель.

А ещё было огромное количество японских смертников, целые части заражённых самурайским духом вояк, чем противник показательно гордился. Кстати, именно смертники и творили массовые убийства своих женщин и детей, о чём пишет тот же Белобородов, делая вывод: «...в истории Второй мировой войны трудно подобрать аналогию Маньчжурской операции и по её пространственному размаху, и по стремительности развития событий, и по её конечным результатам».

И это только одна из операций советских войск. Между прочим, своих убитых солдат японцы не объявляли погибшими, а их жены не считались вдовами. В Памятке японского солдата говорилось с выскомерием: «Японская армия никогда не знала поражения. Ей предназначена победа, и только победа».

Американцев сильно напрягла кровавая баня при штурме Окинавы, где они оставили на полях боев значительные жертвы. Потому и настаивали на быстрейшее вступление в войну СССР. И Советский Союз точно в означенный срок – ровно через три месяца после Ялтинской конференции, на которой было дано обещание союзникам, начал боевые действия против Квантунской армии в Маньчжурии, а это более миллиона хорошо вооружённых солдат и офицеров. В эти же дни прошли десантные операции на Курилах, в Корее, других местах. Именно после начала нашего наступления японский премьер пал духом: «После вступления в войну СССР наше положение безнадежно».

Кстати, в уничтоженные ядерными бомбами города удалось пробиться нашему консулу. (Отдельный вопрос, почему консульство продолжало работать после объявления войны? Ответа нет.) Об этой поездке рассказано в альманахе, и какие же наивные были люди в то время: не зная о последствиях радиоактивного заражения, наш дипломат с сопровождающими консульскими работниками подбирали голыми руками оплавленные кусочки под ногами и складывали в карманы. Сколько же рентген облучения схватили эти люди, да и все прочие, кто просто помогал спасать оставшихся жителей?..

Это был наш блицкриг – молниеносная война, единственная удавшаяся во Второй мировой. Всего 24 дня продолжалась операция против Квантунской армии. Итог – полный разгром противника, освобождение оккупированных территорий Китая, где, по некоторым оценкам, японцы истребили 20 миллионов китайцев (а сейчас говорят о 30 и более миллионах убитых), Кореи до 38-й параллели (в этой стране даже фамилии корейские были запрещены оккупантами), а также оторванных от России по результатам войны 1904–1905 годов юга Сахалина и Курильских островов. Всего Советская армия освободила более 40 миллионов человек. Из допросов японских пленных генералов выяснилось: они не верили, что в Маньчжурии во многих местах пройдут даже маленькие отряды. «Прошла могучая Советская армия с артиллерией и танками, автотранспортом и тылами». Это цитата из альманаха.

В 1941–1945 годах японское руководство желало победы Германии над СССР. Японцы побаивались большой войны, особенно после разгромов на озере Хасан и Халхин-Голе. За эти же годы Квантунская армия более 900 раз нарушала нашу сухопутную границу, их авиация 433 раза вторгалась в наше воздушное пространство. Было пото-

плено 18 наших торговых судов. Provokatsii значительно уменьшились после побед Красной армии под Сталинградом и Курском. И всё-таки только в 1944 году советская граница нарушалась 144 раза. Поэтому-то порядка 40 наших дивизий, когда страна буквально истекала кровью на советско-германском фронте, стояли на дальневосточных рубежах.

А это было ой как не просто. Ведь не хватало пропитания, самого необходимого. Вот кусочек из воспоминаний одного из многих участников нашей обороны на Дальнем Востоке, взламывавших позднее оборонительные сооружения японцев: «Заметно ухудшилось питание. Хлеб выпекали с большим количеством разных примесей. Да и получали его по уменьшенной, тыловой норме. Все это не могло не сказываться на здоровье людей. У многих бойцов опухали ноги и руки, выпадали зубы. Многие болели «куриной слепотой»... В чай добавляли хвойный настой. Пить такой чай было неприятно, но ничего не поделаешь, все понимали: на западе, где полыхала война, куда труднее».

И, наконец, дождались. Начали боевые действия 9 августа, и уже через десяток дней косяками пошли пленные – капитулирующих было очень много. Основная часть операции длилась 10 дней! 15 августа 1945 года император Японии объявил о капитуляции, на следующий день часть японских войск начала сдаваться. И, хотя отдельные части обречённо сопротивлялись по 23 и даже до 25 августа, судьба противника была предreshena. Почти 600 тысяч взяли в плен, уничтожено 84 тысячи японских солдат и офицеров.

Как много интересного, малоизвестного да и совсем нового открывается пытливому читателю-исследователю на страницах альманаха. Вот, к примеру, подробно рассказывается о помощи представителей русской эмиграции при штурме Харбина. В городе проживало 150 тысяч русских эмигрантов. Молодые люди создали штаб обороны Харбина, без него и его активности наш десант из 120 человек рисковал просто раствориться в огромном городском массиве. Какая это была радость совместной победы, советское военное руководство разрешило в её честь участникам торжественного парада выйти с царскими боевыми орденами. А после войск в город вошёл СМЕРШ. И сразу начались репрессии: пошли аресты, вывоз людей в СССР, отправка в лагеря (цифры соответствующие тоже приводятся). Даже единственного харбинского священника, протоиерея Владимира Светова, задержали. Почему его арестовали, до сих пор неизвестно. Ну, конечно, у же

при первой оттепели – волна реабилитаций, многих посмертно, «за отсутствием в их действиях состава преступления», но людей-то не вернуть.

Любопытные факты приведены в альманахе по сотрудничеству с американцами. Да, США оказали значительную помощь по ленд-лизу: нам поставляли самолёты, боевые корабли, танки, автомобили, да ту же знаменитую американскую тушёнку. Наш завкафедрой в институте рассказывал, что на самолётах через Дальний Восток везли нитроглицерин для снаряжения зарядов знаменитых «катюш» – под Москвой нитроглицериновый завод был уничтожен. Я видел своими глазами, что остаётся, точнее, ничего не остаётся от заводских цехов после внезапных взрывов этого взрывчатого вещества уже в наше время. И американские лётчики знали, что их ждёт при ЧП, но летели. А ведь ещё и обучали наш персонал, в числе коего были моряки, пилоты, водители знаменитых студебекеров. В альманахе наш моряк вспоминает, что, увидев, как быстро советские экипажи осваивали полученные в США тральщики, союзники запустили легенду: «Все русские – переодетые инженеры». Американские спецы обучили 12 400 офицеров и матросов для обслуживания боевых судов заокеанского производства. США передали СССР 149 военных кораблей различного класса. (Моему отцу, с образованием два класса, пришлось переучиться на водителя студебекера во время войны. Посмотрев, как наши шофера споро осваивали этот автомобиль, главный из американцев, владевший русским языком, спросил: «У вас что, все водители – механики?») К нам везли каучук, олово, свинец, молибден, вольфрам и иные стратегические материалы. Конечно же, это вклад в общую Победу.

Чтобы исторический взгляд сделать панорамным, создатели альманаха обернулись к 1904–1905 годам, имеющим нерасторжимую связь с войной 1945 года. Да и послереволюционная гражданская смута в России вспоминается в «Победе над Японией». Сквозь кристалл Победы исследователи внимательно всматриваются в героические будни обороны в начале XX века. И, конечно, много раз упоминается Порт-Артур, где есть гора Высокая: 150 тысяч человек из японских войск штурмовали здесь нашу оборону, 112 тысяч рассчитались своими жизнями. Погибли и русские воины – 25 тысяч. Они похоронены здесь же, на кладбище.

В альманахе всегда к месту приводится статистика: колоссальное количество буквально играющих красками цифр – это огромный массив информации для читателей и для будущих историков.

А роскошество фотографий! И ярко явленная работа главного художника альманаха Ивана Лукьянова. Научный аппарат не выпячивается, но, когда у читателя возникает потребность, всё легкодоступно и удобно.

Двухтомник открывается публикациями высшего военного состава – отрывки из их известных книг, но выжимки из текстов об этой войне сделаны точно к теме, они информативны и просто интересны. Повторюсь, но считаю это необходимым: читатель много раз будет пересматривать богатейшую фотогалерею двухтомника, львиную долю снимков он увидит впервые. Ещё и подборка стихов участников войны, поэтические вставки также использованы рядом авторов при написании текстов.

Акцентировал внимание при чтении на упоминания родного региона – Кузбасса. Негусто, но есть. Вот как, например, описывается отступление белых ещё в Гражданскую: «Сброшенные с Транссиба 2-я и 3-я Белые армии шли почти 120 километров по единственной в дикой щегловской (кемеровской) тайге просеке... На этой просеке осталось около 10 тысяч повозок с больными, ранеными, женщинами и детьми. Зрелище, по словам очевидцев, было жуткое».

Наш земляк Александр Смышляев, родившийся уже после войны в посёлке Темиртау, сегодня проживающий в Петропавловске-Камчатском, опубликовал в первом томе альманаха материал «Курильская десантная операция», во втором томе – «Японские поселения и укрепления на Курилах».

Ещё один земляк, из Осинников, Григорий Максимович Стешенко, мальчишкой в 1943 году пошёл добровольцем во флот, участник десантных операций. Живёт в Кузбассе с 1957 года, после окончания Томского политехнического института, работал на шахте «Капитальная-1». На нашей, Кузнецкой земле у него появились дети, внуки, правнуки. Его воспоминания опубликованы во втором томе альманаха (с. 294).

В первом томе (с. 202) фото с подписью: «Тайга. Транссиб» (все кузбассовцы сразу сообразят – это наша станция Тайга). На ней железнодорожники Кузбасса на фоне паровоза. В прошлом царская Россия не смогла организовать переброску на Дальний Восток людских и материальных ресурсов. Итог – тяжелейшее поражение с утратой части территорий. В войне 1945 года наши транспортники оказались на высоте: огромное количество войск и техники пришло как раз вовремя. В этом главная роль принадлежала именно железнодорожникам. При этом ни одного крушения, ни одной аварии, кроме незначительных инцидентов.

Есть ссылки (том 1, с. 467–470) на Валентина Георгиевича Широколобова (в альманахе сказано: «... недавно скончавшийся в Кемерово») – участника пленения японского генерала Хата в Харбине. Автор воспоминаний действовал совместно с уже упоминавшимся штабом обороны Харбина, то есть с эмигрантами из России.

Теперь об отдельных недочётах большой работы создателей альманаха. Недоговорённость, если это можно так назвать, некоторых тем. В мире широко знают, что у нашей страны нет мирного договора с Японией. А ведь Советский Союз как победитель вместе с остальными участвовал в подписании Акта о капитуляции, переговорах с Японией. Об этом рассказано, но как же мы, защищая новый Китай и требуя участия его повстанческой стороны в переговорах, а не только гомиьндановцев, были не услышаны? Остальные переговорщики перебрались за океан, в Сан-Франциско и там подписали мирные договора. С чьей подачи ушла с переговоров наша делегация – об этом ни слова. А Россия и сегодня хлебает последствия, никак не выходя на финальную стадию мирного процесса по результатам этой войны.

Ну, и совсем блохи, когда есть неточности в вёрстке: вот, например, на с. 432 тома 1 помещено три фотографии, а подписи даны для четырёх. И, конечно, опечатки: они редкие, но есть такие обидные.

Огромная работа, явленная на суд читателя, вызывает неподдельное уважение. Можно восторгаться подобным изданием. И надо при этом отдать должное организаторам за колоссальную работу, проделанную и по сбору материалов, и по подготовке их к печати.

Самое же главное, из отдельных мозаичных кусочков создатели альманаха сложили цельную картину технологии Победы, невозможной без огромного напряжения сил и средств.

И совсем под занавес. Наши потери в войне с Японией составили 36,4 тысячи человек, из них безвозвратные – 12 тысяч. Из этих данных следует вывод: командование одной из задач ставило сохранение своих воинов. И ведь научились искусно и результативно воевать малой кровью. Более 300 тысяч человек по результатам военных действий были награждены орденами и медалями, 96 – получили высокое звание «Герой Советского Союза».

Кемерово

Дмитрий МУРЗИН МОЛОДОЙ ШАХТЁР

Однажды московский поэт, организатор фестиваля «Мцыри», Александр Чистяков, запамятовав имя, назвал Дмитрия Филиппенко «тот молодой шахтёр». Мимолётное, но очень точное определение достоинств поэта Дмитрия Филиппенко – он молод, и у него есть то, что называется судьбой, жизненным опытом. Ему есть о чём писать. И он не стесняется своих достоинств и активно пользуется ими. Он следует завету Сергея Есенина: «Пиши, что знаешь».

Дмитрий пишет о том, что знает, о том, что болит. О разбитом асфальте родного Ленинска-Кузнецкого, который часто называет дореволюционным именем Кольчугино. О деревне детства – Протопопово. О своей профессии – тяжёлой и опасной:

*Я, погребённый заживо, лежу,
Метан глотают аритмично лёгкие.
Я ощущаю каменную жуть:
Ведь я не знал – земля такая лёгкая!*

Дмитрий – заядлый болельщик, хорошо разбирающийся в футболе, и он не стесняется вносить в свою лирику и болельщицкое ликование, и горечь спортивных поражений:

*Голодали без побед и медалей.
Долго всматривался в нас город Сочи.
Поменяем мы коньки на сандалии,
Если наш хоккей ещё кровоточит.*

У автора – широкий диапазон тем. Стихи о дочери и для дочери, стихи о штрафе за переход не по зебре, стихи о временах года... Отражена и «тяга к перемене мест»: кроме родных осин в книге присутствует и Таиланд с его Бангкоком, Турция, Иркутск, Крым, Сочи, Новосибирск.

Значительное место в книге занимает любовная лирика, куда без неё:

*Позволяй мне с тобою мириться,
Снова ссориться не разрешай.
Я нашел, где у неба ресницы,
И узнал, где у солнца душа.*

У Дмитрия всё в порядке с чувством языка, он умеет играть словами, не чужд иронии, но и в иронии, и в аллитерации он не теряет чувство меры.

Хочется пожелать автору как можно дольше сохранить ощущение молодости и свежести в стихах. А мы будем завидовать.

**ОТКЛИК НА КНИГУ
ВАСИЛИЯ ФЕДАНОВА
«ПАСУТСЯ ГОЛУБИ В ТРАВЕ»:**

Стихи – проза. Кемерово, 2015. 120 с.: ил.

Книжка имеет подзаголовок «Стихи – проза». Всегда интересно читать прозу поэтов и стихи прозаиков. В этом есть что-то манящее. По моему личному убеждению, хороший поэт так же силён и в прозе – она у него не сухая, а эмоционально окрашенная, в ней много образности, присущей как раз поэзии. И наоборот, писатель, берущийся ещё и за стихи, уже перестаёт быть просто рассказчиком. В свои стихи он привносит наблюдательность, умение в простом факте видеть возвышенное, и у него получается опозитизированная проза.

А потому меня не удивило, а обрадовало и заинтересовало в книжке Василия Степановича именно это.

В сборник, перемежая друг друга, вошли стихи, документальная повесть «Вся жизнь позади?», киносценарий на тему экологии «Зона... Заповедная», историко-документальное исследование под названием «Елесинская сага».

Тронули душу тёплые, искренние сыновьи слова об отце и маме в малюсенькой главе «Папаша», воспоминания о друзьях: Юрии Гончарове, руководителе любительской киностудии из Киселёвска, и поэте Валерии Зубареве. Заставила улыбнуться история одной командировки коллектива сибиряков – путешественники на теплоходе вниз по Оби – «Мария Ульянова и Михаил Калашников». А другая история – «Дед Михаил Леонтьевич» – о смерти дедушки и о том, как внук сам делал надпись на деревянном кресте, заставила задуматься. Симпатичные истории написал автор о штангисте Рудольфе Плюкфельдере, наркоме Лазаре Кагановиче и о главе государства Никите Хрущёве.

Особняком стоит щемлящая «Елесинская сага» – рассказ о бывшем фронтовике, защитнике Сталинграда, трижды раненном и однажды похороненном, но всё-таки живым вернувшимся с войны, Андрее Сергеевиче Елесине – отце художника из города Мыски Василия Елесина (его картины представлены в книжке в качестве иллюстраций).

Киносценарий, который включён в книгу, повествует о типичной для нашего времени ситуации, когда из соображений целесообразности, прокладывая технологическую дорогу к действующему и будущим угольным разрезам (надо дать рабочие места местным жителям), уничтожается заповедная зона.

Кстати, у посёлка говорящее название – Закат. Да и у города – Брошенск. Правда, тут я немного запуталась. В перечне действующих лиц упоминается

мэр Брошенска, Хват Никанор Натанович. А в первом же предложении части первой говорится: «Небольшой шахтёрский город Тополинск».

Есть ещё одна нестыковка (может, невнимательно читала и не всё поняла?): говоря о представителе краевой администрации, помощнике губернатора Птичкине, В. Феданов называет его то Антоном Ивановичем, то Антипом Ивановичем.

Несколько слов о стихах этой книжки. Они вполне милые и симпатичные. Недурно обыграны фраза про голубей, пасущихся в траве, – получилась такая шаловливая игра слов. Всё вроде бы в стихах есть: и ритм соблюден, и рифма присутствует, и смысл понятен. Но в одном стихотворении (с. 104), где слова неловко поставлены друг за другом и вынуждают читателя делать неправильное ударение, я бы просто поменяла их местами.

У В. С. Феданова: **Душа болезненно гудит,
А в ухо власть наша гундит...**

А лучше так: *Душа болезненно гудит,
А в ухо наша власть гундит...*

И последнее. Замыкают книжку записи «Из записной книжки». Здесь и мудрые мысли известных людей – писателей и политических деятелей, и мудрость – китайская и японская, и поговорки древние, и пословицы русские, и фразы, которые, скорее всего, перу автора принадлежат.

И некая закольцованность в книжке (а это поэтический приём) тоже присутствует: в начале документальной повести «Вся жизнь позади?» Василий Степанович приводит слова от автора: «Согласен с Александром Ивановичем Герценом, что для того, чтобы писать свои воспоминания, необязательно быть великим человеком...», а заканчивается книга изречением, что «перед Богом ловчить бессмысленно». Эти начальные и заключительные строчки, на мой взгляд – две ключевые фразы сборника.

В этой книжке – ничего придуманного. Все истории – реальные, все люди – живые (даже те, кого уже нет). И спасибо за это писателю Феданову!

Небольшое чувство горечи я, читатель, всё-таки испытываю: не удалось избежать автору, а вместе с ним издателю досадных опечаток. Если бы я взялась сделать исправления, по обыкновению красной шариковой ручкой, то книжка сразу же стала бы (как у Николая Носова) «Пачкулей Пёстреньким». Но, видимо, эта беда в настоящее время всеобщая – не стало корректоров и литературных редакторов, которые стояли на страже грамотности и сохраняли русский язык – не самый лёгкий! – в чистоте.

**Нина ИНЯКИНА, читатель,
Кемерово**

«ВЕСНА В ПРИТОМЬЕ»

24 мая в Кузбасском коммунально-строительном техникуме состоялся поэтический праздник «Весна в Притомье», в этом году он прошёл в 22-й раз.

Это делает нам большую честь, так как нет другого в городе учебного заведения, где уже два десятка лет проводился бы этот поэтический праздник. Нынче он был приурочен к 55-летию Кемеровской писательской организации. Мы верны нашим традициям, и сегодня поэты вместе с нами отмечают этот день.

24 мая – День славянской письменности и культуры.

Выступление ведущих Ксении Ян и Алексея Александрова носило просветительский характер. Они рассказали и о создании алфавита, где каждая буква имела свое «толкование», и о том, как в старину учили детей в школах.

*Трудно грамота давалась
Нашим предкам в старину,
А девицам полагалось
Не учиться ничему.
Обучались лишь мальчишки.
Дьяк с указкою в руке
Нараспев читал им книжки
На славянском языке.*

С интересом слушали студенты о том, какими дорогими были книги на Руси, о первопечатнике Иване Фёдорове, который сконструировал типографский станок, собственноручно вырезал из дерева красивый славянский шрифт – полуустав.

Поэты читали свои произведения.

Чудодейственная сила слова звучала в стихах Бориса Бурмистрова.

С просьбой сберечь свою малую родину обращался поэт Анатолий Иленко: «Созиданием, а не разрушением славен человек на земле. Но если ты ничего не построил, то сбереги то, что досталось от отцов и дедов».

Затаив дыхание, слушали ребята песню «Плач матери», которая звучала как вызов и протест войне, в исполнении Анастасии Зверевой.

О нравственности, долге, чести говорил в своих стихах Александр Катков.

Темы любви, памяти, чести и достоинства прозвучали в стихах Дмитрия Мурзина, Ирины Фроловой, Владимира Шумилова.

Ничего не забывать, помнить и знать историю своей страны, чтить своих героев, быть преданным своей Родине – смысл жизни настоящего человека.

Л. Н. ВИНОГРАДОВА,
преподаватель литературы
Кузбасского коммунально-
строительного техникума

ГОРНЯЦКИМ СЛОВОМ УКРЕПИМ ОТЧИЗНУ!

«В наш день рождения подарки дарим мы!» – под таким девизом стартовала масштабная областная творческая акция, совместно организованная компанией «Стройсервис» и Союзом писателей Кузбасса при поддержке Кузбасского центра искусств.

Акция носит название «Горняцкое слово – крепь России!», она проходит в рамках мероприятий в честь 70-летия Дня шахтёра в России и 55-летия Союза писателей Кузбасса. До конца 2017 года известные писатели и поэты будут посещать предприятия «Стройсервиса», знакомиться с производством, общаться с трудящимися и школьниками в близлежащих городах и селах.

Первым предприятием, с которым ознакомилась делегация областного Союза писателей во главе с его руководителем поэтом Б. В. Бурмистровым, стал разрез «Берёзовский».

Гостям показали современную обогатительную фабрику «Матюшинская» и просторный административно-бытовой комбинат. Литераторы помолились в тиши храма святой великомученицы Варвары – небесной покровительницы горняков, преклонились иконе с частицей священных мощей. А посещение горного участка вызвало у них настоящий восторг. Автосамосвалы, кажущиеся гигантами вблизи, вдали растворялись в горизонтах огромного угольного забоя и выглядели крошечными.

«Признаться, мне давно не доводилось посещать угольные предприятия, буквально с советских времен, не приглашали, – делится впечатле-

ниями главный редактор литературного журнала «Огни Кузбасса» поэт С. Л. Донбай. – Сейчас совершенно другой угольный промысел: современная техника, горняки решают задачи просто космических масштабов. Увиденное на разрезе «Берёзовский», надеюсь, станет искрой для творчества, и об этой поездке мы обязательно расскажем на страницах нашего журнала».

После флагманского разреза «Стройсервиса» литераторы отправились в среднюю школу села Костенково. Здесь их уже с нетерпением ожидали более пятидесяти учеников и преподавателей из разных школ Новокузнецкого района. Поэты Александр Катков, Ирина Фролова, Борис Бурмистров, Сергей Донбай читали им свои стихи и представили журнал «Огни Кузбасса». Селяне слушали, затаив дыхание, а потом, не жалея ладошек, благодарно аплодировали. По завершении встречи ещё долго не хотели отпускать гостей, задавая вопросы и терпеливо дожидаясь автографов в подаренных книгах и журнале...

«Стройсервис» – прекрасный образец российского меценатства, – говорит председатель Союза писателей Кузбасса Б. В. Бурмистров. – Поддержка компании не только позволит издавать книги талантливых литераторов нашего региона, но и вести большую просветительскую работу. По сути, совместная акция «Горняцкое слово – крепь России!» возродила старую добрую традицию творческих агитбригад. И теперь у нас, спустя почти три десятилетия, вновь есть возможность лично нести свою литературу, живое слово в трудовые коллективы и жителям даже самых отдалённых сёл и посёлков. Это великое дело, ведь не хлебом единым жив человек, духовностью мы вместе укрепим Отчизну».

Константин ЗАХАРОВ,
Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

21 марта в Кемеровской областной библиотеке для детей и юношества прошёл поэтический праздник «От берегов не отделить души...», посвящённый 80-летию поэта и публициста Геннадия Юрова, члена Союза писателей России. Перед студентами горнотехнического и педагогического колледжей и старшеклассниками кемеровских школ выступил сын поэта Роман Юров, историки-краеведы Игорь Усков, Владимир Надь, Михаил Шеховцов. Песню на стихотворение Г. Юрова «Совесть» исполнил заслуженный работник культуры России Виктор Егоров.

2 апреля в Ленинске-Кузнецком, в ЦГБ им. Н. К. Крупской, прошла творческая встреча с поэтом, членом Союза писателей России из Новосибирска Марией Дубиковской.

7 апреля прошло традиционное представление журнала «Огни Кузбасса». О первом номере рассказывали авторы: Елена Елистратова, Евгений Чириков, Григорий Шалакин, Валерий Плющев. Отсутствующих авторов представили Александр Катков, Дмитрий Мурзин, Лилия Ерёмченко. Вёл вечер главный редактор журнала Сергей Донбай.

6–9 апреля в Челябинске прошло VIII Межрегиональное совещание молодых писателей, соучредителями которого выступили Челябинский государственный институт культуры и Областное общественно-правовое движение «За возрождение Урала». В совещании приняли участие более 80 начинающих и известных писателей из Челябинска, Москвы, Петербурга, Омска, Новосибирска, Ленинска-Кузнецкого и других городов. В рамках совещания прошло представление книг молодых писателей, в том числе и Дмитрия Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий). Проведены творческие встречи в Коркино и Копейске.

14 апреля в Центральной детской библиотеке г. Белово для учащихся начальных классов состоялся литературный вернисаж, посвящённый гурьевскому поэту Дмитрию Клёстову, члену Союза писателей России. Мероприятие прошло в рамках Всероссийской экологической акции «День экологических знаний».

16 апреля в Ленинске-Кузнецком, в Каминном зале Центральной библиотеки им. Н. К. Крупской, состоялась творческая встреча с поэтом, драматургом, членом Союза писателей России Борисом Гринбергом из Новосибирска.

18 апреля семиклассники Гурьевской школы № 15 встретились с членом Союза писателей России поэтом Дмитрием Клёстовым. Встреча прошла в кабинете сибирских писателей, созданном по инициативе заслуженного учителя РФ В. Я. Гречишкиной.

19 апреля в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова прошёл концерт-презентация книги В. Егорова «Дорогая Родина моя. Песни на стихи

Василия Фёдорова» (Новокузнецк, 2017). Кузбасский бард является автором 43 песен на стихи В. Д. Фёдорова. На вечере выступил поэт Б. Бурмистров.

20 апреля в Кузбасском центре искусств (Дом художника) прошёл юбилейный вечер поэта Владимира Каганова. Юбиляр читал стихи, интересно рассказал о своём жизненном и творческом пути, принимал поздравления от коллег писателей: А. Ибрагимов, С. Донбая, Б. Бурмистрова и других. За многолетнюю писательскую деятельность и в связи с 75-летием поэт удостоен медали «За веру и добро». Медаль вручила начальник департамента культуры и национальной политики Л. Т. Зауэрвайн.

24–25 апреля в Институте филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций КемГУ прошёл молодёжный конкурс чтецов и переводчиков «Любовь Никонова. Стихи о родине, времени, о любви». Стихотворения Любови Никоновой прозвучали на чешском, английском, таджикском языках. Перед студентами выступил член Союза писателей России поэт Иосиф Куралов.

27 апреля в Новосибирске в рамках празднования 95-летия литературного журнала «Сибирские огни» состоялся творческий вечер известного кемеровского поэта, главного редактора областного литературного журнала «Огни Кузбасса» Сергея Донбая. На вечере поэт представил свежий номер возглавляемого им журнала, отвечал на вопросы слушателей, читал стихи.

169

28 апреля в Доме актёра прошёл юбилейный вечер поэта Александра Ибрагимов, члена Союза писателей России. Юбиляр прочёл много стихов-посвящений поэтам: А. Вознесенскому, И. Бродскому, С. Донбаю, Н. Колмогорову, В. Крекову, Р. Сидорову, Т. Николаевой и др. О творчестве А. Г. Ибрагимов говорили члены Союза писателей России В. Арнаутов, А. Правда, Л. Чидилян, а также молодые писатели-студийцы творческой мастерской «А3»: А. Шихер, Т. Кравченко, Е. Солодянкина, К. Стафиевский и др. Поздравили поэта преподаватели литературы КемГУ.

30 апреля 2017 года в Ленинске-Кузнецком, в Каминном зале ЦГБ им. Н. К. Крупской, состоялось представление альманаха «Образ», № 2 за 2017 год.

19 мая в Прокопьевской городской библиотеке по случаю 10-летнего юбилея газеты-альманаха «Усятская россыпь» состоялся торжественный вечер и представление 14-го номера.

С 17 по 21 мая в Ленинске-Кузнецком прошёл Всероссийский фестиваль поэзии имени Алексея Бельмасова.

За время фестиваля прошли творческие встречи в школах № 15, 18, 19, 37 и лицее № 4; в городской библиотеке им. Н. К. Крупской, в музыкальной школе г. Польшаево и др. Также прошла творческая встреча московских поэтов М. Кудимовой и В. Киришина в Кузбасском центре искусств (г. Кемерово).

Состоялись поэтические семинары – руководители М. Кудимова, В. Кирюшин (Москва), С. Донбай, Д. Мурзин.

Состоялся поэтический конкурс, в котором приняло участие 25 поэтов из Кузбасса, Елабуги, Красноярска, Улан-Удэ, Новосибирска. В жюри входили члены Союза писателей России: С. Донбай, В. Коврижных, М. Кудимова, В. Кирюшин, А. Раевский, А. Правда, Ю. Сливина, И. Тюнина, А. Пятак, Д. Хоботнев, Д. Мурзин.

Диплом лауреата первой степени – Елена Жамбалова (Улан-Удэ), второй степени – Людмила Иванова (Прокопьевский район), третьей степени – Алексей Бурко (Кемерово).

Вручены сертификаты на участие во Всероссийском фестивале молодых поэтов «Мцыри» (Москва) Марии Берестовой (Мыски), Всероссийском фестивале поэзии им. Михаила Анищенко – Елене Жамбаловой (Улан-Удэ) и Юлии Сычевой (Кемерово), в межрегиональном совещании в Челябинске – Ольге Солодовниковой.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Дубро Екатерина. Узкий путь: повесть. Юрга, 2016. 58 с.

Священник Сергей (Адодин). Быть попом. Нежалобная книга. М.: Новая мысль, 2017. 320 с.

Козлова Зоя. ...И побежала радость по дорожке!: стихи. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. 160 с.

Якушева Надежда. На серебряных крыльях волны. Кемерово, 2017. 90 с.

Пятак Андрей. Луночерпий: стихи // Приложение к журналу «Огни Кузбасса». 2017. № 46. 94 с.

Неунывахин Владимир. Кумачовый молох. Кемерово, 2017. 576 с.

Неунывахин Геннадий. Душа в заветной лире. Кемерово, 2016. 678 с.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

В апрельском номере газеты «День литературы» (Москва) вышла подборка стихов **Сергея Донбая** «Прообраз творения мира».

Альманах «Тарские ворота» (Омск), № 6 (2016–2017 гг.), дал подборку **Светланы Улановой** «Бесконечно дорого».

Журнал «Фантастическая среда» (Барнаул) напечатал стихи **Дмитрия Филиппенко**.

Журнал «Начало века» (Томск) в № 1 за 2017 год дал подборку стихов **Бориса Бурмистрова** «По горам, по рочкам».

Вышел альманах «Кузнецкая крепость» за 2017 год.

Журнал «День и ночь» напечатал стихи **Нины Суровой**, **Олеси Шмакович** и предисловие **Дмитрия Мурзина** к книге **Дмитрия Филиппенко** «На побережье пульса».

Ошибка. В журнале «Огни Кузбасса», № 1 за 2017 год, на с. 161, вместо фотографии поэта Игоря Северянина ошибочно помещена не его фотография. Приносим свои извинения читателям журнала.

ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШИХ ЮБИЛАРОВ

**Сергею Михайловичу
ПАВЛОВУ – 65 лет!**

**Валерию Петровичу
КОЗЛОВУ – 70 лет!**

УВАЖАЕМЫЙ АЛЕКСАНДР ГУМЕРОВИЧ!

Преподаватели Кемеровского государственного университета поздравляют Вас со славным юбилеем! Ваши школьные стихи в 1964 году оценил Евгений Буравлёв. В 1965 году четыре стихотворения 17-летнего поэта опубликовала газета «Кузбасс» и «Огни Кузбасса» (тогда ещё альманах). В первых публикациях кузбасские читатели увидели поэта со своим особым восприятием мира:

*Снег сквозь звёзды
на губы падает
Парашютиками по лицу!
Я в мелодиях снегопадов
Потерялся словно в лесу.
.....
Пахнет смехом
и лисьим мехом,
Снежной радугой и успехом,
Снег торжественный и простой...*

В 1970-х Вы окончили филологический факультет КемГУ и выпустили первую книгу стихов «Буквы одуванчика» с предисловием Фазиля Искандера, который отметил «смелость и свежесть образов» в лирике молодого кемеровского поэта. Двадцать лет, с 1993 года, Вы успешно руководили творческой мастерской «АЗ», объединив пишущую студенческую молодёжь КемГУ, много лет издаёте молодёжный журнал «После 12», в котором состоялся не один дебют поэтов нового поколения. Ваша ученица Анна Герасименко успешно защитила дипломную работу по Вашей книге стихов «Крест русского четверостишья». Центральными темами и мотивами в Вашем творчестве стали мотивы веры, любви, восхищения и любования природой, творчества, памяти о поэтах. Ваша поэзия затрагивает универсальные категории и мотивы существования человека в реальности, продолжает традиции русской философской поэзии.

Желаем Вам здоровья, творческой энергии на долгие годы!

**Директор ИФИЯМ КемГУ, профессор,
д-р филол. наук Л. Г. КИМ,
преподаватели ИФИЯМ КемГУ:
д-р филол. наук, профессор Л. А. ХОДАНЕН,
д-р филол. наук, профессор Н. В. НАЛЕГАЧ,
канд. филол. наук, доцент И. В. АЩЕУЛОВА,
канд. филол. наук, доцент Г. И. КАРПОВА**

ЯРКИЕ СЛОВА НА ТЁМНОМ МРАМОРЕ

16 мая на здании берёзовской школы № 1 была открыта мемориальная доска поэту Л. М. Гержидовичу. Леонид Михайлович работал здесь учителем физической культуры. Инициаторами открытия стали его ученики.

В инициативную группу вошли Софья Кандабаева, Николай Шмаков, Сергей и Раиса Чеховские. Идею поддержали администрация Берёзовского городского округа, Кемеровское отделение Союза писателей России, местные литераторы, педагогический коллектив школы.

Проект обсуждался долго и тщательно, за основу были взяты портрет и текст, предложенный супругой поэта Ниной Антоновной Гержидович.

И вот идея стала реальностью. Мемориальную доску открыли директор школы № 1 Софья Кандабаева и один из учеников Леонида Гержидовича Александр Панфилов. Именно он взял на себя главные организационные заботы по воплощению замысла.

Светлый образ поэта, яркие слова на тёмном мраморе... Выступая перед собравшимися, Софья Кандабаева вспомнила слова из последних стихов учителя-поэта: «Другая жизнь, теперь уже навек»... Леонид Михайлович посвятил педагогике свои молодые годы. Работал вдохновенно, с любовью уча детей не только гимнастике, но и умению жить в ладу с природой, ходить в походы, петь песни у костра, ценить дружбу.

Глава Берёзовского городского округа Дмитрий Титов назвал Леонида Гержидовича достойнейшим гражданином Берёзовского, Кузбасса и России. «К поэту шли за советом, за тем ощущением жизни, которое помогает различить, где правда и где ложь, где чистота и где грязь. Он умел сказать о тайге, как о душе человеческой, так, как никто другой», – заметил председатель Совета народных депутатов округа Александр Коптелов.

Поэты и прозаики Кемеровского отделения Союза писателей России Дмитрий Мурзин, Виктор Арнаутов, Сергей Павлов, Юрий Михайлов, Андрей Правда высказали слова благодарности всем, кто сохраняет память о Леониде Гержидовиче, знакомит с его творчеством детей и молодёжь.

«Где бы не оказывался Леонид, всюду становился центром притяжения душ, светлых чувств и надежд, – сказал о поэте Дмитрий Мурзин. – Земляки всегда будут ему благодарны за чуткое, доброе и звонкое слово».

Юрий МИХАЙЛОВ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).
«Природа Алтая» (Барнаул)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис», ОАО «Кемсоцинбанк».

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **С. Л. Донбай**
№ 3. Дата выхода в свет: 02.07.2017
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 116. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.
Издатель: ГУК КО «Кузбасский центр искусств», 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.
Отпечатано в типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650043, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное учреждение культуры Кемеровской области «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),
Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректура и компьютерная верстка выполнены ООО «АИ Кузбассвуиздат»
Корректоры: **Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова**
Компьютерная верстка: **П. Б. Исаков**